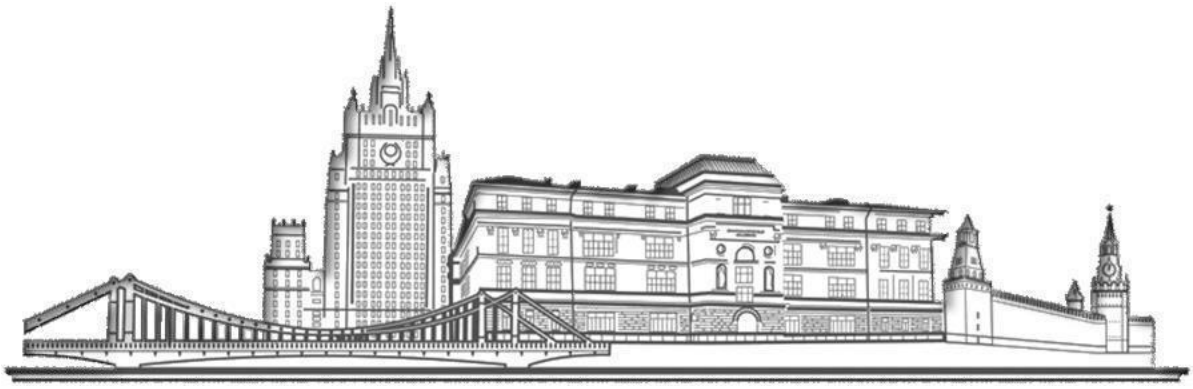
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ
МИД РОССИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

(материалы международной научно-практической конференции)



Москва
2017

УДК: 327.7
ББК: 66.4(2Рос)

Рецензенты:
Олег Петрович Иванов, д.п.н., профессор
Марина Алексеевна Кукарцева, д.ф.н., профессор

Ответственные редакторы:
Мария Викторовна Грановская, к.ф.н.
Ольга Александровна Тимакова

Трансформация международных отношений в XXI веке / Отв. ред. М.В. Грановская, О.А. Тимакова – М. Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 436 с.

Сборник включает в себя материалы Международной научно-теоретической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», которая прошла 26 апреля 2016 г. в Дипломатической академии МИД России.

Сборник может быть интересен для широкого круга читателей, интересующихся актуальными вопросами международных отношений и мировой экономики.

УДК: 327.7
ББК: 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9907695-6-4

© Дипломатическая академия МИД России, 2017

МОХАНТИ Арун,
Профессор Центра российских и центральноазиатских исследований, факультет международных исследований, Университет Джавахарлала Неру; директор, Евразийский фонд, Индия
КАПУР Ниведита,
Аспирант Университета Джавахарлала Неру, Индия

РОСТ НЕТРАДИЦИОННЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ: СЛУЧАЙ РОССИИ (ВЗГЛЯД ИНДИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

MOHANTY Arun,
Professor, Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU); Director, Eurasian Foundation, India
KAPOOR Nivedita,
Doctoral student, JNU, India

THE RISE OF NON-TRADITIONAL SECURITY THREATS: A CASE STUDY OF RUSSIA (THE VIEW OF THE INDIAN RESEARCHERS)

Annotation: The end of the Cold War has given rise to a fresh set of security challenges that today pose a threat to the stability of any state. The focus is now as much on threats arising due to inter-state rivalries based on balance of power as on intra-national and transnational security threats that cannot be classified into the traditional security studies framework. Covering a wide range of situations, these non-traditional security threats have real consequences towards human, national and environmental security. This article seeks to understand some of the most critical non-traditional security threats faced by Russia.

Keywords: Non-Traditional Security, Russia, Terrorism, Drugs, Migration, Climate Change, Arms.

Аннотация: Конец холодной войны ознаменовался новыми вызовами в области безопасности, с которыми сталкивается сегодня любое государство. В наши дни необходимо сосредоточиться не столько на угрозах национальной безопасности, возникающей из-за конкуренции между странами, основанной на геополитическом равновесии, сколько на внутринациональных и межнациональных угрозах безопасности, которые не могут быть классифицированы с помощью традиционных исследовательских подходов. Охватывая широкий спектр ситуаций, эти

нетрадиционные угрозы безопасности оказывают влияние на жизнь отдельных лиц, государств, на окружающую среду. В статье анализируются наиболее острые нетрадиционные угрозы, с которыми столкнулась сегодня Россия.

Ключевые слова: Нетрадиционная безопасность, Россия, терроризм, наркотрафик, миграция, изменения климата, вооружение.

Introduction

A nation today faces security challenges posed not only by an age-old threat of armies of other nations, but by a series of other non-state and transnational actors, besides having to factor in a host of environmental, demographical and technological changes[1] that have the potential to destabilize the internal cohesion of any nation state. As the author points out, the existence of international crime syndicates, drug cartels, arms traders etc. leads to "flouting of sovereignty" and affects the security of several states at once.

Over the years, based on global trends, several non-traditional security threats – that are generally transnational in nature – have been identified. Some of these include climate change, resource scarcity, infectious diseases, natural disasters, illegal migration, food shortages, drug trafficking, human trafficking, transnational crime, cyber crime and warfare, terrorism and religious extremism, refugees, arms trafficking, demographic crises. Most of these issues are not caused by two nations threatening each other or by the shiftingbalance of power among states, but rather depend on non-state actors that cause instability in different ways, which ultimately affect the national security in more ways than one. While some directly affect security of states, others are identified as threat multipliers by experts.

While non-traditional threats have existed for a long time, they came into prominence in the years following the end of the Cold War, with the end of superpower rivalry giving way to numerous new security challenges. With globalization marking its progress at a remarkable rate, environmental, health and financial threats were transmitted more easily beyond borders not to mention terrorism, drugs and human trafficking[2]. But no matter what their nature, it is clear that these threats pose a challenge to nation-states and have hence become an integral part of the security dimension of politics\ a countrie's policy.

[1] *Srikanth D.* Non-traditional Security Threats in the 21st Century // International Journal of Development and Conflict. 2014. No 4. P. 60-68.

[2] *Xiangqi H.* Cooperating for Common Security: China's Approach to Non-Traditional Security Issues // NTS-Asia [Site]. URL: www.rsis-ntsasia.org/resources/publications/research-papers/transnational-crime/He%20Xiangqi.pdf (accessed: 11.07.2016).

The focus on these threats also received an impetus alongside a rising concern for human security, which Wang[3] defines as "not only referring to human beings in general, but also includes individuals. It highlights the idea that everything should be subject to the human's benefits and needs". The United Nations Development Program, which pushed for the new concept of human security in the 1990s, drew a direct link between "humanitarian, economic, and social issues". It was now the understanding that "security of humans directly affects the security of states and vice versa"[4].

As the United Nations[5] pointed out, human security is needed in order to address the "complexity and the interrelatedness of both old and new security threats… such threats tend to acquire transnational dimensions and move beyond traditional notions of security that focus on external military aggressions alone". Without addressing non-traditional threats, states would be unable to provide their citizens with basic human security, which includes "protection of basic freedoms" and "creating political, social, environmental, economic, military and cultural systems" that secure and empower people.

Some of the threats to human security identified by UN include poverty, unemployment, hunger, famine, disease, malnutrition, poor health, pollution, environmental degradation, crime, terrorism, child labor, political repression, human rights abuses among others. Several of these form the core of non-traditional threats the world faces today.

A look at the nature of these issues brings into focus the idea that a threat need not necessarily include violence. Also, it brings forth new kind of threats while addressing both "agency-based and structural causes of insecurity"[6]. The authors explain that the idea is to identify security as more than just "physical security in the traditional sense" and work towards a guarantee "against sudden disruptions".

While terrorism, smuggling, drugs were already on the radar of governments, the issues like climate change, environment, population are slowly making their way into mainstream of security studies. There is also a growing sense of inter-connectedness of various non-traditional security threats, requiring an integrated, multi-pronged approach. For instance, links between terrorists and drug

---

[3] *Wang Y.* Defining Non-Traditional Security and Its Implications for China // China & World Economy. 2004. No 12(5). P. 59-66.

[4] Definition of Human Security // Human Security Initiative [Site]. 28.02.2011. URL: http://www.humansecurityinitiative.org/%20definition-human-security (accessed: 23.03.2016).

[5] Human Security in Theory and Practice: An Overview of the Human Security Concept and the United Nations Trust Fund for Human Security / United Nations Trust Fund for Human Security. URL: http://www.un.org/humansecurity/sites/www.un.org.humansecurity/files/human_security_in_theory_and_practice_english.pdf (accessed: 27.07.2016).

[6] *Tadjbakhsh S., Chenoy A.M.* Human Security: Concepts and Implications. London: Routledge, 2007; Russian National Security Strategy, December 2015 // IEEE ─ Instituto Español de Estudios Estratégicos [Official Site]. URL: www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Russian-National-Security-Strategy-31Dec2015.pdf (accessed: 24.03.2016).

cartels, between population decline and illegal immigration, between cybercrime and money laundering cannot be dealt with through traditional military responses – whether domestic or transnational in nature.

As Wang[7] points out, different countries pay attention to different non-traditional security threats based on their respective threat perceptions and the prevailing situation. The Russian state too has been deeply concerned about these threats. The seriousness attached to these issues can be gauged from the fact that the Russian National Security Strategy[8] lists terrorism as one of the "main threats to state and public security" while also acknowledging the emerging "new forms of unlawful activity" that intensify threats related to "illegal migration, human trafficking, drug trafficking, and other manifestations of transnational organized crime".

Not only that, the Russian Foreign Policy Concept[9] points out that "new trans-border threats and challenges increasingly dominate the international agenda rising in proportions and becoming more diversified in form and geography". Listing such threats and challenges, the foreign policy concepts points to "the risk of proliferation of weapons of mass destruction and their means of delivery, international terrorism, uncontrolled traffic in arms and combatants, radicalization of public sentiment giving rise to religious extremism and ethnic and inter-confessional tensions, illegal migration, maritime piracy, drug trafficking, corruption, regional and internal conflicts, scarcity of essential resources, demographic problems, global poverty, environmental, sanitary and epidemiological challenges, climate change and threats to information and food security".

For the purpose of this article, out of the varied non-traditional security threats, terrorism, organized crime networks, drug trafficking, human trafficking, arms trafficking, declining population, illegal migration and climate change will be discussed.

Terrorism

The threat of terrorism in Russia, which initially arose from Chechnya in the 1990's, has slowly enmeshed itself with transnational networks, getting support and exchanging fighters with global terror networks like Al-Qaeda, Taliban and ISIS. While most terror attacks in Russia have been concentrated in the Caucasus, there have been regular casualties in various cities in the past years – making it a top security concern for the authorities. Russia's support of US in Afghanistan was also premised on the fact that the government believed Taliban and Al-

[7] *Wang Y.* Op. cit.

[8] Russian National Security Strategy, December 2015 // IEEE ─ Instituto Español de Estudios Estratégicos [Official Site]. URL:www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Russian-National-Security-Strategy-31Dec2015.pdf (accessed: 24.03.2016).

[9] Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Official Site]. 12.02.2013. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/76389fec168189ed44257b2e0039b16d (accessed: 23.03.2016).

Qaeda posed a direct threat to national security, with Chechnya playing a key role in the thinking[10]. The results of steps taken were visible, with Russia seeing the lowest level of terrorist activity since 2007 just two years ago, with casualty rates falling by half [11]. Also, the global terrorism index found that terrorism in the country was being driven primarily by the unrest in Caucasus. The Russian government has repeatedly expressed concern about links between terrorism in Chechnya and al-Qaeda, leading it to extend support to the US in the immediate aftermath of the 9/11 attacks[12].

But the rise of Islamic State (IS) in Iraq and Syria has complicated the problem, raising concerns due to its recruitment of foreign fighters from across the world who gain the capacity to return to their native lands and carry out terror attacks. Apart from countries that are not members of Organization for Islamic Cooperation, "Russia and France have the most number of foreign fighters" allied with IS in Iraq and Syria[13]. By September 2015, an estimated 2 400 Russians had joined the IS, marking a number higher than any of its western European counterparts. Most of the fighters hailed from Chechnya and Dagestan[14].

The blowing up of a Russian passenger jet over Egypt by IS is another indication of vulnerability of the country to terror attacks on its citizens beyond its borders. President Putin has cited this as one of the main reasons for his intervention in Syria – to prevent attacks at home. There have also been several suicide bombings reported from Caucasus, increasing fears of instability in the region as fighters return home radicalized even further by their time spent fighting with the IS.

There is also a growing realization of the inter-connectedness of various non-traditional security threats. For instance, as President Vladimir Putin[15] pointed out, besides aiding organized crime, illegal migration and smuggling, rampant drug trade also facilitates terrorism – both domestic and international. He has also called for closer cooperation infighting terrorism, as it "threatens us all"[16]. Till now, Russia has been successful in containing the radicalization of citizens to Is-

---

[10] *Bohn S.* Russia's Afghanistan Policy: An Irresolute Strategy for an Uncertain Future // Comparative Strategy. 2014. No 33(3). P. 205-221.

[11] Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (accessed: 30.03.2016).

[12] *Cohen A.* Russia, Islam, and the War on Terrorism: An Uneasy Future // Demokratizatsiya. 2002. No 10(4). P. 556-567.

[13] Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (accessed: 30.03.2016).

[14] *Gusovsky D.* Russian Fighters are Joining ISIS in record numbers // CNBC [Site]. 09.12.2015. URL: www.cnbc.com/2015/12/09/russian-fighters-are-joining-isis-in-record-numbers.html (accessed: 26.03.2016).

[15] International Drug Enforcement Conference: Vladimir Putin addressed delegates of the International Drug Enforcement Conference (IDEC). June 5, 2013 // President of Russia [Official Site]. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/18261 (accessed: 31.03.2016).

[16] Putin. The Interview: "For Me, It Is Not Borders That Matter" // Bild. 11.01.2016. URL: www.bild.de/politik/ausland/wladimir-putin/russian-president-vladimir-putin-the-interview-44092656.bild.html (accessed: 06.04.2016).

lamic terrorism, with its 26 million Muslim population beyond the North Caucasus not posing a major concern to the authorities[17]. However, this does not shield Russia from terror attacks on its soil, making it one of the top priorities of security agencies.

Organized crime

Organized crime had its beginnings in Soviet Union through illegal connections that misused "state property and funds". Experts trace its birth to the 1960's, pointing to it as a time when "traditional criminal world" came together with "economic or white collar" crime. It had close connections with politically influential party members, which saw organized crime penetrate the business world during privatization in the early 90's. The problem grew out of hand in the years immediately following the collapse of the Soviet Union, with money laundering being aided by weak border controls, corruption and badly regulated financial institutions[18].

Organized crime in Russia in the post-Soviet world has penetrated both the "business and state-run enterprises" at an alarming level. Over the years, it has strengthened its transnational presence with connections across Europe, US, Israel, Columbia and China among others. Some estimates put the figure of Russian organized crime groups with international connections at about two-thirds of the total[19]. Galeotti[20] agrees with the assessment, pointing to the weakness of banks in curbing money laundering, high-level corruption and close linkages of politicians and crime networks as factors that have made Russia a "safe haven" for organized crime activities.

Frisby[21] identifies the major sectors which have seen a deep penetration of the organized crime networks. Some of these included "finance and business, industry and trade, especially in natural and strategic resources, production and trade in alcohol, state and public administration, legal institutions" among others. The author points to estimates by analysts in 1996-1997, which concluded that about 400 banks and exchanges were in the hands of "mafia-like structures" with over 80 per cent of "joint ventures believed to have criminal connections". The weakness of the government and law enforcement structures at the time contributed to the problem, failing to control the rapid proliferation of organized criminal activity within the economy. Russian government estimated that about "7-10

[17] *Nalbandov R.* Terrorism 2.0 in Eurasia // Central European Journal of International & Security Studies. 2012. No 6 (2). P. 82-110.
[18] *Finckenauer J. Voronin Y.* The Threat of Russian Organized Crime // National Institute of Justice. 2001. No 2. P. 1-33.
[19] *Ovchinsky V.* Mafia as a Form of Life // Russian Organized Crime: Recent Trends in the Baltic Sea Region / Eds.: W. Kegö, A. Molcean. Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2012.
[20] *Galeotti M.* Transnational Aspects of Russian Organized Crime. London: Chatham House, 2012. P. 1−5.
[21] *Frisby T.* The Rise of Organised Crime in Russia: Its Roots and Social Significance // Europe − Asia Studies. 1998. No 50 (1). P. 27-49.

per cent of national income" is controlled by criminal networks[22]. The same author also noted that these networks had "penetrated high government through the cooptation of existing officials with bribery, blackmail and threats".

Russian Procurator General Vladimir Ustinov in his report on crime in CIS countries noted that close to 80 per cent of criminal organizations in the region "gained protection through connections with law enforcement agencies"[23]. An even more worrying situation is the relation between business and organized crime, characterized by the provision of "krysha" or "protection" (roof) by the latter to the former. Galeotti[24] estimates that about 70-80 per cent of firms pay about 10-20 per cent of their profit for the purpose, which includes services like protection from other criminal groups, debt recovery and "an inside track on whom to bribe within the local authorities", deeply affecting the law and order situation within the country. Their violent activities along with possession of modern arms pose another challenge to local law enforcement officials. Also, criminal networks facilitate capital flight from Russia, depriving the country of valuable investment resource for its economic development. It has been estimated that in 1992-97, $ 60 billion were "illegally exported" from the country[25]. In 1999, the Russian government reported that crime and corruption had gone up by 35 per cent[26].

While new laws and international protocols have been ratified to deal with the situation, it is still far from satisfactory. High level of corruption in Russia that continues to persist further contributes to organized crime, both of which feed each other[27]. Such organized criminal groups are also actively engaged in drug trafficking and human trafficking, both of which are analyzed below as critical non-traditional security threats for Russia.

Drug trafficking

The problem of drug trafficking is also entwined closely with organized crime networks that span from Afghanistan to Russia to the rest of the world. Galeotti[28] argues that the Afghan heroin reaching Europe through Central Asia and Russia (about a third of the total) is slowly creating new opportunities for Russian crime networks, making them more powerful. Also, not all of heroin is transported to Europe but a significant amount makes its way into Russia, posing

---

[22] *Boskholov S.* Organized Crime and Corruption in Russia // Demokratizatsiya. 1995. No 3. P. 270-274.
[23] *Curtis G.* Involvement of Russian Organized Crime Syndicates, Criminal Elements in the Russian Military, and Regional Terrorist Groups in Narcotics Trafficking in Central Asia, the Caucasus, and Chechnya. Washington DC: Federal Research Division Library of Congress, 2002. P. 1-36.
[24] *Galeotti M.* The Russian "Mafiya": Consolidation and Globalisation // Global Crime. 2004. No 6 (1). P. 54−69.
[25] *Galeotti M.* Transnational Aspects of Russian Organized Crime. P. 1-5.
[26] *Borchgrave A., Cilluffo F.J.* Russian Organized Crime and Corruption: Putin's Challenge. Washington DC: CSIS Press, 2000.
[27] *Holmes L.* Corruption and Organised Crime in Putin's Russia // Europe − Asia Studies. 2008. No 60 (6). P. 1011-1031.
[28] *Finckenauer J. Voronin Y.* Op. cit.

a threat to internal security and public health. According to figures provided by the Russian government, about 8.5 million people or six percent of the population is addicted[29]. As Galeotti[30] points out, the main concern here is "the growing proportion of users becoming addicts and the use of harder and more dangerous narcotics".

Federal Drug Control Service Director Viktor Ivanov also admitted to the Afghan drug route that has flooded Russia with not just drugs originating from the South Asian nation but also "Asian and European synthetic drugs and a huge variety of new designer drugs", adding that the border law enforcement does not have the capacity to contain this flow via Central Asia[31]. Even president Putin himself admitted that the authorities are able to intercept only 40 per cent of heroin entering the country[32].

The seriousness of the situation has led Russia to call upon United Nations, the CIS, the CSTO, the SCO and other multilateral institutions including joint Russia – NATO projects to come together to address the drug trafficking from Afghanistan, particularly in the light of draw down of International Security Assistance Force[33]. The drug traffickers have also been known to deal with groups "linked to international terrorism" exchanging drugs for weapons, and are linked to organized crime groups, adding another worrying dimension to the threat[34]. This is also the reason why Russia has been eager to cooperate in anti-drug trade activities, alongside counter-terrorism at the NATO – Russia summit in Lisbon in 2010[35]. It has already listed the two together in its foreign policy concept, explaining that "comprehensive measures to reduce terrorist threat from Afghanistan and eliminate or reduce illicit drug production and traffic in a significant and measurable manner will be an integral part" of the process of stabilizing Afghanistan.

---

[29] Over 8 Mln Russians Are Drug Addicts − Govt. Report // Sputnik News [Site]. 17.09.2013. URL: http://sputniknews.com/russia/20130917/183511725/Over-8-Mln-Russians-Are-Drug-Addicts--Govt-Report.html (accessed: 02.04.2016).

[30] *Galeotti M.* Narcotics and Nationalism: Russian Drug Policies and Futures / Center for 21st Century Security and Intelligence, Latin America Initiative. 2016. URL: http://www.brookings.edu/~/media/Research/Files/Papers/2015/04/global-drug-policy/Galeotti--Russia-final.pdf?la=en (accessed: 23.03.2016).

[31] Afghan Drugs Inundate Russia − Federal Drug Control Service // Russia Beyond the Headlines [Site]. 13.09.2013. URL: http://rbth.com/news/2013/09/13/afghan_drugs_inundate_russia_-_federal_drug_control_service_29790.html (accessed: 05.04.2016).

[32] International Drug Enforcement Conference: Vladimir Putin addressed delegates of the International Drug Enforcement Conference (IDEC). June 5, 2013 // President of Russia [Official Site]. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/18261 (accessed: 31.03.2016).

[33] Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Official Site]. 12.02.2013. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/76389fec168189ed44257b2e0039b16d (accessed: 23.03.2016).

[34] Illicit Drug Trends in the Russian Federation / United Nations Office on Drugs and Crime. April 2008. URL: www.unodc.org/documents/regional/central-asia/Illicit%20Drug%20Trends%20Report_Russia.pdf (accessed: 04.04.2016).

[35] *Bohn S.* Op. cit.

The rise in addiction has also led to a commensurate rise in the number of patients suffering from hepatitis, drug-resistant tuberculosis and HIV−AIDS. In case of HIV−AIDS, contracted largely through use of contaminated needles (66 per cent), the situation has been particularly alarming with Russia seeing the fastest growing rates for the virus in the world. Vadim Pokrovsky, the head of Russia's Aids centre declared that in just five years, the number of Russians with HIV has doubled from 500 000 in 2010 to 930 000 in 2015[36]. World Bank estimates that by 2020 as many as 21 000 Russians could die each month due to the infection. The rate of spread of the infection is so high that by the end of the decade, 10 per cent of the population would have fallen victim to the virus[37]. In a country with a declining population, the decline in health of working population of 18-30 year olds who form the majority of addicts, and the rise in mortality (270 per cent higher in 2013 as compared to 2012) due to drug addiction is an even more troubling scenario. The severity of the situation can be gauged from the inclusion of controlling the "distribution of narcotics" as one of the "main areas of focus" for the state in the National Security Strategy.

Arms trafficking

In the years following the collapse of the Soviet Union, Russian organized criminal gangs took advantage of the situation and "gained access to weapons" from the Russian military. In the beginning, Europe was a particularly large market for these traffickers, with "the border between Azerbaijan and the Russian republic of Dagestan and the borders between Russia and Estonia, Latvia and Lithuania" being used frequently[38]. Antonov points to the chaos that followed the dissolution of the Soviet Union, listing it as a cause for the loss of "inventory control" by those in charge. During this time, arms manufacturing factories were also reported to be engaged at times in illegal sales of arms. some of these weapons also found their way to Chechnya, with the route via Dagestan being particularly profitable. While government efforts have helped to curb the dire situation of the 90's, illicit arms trade continues to take place across the Russian border.

The issue is also closely connected to that of organized crime and drug trafficking where weapons from Russia have been found to make way to destinations as near as Europe and as far as Latin America as well as the Caribbean. It has been found that an increasing number of those involved in the drug trade are

[36] Russian HIV-Aids Epidemic Worsening under Kremlin Policies, Says Expert // The Guardian. 15.05.2015. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/may/15/russian-hiv-aids-epidemic-worsening-under-kremlin-policies-says-expert (accessed: 03.04.2016).

[37] *Twigg J.* HIV /AIDS in Russia: Commitment, Resources, Momentum, Challenges / A Report of the Task Force on HIV/AIDS Center for Strategic and International Studies. October 2007. URL: https://www.csis.org/analysis/hivaids-russia-commitment-resources-momentum-challenges (accessed: 11.07.2016).

[38] *Anthony I.* Illicit Arms Transfers // Russia and the Arms Trade / Ed.: I. Anthony. Oxford: Oxford University Press, 1998.

also making inroads into arms trafficking, "often in arms-for-drugs deals with drug trafficking rings and guerilla organizations"[39]. The instability in Eastern Ukraine over the past year has raised concerns about the flow of illicit weapons across the border. Russian authorities have already noted a rise in crime rate on the Russian side of the border due to the availability of weapons, especially from Donestsk and Lugansk. The long border which is not fenced or guarded at all places poses a challenge that is yet to be addressed by the Russian law enforcement. Media reports have quoted the local police of Rostov border region as saying that the crime rate has gone up by almost 20 per cent in the first half of 2015 when compared to the same period a year ago, a fact attributed to free movement of firearms[40]. With the region still in flux, the threat posed by such arms trade remains.

In addition, the revenue generated through illegal sales further fuels illegal activities within and outside the border of Russia, making it a challenge for local law enforcement authorities; not to mention creating instability in states in and around Latin America. It also facilitates drugs trafficking, human trafficking, leads to violence and causes avoidable deaths both in Russia and abroad.

Human trafficking

Russia has been identified as a "major source, point of transit, and destination for human trafficking". This has had particular implications for women and children, with the former being trafficked to various parts of the world as mail order brides or for prostitution. Also, women from neighboring CIS countries are trafficked into Russia, with the local law enforcement failing to tackle this problem effectively[41]. The United Nations estimates that 35 000−57 000 Russian women are trafficked every year, without taking into account the women from the former Soviet Union that are passed through Russia by traffickers. Taken together, Central and East European states are only behind Southeast Asia in human trafficking[42]. Today, Russian women can be found engaged in prostitution in about 50 countries across the world[43]. The author also points out that these organized crime groups have been aided by shadow economies, weak states and inefficient regulatory authorities. Especially in the dying days of the Soviet Union, the "transnational trafficking of women" received a huge impetus with prolifera-

[39] *Galeotti M.* Global Crime Today: The Changing Face of Organised Crime. London: Routledge, 2014.
[40] Arms Smuggling on the Rise on Volatile Russia − Ukraine Border // The Economic Times. 06.08.2015. URL: http://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/arms-smuggling-on-the-rise-on-volatile-russia-ukraine-border/articleshow/48369487.cms (accessed: 22.03.2016).
[41] *Mazur L.* Human Trafficking in the Russian Federation // Tulane Journal of International Affairs. 2012. No 1 (2). P. 1-11.
[42] *Tiurukanova E.V.* Human Trafficking in the Russian Federation: Inventory and Analysis of the Current Situation and Responses / Report for the UN/IOM Working Group on "Trafficking in Human Beings". Moscow, 2006. URL: http://www.unicef.org/ceecis/Unicef_EnglishBook(1).pdf (accessed: 11.07.2016).
[43] *Hughes D.* The "Natasha" Trade: The Transnational Shadow Market of Trafficking in Women // Journal of International Affairs. 2000. No 53 (2). P. 625-651.

tion of criminal networks and ease of travel. Organized crime networks see human trafficking as a profitable venture and have been found to be involved by courts in the US.

Poverty, low wages, illegal migration and inadequate social welfare provisions all contribute to people becoming vulnerable to trafficking, especially women and children. Apart from exploitation for labour, human traffickers also play a huge role in forcing women into sex trade sector − both via internal migration within Russia and trafficking them to foreign shores. Child trafficking for purposes of sexual exploitation and forced labour is also widespread. A lot of times, women are looking for better employment opportunities but instead fall prey to criminal networks selling them to the sex industry across the world. Some are lured through false promises of marriage, with experts estimating that about 75 per cent of women are not even aware they would be forced into prostitution in foreign countries and become aware of it only after their travel documents have been taken away by traffickers after thearrival at the intended destination. As Hughes[44] points out, this not only directly affects the "well being and status of women" by having a negative impact on their social, political and economic well being, but also, by extension, affects the nation as a whole.

Human trafficking not only violates therights of individuals, has an adverse impact on their health, leads to inhumane treatment of victims and in case of children has an impact on their overall development. Higher rates of drug addiction, alcohol addiction, infectious diseases and depression have been found among the victims. Human trafficking for prostitution facilitates the spread of HIV-AIDS virus, increasing the number of high-risk population that is involved in sex trade. President Putin has recognized the severity of the problem, calling it "one of the most serious and pressing problems" the country faces today. He called human trafficking "a form of modern slavery that entails the most brutal and cruel violations of human rights" and pointed out that the money earned through this and arms as well as drug trafficking "forms the financial base supporting international terrorism"[45].

Meanwhile, the Russian law has been found to be vague in certain areas, lacking adequate definitions and strict measures to contain the menace[46]. Weak law enforcement at the border, regular migration from neighbouring states and visa-free regime within CIS, aid human trafficking. High level of corruption among officials also facilitates continued existence of traffickers and criminal networks.

Declining population and illegal migration

[44] *Tiurukanova E.V*. Op. cit.

[45] Russian President Vladimir Putin: Excerpt from the Speech at a Meeting with Members of the Russian Government. Moscow, Kremlin, October 27, 2003 // Embassy of the United States [Official Site]. URL: http://moscow.usembassy.gov/tip-transcript20.html (accessed: 11.07.2016).

[46] *Mazur L.* Op. cit.

Russia is faced with a rapidly declining population and by some estimates will face one of the steepest declines among large states. It is estimated that by 2025, 15 per cent of the population will be comprised of immigrants while this number will go up to 40 per cent by 2050[47]. President Putin has himself acknowledged the severity of the situation, pointing out that if the authorities failed to take any action, the population would be a mere 107 million by 2050. In an article, he wrote that "in a global sense we are facing the risk of turning into an empty space whose fate will not be decided by us"[48].

This decline will be accompanied by an increase in the pressure on governmental resources required for caring for the aged citizenry[49] like pension and health. Experts have also directly linked a decline inyounger population to the problem of recruiting for the armed forces, having a direct impact on national security[50].

The migrant population from Central Asia has been instrumental in stemming the adverse effects of population and the economy now deeply depends on their labour. Till the 2000's, "immigration compensated for 50-80 per cent of the natural decline" of population in Russia. However, by 2010 it was "fully compensating" for the natural rate of population decline[51]. Today, Russia is the second most "popular destination for migrants after United States". However, unlike in the 90's when most of these were ethnic Russians, today they constitute just 30 per cent of migrants[52]. It raises another problem of integration of foreign citizens into a society that is markedly different from their homelands. This raises the prospect of rising inter-ethnic conflict, rise in crime and "increasing social tension" between locals and migrants[53]. Russia has also failed to attract student migrants or business migrants, both of which are considered more beneficial prospects leading to a legal influx of better educated, young population as opposed to rural-based, low education immigration from the CIS countries.

Most of migration to Russia happens for economic reasons. While official figures based on issued work permits suggest 460 000 labour migrants in 2004, it is believed that the actual figure represents "only 10% of the actual number of labour migrants". Meanwhile, "the size of the shadow economy" promotes "a market for cheap and illegal migrant labour" and weak border controls ensure the il-

---

[47] *Judah B.* Russia's Migration Crisis // Survival. 2013. No 55 (6). P. 123−131.

[48] Vladimir Putin Vows to Reverse Russian Population decline // The Telegraph. 13.02.2012. URL: www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/9078672/Vladimir-Putin-vows-to-reverse-Russian-population-decline.html (accessed: 11.07.2016).

[49] *Srikanth D.* Op. cit.

[50] *Balzer H.* Nontraditional Approaches to Russian Politics and Security // Demokratizatsiya. 2008. No 16 (3). P. 212-228.

[51] *Riazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law. 2013. No 51 (3). P. 80-88.

[52] Russian President Vladimir Putin: Excerpt from the Speech at a Meeting with Members of the Russian Government. Moscow, Kremlin, October 27, 2003 // Embassy of the United States [Official Site]. URL: http://moscow.usembassy.gov/tip-transcript20.html (accessed: 11.07.2016).

[53] *Krasinets E.S.* Illegal Migration in Russia // Sociological Research. 2005. No 44 (1). P. 7-25.

legal migration continues unabated[54]. Once again, the interconnectedness of non-traditional security threats is proven in this case, as authorities have expressed concerns about some illegal migrants forming links with criminal networks in Russian cities. The First Deputy Head of the Russian Federal Migration Service Ekaterina Egorova herself admitted that the influx of illegal migrants has created "ethnic ghettos" fuelling criminality and extremism. The local population has also responded with its own xenophobia, leading to several conflicts[55]. The official also adds that a control on this is also vital to containing the terrorist threat, drug trafficking, arms trafficking and slavery.

As Russia will require even more workers in the coming years, this situation is only expected to get worse unless the authorities take urgent steps to address it. The negative consequences of the situation include a decline in revenues accrued from taxes paid by legal workers, promoting shadow economy and impinging on rights of legal workers. There remains a need to institute policy measures that encourage legal migration to protect theinterests of all parties.

Climate change

Russia is the fourth largest emitter of greenhouse gases and recognizes the threat posed by global climate change, listing the problems of natural disasters and diseases linked to the phenomena as one of the main threats to public security in its National Security Strategy[56]. Russian authorities also warn that the warming in Russia over 100 years has been to the tune of 1.29 degree Celsius, higher than the global average of 0.74 degrees.

The impact of climate change on Russia is expected to be mixed. The opening up of theArctic sea route will help trade, facilitate the development of remote regions and open up prospects for exploration of natural resources. A milder winter will increase agricultural production in certain areas and reduce the costs of heating during winters. However, the indigenous communities that are engaged in traditional occupations will be adversely affected[57].

However, it is not all rosy.Scientists predict that the arable "low latitude regions" would become more vulnerable to climate fluctuations. The crop yields in traditional agricultural areaswill suffer and become prone to drought or flood-

[54] *Mazur L.* Op. cit.

[55] *Egorova E.* Illegal Migration in Russia // Russian International Affairs Coucil [Official Site]. 06.08.2013. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2195#top-content (accessed: 07.04.2016).

[56] Russian National Security Strategy, December 2015 // IEEE − Instituto Español de Estudios Estratégicos [Official Site]. URL: www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Russian-National-Security-Strategy-31Dec2015.pdf (accessed: 24.03.2016).

[57] *Revich B.* Climate Change Impact on Public Health in the Russian Arctic / United Nations in the Russian Federation. URL: http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/Arctic-eng.pdf (accessed: 11.07.2016).

ing. It will also destroy ecosystems, spread new diseases, increase desertification and cause a loss of crop productivity[58].

According to estimates by both Russian Research Institute of Agricultural Meteorology and Russian Federal Service for Hydrometorology and Environmental Monitoring, "crop yield in the North Caucasus, the Urals, and the Central Black Soil Region (the main crop-producing regions) is expected to shrink considerably by 2020" while also pushing up prices at the same time[59]. Russian experts have already raised concerns about public health being affected by climate change, pointing to cases of infectious diseases rising in the Arctic community due to warmer temperatures[60].

Already, the country is seeing increased disturbances in crop patterns due to "drought, wildfire and changing irrigation patterns"[61]. The author also points to studies concerning melting ice that threatens to change river flows in Stavropol and Krasnodar and arid conditions in the Volga basin. Wildly fluctuating weather conditions also wreak havoc on crop production, like intense heat waves and forest fires experienced in the past few years. Traditional industries like logging are also already being affected by, for example, a delayed winter in Arkhangelsk, while southern Russia is experiencing water shortage due to frequent droughts[62]. According to Oxfam, droughts in 2010 and 2012 have caused losses to the tune of 300 billion roubles due to poor harvest. The agricultural regions like Altai are already facing soil erosion, decreased production, drought and aridization.

Conclusion

It is a peculiar challenge for states to deal with issues of non-traditional security, as they try to grapple with "intra- or trans-national rather than interstate" threats to peace. The problems of terrorism, drugs, money laundering, environment, illegal migration, human trafficking among others have worsened as the world became more interconnected due to globalization.

As Tadjbakhsh and Chenoy[63] point out, threats to human security today are "no longer just personal, local or national; they are global". They explain that this broadened concept of security is based on "non-military security threats" as well like environment, disease, population, refugees and terrorism among others.

---

[58] *Perelet R., Pegov S., Yulkin M.* Climate Change. Russia Country Paper / Human Development Report 2007/2008. UNDP, 2007/12. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/perelet_renat_pegov_yulkin.pdf (accessed: 02.04.2016).

[59] *Safonov G., Safonova Y* Economic Analysis of the Impact of Climate Change on Agriculture in Russia: National and Regional Aspects / Oxfam Research Reports. April 2013. URL: www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/rr-economic-impacts-climate-change-agriculture-russia-010413-en.pdf (accessed: 25.03.2016).

[60] *Mazur L.* Op. cit.

[61] *Buckholz Q.* Russia and Climate Change: A Looming Threat // The Diplomat. 04.02.2016. URL: http://thediplomat.com/2016/02/russia-and-climate-change-a-looming-threat/ (accessed: 27.04.2016).

[62] *Egorova E.* Op. cit.

[63] *Tadjbakhsh S., Chenoy A.M.* Op. cit.

Instead of a state being taken as a unit (when it comes to security), this realization of non-traditional threats puts individuals at the center of efforts to be taken to address these various challenges.

The fact that threats overlap, one exacerbating the other, makes it crucial that the state takes active steps to address all challenges with equal alacrity, if it is to ensure the safety and security of its citizens. In fact, it makes the concept of security more broad-based, taking it away from idea of a mere absence of war.

This development took place at a particular time in history, when the ending of the Cold War brought forth a spate of civil wars, terror activities, environmental challenges etc. The rapid globalization spreads the threats across the world more easily, making it even more apparent that the old idea of state security is not enough to deal with the new world challenges.

Each of the non-traditional threats poses a grave danger, both to an individual and to the state, if left untreated. The states have the responsibility to act on these problems both domestically and internationally. As we have seen, the challenges Russia faces are both intra-national and trans-national in nature. Without active action on both fronts, it would not be possible for a single nation to address the situation and improve the lives of its citizens. The response to these challenges lies in both an increased state capacity as well as an active engagement with the global community to deal with trans-national issues. For developing states like Russia this is all the more important, as a lack of security has a direct impact on development.

Hence, in order to maximize human security and provide a healthy environment to its citizens, Russia needs to tackle these above mentioned non-traditional security threats by combining its local efforts with international ones at the earliest opportunity.

Литература:

1. Afghan Drugs Inundate Russia – Federal Drug Control Service // Russia Beyond the Headlines [Site]. 13.09.2013.
URL: http://rbth.com/news/2013/09/13/afghan_drugs_inundate_russia_-_federal_drug_control_service_29790.html (accessed: 05.04.2016).
2. *Anthony I.* Illicit Arms Transfers // Russia and the Arms Trade / Ed.: I. Anthony. Oxford: Oxford University Press, 1998.
3. Arms Smuggling on the Rise on Volatile Russia – Ukraine Border // The Economic Times. 06.08.2015.

URL: http://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/arms-smuggling-on-the-rise-on-volatile-russia-ukraine-border/articleshow/48369487.cms (accessed: 22.03.2016).
4. *Balzer H.* Nontraditional Approaches to Russian Politics and Security // Demokratizatsiya. 2008. No 16 (3).

5. *Bohn S.* Russia's Afghanistan Policy: An Irresolute Strategy for an Uncertain Future // Comparative Strategy. 2014. No 33 (3).

6. *Borchgrave A., Cilluffo F.J.* Russian Organized Crime and Corruption: Putin's Challenge. Washington DC: CSIS Press, 2000.

7. *Boskholov S.* Organized Crime and Corruption in Russia // Demokratizatsiya. 1995. No 3.

8. *Buckholz Q.* Russia and Climate Change: A Looming Threat // The Diplomat. 04.02.2016. URL: http://thediplomat.com/2016/02/russia-and-climate-change-a-looming-threat/ (accessed: 27.04.2016).

9. *Cohen A.* Russia, Islam, and the War on Terrorism: An Uneasy Future // Demokratizatsiya. 2002. No 10 (4).

10. Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Official Site]. 12.02.2013. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/76389fec168189ed44257b2e0039b16d (accessed: 23.03.2016).

11. *Curtis G.* Involvement of Russian Organized Crime Syndicates, Criminal Elements in the Russian Military, and Regional Terrorist Groups in Narcotics Trafficking in Central Asia, the Caucasus, and Chechnya. Washington DC: Federal Research Division Library of Congress, 2002.

12. Definition of Human Security // Human Security Initiative [Site]. 28.02.2011. URL: http://www.humansecurityinitiative.org/%20definition-human-security (accessed: 23.03.2016).

13. *Egorova E.* Illegal Migration in Russia // Russian International Affairs Coucil [Official Site]. 06.08.2013. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2195#top-content (accessed: 07.04.2016).

14. *Finckenauer J. Voronin Y.* The Threat of Russian Organized Crime // National Institute of Justice. 2001. No 2.

15. *Frisby T.* The Rise of Organised Crime in Russia: Its Roots and Social Significance // Europe − Asia Studies. 1998. No 50 (1).

16. *Galeotti M.* Global Crime Today: The Changing Face of Organised Crime. London: Routledge, 2014.

17. *Galeotti M.* Narcotics and Nationalism: Russian Drug Policies and Futures / Center for 21st Century Security and Intelligence, Latin America Initiative. 2016. URL:

http://www.brookings.edu/~/media/Research/Files/Papers/2015/04/global-drug-policy/Galeotti--Russia-final.pdf?la=en (accessed: 23.03.2016).
18. *Galeotti M.* The Russian "Mafiya": Consolidation and Globalisation // Global Crime. 2004. No 6 (1).
19. *Galeotti M.* Transnational Aspects of Russian Organized Crime. London: Chatham House, 2012.
20. Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (accessed: 30.03.2016).
21. *Gusovsky D.* Russian Fighters are Joining ISIS in record numbers // CNBC [Site]. 09.12.2015. URL: www.cnbc.com/2015/12/09/russian-fighters-are-joining-isis-in-record-numbers.html (accessed: 26.03.2016).
22. *Holmes L.* Corruption and Organised Crime in Putin's Russia // Europe – Asia Studies. 2008. No 60 (6).
23. *Hughes D.* The "Natasha" Trade: The Transnational Shadow Market of Trafficking in Women // Journal of International Affairs. 2000. No 53 (2).
24. Human Security in Theory and Practice: An Overview of the Human Security Concept and the United Nations Trust Fund for Human Security / United Nations Trust Fund for Human Security. URL: http://www.un.org/humansecurity/sites/www.un.org.humansecurity/files/human_security_in_theory_and_practice_english.pdf (accessed: 27.07.2016).
25. Illicit Drug Trends in the Russian Federation / United Nations Office on Drugs and Crime. April 2008. URL: www.unodc.org/documents/regional/central-asia/Illicit%20Drug%20Trends%20Report_Russia.pdf (accessed: 04.04.2016).
26. International Drug Enforcement Conference: Vladimir Putin addressed delegates of the International Drug Enforcement Conference (IDEC). June 5, 2013 // President of Russia [Official Site]. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/18261 (accessed: 31.03.2016).
27. *Judah B.* Russia's Migration Crisis // Survival. 2013. No 55 (6). P. 123−131.
28. *Krasinets E.S.* Illegal Migration in Russia // Sociological Research. 2005. No 44 (1).
29. *Mazur L.* Human Trafficking in the Russian Federation // Tulane Journal of International Affairs. 2012. No 1 (2).

30. *Nalbandov R.* Terrorism 2.0 in Eurasia // Central European Journal of International & Security Studies. 2012. No 6 (2).

31. *Ovchinsky V.* Mafia as a Form of Life // Russian Organized Crime: Recent Trends in the Baltic Sea Region / Eds.: W. Kegö, A. Molcean. Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2012.

32. Over 8 Mln Russians Are Drug Addicts — Govt. Report // Sputnik News [Site]. 17.09.2013.

URL: http://sputniknews.com/russia/20130917/183511725/Over-8-Mln-Russians-Are-Drug-Addicts--Govt-Report.html (accessed: 02.04.2016).

33. *Perelet R., Pegov S., Yulkin M.* Climate Change. Russia Country Paper / Human Development Report 2007/2008. UNDP, 2007/12. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/perelet_renat_pegov_yulkin.pdf (accessed: 02.04.2016).

34. Putin — The Interview: "For Me, It Is Not Borders That Matter" // Bild. 11.01.2016. URL: www.bild.de/politik/ausland/wladimir-putin/russian-president-vladimir-putin-the-interview-44092656.bild.html (accessed: 06.04.2016).

35. *Revich B.* Climate Change Impact on Public Health in the Russian Arctic / United Nations in the Russian Federation. URL: http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/Arctic-eng.pdf (accessed: 11.07.2016).

36. *Riazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law. 2013. No 51 (3). P. 80−88.

37. Russian HIV-Aids Epidemic Worsening under Kremlin Policies, Says Expert // The Guardian. 15.05.2015.

URL: https://www.theguardian.com/world/2015/may/15/russian-hiv-aids-epidemic-worsening-under-kremlin-policies-says-expert (accessed: 03.04.2016).

38. Russian National Security Strategy, December 2015 // IEEE – Instituto Español de Estudios Estratégicos [Official Site]. URL: www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Russian-National-Security-Strategy-31Dec2015.pdf (accessed: 24.03.2016).

39. Russian President Vladimir Putin: Excerpt from the Speech at a Meeting with Members of the Russian Government. Moscow, Kremlin, October 27, 2003 // Embassy of the United States [Official Site]. URL: http://moscow.usembassy.gov/tip-transcript20.html (accessed: 11.07.2016).

40. *Safonov G., Safonova Y* Economic Analysis of the Impact of Climate Change on Agriculture in Russia: National and Regional Aspects / Oxfam

Research Reports. April 2013. URL: www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/rr-economic-impacts-climate-change-agriculture-russia-010413-en.pdf (accessed: 25.03.2016).

41. *Srikanth D.* Non-traditional Security Threats in the 21st Century // International Journal of Development and Conflict. 2014. No 4. P. 60−68.
42. *Tadjbakhsh S., Chenoy A.M.* Human Security: Concepts and Implications. London: Routledge, 2007.

43. *Tiurukanova E.V.* Human Trafficking in the Russian Federation: Inventory and Analysis of the Current Situation and Responses / Report for the UN/IOM Working Group on "Trafficking in Human Beings". Moscow, 2006. URL: http://www.unicef.org/ceecis/Unicef_EnglishBook(1).pdf (accessed: 11.07.2016).
44. *Twigg J.* HIV /AIDS in Russia: Commitment, Resources, Momentum, Challenges / A Report of the Task Force on HIV/AIDS Center for Strategic and International Studies. October 2007. URL: https://www.csis.org/analysis/hivaids-russia-commitment-resources-momentum-challenges (accessed: 11.07.2016).
45. Vladimir Putin Vows to Reverse Russian Population decline // The Telegraph. 13.02.2012. URL: www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/9078672/Vladimir-Putin-vows-to-reverse-Russian-population-decline.html (accessed: 11.07.2016).

46. *Xiangqi H.* Cooperating for Common Security: China's Approach to Non-Traditional Security Issues // NTS-Asia [Site]. URL: www.rsis-ntsasia.org/resources/publications/research-papers/transnational-crime/He%20Xiangqi.pdf (accessed: 11.07.2016).
47. *Wang Y.* Defining Non-Traditional Security and Its Implications for China // China & World Economy. 2004. No 12 (5). P. 59-66.

Владимир Иванович АНИКИН,
Заведующий кафедрой государственного управления и национальной безопасности, Дипломатической академии МИД РФ, д.э.н., профессор

К РЕФОРМЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ (САНКЦИИ, ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЛОГИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности экономического становления России в условиях санкций и геополитической нестабильности, ее дальнейшего развития, которое фундаментально связано с масштабными регулярными мировыми и региональными кризисами, трудностями миграционных и политических процессов в мире и в Европе. Автор проводит анализ состояния экономики России с позиций причинно-следственных связей производственных и финансовых факторов и рассматривает проблему реформирования системы государственного управления.

Ключевые слова: мировой кризис, экономические санкции, геополитика, приватизация, государственное управление.

ANIKIN V.I.,
Head of the Department of public administration and national security, Professor, Doctor of Economics, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

THE REFORM OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF RUSSIA (SANCTIONS, PRIVATIZATION AND THE LOGIC OF INTERNATIONAL RELATIONS)

Annotation: In article it is considered features of economic formation of Russia in the conditions of sanctions and geopolitical instability, its further development which is fundamentally connected with scale regular world and regional crises, difficulties of migratory and political processes in the world and in Europe. The author carries out the analysis of state of the economy of Russia from positions of relationships of cause and effect production and financial factors and contemplates a problem of reforming of system of public administration.

Keywords: World crisis, economic sanctions, geopolitics, privatization, public administration.

Кризисные явления в России после событий политической и экономической мимикрии, "успешного вхождения страны (с начала 1990-х годов – прим. автора) в мировую систему международных отношений» были запрограммированы самим новым конституционным устройством страны (1993 г.), её общественно-политической практической деятельностью, финансовой работой, её до крайности низкокачественным регулированием процесса государственного управления. Принятая к реализации и осуществляемая без должной научной и практической проработки либерально-космополитическая парадигма державы, пренебрегающая ее идентификационным и идеоциональным (ценностным) кодом при существующем развитии событий неуклонно приведет государство к катастрофе[123].

По существу разговор идет о том, что безрассудная, дилетантская, де-факто вредительская официальная финансово-экономическая политика правительства, в том числе и денежно-кредитная политика Центрального Банка Российской Федерации (ЦБ РФ), недостаточно активная позиция Министерства промышленности и торговли и Министерства финансов России уже привели к серьезной экономической ситуации и рецессии экономики. Данные Министерства, Министерство экономического развития и ЦБ РФ впрямую несут ответственность за ту незащищенность государства с позиций национальной безопасности, каковая выявилась во время противостояния со странами Запада в процессе введения ими финансово-экономических санкций и манипулирования ценами на мировом нефтяном рынке.

Прогноз экономического становления России, ее развития на период до 2020 г. фундаментально связан с масштабными регулярными мировыми и региональными кризисами, трудностями миграционных и политических процессов в Европе (2008-2009 гг., 2014-2015 гг.), надвигающейся рецессией мировой экономики. Данные тенденции обусловлены известными причинами, связанными с неравномерностью политического и экономического развития стран мирового сообщества и неуемным стремлением США сохранить доминирующую роль в однополярной модели мирового развития.

Что касается экономических итогов года, то они явно не радуют. Официальные цифры Росстата за 2015 г. в массе своей демонстрируют дальнейший спад в экономике страны на 3,7% (как замечает руководитель Центра научной политической мысли и идеологии Степан Сулакшин, в

[1] Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС,1994.

[2] Аникин В.И. Теория и практика управления во внешнеполитической деятельности. М.: ДА МИД РФ, Научная книга, 1999.

[3] Альтернативный федеральный бюджет на 2016 год. Основные параметры. Фракция «Справедливая Россия» в Государственной Думе ФС РФ. Москва. 2015. С. 20-29.

твердой валюте по паритету покупательной способности спад ВВП составил бы не 3,7%, а все 40%). Промышленное производство сократилось на 3,4%, розничная торговля – на 10%, реальные зарплаты населения – на 9,5%. Цены выросли на 15,5%, безработица в плюсе на 7,4%[4].

Неблагоприятные внешние и внутренние факторы структурного и циклического характера привели к снижению экономической активности. Объем ВВП в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом сократился на 3,7%. Сокращение объемов производства товаров и услуг отмечалось в большинстве видов экономической деятельности. Впервые с 2003 г. уменьшилась валовая добавленная стоимость в секторе финансовых услуг.

Значимый положительный вклад в прирост ВВП в 2015 г. внесли лишь сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых. Неблагоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, сжатие внутреннего спроса, курсовые колебания негативно сказались на финансовых результатах деятельности российских организаций. Доля просроченной кредиторской задолженности, в ее общем объеме на конец декабря 2015 г., увеличилась по сравнению с аналогичным показателем 2014 г. на 0,5 процентного пункта, до 6,2%, по кредитам банков и займам – на 0,2 процентного пункта, до 0,8%. Доля просроченной дебиторской задолженности в ее общем объеме снизилась на 0,1 процентного пункта, до 6,4%.

Новые экономические условия стимулировали организации оптимизировать затраты (в том числе за счет переключения на российских поставщиков), искать рентабельные сегменты деятельности. В результате по итогам 2015 г. сальдированный положительный финансовый результат деятельности организаций был на 53,1% выше, чем в 2014 г. Определенную роль в росте сальдо прибылей и убытков сыграл эффект низкой базы. Среди основных видов деятельности в наибольшей мере сальдированная прибыль возросла в транспорте и связи, обрабатывающих производствах. Одним из способов оптимизации издержек организаций было снижение затрат на рабочую силу.

В 2015 г. по сравнению с 2014 г. реальная заработная плата сократилась на 9,3%, уровень безработицы повысился до 5,6% (в 2014 г. – 5,2%). При этом загрузка рабочей силы оставалась на высоком уровне, и показатели неполной занятости увеличились по сравнению с 2014 годом незначительно. В целом реальные располагаемые доходы населения уменьшились на 4,3%.

Чем дальше, тем очевиднее становится, что Россия находится в стратегическом тупике, а ее экономика – в системном кризисе, из которого быстрого выхода не видно. Об этом, в частности, уже открыто говорят не только отечественные, но и ведущие зарубежные экономисты и эксперты, о

[4] Годовой отчет Банка России за 2015 год. Утвержден Советом директоров Банка России 29.04.2016. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, 2016.

чем свидетельствуют итоги последних Всероссийских научно-практических конференций «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы», Гайдаровского и Давосского международных экономических форумов[5,6,7].

В то время как сегодня мир стоит на пороге «четвертой технологической революции», суть которой состоит в размывании границ между физической, цифровой и биологической сферами, Россия нарастающими темпами все дальше отстает в технологическом плане.

В немалой степени этому будет способствовать деятельность недавно созданного Транстихоокеанского партнерства (ТТП) 12 стран-участниц, на долю которых приходится четверть оборота мировой торговли и около 40% мирового ВВП[8,9]. Договор предусматривает полную ликвидацию таможенных пошлин на 18 тыс. товаров, унификацию санитарных норм, общую политику в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и конкуренции, обеспечивая значительный синергетический эффект (к 2025 г., ожидается увеличение ВВП стран-участниц договора на 285 млрд долл.).

Мир все-таки меняется. И очень меняется. И американцам в этом новом мире становится неуютно совсем. Политическая мимикрия даже в финансовых делах, где позиции США достаточно прочны, несмотря на огромный государственный долг, начинает проявлять себя – недавно глава МВФ Кристин Лагард стала угрожать Вашингтону по поводу необходимости все-таки приступить к реформе МВФ, так как если он будет против, то МВФ преодолеет вето Конгресса США другим путем[10].

Стагфляция и сопутствующие кризисные явления в нашей стране (дефицит государственного бюджета, ослабление курса национальной валюты, возможное повышение пенсионного возраста выхода на пенсию, урезание ряда социальных программ, ситуация в сельском хозяйстве и промышленности) являются, на наш взгляд, следствием не только внешних воздействий и причин, но и несовершенством отдельных положений Конституции РФ, принятой в 1993 г. Указанные негативные явления,

---

[5] Греф: Россия проиграла конкуренцию и стала страной-дауншифтером. Текст: Business FM. Москва. 2016. 15 января. INTERFAX.RU 15.01.2016. Ведомости. Сергей Смирнов, Виталий Петлевой. Москва. 15 января. INTERFAX.RU. Высказывания главы Сбербанка России Германа Грефа на Гайдаровском форуме в РАНХиГС вызвали гнев вице-спикера Госдумы Николая Левичева, предложившего главе Сбербанка добровольно покинуть свой пост.

[6] 15.01.2016 . Сергей Смирнов, Виталий Петлевой. Москва. 15 января. INTERFAX.RU. Высказывания главы Сбербанка России Германа Грефа на Гайдаровском форуме в РАНХиГС вызвали гнев вице-спикера Госдумы Николая Левичева, предложившего главе Сбербанка добровольно покинуть свой пост.

[7] *Аникин В.И.* Конкурентоспособность России, приоритеты стратегического сотрудничества с зарубежными странами и вызовы для национальной безопасности // В сб.: Конкурентоспособность экономики России в XXI в.: вызовы для национальной безопасности. 2013. С. 89-119.

[8] Информационно-аналитический журнал «Политическое образование». В.К. Петров. Часть 5. Российская экономика по-прежнему далеко не суверенна. 1.02.2016.

[9] *Катасонов В.* Россию берут в клещи. Электронный ресурс http://rusplt.ru/world/rossiyu-berut-v-kleschi-19122.html (Дата обращения (06 октября 2015, «Русская планета»).

[10] *Лузан А.* Новая геостратегическая реальность // МОСКВА. REGNUM. 10 октября 2015.

неоднократно отмечавшиеся на различных научных конференциях, на заседаниях Совета Федерации, Совета Безопасности России с конкретными рекомендациями и предложениями об усилении государственного управления в области координации научно-технической, финансово-экономической и промышленной политики, о создании ответственных государственных органов, занимающихся стратегическим планированием и перспективой, остаются практически без принципиальных решений, устраняющих системные промахи и ошибки[11,12,13,14,15,16].

Не могу не привести выдержку из статьи-выступления Степана Сулакшина «Экономическая несуверенность России: механизмы создания и демонтирования» на этой сессии: «Вот возникла тема импортозамещения. «Премьер призвал к импортозамещению!» Кого он призвал? Частный сектор? Частный сектор призван обеспечивать свою прибыль, уйти в кэш, спрятаться, пока кризис идет, или вообще в Лондон переехать. Что значит призвал? Вот если бы формула была такая: «Правительство определило госзаказ, выделило средства и ресурсы для создания новых основных фондов по производству товарных групп, замещающих импорт» – вот это было бы другое дело. Почему это невозможно? Абсолютно возможно». Как человек, который по роду своей основной работы постоянно сталкивается с проблемой импортозамещения, а, следовательно, знает ее не понаслышке, полностью с ним согласен. Советник президента России академик Сергей Юрьевич Глазьев 15 сентября 2015 г. сделал доклад на заседании межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу

[11] Практические механизмы освобождения России от внешней экономической зависимости. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 25 февраля 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2015. 160 с.

[12] Советник президента России академик Сергей Юрьевич Глазьев 15 сентября 2015 г. сделал доклад на заседании межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития», повторив его основные положения на заседании Совета Федерации.http://rusprav.tv/sergej-glazev-o-neotlozhnyx-merax-po-otrazheniyu-ugroz-sushhestvovaniyu-rossii-53238/Сергей Глазьев. «О неотложных мерах по отражению угроз существованию России»

[13] Аникин В.И., Сурма И.В. Международные аспекты и стратегические оценки экономической безопасности России в условиях геополитической нестабильности // Вопросы безопасности 2014. № 5. С.137-174. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.5.14293. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_14293.html

[14] Аникин В.И. Стратегические оценки экономической безопасности стран БРИКС (энергетический вектор) // Вопросы безопасности. 2014. № 6. С.150-185. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.6.14761. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_14761.html

[15] Сурма И.В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 41-58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_17473.html

[16] Аникин В.И., Сурма И.В. Плюрилатеральные соглашения в контексте развития Всемирной торговой организации // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С.80-96. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17468. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_17468.html

российской экономики на траекторию опережающего развития», повторив его основные положения на заседании Совета Федерации[17].

Напомню цифры, которые дает Всемирный банк о степени весомости национальных экономик мира. По данным прошлого года: Китай – 16,3% от мирового ВВП, США – 16,1%. Китайская Народная Республика обошла в мировой экономической гонке Соединенные Штаты Америки. Показатели остальных мировых экономических акторов принципиально ниже. По другим членов БРИКС Дальше, уже принципиально ниже: Индия – 3-е место в мире – 6,8%, Россия – 5-е место – 3,3%, Бразилия – 7-е место – 3%, ЮАР – 27-е место – 0,6%. Совокупно четыре страны БРИКС имеют меньше объем экономики, чем один Китай.

Если называть все вещи своими именами, то идет экономическое соперничество, не БРИКС – Запад, а Китай – Соединенные Штаты Америки. *Если есть два- только два глобальных игрока, то какие могут быть перспективы их отношений? Сценариев два. Первый сценарий – борьба на уничтожение, один актор будет стремиться победить другого. Второй сценарий – договориться, поделить мир между собой. Что мешает реализации этого сценария?*

И посмотрим на реалии мировой экономики. Кто основной сегодня торговый партнер Соединенных Штатов Америки? Китай. Кто основной торговый партнер Китайской Народной Республики? Соединенные Штаты Америки. США – крупнейший инвестор в Китай. КНР – главный внешний потребитель долларовой массы. Объемы американо-китайского сотрудничества год от года возрастают.

Никаких статистически верифицируемых симптомов свертывания этих связей нет. Следовательно, сценарий № 2 – договор о разделе сфер влияния более вероятен, чем сценарий № 1 – геополитическая война.[18]

Рассматривая вкупе данную информацию, следует отметить, что проблема создания новой стратегии экономического и политического развития России на долгосрочную перспективу становится ***главной, решающей задачей*** для Правительства страны.

Не так давно председатель Правительства России Дмитрий Медведев предложил Владимиру Путину «измениться», написав ему письмо – своего рода «апрельские тезисы». «Система государственного управления во многом сохраняет советские черты, опирается на старые методы контроля и мотивации и работает по инерции»,-написал председатель правительства Дмитрий Медведев президенту Владимиру Путину[19]. Резолюция В.Путина – «Согласен».

---

[17] Глазьев Сергей. О неотложных мерах по отражению угроз существованию России. http://rusprav.tv/sergej-glazev-o-neotlozhnyx-merax-po-otrazheniyu-ugroz-sushhestvovaniyu-rossii-53238/

[18] Багдасарян В.Э. Об идеологии БРИКС (рубрики Блог). 25.10.16.

[19] http://www.vedomosti.ru/comments/politics/articles/2016/04/22/638724-dmitrii-medvedev-predlozhil-vladimiru-putinu-izmenitsya. Власть. Статья опубликована в Ведомостях (Филипп Стеркин, Екатерина Мереминская, Александра Прокопенко) в № 4061 от 22.04.2016. под заголовком: «Владимир Путин согласен на комиссию». «Дмитрий

В частности, председатель правительства жалуется, что в государственном управлении отсутствует система взаимодействия между органами власти, столь необходимая для достижения результатов при решении сложных и комплексных задач, предлагается реформировать систему государственного управления и внедрить проектный подход к решению государственных задач, который выдвинул весной 2015 г. президент Сбербанка Герман Греф: команда Грефа приготовила для правительства «малазийский опыт» и создание обособленного от Правительства Центра реформ по его подобию.

Более того, по мнению отдельных экспертов – «Решить кадровую проблему для государственной службы можно по американскому образцу: создать независимую службу, которая занималась бы подбором чиновников и оценивала бы их личные достижения. И нужно принципиальное разделение должностей на те, что могут быть заняты политическими назначенцами, продвигающими идеи и проекты, и те, что только для профессиональных чиновников, умеющих работать над воплощением идей: создание комиссии ничего не изменит»[20].

Что касается решения кадровых проблем для государственной службы по «американскому образцу» (?!), то может быть надо было бы начать в качестве первого шага по использованию американского опыта с возложения исполнения обязанностей Председателя правительства России на действующего Президента, исключив статусную должность Председателя из состава Правительства в полном соответствии с действующей структурой государственной власти США?!

Основные функции предлагаемого центра и комиссии – повышать эффективность министерств и координировать небольшое число приоритетных проектов. Главная задача – учить министерства исполнять проекты. Члены правительства не против реформы системы: 80% выступили за создание такого центра, 67% – за повышение роли управления по целям, говорилось в презентации Грефа.

Государственное управление уже пытались реформировать ранее в 2004 г., в 2012 г., создавая аналогичные комитеты и центры, как

Медведев предложил Владимиру Путину измениться». (*Для реформы государственного управления требуется создать комиссию, считает премьер).* Успешный опыт проведения Олимпиады и саммита АТЭС, а также некоторые международные практики позволяют Медведеву предложить определить ключевые показатели эффективности (KPI) для каждого министерства и сформировать понятную «приборную панель» для государственной власти с учетом общественной оценки ее действий. Министры должны нести персональную ответственность за достижение KPI, а не просто отчитываться о выполненных поручениях, считает он. Этими вопросами и займется комиссия – Медведев считает, что возглавит ее президент, сам он будет его заместителем, а членами комиссии станут министры, депутаты, сенаторы и эксперты. Это ремейк комиссии по административной реформе 2004 г., только тогда были не KPI, а показатели деятельности, напоминает член Комитета гражданских инициатив Евгений Гонтмахер.

[20] См. сноску 19. Проректор по развитию Академии труда и социальных отношений РФ Александр Сафонов: "Инструменты, о которых пишет Медведев, уже есть – ими не пользуются: показатели эффективности заложены в федеральных целевых программах и министерства отчитываются по ним", – отмечает он.

утверждают федеральные чиновники, ученые (в частности, работавший в аппарате Правительства в 1999-2003 гг. Е.Ш.Гонтмахер – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, член Правления Института современного развития., заместитель директора Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив), но правительства поменялась, а контент остался за скобками. Решительная реформа раздувшегося государственного аппарата нужна, но для ее проведения необходимы не новые структуры, а политическая воля[21].

Е.Гонтмахер выражает скепсис: идея реформы привнесена из стран, где конкурентная политическая система, независимые СМИ и гражданское общество, которые обеспечивают внешний контроль – то, чего нет в России. А в России исполнительная власть будет вынуждена контролировать сама себя, что неэффективно: или показатели будут дотягиваться до нужных значений, или будут объяснительные записки, что достичь KPI было невозможно по независящим причинам, предвидит он.

Более четко выражает мысль – «Нужно просто сократить количество министерств и чиновников – государство играет слишком большую роль и регулирует те процессы, которыми может управлять рынок, – научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин – от многих министерств и служб вполне можно отказаться, государству нужно оставить только контроль за судебной системой, конкуренцией и социальными функциями».

Экономические мировые кризисы 2008-2009 и 2014-2015 гг. подобны, хотя и имеют некритические различия. Первый был частью мирового кризиса и характеризовался существенным падением активности мировых финансов и падением цен на нефть. Падение российских показателей было обусловлено критической уязвимостью и зависимостью национальной экономики от мировой конъюнктуры, а также десуверенизацией финансов, доходной базы госбюджета, зарубежными заимствованиями. Второй, при сохранении и даже усилении уязвимости российской экономики к внешней конъюнктуре, был обусловлен следующими дополнительными причинами: стагнацией экономики, признаки которой были очевидны уже в 2013 г.; новыми внешними обстоятельствами: санкциями, падением цены на нефть, ограничением доступа к кредитам; ошибочными государственными решениями органов власти, которые через политику либерализации и снижения роли государства в экономике спровоцировали «рукотворный» фактор кризиса.

Анализ состояния экономики России с позиций причинно-следственных связей производственных и финансовых факторов показывает, что если Центральный банк страны долгие годы демонетизирует суверенную рублевую массу, доведя ее до уровня 42-44% ВВП (и это притом, что, например, в Китае, ведущих странах мира данная цифра превышает уровень 100-200%), то

[21] Гонтмахер Е.Ш. Авторецензия. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2012.

абсолютно ясно отсутствие оборотных средств для производственного сектора страны, почему нет *суверенных* отечественных денег, а иные резервы и фонды благосостояния «успешно хранятся за рубежом».

Какие же меры принимает правительство России в этих условиях противодействия западных стран, введения и усиления санкций против нашей страны, провоцирования усиления международных и региональных конфликтов в Сирии, на Украине, миграционных проблем в Европе, обострения террористических событий в различных странах?! Общее состояние национальной безопасности и международных аспектов экономической безопасности России в условиях геополитической нестабильности достаточно подробно рассмотрены нами в ряде последних публикаций[22,23,24,25,26,27].

«Что делать? Изменять всю государственную систему. Изменять государственные институты», – заявил недавно один из идеологов реформ Г. Греф на экономическом форуме в Москве, при этом, признав, что «Россия проиграла конкуренцию и стала страной – дауншифтером». Вам не кажется, что это заявление напоминает псевдобожественную картину с названием «Прозрение слепого на закате дня (с ощущением полной невинности), согрешившего на принципах непорочного зачатия».

Но тут новая волна экономического прозрения на ковчеге управленческой мысли – создание экономического совета при Президенте России с включением в его состав на правах зама известного экономиста-рыночника А.Кудрина[28]. «Мой приход сюда связан с поручением президента, его обращением ко мне с просьбой подключиться к разработке стратегии развития России после 2018 г.», – сказал А.Кудрин, отвечая на

---

[22] Аникин В.И. Стратегические оценки экономической безопасности стран БРИКС (энергетический вектор) // Вопросы безопасности. 2014. № 6. С. 150-185. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.6.14761. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_14761.html

[23] Аникин В.И., Сурма И.В. Плюрилатеральные соглашения в контексте развития Всемирной торговой организации // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 80-96. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17468. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_17468.html

[24] Аникин В.И. Управление внешними связями // В сб.: Государственное управление во внешнеполитической деятельности и международная безопасность Сборник научно-практических материалов. Сер. "Государственная гражданская служба — дипломатическая служба и внешнеполитическая деятельность: основы государственного управления" Москва, 2013. С. 167-172.

[25] *Мантусов В.Б.* Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Мировая экономика" / Москва, 2011. Сер. Мировая экономика и МЭО

[26] *Аникин В.И.* Особенности участия России и Тайваня в деятельности АТЭС. Отчет о НИР № 09-03-00875а/Тау от 20.02.2009 (Российский Гуманитарный Научный Фонд).

[27] *Аникин В.И. Сурма И.В.* Перспективы политико-экономического развития россии: сценарный прогноз. Вестник Поволжского института управления. 2012. № 2. С. 43-49.

[28] 4 мая 2016г. FINMARKET.RU – Президент России Владимир Путин назначил Алексея Кудрина заместителем председателя Экономического при главе государства. Соответствующий указ опубликован в субботу на сайте Кремля. Ранее экс-министр финансов Алексей Кудрин возглавил Центр стратегических разработок (ЦСР). Опубликовано /Интерфакс/http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/04/30/639724-kudrin-stal

вопросы журналистов. И это называется кадровой политикой в новых условиях?!

Президент России В.В.Путин 1 мая с.г. подписал 21 закон, указ и распоряжение, тексты которых были опубликованы на портале правовой информации. Официально по российскому законодательству в этот день отмечается Праздник Весны и Труда.

Среди подписанных Путиным документов – федеральный закон, устанавливающий уголовную ответственность за незаконное привлечение денежных средств дольщиков при строительстве многоквартирных домов, а также закон об упрощенном порядке выдачи вида на жительство в России иностранцам, вынужденно покинувшим Украину. Кроме того, им подписан федеральный закон, вводящий в упрощенной форме учет суммы уплаченных налогов иностранным индивидуальным предпринимателем при обращении за гражданством РФ и закон об административной ответственности за нарушение требований к групповым перевозкам детей автобусами.

Советник президента России, академик С.Ю.Глазьев, известные ученые и эксперты «Столыпинского клуба» дают предложения по устранению этих причин, причем говорят в основном о тех решениях и предложениях, которые президент бы мог одобрить именно сейчас. Они в сущности, даже если и паллиативны, но смогут явиться причиной стабилизации курса рубля, ценовых показателей, способствовать ускорению выхода из «финансового капкана», в который страну загнали собственные руководящие органы власти. Эти первоочередные предложения, на наш взгляд, не касаются целого ряда абсолютно жизненно важных, необходимых первоочередных решений, в частности по восстановлению уровня монетизации (рублевой массы) для реального производственного сектора страны. Цифры необходимого финансирования потрясают воображение - ввести в оборот для реализации поставленных задач (по экспертным оценкам) можно и нужно больше 2 трлн долл. разумеется в рублевом эквиваленте!

Куда исчезла Стратегия экономического развития страны на ближайшие 5-10 лет? Почему разумные в целом финансово – экономические меры по латанию "тришкина кафтана" – государственного бюджета начинаются опять с приватизации стратегических предприятий, печальный опыт которой в девяностые годы, наверное, ничему не научил горе-руководителей финансового, имущественного и промышленного комплексов?! Несколько исторических штрихов с экономическими результатами по приватизации 1990-х годов. Приватизационные чеки были скуплены персонажами теневой экономики, которые легализовали капиталы, полученные незаконными методами, в том числе и заемные на Западе средства с участием крупнейших иностранных компаний. Граждане

страны в большинстве своем были отстранены от участия в приватизации промышленности и сельского хозяйства, получив в собственность лишь квартиры, оплаченные многократно трудом предшественников.

Нельзя не упомянуть следующий знаменательный этап приватизации – залоговые аукционы (авторство – В.Потанин, исполнение А.Кох). Существо события – законодательно была оформлена схема, по которой несколько миллионеров стали миллиардерами, за бесценок, получив в собственность практически все нефтяные, горно-металлургические и многие другие прибыльные производства страны. Консорциум частных банков выдал Правительству кредит в 650 млрд долл. (взяв эти деньги у Минфина на депозит) под залог крупнейших предприятий. Правительство кредит не вернуло, заложенные предприятия перешли в собственность нескольких олигархов.

Данная – *беспрецедентная в мировой экономической практике* – по существу **мошенническая операция** (за государственные ´деньги купить у этого же государства самые прибыльные активы) дала удручающие результаты. Согласно многочисленным социологическим исследованиям, идеи либерализма, демократии и рыночной экономики были ***бесповоротно скомпрометированы*** и вероятно, поэтому о приватизации не упоминали до 2013 г., когда Правительство, впервые за 18 лет утвердило Прогнозный план приватизации федерального имущества на 2014-2016 гг. Несмотря на лозунги о большей эффективности частной собственности по сравнению с государственной, только по итогам 1996 г. (первого года частного управления государственными активами) потери экономики в 2,5 раза превысили потери страны в годы Великой Отечественной войны. Были закрыты или практически прекратили деятельность 261 предприятие оборонной промышленности с уникальным научно-техническим потенциалом. Другие были скуплены за бесценок западными, преимущественно американскими, компаниями[29]. В государственную казну, в целом от распродажи крупнейших предприятий мирового уровня, стоимость которых по самым минимальным оценкам составляет около триллиона долларов, поступило 7 млрд 200 млн долл. По итогам распродажи девяностых годов безграмотное и непрофессиональное управление стратегическими активами нечистых на руку частников привело к тому, что Россия по целому ряду отраслей скатилась к уровню объемов производства 1930-1950-х годов[30].

Распродажа, бессмысленная и беспощадная, народной собственности в 1990-е годы привела и к тому, что был нанесен сильнейший удар по

[29] К примеру, «Ник энд Си Корпорэйшн» получила контроль над 19 военными заводами, в том числе таких прославленных, как Тушинский машиностроительный, АО «Рубин», «Авионика» и другими.

[30] По добыче угля – к уровню 1957 г., по производству станков – к 1931 г., обуви ─1900 г., животного масла – к 1956 г.

социальной сбалансированности общества, ущемлению понятий справедливости и глубокому расслоению населения. Согласно многочисленным социологическим исследованиям, идеи либерализма, демократии и рыночной экономики были бесповоротно скомпрометированы и вероятно, поэтому о приватизации не упоминали до 2013 г., когда правительство, впервые за 18 лет утвердило Прогнозный план приватизации федерального имущества на 2014-2016 гг.

В новом документе по приватизации, помимо приблизительно двух тысяч предприятий, полностью или частично контролируемых государством, было намечено продать **стратегически важные активы.** Особенность процедуры заключалась в методе продажи – не списком, а по отдельным правительственным постановлениям[31].

По некоторым оценкам, данные предприятия обеспечивают до 20% ВВП, так что значение их для государства трудно переоценить. После заморозки в 2013 г. подготовки к продаже перечисленных объектов и, не желая рисковать относительной социальной стабильностью в стране, в конце 2015 г. Правительство под давлением сложной ситуации (бюджетные трудности, нехватка финансовых ресурсов, западные санкции, ограничения монетарного характера, необходимость индексации пенсий по закону, растущий дефицит) вновь вернулось к идее приватизации[32].

Для решения экономических задач было определено использовать самые примитивные инструменты, полюбившиеся нашим либералам-рыночникам – продать последние привлекательные и прибыльные государственные активы, а также увеличить фискальную нагрузку на население, повысив действующие и установив новые акцизы.

Как тут не вспомнить слова и мудрые мысли Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, не только известного русского писателя-сатирика, но и между прочим вице-губернатора в Рязани, в Тверской губернии: « Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления!», «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют», «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения», «Это еще ничего, что в Европе за наш рубль дают один полтинник, – будет хуже, если за наш рубль станут давать в морду», «Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать?»[33]

---

[31] Конкретно (без отдельных уточнений): Росспиртпром, Ростелеком, Московский авиаузел (аэропорты Внуково, Шереметьево), «АЛРОСА», «Транснефть», «РусГидро», ВТБ, «Уралвагонзавод», «Роснефть», «Аэрофлот», «Совкомфлот», «Башнефть».

[32]Предварительные предложения о приватизации предприятий предполагают общую сумму поступлений на уровне 1,0 трлн руб., при утвержденном дефиците бюджета (2,9% ВВП) около 2,5 трлн руб. согласно"Прогнозному плану приватизации крупнейших компаний 2014-2016 гг.").

[33] Электронный ресурс http://www.adme.ru/vdohnovenie-919705/pisatel-kotoryj-videl-buduschee-618255/

Иногда российские власти проявляют удивительную последовательность: обещали распродать народное имущество – обязательно распродадут[34].

Не так давно Минфин РФ с гордостью объявил о приватизации «Совкомфлота» 25% акций крупнейшей государственной судоходной компании. Не успели стихнуть вопли восторга, вызванные столь новаторским решением по пополнению бюджета, как министр финансов Антон Силуанов анонсировал очередной этап борьбы с кризисом – продажу частным инвесторам 19,5% акций «Роснефти».

Вообще, российские власти обещали вторую масштабную волну приватизации с 2011 г. Опыт 1990-х годов по передаче социалистической собственности в руки эффективных менеджеров был признан успешным на самом высоком уровне. Российская общественность на подобные заявления отреагировала столь вяло, что возникает ощущение полной солидарности с правительством.

Итоги приватизации 1990-х годов впечатляют не только размахом развала экономики, но и тем, что был развеян устойчивый миф, поддерживаемый до сих пор либералами о том, что частная собственность всегда и везде эффективней общественной и государственной.

Справедливость этого утверждения возможно и обоснована для небольших производств (но не всегда), но для огромных транснациональных корпораций с многомиллиардными активами этот тезис не совсем верен и участие корпорации, государства в управлении активами крайне необходимо. Зачем, например, включать в План приватизации 2014-2016 гг., ради сиюминутной выгоды, якутского производителя алмазов «АЛРОСА», чистая прибыль которого в первом полугодии 2015 г. выросла в 2 раза – до 47,2 млрд рублей, или компанию «Аэрофлот», увеличившую выручку за 9 месяцев 2015 г. на 55%! Аналогично – и другие «распродажные лоты»!

Между тем, продажа высокодоходных государственных активов – решение дискуссионное, ибо цель любой коммерческой компании – получить максимум прибыли при минимуме издержек. Приватизация остатков государственной собственности, без сомнения, ускорит процесс: позволит распорядиться ресурсами более рационально – направить доходы кому надо, а не кому попало.

Как же россияне относятся к приватизации? Обратимся к социологическим опросам. В 2007 г. ВЦИОМ и Левада-Центр независимо друг от друга задали гражданам вопрос «Как вы относитесь к итогам приватизации 1990-х?». Отрицательное мнение высказали: 75%, по данным ВЦИОМ, и 74%, по данным Левада-Центра; положительное 15% и 11%,

[34]Как россияне относятся к приватизации? 22 декабря 2015 г (Центр С.Сулакшина – М.Волков)

соответственно. Если посмотреть недавние интернет-опросы, то отрицательно относятся к приватизации от 80% до 96%, зависит от ресурса.

Массовая приватизация не единожды откладывалась – «в связи с ухудшением макроэкономической ситуации и снижением инвестиционной привлекательности российских компаний». Боялись продешевить. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков прямо так и сказал: не бойтесь, за копейки никто не отдаст. (Заявление Кремля от 5 ноября 2015 г.)[35]: ***«Это должен быть эффективный процесс, и, конечно, приватизировать активы, которые сейчас крайне недооценены, вряд ли возможно и вряд ли целесообразно».***

Прошёл месяц. «Роснефть» планировали продавать (распоряжение премьер-министра, 27 ноября 2014 г.) по цене не ниже $7,55 за акцию (цена первичного публичного размещения). Сейчас акция компании на Московской бирже стоит около 250 рублей или $3,57 – в 2 раза меньше. Вот уж воистину – ни украсть, ни покараулить. Вспоминаются слова первого вице-премьера Игоря Шувалова: ***«Мы должны конкурировать за мировой капитал, который участвует в приватизационных сделках, у нас есть реальные конкуренты»[36].*** *От автора* – «Мировой капитал» вам не конкурент. Не пытайтесь надуть экспертов, жуликов-приватизаторов международного класса – вернётесь стриженными![37]

Как известно, приватизация по экономической теории, здравому смыслу и позитивному опыту ее осуществления в других странах предполагает, что убыточные или недостаточно эффективные государственные предприятия будут переданы в частные руки и станут приносить прибыль и владельцам, и государству. Этот шаг позволяет выполнять таким способом долгосрочные фискальные функции и задачи создания новых рабочих мест. Однако, элементарные законы рыночной экономики гласят: ***на спаде – покупать, продавать – на подъеме***! В правительстве России, во власти и в рядах его экономического блока вроде бы рыночники, но почему-то, наступая на новые грабли, опять выдвигаются предложения по приватизации высокодоходных и стратегических компаний в областях энергетики, транспорта, связи, добычи алмазов. Кто видел за последние 2-3 года подъем в экономике?!

Может быть, финансовое положение в стране стало лучше, больше накопили золотовалютных запасов, макроэкономические показатели улучшаются?! Может быть, за двадцать лет эффективные и рачительные собственники от первой волны приватизации в нефтяном бизнесе построили

---

[35] Песков подтвердил позицию Кремля по приватизации // Российская газета. 2015. 5 ноября.

[36] Медведев рассчитывает на выполнение планов по приватизации в 2014 г. // Экономика и бизнес. 2014. 17 февраля (Правительство надеется получить от приватизации около 200 млрд. руб.). Подробнее на ТАСС: http://tass.ru/ekonomika/975071

[37] Прим. автора – почти по А.Н.Косыгину при сборе налогов в свиноводстве – («визгу – много, щетины – мало»).

новые нефтеперерабатывающие заводы?! Опять нет – злые языки утверждают, что сумели накопить всего на один НПЗ. Хотелось бы понять со ссылкой на апологетов зарубежной экономической мысли, почему именно сейчас при таком количестве у «эффективных собственников» зарубежных дворцов, гостиниц, замков, яхт, лимузинов, футбольных и баскетбольных профессиональных команд, коттеджей и даже островов, «наши учителя эффективной экономики» из международных рейтинговых агентств, в частности агентство Moody´sпоставило кредитный рейтинг России Ba1 на пересмотр с возможностью снижения?! В пресс-релизе агентства говорится, что основными причинами возможного понижения стали цены на нефть, состояние экономики России и платежного баланса.[38] Правомерен поэтому вопрос – кто может купить эти недешевые компании в условиях, когда в стране не хватает финансовых ресурсов, бюджет сведен с дефицитом, социальные трудности и проблема повышения пенсионного возраста при выходе на пенсию? Часть олигархов (В.Потанин, в частности) заявляет об отсутствии интереса к приватизации, оставшиеся рассматривают некоторые объекты, не проявляя особого интереса «выходить из наличности» в условиях кризиса и ожидая, очевидно, от государства позитивных результатов введения неформального «налога на лояльность» для отечественных миллиардеров. Ответ очевиден – не дождетесь!

В научных кругах называется также и другая группа покупателей российской собственности – это российские и международные валютные спекулянты, которые (по мнению С.Глазьева) за последний год потрясений на валютной бирже заработали не менее 50 миллиардов долларов и сейчас готовы вложить эти деньги в перспективные производства (но при условии выполнения требований «оздоровить активы перед продажей»!). Хотелось бы спросить – просчитывали ли в Росимуществе, насколько целесообразно лишать государственный бюджет полностью или частично доходов от высокоприбыльных приватизируемых предприятий?! Деньги от распродажи закончатся быстро, а активы, дающие гарантированную и долгосрочную прибыль, будут утрачены. А когда закончатся активы, что будем продавать и кому?

Каков логический вывод из приведенных материалов и данных?! На нынешнем этапе развития страны убедительных аргументов против немедленной приватизации гораздо больше, чем в ее пользу – и это, несмотря на принципиально новый сравнительно с процессами 1990-х годов

[38] Ъ – Коммерсант. http://www.kommersant.ru/Doc/2932016. Зарубежные Аналитики продолжают ухудшать свои прогнозы по состоянию российской экономики в начавшемся году. JP Morgan ожидает снижения ВВП РФ в 2016 г. на 1,5% при цене нефти $31 за баррель, опрошенные Reuters экономисты – на 3% при стоимости этого сырья $37 за баррель.

сценарий, обозначенный Владимиром Путиным[39]; время для ее проведения выбрано неудачно в условиях высокой волатильности, отсутствия экономической стратегии и неопределенности курса рубля, не позволяющими с высокой достоверностью определить стоимость компаний и дающими основания спекулянтам получить одностороннюю выгоду.

Завершить этот небольшой экскурс в лоно приватизации хотелось бы прикладным ответом на вопрос об ее эффективности, в частности, в выборе собственника – государство или частник?! Не вдаваясь в глубокие теоретические дебри известных иностранных экономистов, обратим внимание на то, что когда нашим либерал-реформаторам удобно, они тут же нас «тычут» носом в зарубежный опыт, притом весьма избирательно, поскольку этот опыт по части приватизации не так уж и однозначен.

Разговоры о том, что государство – неэффективный собственник, - ложь для «теоретического» обоснования разграбления национального достояния. Все зависит от того, какое это государство и какие цели оно преследует! И, конечно же, *от качества управления, которое формой собственности не определяется.* Достаточно вспомнить опыт планирования в комитетах и штабах корпораций Японии в 1950-е годы, системы управления качеством и коллективной ответственности за принятые решения, системы «ринги» и «компанейских профсоюзов». Великий менеджер Ли Якокка сделал успешным вполне частный «Крайслер», который до его прихода был совершенно неэффективен и балансировал на грани банкротства.

Другой пример – Норвегия, которая в отличие от России не отказалась от государственного контроля и командных высот над своими энергетическими ресурсами, их добычей, переработкой и ведущими предприятиями других отраслей, в частности, таких передовых, как телекоммуникации. Итоги такого подхода общеизвестны – ООН вполне заслуженно поставила Норвегию на первое место по индексу потенциала человеческого развития, там нет такого расслоения населения на бедных и богатых (децильный коэффициент 4, против – 16 в России). Бедных в Норвегии просто нет, сверхбогатых – тоже[40].

Наконец, у Норвегии имеются хорошие резервы, а ее население на порядок меньше российского. Норвегию не зря называют северным Кувейтом. В 1990 г. в Норвегии был создан государственный нефтяной фонд, куда направляли большую часть своих доходов от нефти как раз для того, чтобы продолжать жить припеваючи и при падении нефтяных

[39] Установлены жесткие ограничения (с учетом итогов приватизации 1990-х годов) на новую распродажу: максимальная прозрачность сделок, российская юрисдикция новых владельцев, недопустимость вывода активов в оффшоры и кредитования сделок государственными банками (прим. автора).

[40] Субботин Ю. Сказка об эффективном собственнике // Парламентская газета. 2016. №5 (2727). 12-18 февраля.

котировок. По данным на июнь 2015 г. резервы страны составили 890 млрд долл., что соответствует примерно 178 тыс. долл. на каждого жителя.

В России тоже резервы немаленькие, она переняла опыт и не тратила все доходы от энергоресурсов, а часть откладывала на черный день. Но Россия позже начала вести такую политику, и в прошлый кризис пришлось много потратить, поэтому продолжала копить с низкого старта. По сравнению с маленькой Норвегией с резервами в 890 млрд. долларов большая Россия с резервами в 89 млрд долл. наглядно проигрывает. По состоянию на 1 декабря объем Резервного фонда и Фонда национального благосостояния составил 4,387 трлн руб., что эквивалентно 88,94 млрд долл.

А далее государство поддерживает на оптимальном уровне соотношение бедных и богатых, как это делается в некоторых странах Европы. К примеру: в скандинавских странах власть начинает беспокоиться, когда известный показатель неравенства «дециль» превышает 4, в той же Германии беспокойство проявляют, когда в какой - либо из федеральных земель дециль переходит за пороговое значение 6! А вот в России, августовская 2015 г. «Российская газета», ссылаясь на Росстат, озвучила дециль равным 16. В научной среде эти оценки несколько выше, более того, в некоторых субъектах Федерации и крупнейших городах дециль уже более 30, в Москве и вовсе 40.

А первопричина сему – последствия крайне неправовой приватизации государственной собственности 1990-х годов, проведённой по американским лекалам, более того, как выяснилось, с участием советников от США. Так что созданная трудом многих поколений крупная государственная собственность оказалась во владении узкого круга лиц, как говорят в СМИ, приближённых к новой власти или даже связанных с криминалом. Удивляет и практика самого государства в оплате труда государственных чиновников, работающих в органах государственной власти и управления. Дециль неравенства в бюджетной среде зашкаливает среднеевропейский. Чрезмерное раздражение, а порой и озлобление, простого народа вызывают декларации о доходах управленческой элиты и руководителей ряда крупнейших государственных компаний, их заработной платой исчисляемой в сотнях тысяч, а у некоторых – в миллионах рублей в день.

Складывается впечатление, что слуги народа и государственные менеджеры живут в другом государстве, потеряв чувство меры и разумных потребностей. Но особое раздражение вызывает государственное порождение высокого дециля неравенства в среде пенсионеров. Посудите сами. Средний размер страховой пенсии в России по старости 12,9 тыс. руб., а вот пенсионерам из числа управляющей элиты властные органы (сами себе) назначают пенсии исчисляемые сотней тысяч рублей с выходным пособием позволяющим кредитовать государство!!! И это в

условиях экономического кризиса, сформированного внешними силами и внутренней нераспорядительностью… Речь идёт не об уравниловке, а о чувстве меры, социальной справедливости. Все ли в порядке у нас в стране с совестью, морально-этическими нормами? Придётся напомнить тем, кто принимает антинародные решения, напутствия СВЯТИТЕЛЕЙ: «Человек трудится для создания материальных благ… Но никогда не переступай черты необходимости», «Богатство исчезает перед дверью гроба». Такой вот результат деятельности «неэффективного» собственника, то есть государства Норвегия. Приводить здесь же уже ставшим классическим негативным примером по «разгосударствлению» государственных железных дорог в Великобритании (*при Маргарет Тэтчер)* и плачевных, провальных результатах их эксплуатации (рост цен, отмена «нерентабельных маршрутов», нарушение графиков движения, закрытие небольших станций, рост аварийности) не приходится для подтверждения неэффективности деятельности «априори эффективного частника», тем более, что теперь отрасль снова подконтрольна государству (правда без осуществления национализации). По оценкам экспертов и пассажиров подтверждается эффективность деятельности в США монополиста в сфере пассажирских перевозок на большие расстояния государственной железнодорожной компании Amtrak (20 тыс. работающих).

Пример Китая – там приватизации в нашем понимании не было. Приватизировались только неэффективные государственные предприятия, как правило, через процедуру банкротства. Государство стремилось оставить за собой только высокодоходные и стратегически важные объекты. В итоге за ним осталось инфраструктурное строительство (90%), электроэнергетика (88%), добыча и переработка нефти (85,54%). Есть отрасли, где частный бизнес представлен, куда основательней, но сути дела это не меняет. Среди 500 крупнейших государственных компаний 63 имеют годовую выручку более 100 млрд юаней, в частном секторе таких компаний всего 5. Кто-нибудь из наших либералов-теоретиков рискнет утверждать, что в Китае неэффективная экономика?!

Интересны новые предложения ***«Столыпинского клуба»,*** изложенные в программном докладе «Экономика роста», который был подготовлен известными бизнесменами, учеными и общественными организациями[41][42][43].

---

[41] http://ombudsmanbiz.ru/2015/10/stolypinskij-klub-predstavil-doklad-ekonomika-rosta/. http://www.deloros.ru/titov-sushhestvuet-programma-po-kotoroj-vvp-vzletit-na-10.html.
Приложение: ЭКОНОМИКА РОСТА. Доклад Столыпинского клуба. 21.10.2015.

[42] Авторами доклада выступили Уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов, зам. председателя Правления ВЭБа Андрей Клепач, Советник Президента РФ Сергей Глазьев, сопредседатель «Деловой России» Антон Данилов-Данильян, управляющий директор ArbatCapital Алексей Голубович, зав отделом международных рынков капитала ИМЭНО РАН Яков Миркин, председатель совета директоров Инвестиционно-консалтинговой группы ФЁСТ Владимир Гамза, другие члены президиума Столыпинского клуба - целый ряд видных экономистов и предпринимателей.

10 шагов к спасению экономики[44]

1.	Денежно-промышленная политика, обеспечивающая предложение доступного, под низкую ставку, долгосрочного кредита для инвестиционного развития
2.	Политика стабильного и заниженного (не менее, чем на 10%) в среднесрочной перспективе по отношению к основным валютам курса рубля
3.	Реформирование ценообразования на услуги инфраструктурных и сырьевых монополий: от доминирования производителей к приоритету промышленного потребителя
4.	Проведение налоговой реформы, стимулирующей качественный экономический рост
5.	Проведение земельной реформы, обеспечение возможности использования земли как актива в рыночном обороте
6.	Кардинальное снижение административного давления на бизнес
7.	Правовое государство
8.	Электронная экономика (I-Economy), электронное государство (I-State)
9.	Открытая экономика, развитие международной кооперации
10.	Бюджет, нацеленный на развитие

Они убеждены, что добиться экономического роста, только следуя рекомендациям МВФ для развивающихся рынков, невозможно. Проводимая денежно-кредитная, бюджетная и налоговая политика, искусственно высокая ставка кредитов от ЦБ РФ, радикальное сокращение денежной базы и сдерживание расходов на развитие ведет к снижению рыночной конкуренции, доминированию олигополий и фактической деиндустриализации страны. Продолжение такой политики приведет к консервации сырьевой зависимости экономики и технологической отсталости.

Главное предложение программы – отход от принципов поддержания видимости макроэкономической стабилизации и политики сдерживания к политике стимулирования экономического роста.

Для этого предлагается проводить политику доступного кредита на уровне рентабельности российских предприятий – 4-5%, повысить соотношение денежной массы к ВВП до показателя 0,8-0,9 (сейчас 0,45), проведение политики стабильного, но низкого первые пять лет, курса рубля. **Вопреки господствующим подходам, главный путь к снижению инфляции – не ограничение денежной массы, а экономический рост**! Среди других технических решений: взимание экспортных платежей непосредственно в валюте, мягкое валютное регулирование – налог на покупку валюты корпоративным сектором, ограничение роста тарифов

[43] http://www.deloros.ru/ekonomicheskij-rost-vopreki-vsemu.html.
https://news.mail.ru/economics/23700464/?frommail=1

[44] Источник: доклад Столыпинского клуба «Экономика роста», 2015.

инфраструктурных монополий, введение высоких экспортных пошлин на сырье и продукты первого передела (возможный *отказ от возврата НДС* по ним). Кроме того, предлагается провести налоговую реформу в два этапа. На первом – принять ударный пакет мер, стимулирующих инвестиции и технологическое обновление. На втором – приведение структуры налогов в соответствие с уровнями развитых и динамично развивающихся стран (снижение налогов на производство до среднемировых – 41%, сейчас – 49%), введение налогов социальной справедливости – возврат к ЕСН, переход к прогрессивной шкале НДФЛ, введение «оффшорного» коэффициента для компаний, зарегистрированных в офшорах. Также в программах предлагается проведение земельной реформы, кардинальное (минимум вдвое) снижение числа проверок и реформа контрольных органов, повышение персональной ответственности чиновников за препятствование предпринимательской деятельности, развитие в России принципов электронного государства – перевод всех государственных услуг в электронную форму.

В сфере бюджетного реформирования предлагается допускать умеренный бюджетный дефицит для стимулирования роста, расширение заимствований на внутреннем и внешнем рынках, проведение целевой (связанной) денежно-кредитной эмиссии (не менее 1,5 трлн рублей в год в течении 5 лет), повышение финансовой самостоятельности регионов и выбранных глав муниципальных образований, привязка региональных бюджетов к росту доходов предприятий и населения.

Всё вышеперечисленное, по мнению авторов доклада, может привести к проведению Новой индустриализации страны и росту экономики опережающими мировые темпами (до 10% в год). Основным условием успеха данной программы считается её комплексное исполнение с использованием новой модели управления (отделение управления развитием от текущей деятельности Правительства).

Трудно не согласиться с разумными предложениями о том, что главное сейчас: уйти от монетарного принципа, где главное – поддержание макроэкономической стабилизации, к политике количественного смягчения по-русски, подразумевающего приоритет промышленных перерабатывающих компаний над сырьевыми и переход от ручного управления к стратегическому. Хватит спекулировать на псевдоанализе известного уравнения Фишера в части увеличения денежного предложения с сомнениями нецелевого использования, не надо бояться эмиссии – надо усилить контроль использования выделяемых средств в рамках ранее предложенной инфраструктуры (информация по выступлениям Б.Титова, А.Голубовича, А.Гамзы, С.Глазьева). В стране немонетарная инфляция и звучащие либеральные мысли о сокращении денежной массы только усугубят имеющиеся проблемы и еще больше разгонят инфляцию.

Сократить ее можно только обеспечив устойчивый экономический рост и непосредственное использование для развития реального производства!

Новый федеральный закон "О промышленной политике", принятый законодательной властью и начало реализации пяти целевых стратегических программ Министерством промышленности и торговли позволяет надеяться на концентрацию усилий в комплексе по возрождению разрушенного промышленного потенциала России.

Но не успели мы высказать заверения и надежду на улучшение экономической и политической (предвыборной) ситуации в стране как был опубликован доработанный проект макроэкономического прогноза Минэкономики на 2016-2019 гг.

В нем ведомство Алексея Улюкаева впервые объявило, как предполагается реализовать целевой сценарий прогноза – с выходом на рост ВВП в 4,5% к 2019 г. Рецепт выхода из рецессии от Минэкономики – ограничение роста зарплат в экономике в 2016-2017 гг. с последующей компенсацией в 2018-2019 гг., бурный рост корпоративных прибылей в 2018-2019 гг., инвестиции из ФНБ и бюджета в "системообразующие и эффективные инвестпроекты" и сокращение потребления энергии.

Сценарные условия и основные параметры прогноза социально-экономического развития РФ в 2016 г. и на 2017-2019 гг. опубликованы Минэкономики. Основные цифры консервативного и базового прогнозов "Ъ" публиковал 4 мая. Интерес в документе представляют данные целевого прогноза и его обоснование – это предложение Минэкономики Белому дому по экономической политике до 2019 г., и, исходя из того, что оно уже согласовано правительством 21 апреля "в целом", оно описывает взгляд правительства на его действия до начала 2020 г. Документ может измениться к осени, когда в новую Госдуму попадет исправленный бюджет на этот год и на трехлетку 2017-2019 гг., однако, сейчас это теоретическая база для всех бюджетных дискуссий мая-июля 2016 г.

Как и базовый, целевой вариант прогноза после заседания правительства 21 апреля переписан исходя из постоянной среднегодовой цены нефти в $40 за баррель (ранее предполагался умеренный рост цены до $50 к 2018 г.). Главную цель – 4,5% роста ВВП в 2019 г. – правка не отменила, но рост ВВП в 2017-2018 гг. в целевом сценарии все же ниже, чем предполагалось ранее – 0,4% (ранее 1%) и 2,9% (ранее 3,3%). ***Таким образом, даже в целевом сценарии стагнация 2015-2017 гг. де-факто объявлена неизбежной: ощутимый рост может начаться только после президентских выборов 2018 г.***

Сам по себе описанный целевой сценарий – не альтернатива структурным реформам. Так, увеличение пенсионного возраста, изменение структуры расходов федерального бюджета, реформа трудового рынка им не противоречат. Но главный парадокс целевого сценария ведомства

Алексея Улюкаева – в том, что переход к экономическому росту, оплаченный "голодным" для населения 2017 г., в расчетах Минэкономики **сопровождается довольно быстрым сокращением занятости** (с 72,7 млн экономически активного населения в 2015 г. до 71,5 млн в 2019 г.) при падающей до докризисных 5,6% (по МОТ) общей безработице.

Сокращение экономической активности населения при промышленном росте и росте производительности труда выглядит чудесным явлением — оно представимо только в случае технологической революции. Русское экономическое чудо, неявно предлагаемое в сценарии к 2019 г., очевидно, должно строиться на ручном управлении модернизацией промышленности – ранее предприниматели не проявляли энтузиазма в массовой закупке высокопроизводительных мощностей.

Вместо заключения

1. Основа и предварительный вывод: тенденция падения или «скольжения вниз» социально-экономической и финансовой части страны без серьезных изменений политической повестки дня – Конституции России – приведет к необратимым потерям в ближайшие три года, поставив вопрос о защите интересов всех слоев населения и сохранении России как единого демократического самодостаточного государства, которое сможет защитить свои национальные интересы, как на внешнем, так и на внутреннем сегменте геополитической борьбы.

2. Проведение приватизации на данном этапе в сложившейся ситуации не решает проблемы наполнения доходной части государственного бюджета и не может быть принято к реализации в связи с риском утраты контроля над стратегически важными объектами, недостаточными финансовыми результатами приватизации, отсутствием необходимого промышленного потенциала и выбранной экономической стратегии. По совокупности факторов реализация плана приватизации должна быть отложена в целом (с допущением таковой в порядке исключения для отдельных предприятий).

3. Несмотря на предлагаемые меры и вводимый «год добровольной бедности» населения в «мирное время», в целевом сценарии стагнация 2015-2017 гг. де-факто объявлена неизбежной: ощутимый рост может начаться только после президентских выборов 2018 г.

4. Нынешний состав либерально-экономического блока правительства, предлагая такой прямолинейный и сиюминутный выход из кризисной ситуации, подтверждает отсутствие новых идей по изменению структуры финансирования реального сектора экономики, созданию новых рабочих мест в малом и среднем бизнесе и, на наш взгляд, должен уйти в отставку! Это будет цивилизованный, «заслуженный», логический конец той извращенной политической мимикрии, ситуации кривого зеркала, в которую завела экономику нашей страны навязанная извне монетаристская

политика и «мягкая сила». Объективно наступила пора вслед за успехами и трудностями внешней политики страны серьезно разобраться на полях внутренней политики!

И трансформация системы международных отношений в XXI в. в значительной степени будет зависеть не только от самостоятельного внешнеполитического курса России, политической воли руководства, но и его структурного экономического наполнения, поддержки гражданского общества, которые всегда составляли надежный экономический базис социально-политических преобразований и управленческих реформ.

Литература:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС,1994.
2. Аникин В.И. Теория и практика управления во внешнеполитической деятельности. М.: ДА МИД РФ, Научная книга,1999.
3. Альтернативный федеральный бюджет на 2016 год. Основные параметры. Фракция «Справедливая Россия» в Государственной Думе ФС РФ. Москва. 2015.
4. Бажанов Е.П. О тенденциях международных отношений на пороге XXI столетия. М.: Изд-во Научная книга, 1999. 35 с.
5. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Америка: вчера и сегодня. Монография в 2 т. М.: Изд-во Известия, 2005. Т. 2. 607 с.
6. Годовой отчет Банка России за 2015 год. Утвержден Советом директоров Банка России 29.04.2016. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, 2016.
7. Аникин В.И. Конкурентоспособность России, приоритеты стратегического сотрудничества с зарубежными странами и вызовы для национальной безопасности // В сборнике: Конкурентоспособность экономики России в XXI в.: вызовы для национальной безопасности. М., 2013.
8. Катасонов В. Россию берут в клещи. Электронный ресурс http://rusplt.ru/world/rossiyu-berut-v-kleschi-19122.html
9. Кукарцева М.А. Историография и историческое мышление (аналитический обзор). Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2004. № 2.
10. Кукарцева М.А. Идентичность. В сборнике: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Институт философии РАН. Москва, 2009.
11. Лузан А. Новая геостратегическая реальность / Москва. REGNUM. 10 октября 2015.
12. Практические механизмы освобождения России от внешней экономической зависимости. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 25 февраля 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2015. 160 с.

13. Сергей Глазьев. «О неотложных мерах по отражению угроз существованию России»http://rusprav.tv/sergej-glazev-o-neotlozhnyx-merax-po-otrazheniyu-ugroz-sushhestvovaniyu-rossii-53238/
14. Аникин В.И., Сурма И.В. Международные аспекты и стратегические оценки экономической безопасности России в условиях геополитической нестабильности // Вопросы безопасности. – 2014. № 5.
15. Аникин В.И. Стратегические оценки экономической безопасности стран БРИКС (энергетический вектор) // Вопросы безопасности. 2014. № 6.
16. Сурма И.В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5.
17. Аникин В.И., Сурма И.В. Плюрилатеральные соглашения в контексте развития Всемирной торговой организации // Вопросы безопасности. 2015. № 5.
18. Гонтмахер Е.Ш. Авторецензия. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2012.
19. Аникин В.И. Стратегические оценки экономической безопасности стран БРИКС (энергетический вектор) // Вопросы безопасности. 2014. № 6.
20. Аникин В.И., Сурма И.В. Плюрилатеральные соглашения в контексте развития Всемирной торговой организации // Вопросы безопасности. – 2015. № 5.
21. Аникин В.И. Управление внешними связями // В сборнике: Государственное управление во внешнеполитической деятельности и международная безопасность Сборник научно-практических материалов. Сер. "Государственная гражданская служба – дипломатическая служба и внешнеполитическая деятельность: основы государственного управления". Москва, 2013.
22. Мантусов В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Мировая экономика". Москва, 2011. Сер. Мировая экономика и МЭО.
23. Аникин В.И. Особенности участия России и Тайваня в деятельности АТЭС. Отчет о НИР № 09-03-00875а/Тау от 20.02.2009 (Российский Гуманитарный Научный Фонд).
24. Аникин В.И., Сурма И.В. Перспективы политико-экономического развития России: сценарный прогноз. Вестник Поволжского института управления. 2012. № 2.
25. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громыко А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Конышев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. Современный мир и геополитика. Москва, Канон+, 2015. 448 с.

26. Анненков В.И., Аникин В.И., Бумагина Е.Л., Валиева З.Э., Волохов В.И., Грановская М.В., Дмитриева И.А., Иванов О.П., Конышев В.Н., Ксенофонтов В.Н., Кукарцева М.А., Колосова И.В., Лукин А.В., Манойло А.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Петрова Т.П., Рудницкий А.Ю., Рыхтик М.И., Сергунин А.А. и др. XXI век: перекрестки мировой политики. Москва, Канон+, 2014. 424 с.
27. Аникин В.И., Бажанов Е.П., Баклицкий А.А., Балакин Д.А., Громыко А.А., Жильцов С.С., Закаурцева Т.А., Иванов О.П., Конышев В.Н., Кукарцева М.А., Мозель К.Н., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Пашенцев Е.Н., Рудницкий А.Ю., Солтановский И.Д., Сергунин А.А., Соловьев Э.Г., Субботин С.В. и др. Россия и современный мир. Москва, Канон+, 2016. 512 с.
28. Субботин Ю. Сказка об эффективном собственнике // Парламентская газета. 2016. № 5 (2727).12-18 февраля.

Дарья Юрьевна БАЗАРКИНА,
Докторант
Института Европы РАН,
Доцент кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования
Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

КОММУНИКАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация: Исследование коммуникационного аспекта антитеррористической деятельности не теряет актуальности на фоне деятельности ИГИЛ, вооруженных конфликтов, в которых действуют различные группы, подчас поддерживающие самые реакционные идеологии. На этом фоне соответствие слов, дел и образов в антитеррористическом курсе того или иного государства или межгосударственного образования особенно важно. Автор доклада рассматривает положения Антитеррористической стратегии Европейского Союза как часть его стратегической коммуникации. Исследуется также опыт применения Стратегии на практике, сопутствующие проблемы.

Ключевые слова: коммуникация, терроризм, Антитеррористическая Стратегия ЕС, британская стратегия борьба с терроризмом CONTEST, Совет ЕС, Европейская экспертная сеть по проблеме радикализации, Сеть информирования о проблеме радикализации.

BAZARKINA Darya Yurievna,
Post-Doctorate at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IERAS);
Associate Professor at the Department for communication management, advertising and PR, Moscow State Pedagogical University (MSPU)

COMMUNICATION COMPONENT IN THE EUROPEAN UNION COUNTER-TERRORISM STRATEGY

Abstract: Research of communication aspect of the antiterrorist activity does not lose an actuality under the conditions of ISIS activity, armed conflicts in which the various groups can support the most reactionary ideologies. On this background synchronization of words, deeds and images in an antiterrorist course of

the state or interstate formation is especially important. The author considers in this paper the points of the European Union Counter-Terrorism Strategy as a part of EU strategic communication. Experience Strategy's practical implementation and attendant problems are also analyzed.

Keywords: communication, terrorism, the European Union Counter-Terrorism Strategy, British counter-terrorism strategy CONTEST, EU Council, The European Network of Experts on Radicalisation – ENER, Radicalisation Awareness Network – RAN.

Коммуникационный аспект противодействия террористической угрозе в Европе начал формироваться еще до образования Евросоюза. События в США 11 сентября 2001 г. привели Европу к осознанию необходимости единого юридического и оперативного инструментария. В частности, были сформулированы общее определение терроризма и законодательные нормы по отношению к нему[1]. Борьба с терроризмом потребовала выработки единой концепции, которую взяли на себя, главным образом, Комиссия ЕС и Совет ЕС. Эти шаги можно считать подготовительными по отношению к разработке Антитеррористической стратегии ЕС.

Коммуникационные меры борьбы с терроризмом в антитеррориастической стратегии ЕС

Антитеррористическая стратегия ЕС была согласована вскоре после лондонских терактов в 2005 г. в период председательства Великобритании в Европейском Союзе. Поэтому довольно легко проследить сходство основных положений этой стратегии с британской антитеррористической стратегией CONTEST[2]. Стратегия ЕС также выделяет в общих чертах четыре опоры антитеррористической политики и в пределах ЕС, и на международном уровне:

- Предотвращение – препятствование вовлечению граждан в террористическую деятельность, как в Европе, так и в других регионах мира, воздействуя на факторы развития террористической угрозы ("Prevent");
- Защита граждан и инфраструктуры, уменьшение уязвимости Европы перед терактами ("Protect");

[1] *Larsson S., Olsson E.-K., Ramberg B.* Crisis Decision Making in the European Union. Stockholm, 2005. P. 27.

[2] См.: CONTEST: The United Kingdom's strategy for countering terrorism. Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty, July 2011. URL: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97995/strategy-contest.pdf (accessed 13.01.2014).

•Преследование террористов – препятствование планированию терактов, перемещениям, общению террористов, финансированию террористических актов, а также предание террористов суду (“Pursue”);

•Реакция – заключительная фаза, кризисное управление и минимизация последствий террористических актов, если они произошли (“Response”)[3].

При этом как основной способ сдерживания роста числа террористических организаций рассматривается первый пункт (“Prevent”) – предупреждение радикализации отдельных индивидов или групп населения, способных в будущем войти в состав террористической группировки типа «Аль-Каиды» или группы, симпатизирующей терроризму[4]. В британской стратегии CONTEST превентивные меры также названы центральными.

В Стратегии ЕС проводится чёткое различие между террористической идеологией и религией, особенностями культуры того или иного этноса. Европейские эксперты делают акцент на необходимости создания такой системы ценностей, политологической парадигмы, которая будет альтернативой террористической пропаганде[5]. Идея, высказанная в Антитеррористической стратегии, сходна с положениями концепции менеджмента знаний, которая также подразумевает создание устойчивых знаний как основы для формирования устойчивой же картины мира.

Далее в Стратегии подчёркивается, что даже среди меньшинства, принимающего идеологию политического экстремизма, лишь немногие обращаются к террористической практике. Готовность войти в террористическую группировку существенно отличается у различных индивидов, хотя их мотивы могут быть довольно схожими и даже идентичными, поэтому Стратегия указывает на необходимость идентифицировать методы пропаганды, а также условия, провоцирующие рост террористической активности, и эффективно им противостоять[6]. Борьба с радикализацией и вербовкой новых террористов находится, прежде всего, в ведении государств-членов ЕС и должна вестись на национальном, региональном и местном уровне. Комиссии ЕС отводится роль координатора национальной политики, а также структуры, распределяющей оперативную информацию и определяющей оптимальные стратегии.

Самым эффективным механизмом коммуникационного противодействия терроризму и распространению террористической пропаганды Стратегия признаёт воздействие на мировоззрение граждан, в особенности на представителей «групп риска», из которых возможен набор

[3] The European Union Counter-Terrorism Strategy. Council of the European Union. Brussels, 30 November 2005.
[4] The European Union Counter-Terrorism Strategy. Council of the European Union. Brussels, 30 November 2005. P. 7.
[5] Ibid.
[6] Ibid.

новых террористов. Так, в документе подчеркивается, что распространение экстремистского мировоззрения приводит граждан к принятию и оправданию насилия. В контексте новой волны терроризма ядром проблемы признается пропаганда, которая преподносит конфликты во всем мире как возможное доказательство столкновения между Западом и Востоком, искажает саму информацию о конфликтах[7].

Формирование новой картины мира требует и разработки принципиально новой риторики для разъяснения характера террористической угрозы, в противовес «языку вражды», использующемуся террористами[8]. В документе отмечается широкий диапазон условий в обществе, которые могут спровоцировать его высокую радикализацию. Среди них Совет ЕС выделяет бедность; быструю, но неуправляемую модернизацию; нехватку политических или экономических перспектив и образовательных возможностей[9]. Как отмечают авторы документа, «в пределах ЕС эти факторы, как правило, отсутствуют», но могут встречаться в отдельных группах населения, и чтобы противостоять этим явлениям вне ЕС, нужно продвигать еще более энергично принципы демократического управления, права человека, а также образование и экономическое процветание, участвовать в разрешении конфликтов[10]. Таким образом, через осмысление механизмов противодействия терроризму подчеркиваются и внешнеполитические интересы ЕС. Сделан акцент на борьбу с неравенством и на установление межкультурного диалога представителей Запада и Востока. Однако то, что в документе не признается, а даже отрицается и высокий темп роста безработицы, и падение уровня образования в ЕС[11], объективно ослабляет сделанные в нем заявления, как и отсутствие упоминаний таких проблем, как нелегальный перевод капитала или социальное расслоение в отдельных странах ЕС, ведущее к радикализации.

В 2009-2010 гг. коммуникационный аспект антитеррористической борьбы становится постоянным предметом дискуссий. Отмечается необходимость усиления эффективности коммуникационной стратегии и тактики. В частности, поскольку опасность радикализации не связана напрямую с религиозной принадлежностью или политическими воззрениями того или иного человека, антитеррористическая коммуникация должна предотвращать терроризм, не ущемляя свобод какого-либо религиозного или политического объединения.

В комментарии к Стратегии признается, что при использовании межкультурного диалога в обстоятельствах, когда он целиком обусловлен

[7] Ibid.P. 8.
[8] The European Union Counter-Terrorism Strategy. Council of the European Union. Brussels, 30 November 2005.
[9] Ibid. P. 7.
[10] Ibid. P. 9.
[11] Подтверждение этой тенденции см.: Education and Training Monitor 2012 – 2015. // European Commission – Education and training. URL: ec.europa.eu/education/tools/et-monitor_en.htm (accessed 13.01.2016).

необходимостью борьбы с терроризмом, такой диалог становится малоэффективным. Следовательно, необходимо так планировать отношения с общественностью, чтобы они формировали более долгосрочное общественное согласие, объединение для борьбы с общим врагом. Задача кросс-культурных коммуникаций понимается гораздо шире, нежели простое предотвращение радикализации: «Мы весьма заинтересованы в совершенствовании кросс-культурных коммуникаций посредством таких инициатив, как «Альянс цивилизаций»[12] ... подобный диалог имеет большую ценность, так как даёт чёткое опровержение пропаганды экстремистов»[13]. Таким образом, в 2009 г. происходит признание необходимости стратегического планирования предотвращения кризисов задолго до их начала.

В 2009 г. также появилась идея формирования сети профессионалов из всех стран ЕС для обмена информацией об актуальном положении в регионе и опытом практической работы. Совет ЕС отмечает, что, только полагаясь на личный опыт местных профессионалов, будь это преподаватели, молодые рабочие, полицейские или чиновники, можно получить обоснованную картину действительности. Отмечается необходимость расширения междисциплинарного подхода[14]. Поэтому в ЕС высоко оценивается эффективность создания на национальном уровне аналитических центров по сбору и обработке информации о динамике развития террористической угрозы и выработке стратегий противодействия.

Реализация коммуникационного аспекта антитеррористической стратегии ЕС на практике и его дальнейшее развитие

Практическое применение коммуникации в борьбе с терроризмом в соответствии с Антитеррористической стратегией отражено в Плане ЕС по борьбе с терроризмом, а также в отчетах по его выполнению. В решении Совета ЕС 2011 г. видно явное повышение интереса к противодействию террористической пропаганде по сравнению даже с текстом самой Стратегии. Так, пункт Антитеррористической стратегии, посвященный предотвращению, признается в 2011 г. центральным элементом общей политики ЕС в борьбе с терроризмом. Его важность также была подчеркнута в Стокгольмской Программе, принятой в 2010 г.[15], а год спустя Совет ЕС подчеркнул, что все действия, намеченные в программе

[12] Альянс цивилизаций – инициатива, предложенная премьер-министром Испании Х.Л. Родригесом Сапатеро в 2005 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Цель инициативы – активизация международных действий против экстремизма посредством налаживания межнационального, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия.

[13] EU Counter-Terrorism Strategy – discussion paper. Council of the European Union. Brussels, 26 November 2009. P. 6.

[14] Ibid. P. 7.

[15] См.: The Stockholm Programme ─ An Open And Secure Europe Serving And Protecting Citizens. 04.05.2010 (2010/C 115/01).

предотвращения терроризма, должны быть реализованы в течение пяти лет, признав, что предотвращение стало наиболее стимулируемым пунктом Стратегии, «и за прошедшие шесть месяцев существенно укрепилось сотрудничество ЕС с партнерами за пределами Союза»[16], в частности, с США. Основными мерами коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом названы мониторинг информации в Интернете, сотрудничество с организацией «Альянс цивилизаций», а также обмен информацией и выработка оценок текущих угроз в рамках Европейской экспертной сети по проблеме радикализации (The European Network of Experts on Radicalisation – ENER).

Европейская экспертная сеть по проблемам радикализации (The European Network of Experts on Radicalisation – ENER) служит инструментом экспертизы для властных структур ЕС и государств-членов. Сеть была учреждена Комиссией ЕС в 2008 г. С тех пор, помимо подготовки аналитических материалов, ENER провела ряд семинаров для высших чиновников под названием «Предотвращение радикализации: коммуникации, СМИ и взаимодействие с гражданским обществом». Также были запущены специальные интернет-ресурсы для практиков ЕС в области безопасности и коммуникации, где публикуются исследования, новости и последние тенденции в данной области. Также был открыт форум экспертов ENER, защищённый паролем для высших чиновников, чтобы распространять информацию внутри экспертной сети и властных структур. ENER готовила графики работы на каждый год, включая план семинаров и подготовки стратегических аналитических материалов[17].

Вторая экспертная сеть, Сеть информирования о проблеме радикализации (**Radicalisation Awareness Network – RAN**) была сформирована как практическое воплощение концепции предотвращения терроризма. Управление работой сети осуществляется в соответствии со Стратегией ЕС по борьбе с радикализацией и вербовкой террористов, принятой в 2005 г. и доработанной в 2008 г., а затем в 2014 г.[18] Предложение по организации экспертной сети также было сформулировано в Стратегии внутренней безопасности ЕС. Сеть, как и ENER, призвана облегчить обмен новостями и опытом между теми практиками в области безопасности, которые имеют непосредственный выход на целевую аудиторию – «группы риска», представляющие интерес для террористических пропагандистов. Одним из самых заметных предложений, внесенных RAN в последние годы, можно назвать «Манифест

[16] EU Action Plan on combating terrorism. Council of the European Union. Brussels, 17 January 2011. 15893/1/10 REV 1.
[17] EU Action Plan on combating terrorism. Council of the European Union. Brussels, 17 January 2011. 15893/1/10 REV 1.
[18] Revised EU Strategy for Combating Radicalisation and Recruitment to Terrorism. Council of the European Union. Brussels, 19 May 2014 (OR. en). P. 3.

для сферы образования»[19] от 15 марта 2015 г., в котором предложены решения по противодействию террористической пропаганде, которые могли бы осуществлять работники образования, – сотрудничество с неправительственными организациями, особый подход к пострадавшим от терроризма или покинувшим экстремистские группы, повышение количества учебных часов, отводимых на обсуждение насущных политических и социальных проблем.

Эти предложения и планы доказывают, что коммуникационное обеспечение борьбы с терроризмом получает новую актуальность, что отражается в стратегических документах Европейского союза. Однако переход от простой декларации соблюдения прав человека в оценке терроризма к предложениям конкретных мер в области коммуникации, не говоря уже об их практическом воплощении, происходит в ЕС с очевидным опозданием по сравнению с террористической пропагандой и вербовкой. Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности можно считать частным проявлением стратегической коммуникации – «проецирования в массовое сознание государством определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением»[20]. При этом определяющим качеством стратегической коммуникации является «синхронизация слов» (пропаганды) «и дел» (долгосрочной государственной политики) и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями[21]. Однако в силу того, что система стратегической коммуникации Европейского союза не сложилась, ее антитеррористический аспект реализуется крайне слабо.

Миграционный кризис, усиление ИГИЛ как организации со сформированным центром, имеющим четкую пропагандистскую линию, из которого значительно легче передавать директивы эмиссарам и террористам-одиночкам по сравнению с более разрозненными структурами «Аль-Каиды», требует определенной централизации усилий по противодействию угрозе в области коммуникации. В настоящее же время проработка стратегической коммуникации ЕС находится в ведении разных структур. Так, Группа стратегической коммуникации на восточном направлении (East StratCom Team) подчиняется Верховному представителю

[19] Manifesto for Education – Empowering Educators and Schools. // Radicalisation Awareness Network (RAN). // European Commission – Migration and Home Affairs. URL: ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/docs/manifesto-for-education-empowering-educators-and-schools_en.pdf (accessed 12.01.2016).

[20] *Пашенцев Е. Н.* Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012. С. 254.

[21] National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, dated 16 Mar 2010, released 17 March 2010. Government Information Earl Gregg Swem Library. P. 2. Цит. по: *Пашенцев Е. Н.* Указ. соч. М., 2012. С. 63.

Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности и входит в структуру Европейской службы внешнеполитической деятельности. Основной целью группы стала борьба «дезинформацией, ведущейся со стороны России» по таким каналам, как RT или «Спутник», в ходе конфликта на Украине[22]. Таким образом, стратегическая коммуникация ЕС здесь подчинена не только сугубо тактическим, но и продиктованным временной политической конъюнктурой целям. О том, что оценка украинских событий в ЕС может и измениться, говорит, к примеру, включение информации о батальоне «Азов» как организации «ультраправых украинских националистов» в раздел «Ультраправый терроризм» ежегодного отчета Европола[23]. На сирийском направлении действует Консультативная группа стратегических коммуникаций по Сирии (Syria Strategic Communications Advisory Team – SSCAT), подчиненная Комиссии ЕС и призванная по итогам «мозговых штурмов» вносить предложения в области коммуникации на национальном, трансграничном уровне «на основании беспрецедентной мобилизации гражданского общества в ответ на теракты в Париже»[24]. Функции последней группы Координатор ЕС по борьбе с терроризмом предлагает расширить до выработки решений не только по ситуации в Сирии, но и по противодействию антиисламской радикализации, в том числе связанной с миграционным кризисом[25], что также само по себе свидетельствует о тактическом применении стратегической коммуникации. Показательно и то, что East StratCom Team использует для описания своей деятельности термин «стратегическая коммуникация», принятый в государственной практике, а SSCAT – термин «стратегические коммуникации», более применяемый в бизнесе.

***

Таким образом, коммуникация ЕС в борьбе с терроризмом пока не позволяет достичь той централизации, которая требуется для вхождения антитеррористической деятельности в русло стратегической коммуникации. Это сказывается и на восприятии действий органов безопасности ЕС общественностью. Так, по результатам опросов, проведенных в марте 2015 г., только 32% жителей ЕС согласились с тем, что наднациональные органы должны играть крайне важную роль в обеспечении безопасности в странах Союза[26]. Только 17% граждан абсолютно согласны с утверждением, что

[22] *Rettman A.* EU drafts plan on Russia's media 'misuse'. Brussels, 23. Jun. 2015 // EU Observer. URL: euobserver.com/foreign/129247 (accessed 13.12.2015); см. также: European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions. Council of the European Union, Brussels, 20 March 2015. EUCO 11/15.

[23] EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2015. Europol, The Hague, 2015. P. 35.

[24] EU CTC input for the preparation of the informal meeting of Justice and Home Affairs Ministers in Riga on 29 January 2015. Brussels, 17 January 2015. DS 1035/15. P. 4.

[25] Follow-up to the statement of the Members of the European Council of 12 February 2015 on counter-terrorism: State of play on implementation of measures. Council of the European Union, Brussels, 5 October 2015. 12318/15. P. 6.

[26] Special Eurobarometer 432. Europeans' Attitudes towards Security. April 2015. P. 37.

полиция и другие органы безопасности принимают достаточные меры по предотвращению терроризма[27]. Следовательно, на этом направлении стратегической коммуникации ЕС предстоят значительные усилия в будущем.

Литература:

1. *Larsson S., Olsson E.-K., Ramberg B.* Crisis Decision Making in the European Union. Stockholm, 2005. P. 27.
2. CONTEST: The United Kingdom's strategy for countering terrorism. Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty, July 2011. URL: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97995/strategy-contest.pdf (accessed 13.01.2014).
3. The European Union Counter-Terrorism Strategy. Council of the European Union. Brussels, 30 November 2005.
4. Education and Training Monitor 2012-2015. // European Commission – Education and training. URL: ec.europa.eu/education/tools/et-monitor_en.htm (accessed 13.01.2016).
5. EU Counter-Terrorism Strategy – discussion paper. Council of the European Union. Brussels, 26 November 2009.
6. The Stockholm Programme – An Open And Secure Europe Serving And Protecting Citizens. 04.05.2010 (2010/C 115/01).
7. EU Action Plan on combating terrorism. Council of the European Union. Brussels, 17 January 2011. 15893/1/10 REV 1.
8. Revised EU Strategy for Combating Radicalisation and Recruitment to Terrorism. Council of the European Union. Brussels, 19 May 2014 (OR. en).
9. Manifesto for Education – Empowering Educators and Schools. // Radicalisation Awareness Network (RAN). // European Commission – Migration and Home Affairs. URL: ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/docs/manifesto-for-education-empowering-educators-and-schools_en.pdf
10. *Пашенцев Е. Н.* Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012.
11. National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, dated 16 Mar 2010, released 17 March 2010. Government Information Earl Gregg Swem Library.
12. *Rettman A.* EU drafts plan on Russia's media 'misuse'. Brussels, 23. Jun. 2015 // EU Observer. URL: euobserver.com/foreign/129247 (accessed 13.12.2015).

[27] Ibid. P. 40.

13. European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions. Council of the European Union, Brussels, 20 March 2015. EUCO 11/15.
14. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2015. Europol, The Hague, 2015.
15. EU CTC input for the preparation of the informal meeting of Justice and Home Affairs Ministers in Riga on 29 January 2015. Brussels, 17 January 2015. DS 1035/15.
16. Follow-up to the statement of the Members of the European Council of 12 February 2015 on counter-terrorism: State of play on implementation of measures. Council of the European Union, Brussels, 5 October 2015. 12318/15. P. 6.
17. Special Eurobarometer 432. Europeans' Attitudes towards Security. April 2015.

Екатерина Владимировна БОНДАРЕНКО,
Аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕВРОРЕГИОНА С УЧАСТИЕМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: В последнее время российские регионы все активнее вовлекаются в интеграционные процессы, темпы которых наиболее высоки на внешних границах Российской Федерации. При рассмотрении этих процессов большое значение приобретает такое явление как трансграничное региональное сотрудничество. В условиях современной регионализации особенно актуальной является форма трансграничного сотрудничества приграничных территорий, которую на сегодняшний день представляют еврорегионы. Принимая во внимание тот факт, что активными участниками трансграничного сотрудничества выступают приграничные регионы Северо-Западного федерального округа РФ, особенно актуальным представляется анализ участия Санкт-Петербурга и Ленинградской области в трансграничном сотрудничестве с сопредельными регионами стран ЕС.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, приграничное сотрудничество, еврорегион, региональная политика, ЕС, Санкт-Петербург, Ленинградская область.

BONDARENKO Ekaterina Vladimirovna,
PhD student of St. Petersburg University, International Relations

THE PROSPECT OF CREATING A EUROREGION COMPRISING THE LENINGRAD OBLAST AND THE CITY OF ST. PETERSBURG

Abstract: In recent times, the Russian regions are involved more and more actively in integration processes which rates are high especially on external borders of the Russian Federation. On closer examination of these processes such phenomenon as cross-border regional cooperation assumes the great significance. In the context of regionalization, the form of cross-border cooperation of territories, which is represented today by euroregions, is particularly topical.

Border regions of the Northwest Federal District of the Russian Federation take part in cross-border cooperation. Thus, the case study of participation of the city of St. Petersburg and the Leningrad region in cross-border cooperation with adjacent regions of EU countries is especially topical.

The survey of cross-border contacts of St. Petersburg and the Leningrad region with border regions of Finland and Estonia, and also participation of these

subjects in project activities within the European Neighborhood and Partnership Instrument has shown that this territory has the essential potential to transform the available cross-border regional linkages into institutionally organized cooperation – a euroregion.

More detailed research into the existing regional activity has shown that it is premature to speak about a euroregion at the actual stage of cooperation on the Russian-Estonian border. In the case of Finnish regions there is lack of state support for creating a euroregion. Considering all this facts, it was created the best possible model of transformation the existing cross-border regional cooperation to the euroregion on the territory of St. Petersburg and the Leningrad region.

Key words*:* cross-border cooperation, transborder cooperation, Euroregion, regional policy, EU, Saint Petersburg, the Leningrad Oblast.

Доклад посвящен региональному взаимодействию приграничных территорий России и Европы в формате еврорегионов. Практика международных контактов приграничных регионов России и возможности их трансформации в институционально оформленное сотрудничество рассмотрены на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Финляндии и Эстонии. Для построения гипотез относительно дальнейшего развития взаимодействия сторон были проанализированы контакты за период 2007-2013 гг., а также доступная информация по программам, стартовавшим с 2014 г.

Существует множество подходов к сущности трансграничного сотрудничества, а соответственно, и к определению понятия «еврорегион»[1]. Хотя деятельность данной формы трансграничного сотрудничества регулируется нормативно-правовой базой[2], термин «еврорегион» не

[1] Дмитриева С.И. Лимология: учебное пособие. Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. С. 73; Зверев Ю.М. Еврорегионы как форма приграничного сотрудничества // Космополис. 2005. № 3(13). С. 75. и др.

[2] См. Федеральный Закон РФ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» № 4-ФЗ от 4 января 1999 г. URL: www.docs.kodeks.ru/document/901723799; Постановление от 14 декабря 1999 г. № 1390 «О порядке регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=25274; Постановление от 1 февраля 2000 г. № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств» // Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=25983; Постановление от 24 июля 2000 г. № 552 (ред. от 08.04.2011) «Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112885/; European Outline Convention on Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities. URL: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm; Additional Protocol to the European Outline Conven-

употребляется во внутренних законах и официальных документах ЕС и России. Вместо него в основном используются термины «региональные объединения», «трансграничные регионы» и «трансграничное сотрудничество», которые официально признаны мировым сообществом.

В свою очередь Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. дает следующее определение трансграничному сотрудничеству. Так, данным взаимодействием является «любая совместная акция по укреплению и поощрению добрососедских отношений между территориально-административными единицами или властями в рамках юрисдикции двух и более участников»[3]. Именно это определение взято за основу при рассмотрении вопросов, связанных с трансграничным сотрудничеством.

Использование механизмов работы еврорегионов приобретает особенную актуальность при изучении международного взаимодействия субъектов Северо-Западного федерального округа. Так, данная территория занимает уникальное геополитическое положение, обладает значительным потенциалом для установления внешних связей с приграничными европейскими государствами, и выполняет особую роль в развитии региональных интеграционных процессов между Россией и ЕС. Составляющие его субъекты федерации, в частности Санкт-Петербург и Ленинградская область, со своей стороны участвуют в трансграничном сотрудничестве, а более активные регионы, в данном случае речь идет о Республике Карелия, Псковской и Калининградской областях, развивают такую форму международной экономической интеграции, как еврорегион.

Принимая во внимание интеграционный потенциал Северо-Запада России, важным представляется правовое обеспечение региональной кооперации, которое должно являться основой для налаживания взаимовыгодных контактов. На данный момент существует очевидная слабость в развитии российского законодательства в сфере регулирования внешних связей регионов, и отсутствие законов, регламентирующих создание и функционирование форм организации трансграничной кооперации, в частности еврорегионов.

---

tion on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. URL:http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/159.htm; Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation. URL: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/169.htm; Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs). URL:http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/206.htm; European Charter of Local Self-Government. URL:http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/122.htm

[3] European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. URL: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm

Это обстоятельство дает повод отдельным исследователям утверждать, что «пока нет оснований говорить о готовности на федеральном уровне к правовому урегулированию еврорегионального строительства»[4]. Кроме того, концентрация властных полномочий в руках федерального центра, а также возросшее административное регулирование международной деятельности регионов непосредственно сказывается на сотрудничестве, в том числе создает дополнительные препятствия для создания еврорегионов, хотя прямо не ограничивает трансграничные контакты российских регионов.

Реализация данной формы трансграничного сотрудничества тормозится, как представляется, по большей части на федеральном уровне нашей страны в силу скептичного российский подход к созданию еврорегионов, основанного на неудачных примерах приграничного институционального сотрудничества, а также завышенных ожиданиях, которые не могут быть связаны с функционированием «малых» форм трансграничной интеграции[5].

Если говорить о практической стороне сотрудничества России и Европейского союза на региональном уровне, то необходимо констатировать тот факт, что на современном этапе невозможно представить дальнейшее развитие международной региональной активности субъектов Северо-Западного федерального округа, в частности Санкт-Петербурга и Ленинградской области, без ориентации на сотрудничество с европейскими государствами, в данном случае с Финляндией и Эстонией. Функция Северо-Запада по обеспечению внешнеэкономических связей России с Европейским союзом обозначена и в Стратегии СЗФО-2020[6].

Анализ трансграничных контактов Санкт-Петербурга и Ленинградской области с приграничными регионами Финляндии и Эстонии, а также участия данных субъектов в проектной деятельности в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства показывает, что рассматриваемая территория обладает существенным потенциалом для трансформации имеющихся трансграничных региональных связей в институционально оформленное сотрудничество – еврорегион.

---

[4] Реут О.Ч. Почему модель еврорегионов неконструктивна? // Материалы международной научной конференции 19-20 октября 2001 г. // 50-летие Европейских сообществ в России: прошлое, настоящее, будущее. СПб, 2002. С. 131.

[5] James S. Inducing co-operation: can euroregions function as bridges between complex boundaries? URL: http://www.indepsocres.spb.ru/scott_e.htm; Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. № 2. 2008. С. 56.; Гутник В.П., Клемешев А.П. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза. Калининград. 2006. С. 316.

[6] Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г. утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. N 2074-р. URL: http://rg.ru/pril/62/64/23/2074_strategiia.pdf

В тоже время более детальное исследование существующей активности позволяет прийти к выводу о том, что на данном этапе такая форма кооперации на российско-эстонской границе является преждевременной, тогда как в случае с регионами Финляндии для создания еврорегиона не хватает государственной поддержки.

Так, взаимодействие Санкт-Петербурга и Ленинградской области с Эстонией осуществляется исключительно на муниципальном уровне. Санкт-Петербург имеет соглашение с Таллином[7], Василеостровский р-н Санкт-Петербурга сотрудничает с Тарту[8], Кировский р-н – с Нарвой[9]. На территории Ленинградской области действуют соглашения у таких пар городов как Ивангород-Нарва, Кингисепп-Йыхви, Сланцы-Кохтла-Ярве[10]. Точкой взаимного схождения интересов является культурная сфера. В то время как вопросы предпринимательства, экологии и транспорта остаются пока перспективными для дальнейшего сотрудничества, отчасти реализуются за счет европейской финансовой поддержки, а именно в рамках таких программ как «Эстония – Латвия – Россия» до 2013 г.[11] и «Россия – Эстония» до 2020 г.[12]

Это позволяет говорить о существовании мощного двигателя в виде внешнего финансирования для осуществления трансграничного взаимодействия между Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и приграничными регионами Эстонии. То есть в данном случае программа ЕИСП берет на себя далеко не добавочную функцию, а играет основную роль в обеспечении и продвижении совместных трансграничных проектов, восполняет собой отсутствие местной инициативы. В то время как для создания еврорегиона такого уровня региональных контактов недостаточно.

Совершенно иная ситуация прослеживается во взаимодействии с регионами Финляндии. Так, трансграничное сотрудничество с сопредельными финскими территориями реализуется в формах двусторонних соглашений между регионами[13] и муниципальными

[7] Сотрудничество Санкт-Петербурга с зарубежными городами и регионами. // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: http://www.kvs.spb.ru/sotrudnichestvo_sankt-peterburga_s_zarubezhnimi_gorodami_i_regionami19

[8] Международное сотрудничество // Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://old.gov.spb.ru/gov/admin/terr/reg_vasileostr/world

[9] Соглашения // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга – URL: http://www.kvs.spb.ru/soglasheniya761

[10] Новые темы для партнерства с Эстонией // Официальный сайт Администрации Ленинградской области. URL: http://www.lenobl.ru/news18948.html

[11] Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007-2013 // Estonia Latvia Russia URL: http://www.estlatrus.eu/eng/home/

[12] Joint Operational Programme of Estonia-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014-2020 // Estonia Latvia Russia. URL: http://www.estlatrus.eu/uploaded_files/EST-RUS/Adopted%20JOP_EE-RU_2014-2020.PDF

[13] Соглашение о сотрудничестве Санкт-Петербурга с тремя регионами Юго-Восточной Финляндии – Кюменлааксо, Южной Карелией, Южным Саво // Сотрудничество Санкт-Петербурга с зарубежными городами и регионами // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга

образованиями (побратимские связи, двойной город Иматра – Светлогорск)[14], в рамках проектов программ ЕИСП[15], кроме того имеются совместные органы координации сотрудничества[16]. Сотрудничество сторон ведется по широкому диапазону направлений и охватывает экономическую, транспортную, социальную, культурную и туристическую сферы. Все это позволяет говорить о реальной возможности формирования еврорегиона, отличительной чертой которого стал бы не только географический фактор, а наличие общих проблем и инициатив их совместного решения.

Конечно, не стоит отрицать того, что региональное сотрудничество может достаточно успешно осуществляться, не будучи институционально оформленным. Другими словами для экономических, инфраструктурных, экологических, культурных и других контактов с сопредельными территориями не обязательно формирование еврорегиона. Но, представляется, что подобная постоянная структура сотрудничества взяла бы на себя функцию разработки долгосрочного планирования развития сопредельных регионов, стала бы платформой для создания и последующей реализации совместных проектов. Действительно, во многом сейчас эта роль отводится программе «Юго-Восточная Финляндия – Россия», которая была продлена до 2020 г. Однако проектная деятельность, ограниченная временными рамками, не может быть альтернативной заменой постоянно действующей структуре.

Не лишенным смысла является рассмотрение возможности объединения потенциала сотрудничества Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Юго-Восточной Финляндии и Эстонии и создания совместной трехсторонней структуры. Модель такой кооперации была бы особенно выгодна Санкт-Петербургу и Ленинградской области, так как географически сконцентрировала бы двух важных европейских партнеров в единой структуре.

Однако представляется, что трансформация трансграничного сотрудничества в еврорегион с одновременным участием в нем и финских и эстонских приграничных территорий на данном этапе не принесет желаемого результата партнерам. Подобная модель сотрудничества пострадает из-за явных диспропорций в уровне развития отношений Санкт-

---

[14] Побратимские связи муниципальных образований Ленинградской области и Финляндии // Комитет по внешним связям Ленинградской области. URL: http://inter.lenobl.ru/about/mprog/sotr2/fin; Светогорск-Иматра // Муниципальное образование город Светогорск. URL: http://svetogorsk.spb.ru/twintown

[15] South-East Finland-Russia ENPI CBC Programme 2007–2013 // Programme Document. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/10/SE-FI-RU-ENPI-Programme-document-19.12.2008-and-Addendum-3.12.2010-and-17_12_2010en.pdf; South-East Finland – Russia CBC 2014-2020 // Programme Document URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/12/South-East-Finland-Russia-CBC-2014-2020-JOP_EN.pdf

[16] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой от 13 апреля 2012 г. Ст. 10. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/25507442/25206467/

Петербурга и Ленинградской области с Финляндией и Эстонией. Сложившиеся различия в направлениях взаимодействия создадут трудности в поиске общих для трех сторон приоритетов. С учетом всех вышеперечисленных обстоятельств подобный формат кооперации просто теряет свою практическую значимость.

Возможной альтернативой для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, регионов Юго-Восточной Финляндии и Эстонии видится поэтапный переход к институционализированному трехстороннему сотрудничеству. Так, на первом этапе, возможна трансформация успешного трансграничного сотрудничества с регионами Юго-Восточной Финляндии в еврорегион с участием Санкт-Петербурга и Ленинградской области, финансовой опорой которого стала бы программа ЕИСП «Юго-Восточная Финляндия – Россия» 2014-2020 гг. Параллельно необходимо активизировать весь имеющийся потенциал взаимодействия российских субъектов с Эстонией в рамках программы ЕИСП «Россия – Эстония», а также продолжить сотрудничество в трехстороннем формате по линии защиты морской среды Финского залива и Балтийского моря.

Следующим шагом на пути к трехстороннему сотрудничеству могла бы стать программа ЕИСП на период 2020-2024 гг., которая объединила бы потенциал трансграничных территорий России, Финляндии и Эстонии. В случае ее успешной реализации и нахождения совместных приоритетных направлений развития, предполагалось бы вхождение регионов Эстонии в российско-финский еврорегион, созданный на первом этапе. Преимуществом такого варианта развития событий стала бы постепенность и продвижение к институциональной структуре по мере достигаемых результатов.

Описанная модель сотрудничества основана на убеждении в том, что создание в конечном счете еврорегиона не должно изначально быть самоцелью регионов, инициативой «сверху», а призвано стать логическим оформлением сотрудничества при достижении определенного уровня кооперации.

Резюмируя вышесказанное, стоит акцентировать внимание на том, что развитие трансграничного сотрудничества, укрепление экономических, экологических, культурных и иных связей приграничными регионами Северо-Западного федерального округа является актуальной темой для дальнейших исследований. Задача эффективного использования потенциала соседства стоит как перед Россией в целом, так и перед ее субъектами в частности.

Для успешной реализации данной задачи России не достаточно участвовать в программах ЕИСП, инициированных ЕС. Необходимо формирование целенаправленной стратегии трансграничного сотрудничества, а также развитие федерального законодательства.

Теоретически слабое обоснование современных форм взаимодействия регионов на российско-европейской границе создает необходимость в разработке теории трансграничной регионализации, ориентированной на

модернизацию региональной политики и практическое использование наиболее перспективных форм сотрудничества.

Литература:

1. Дмитриева С.И. Лимология: учебное пособие. Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008.
2. Зверев Ю.М. Еврорегионы как форма приграничного сотрудничества // Космополис. 2005. № 3(13).
3. Федеральный Закон РФ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» № 4-ФЗ от 4 января 1999 г. URL: www.docs.kodeks.ru/document/901723799
4. Постановление от 14 декабря 1999 г. № 1390 «О порядке регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW
5. Постановление от 1 февраля 2000 г. № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств» // Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=25983; Постановление от 24 июля 2000 г. № 552 (ред. от 08.04.2011) «Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112885/
6. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. URL: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm; Additional Protocol to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. URL:http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/159.htm
7. Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation. URL: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/169.htm; Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial

Communities or Authorities concerning Euroregional Cooperation Groupings (ECGs). URL:http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/206.htm; European Charter of Local Self-Government. URL:http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/122.htm
8. Реут О.Ч. Почему модель еврорегионов неконструктивна? // Материалы международной научной конференции 19-20 октября 2001 г. // 50-летие Европейских сообществ в России: прошлое, настоящее, будущее. СПб, 2002.
9. James S. Inducing co-operation: can euroregions function as bridges between complex boundaries? URL: http://www.indepsocres.spb.ru/scott_e.htm; Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. № 2. 2008.
10. Гутник В.П., Клемешев А.П. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза. Калининград. 2006.
11. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г. утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. N 2074-р. URL: http://rg.ru/pril/62/64/23/2074_strategiia.pdf
12. Сотрудничество Санкт-Петербурга с зарубежными городами и регионами // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: http://www.kvs.spb.ru/sotrudnichestvo_sankt-peterburga_s_zarubezhnimi_gorodami_i_regionami19
13. Международное сотрудничество // Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://old.gov.spb.ru/gov/admin/terr/reg_vasileostr/world
14. Соглашения // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: http://www.kvs.spb.ru/soglasheniya761
15. Новые темы для партнерства с Эстонией // Официальный сайт Администрации Ленинградской области. URL: http://www.lenobl.ru/news18948.html
16. Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007-2013 // Estonia Latvia Russia URL: http://www.estlatrus.eu/eng/home/
17. Joint Operational Programme of Estonia-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014-2020 // Estonia Latvia Russia. URL: http://www.estlatrus.eu/uploaded_files/EST-RUS/Adopted%20JOP_EE-RU_2014-2020.PDF
18. South-East Finland-Russia ENPI CBC Programme 2007–2013 // Programme Document. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/10/SE-FI-RU-ENPI-Programme-document-19.12.2008-and-Addendum-3.12.2010-and-17_12_2010en.pdf; South-East Finland – Russia CBC

2014-2020 // Programme Document URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/12/South-East-Finland-Russia-CBC-2014-2020-JOP_EN.pdf
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой от 13 апреля 2012 г. Ст. 10. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/25507442/25206467/

Илья Станиславович БРОНСКИЙ,
Независимый эксперт,
проректор по маркетингу
и стратегическому развитию
АНО высшего образования
«Северо-Западный открытый технический университет»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМИ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В статье описывается участие СМИ в силовых механизмах трансформации международных отношений, их зависимость от акционеров и интегрированность в военные операции войн нового типа, как один из их ключевых элементов, а также логике выбора стран для нападения. Страны, обладающие выгодным геостратегическим положением, наличием в них быстро развивающихся экономик, уже сравнимых помощи с ведущими странами Запада, а также наличие большого количества важных для мировой экономики ресурсов делают их объектом внимания со стороны последних. США, Япония, страны Евросоюза (включая Великобританию), Канада и Австралия накопили астрономические задолженности и не желают изменять кабальные условия финансового и торгового обмена. Ещё один статистический фактор объединяет страны подвергшиеся агрессии с помощью «цветных революций» или «арабской весны» – это низкий уровень государственной задолженности[1]. Войны остаются инструментом удержания доминирования в мире. Но теперь это войны нового типа, которые подавляющее большинство населения, даже не может отождествить с силовым воздействием сторонников монополярного мироустройства. Коллективный Запад категорически против претензий стран на справедливое распределение доходов, формирование многополярного мира и новой системы устойчивого роста. Ключевую роль в воспрепятствовании развитию играют информационно-психологические операции, как составная часть гибридных войн, где использование СМИ является одним из ключевых элементов. Данный материал посвящен изучению роли и причин участия СМИ в проведении государственных переворотов, участию в формировании международных отношений, а также поиску возможностей по противодействию их деструктивной роли.

[1] Википедия. «Список стран по внешнему долгу». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%83_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D1%8

Ключевые слова: информационно-психологическое противоборство, информационные войны, медиа-войны, гибридные войны, нетрадиционные военные действия, стратегическая коммуникация, коммуникационный менеджмент.

BRONSKII Ilia,
Independent expert
Autonomous non-profit organization of higher education «Northwestern Open Technical University», Vice-Rector for Marketing and Strategic Development

USING THE MEDIA AS PART OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL OPERATIONS AND THEIR IMPACT ON THE FORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: This article describes the media involvement in the security mechanisms of transformation of international relations, their dependence on the shareholders and the integration into the military operations of a new type of war, as one of their key elements, as well as the logic of the choice of countries for the attack. Countries with favorable geostrategic position, the presence of these rapidly developing economies, have comparable assistance with the leading countries of the West, as well as the large number of important resources for the world economy make them the object of attention on the part of the latter. USA, Japan, the European Union countries (including the UK), Canada and Australia have accumulated astronomical public debt and do not want to change the onerous terms of the financial and commercial exchange. Another statistical factor unites countries subjected to aggression with the help of the «color revolutions» or «Arab Spring» – a low level of public debt. Wars are a tool retaining dominance in the world. But now it's a new kind of war that the population can not even be identified with the force action of supporters of the unipolar world order. Collective West categorically against the claims of other countries on the equitable distribution of income, the formation of a multipolar world and a new system of sustainable development. A key role in preventing the development of play information and psychological operations, as part of the hybrid wars, where the use of the media is one of the key elements.

This material is devoted to the study of the role and the reasons for participation in the media coups, participate in the formation of international relations, as well as looking for opportunities to counter their destructive role.

Keywords: information-psychological warfare, information warfare, media war, hybrid warfare, unconventional warfare, strategic communication, communication management

Крупным пакетом акций компании, добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом или просто пакетом акций.

«Кризис-менеджмент» = «информационно-психологическая операция»?

Большинство трактует понятие «Кризис-менеджмент», как тактику выхода предприятия из кризиса, в то время как смысл Crisis management - это современная технология ведения конкурентной борьбы не силовыми, а разрешенными законами методами для создания переломной ситуации, удержания контроля над ней и, в конечном итоге, – получение прибыли. Фактически «…конкурент начинает борьбу за свою долю рынка, используя для этих целей не улучшение своего товара или услуг, а скрытую деятельность, направленную на то, чтобы выставить своего конкурента в самом неприглядном и непрезентабельном для клиентов виде…»[2].

Создание искусственного кризиса для противника обычно использовали при рейдерских захватах коммерческой собственности, а теперь эта тактика применяется и для стран. Из последних крупных событий к таковым можно отнести знаковые события по агрессивному поглощению со стороны Microsoft компании «NOKIA», «дизельный скандал» устроенный американцами против «Volkswagen» («Porsche Automobil Holding SE» владеет брендами Volkswagen легковые автомобили, Audi, Seat, Skoda, Bentley, Bugatti, Lamborghini, Porsche, Ducati, Volkswagen Коммерческие автомобили, Scania и MAN)[3], попытка агрессивного поглощения компании «Мечел» (Россия) в 2013 и 2015 гг.[4], а также кризисы в Исландии и Греции.

На мировой арене все больше стала превалировать концепция войн, именуемых гибридными или нетрадиционными военными действиями и, используемые в их рамках методы информационно-психологического противоборства, которые пришли на смену классическим военным интервенциям.

Сейчас крупнейшие фонды по управлению инвестициями сосредоточили в своих руках не только контроль над почти всем военно-промышленным комплексом условного Запада, крупнейшими банками, транснациональными компаниями технологического, FMCG и IT-секторов, крупнейшими мировыми мультимедийными холдингами, но и крупнейшими частными военных (ЧВК) и разведывательных компаниями

---

[2] «Кризис-менеджмент» http://www.e-xecutive.ru/wiki/index.php/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81-%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B6%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82

[3] PORSCHE AUTOMOBIL HOLDING SE (PAH3), раскрытие информации о компании http://www.4-traders.com/PORSCHE-AUTOMOBIL-HOLDING-3938612/company/

[4] В Москве компанию Брокеркредитсервис обыскали по делу о манипулировании акциями Мечела. NEWSru.com_ http://www.newsru.com/russia/10mar2016/skbks.html

(ЧРК). Такая мощь позволяет «перешагивать» через границы и, используя всю свою мощь и влияние разорять более слабые страны богатые ресурсами.

Если завтра война? США перестраиваются на гибридную войну с Россией

«Есть другой вид военных действий – новый по методам, старый по происхождению – Война партизан, диверсантов, наемников, убийц; война засад вместо открытых столкновений, инфильтрации вместо открытой агрессии, добивающаяся победы изнурением и распылением врага вместо подавления его. Она полагается на восстание».

Президент Джон Кеннеди, 1962[5].

Министр обороны США Эштон Картер на брифинге в Пентагоне 20 августа 2015 г. заявил: «Да, Россия представляет жизненную угрозу для Соединенных Штатов… мы это делаем (противодействуем) в рамках подхода, который я назвал «жесткий и сбалансированный»… «Жесткий» означает, что мы корректируем наши возможности с учетом этого поведения России. Мы также по-новому работаем с членами НАТО и с не членами НАТО, перестраиваясь на гибридную войну и достижение влияния…»[6].

Понимание формулировки «перестраиваясь на гибридную войну…» означает объявление о начале применения всех сил и средств, прописанных в регламентирующих документах ВС США. Командующий Управлением Специальных Операций США (United States Special Operations Command (USSOCOM)) определяет НВД как операции в целях оказания помощи движениям сопротивления или мятежникам принудить, разрушить, или сбросить Правительство или оккупационную силу с помощью действий подполья, иностранных наемников, или партизанских сил на территории противника[7].

Разработана специальная стратегия работы на территориях предстоящего проникновения. Военным планировщикам поставлены задачи на дестабилизацию обстановки в стране объекте предстоящего нападения и созданию сил, которые должны выступить в качестве «здоровой оппозиции» в момент переворота и обеспечить передачу материальных ценностей и активов в руки стран, компаний и физических лиц, поставивших данные цели.

---

[5] Учебное пособие №18-01, НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СИЛ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, Центр и Школа Специальных Военных Действий им. Джона Ф.Кеннеди Армии США, Форт Брэгг (2010).

[6] Грачева Татьяна. Когда объявлять мобилизацию «Военно-промышленный курьер» 16.09.2015 http://www.vpk-news.ru/articles/27018

[7] Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие № 18-01. Центр и Школа Специальных Военных Действий им. Джона Ф.Кеннеди Армии США, Форт Брэгг (2010).

Новая военная стратегия США подразумевает, что «…**различие между войной и миром будет расплывчатым**, если вообще будет. Исчезнут различия между понятиями «военные» и «гражданские». Важные военные объекты, как то аэродромы, узлы связи, штабы, равно как и их «гражданские» будут менее привлекательны ввиду их более серьезной охраны, в то время как их аналоги – правительственные сооружения, заводы, промышленные объекты – станут главными целями, **ввиду их уязвимости…**

Военные действия будущего будут представлять собой действия небольших групп высокопрофессиональных солдат, оснащенных самыми современными техническими средствами. Продвигаясь в поисках ключевых по важности целей, они могут покрывать огромные расстояния. Целями для таких групп будут скорее объекты гражданского сектора, чем военного. Понятия фронта и тыла в войне будущего будут отсутствовать.

К числу таких черт относятся широкое определение «поле боя» - всего общества в целом; маневренность; действия в малых группах; удары по критическим объектам-целям и т.д.[8]

В стратегическом смысле, «война четвертого поколения уже пришла» направлена на изменение сознания политического руководства противника, Это изменение не может быть достигнуто в результате традиционного метода обеспечения превосходства на поле боя. Скорее оно достигается в результате превосходства в использовании всех сетей (взаимосвязей), присущих обществу в информационную эпоху[9].

По словам М. Калдор[10], в условиях современного глобализованного общества важную роль в деле мобилизации населения на активные действия принадлежит электронным средствам массовой информации – прежде всего телевидению и радио[11]. Из этого можно сделать вывод, что основную роль по воздействию на мировоззрение населения, его картину мира, жизненную позицию и образ жизни будут играть именно телевидение, радио, а теперь еще и интернет.

Традиционно западные институты и фонды уделяли особое внимание работе с журналистами на территориях всех стран, которые планировались к будущей дестабилизации. За время их деятельности на территории бывшего СССР через их программы прошли тысячи представителей СМИ.

В «новых войнах» целью является мобилизация населения, главные усилия направляются не столько на насилие, сколько на «расширение сети

---

[8] Попов И.М. Война будущего – взгляд из-за океана. Военные теории и концепции современных США. М.: Изд-во АСТ-Астрель, 2004. 444 с.

[9] Там же.

[10] Калдор Мэри. директор программы «Глобальное гражданское общество» Лондонской школы экономики, эксперт в области изучения современных войн и вооруженных конфликто:. «Новые войны» (1997), «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху» (1999).

[11] Попов И.М. Указ. соч.

экстремизма». Общая стратегия состоит в «установлении контроля над территорией политическими средствами, а военные средства используются для того, чтобы уничтожить, выслать или заставить замолкнуть тех, кто может помешать этому»… Не случайно поэтому воюющие стороны применяют террор, этнические чистки или геноцид в качестве своей преднамеренной военной стратегии. В «новых войнах» сражения и бои являются редкостью, а насилие направлено против гражданского населения.

Нарушения норм гуманности и прав человека являются не побочными эффектами войны, а ее центральным стержнем. Более 90% жертв «новых войн» – это гражданское население, а количество беженцев и перемещенных лиц из года в год растет. Политическая стратегия участвующих в «новых войнах» сторон, как пишет М. Калдор, состоит в том, чтобы добиться политической власти, сея страх и ненависть, создавая атмосферу террора, устраняя голоса умеренных и уничтожая терпимость[12].

Это не революция, а военная операция с коммерческими целями

Приведение к власти марионеточных правительств, готовых передать ТНК активы на выгодных для заказчика условиях, стало главным способом коммерциализации специальных операций под командованием военных. Коррупция, подкуп, шантаж, диверсии, террор, убийства и «операции под чужим флагом», являющиеся неотъемлемой частью психологических операций (PSYOP)[13][14][15][16][17], применяемых силами специального назначения США и давно взяты на вооружение глобальными коммерсантами. Для «стимулирования» предательства среди военных и гражданского общества во время войны в Ираке в 2003-2004 гг. филиал Федерального резерва в Нью-Йорке переправил более $14 миллиардов самолетами в Багдад[18].

Новые методы ведения войны, концепции которых носят разные названия, такие как «4GW» («The 4th Generation Warfare», что в переводе на русский язык и означает «Война четвертого поколения»), «Нетрадиционные военные действия» (Unconventional Warfare), нетрадиционная война, гибридная, асимметричная война, «неформальная» война, малая война, война «серой зоны» и т.д., но цели методы они все имеют одинаковые.

Формой войны четвертого поколения, возникшей на основе идеологии, является терроризм. Сам по себе терроризм, как отмечают американские

---

[12] Попов И.М. Указ. соч.

[13] Доктрина объединенных психологических операций (JP 3-53 Doctrine for Joint Psychological Operations).

[14] Нетрадиционные военные действия сил специального назначения». Учебное пособие Центра и Школы Специальных Военных Действий им. Джона Ф.Кеннеди Армии США, Форт Брэгг, 2010.

[15] Противодействие «нетрадиционным методам ведения войны» (Counter-Unconventional Warfare). White Paper (2014).

[16] «Концепция совместных операций: Объединенные силы и средства 2020» («Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020», CCJO) (2012).

[17] Информационные операции: доктрина, тактика, методики и процедуры (fm 3-13; fm 100-6).

[18] Волкова Татьяна. «Провал политики США и коммерческий успех Vanguard». 19.09.2015 http://pravosudija.net/article/proval-politiki-ssha-i-kommercheskiy-uspeh-vanguard

специалисты, не является войной четвертого поколения, однако некоторые его элементы и проявления сегодня несут черты будущих войн. В современной войне зачастую не надо тратить сотни миллионов долларов на дорогостоящие самолеты, т.к. заминированный автомобиль или контейнер может нанести сравнимый или даже больший ущерб, а участие страны агрессора, при этом, будет юридически сложно доказать.

«…Поле боя для войны четвертого поколения – **все общество противника целиком**…. …**Целью войны** станет «сокрушение противника внутренне», а не физическое уничтожение его. Военные усилия будут направлены на такие цели, как **подрыв морального духа населения противника и разрушение его культурной среды** обитания. При этом чрезвычайно важным станет правильное определение «стратегических центров тяжести» противника…»[19]. Новые формы ведения войны во многом сейчас объясняют «странный» характер всех последних военных действий в Ливии, Сирии и на Донбассе.

«…**В условиях войны четвертого поколения психологические операции** приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. **Главной целью этих операций будет гражданское население**, поддерживающее свое правительство в войне. «Телевизионные новости, – подчеркивают авторы статьи, – могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии…»[20].

Репутация = доверие = устойчивость

В нынешнее время, когда до 80% стоимости компании составляет её репутация, одним из важнейших инструментов в потенциальном столкновении становятся коммуникации. Для нанесения максимального экономического урона противнику, имеющего целью заставить его признать поражение и пойти на условия победителя, или сделать шаги, которых добивается заказчик ключевым фактором стали информационно-психологические операции. Использование информации и технологии её распространения, а также её влияние на психику людей, стало важнейшим оружием войн нового поколения. Задача состоит в том, чтобы подавить волю противника не вступая с ним в войну классического типа, которая будет вызывать, как активное противодействие местного населения оккупантам, так и осуждение большого числа стран. Поэтому сейчас стратеги военного планирования на Западе сосредоточили усилия на новых форматах ведения войны. Победа в конфликте низкой интенсивности невозможна без создания благоприятного общественного мнения. Поэтому было введено новое теоретическое положение о том, что применение военной силы в подобных конфликтах является

[19] Попов И.М. Указ. соч.
[20] Там же.

последним аргументом для достижения экономического, политического и информационного воздействия[21].

За счет выстроенной системы контроля над транснациональными СМИ, а также активно используя лозунг «свободы слова» обеспечивается постоянное давление на компанию или систему власти страны, ставшей объектом нападения. СМИ стали одним из ключевых элементов легитимизации военных вторжений, формирования позиции «международного сообщества», что используется для трансформации международных отношений и, в частности, для введения методов экономического террора, под названием экономические санкции. Очень сильно изменилась структура владения и контроля над мировым медиапространством. Если в 1983 г. подавляющее большинство транснациональных СМИ, штаб-квартиры которых расположены в Соединенных Штатах контролировали 50 корпораций, то сегодня они сосредоточены в руках всего шести медиа-корпораций – это «Time Warner», «Walt Disney», «Viacom», «News Corporation», «CBS Corporation», «COMCAST NBC Universal» (COMCAST CORPORATION). Четыре крупнейших мировых рекламных холдинга WPP PLC (WPP), OMNICOM GROUP INC. (OMC), PUBLICIS GROUPE (PUB), INTERPUBLIC GROUP OF COMPANIES INC. (IPG) оборот которых составляет более двух третей глобального рынка мировой рекламы, в свою очередь, контролирующих PR и интернет коммуникации. Ключевыми акционерами этих лидеров те же глобальные инвестиционные фонды, что и у предприятий западного ВПК, крупнейших транснациональных компаний.

В информационно-психологических операциях ключевую роль играют СМИ и интернет, которые используют подготовленные псевдновости, препарированные новости, результаты «операций под фальшивым флагом» и т.п. Все действия террористов, преступников, акты диверсий скрытых под техногенные катастрофы, выступления «5 колонны» и др. ставят целью максимальное проникновение в информационную среду, т.к. именно она обеспечивает максимальное воздействие как на жителей страны объекта атаки, так и на все остальные страны. Нескрываемая и безнаказанная коррупция и, поощряемое, через контролируемые СМИ, стремление к богатству и роскоши, выставляемым напоказ, а также постоянная демонстрация фактического расслоения общества создают «…все условия для постановочного дворцового переворота, который будет без сопротивления встречен уставшим от несправедливости народом[22].

Именно Силам специального назначения Вооруженных Сил США (СпН ВС США) для реализации задач придаются представители

[21] Токов Е., Касюк А. Психологические операции вооруженных сил США в войнах и конфликтах XX века // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 6 - http://www.soldiering.ru/psychology/psy_offensive_usa.php
[22] Грачева Татьяна. Когда объявлять мобилизацию // Военно-промышленный курьер. 2015. 16 сент.

Госдепартамента (включая посольства), ЦРУ, Информационное агентство США (ЮСИА) и отдельные СМИ. Если же учесть, что бенефициарам этого процесса принадлежат транснациональные и местные СМИ, то это переводит противостояние со страной, которая стала объектом агрессивного воздействия, на совершенно иной уровень, поскольку система исполнительной власти, силы МВД, суды, гражданское общество не смогут противостоять хорошо подготовленной военной операции с мощной информационной поддержкой. Об уровне возможностей подготовки и проведения информационно-психологических операций вооруженных сил США свидетельствует участие в них десятков журналистов CNN, английской BBC и других транснациональных СМИ, обеспечивших большой объем гарантированного освещения событий под руководством военных планировщиков.

Все силы и средства приданные в рамках информационно-психологической операции находятся в подчинении Объединенного оперативного центра психологических операций (Joint Psychological Operation Center) при штабе Объединенного командования специальных операций (ОКСО) ВС США (форт Мак-Дилл, штат Флорида) и включают передовые штабы Сил специальных операций, а также органы и пункты боевого управления, развернутые в районах оперативного предназначения.

Применение СМИ в раках концепции «Нетрадиционных военных действий», силами специального назначения вооруженных сил США (СпН ВС США), против классически (т.е. к «прошлой войне») подготовленных вооруженных сил страны-объекта нападения имеет в том числе цели изменения международных отношений за счет:

- отсутствия видимой страны-агрессора или фактов её участия не позволяют установить истинного виновника и привлечь его к международной ответственности;
- возможности возложить на «нужную сторону» (страну) путем подбрасывания фактического материала (заявления в СМИ, документы на месте событий и т.п.), увязывающего теракт с «назначенным» ответственным;
- разрушения международных военно-политических союзов через резонансные операции проходящие «под чужим флагом», которые не дают возможность в краткие сроки установить и проверить истинных исполнителей, а через СМИ распространяется дезинформация;
- возможности нанесения жертве агрессии (стране-объекту) максимального ущерба, сравнимого с результатами военных действий на его территории, без объявления войны, а значит невозможно определить истинного заказчика и доказать данный факт;
- нападения, которое происходит без объявления войны и изменений дипломатических отношений;

- отсутствия методологии закрепления доказательной базы по фактам проведения агрессии и выявления заказчиков и исполнителей психологических операций со стороны агрессора, которые можно зафиксировать в физическом и информационно-психологическом пространстве;
- отсутствия чёткой картины владения и контроля СМИ, рекламных и коммуникационных агентств (транснациональных и местных), что приводит к неадекватному планированию возможных ответных действий;
- невозможности установить точный состав «пятой колонны», в том числе и «зависимых» людей на международной арене, во власти и СМИ, т.е. тех, кто будет препятствовать установлению заказчика и истинных целей, а также передавать противнику конфиденциальную информацию.

Ричард ВЕЙС,
Старший научный сотрудник, Институт Хадсона (США)
Сергей Сергеевич КОСТЯЕВ,
Доцент, Финансовый университет (РФ)

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ США И РФ ПО ВОПРОСУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ПРИОРИТЕТЫ И ПРОБЛЕМЫ[1]

Аннотация: Одно из прискорбных выражений трансформации системы международных отношений в последнее время – возобновление трений между США и РФ. Особенно остро они проявились вокруг стран бывшего СССР, и в частности Украины и проблемы расширения НАТО. Диалог между двумя странами по вопросу контроля над вооружениями и проблемы взаимного разоружения был де-факто остановлен. Однако Москва и Вашингтон при нынешних администрациях Путина и Обамы продолжают сотрудничать по ключевым вопросам нераспространения в отношении Ирана и Северной Кореи. В данной работе, мы планируем кратко описать некоторые аспекты по которым возможно продолжение сотрудничества несмотря на двухсторонние трения по другим вопросам.

Ключевые слова: разоружение, нераспространение, ядерной, Иран, КНДР, США, СВПД.

WEITZ Richard,
Ph.D Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute,
KOSTIAEV Sergei,
PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of Russia, Acting Adjunct Senior Fellow, Institute of Scientific Information on Social

RUSSIA-US NON-PROLIFERATION COOPERATION: PRIORITIES AND PROBLEMS

Abstract: One lamentable manifestation of the transformation of the international system in recent years has been the renewed tensions between Russia and the United States. These tensions have been most evident in disputes regarding the former Soviet states, especially Ukraine and NATO membership enlargement.

[1] Вейс выражает благодарность фонду Дж. и К. Макартуров за поддержку в проведении исследований по вопросам непраспространения ядерного оружия, а – также Ш. Келли и М. Галперин которые оказали содействие в подготовке данного текста.

The arms control and disarmament dialogue between the two states also remains stalemated. However, Moscow and Washington, at least under the current presidential administrations, have continued to cooperate on key nonproliferation issues, such as Iran and North Korea. In this paper, we hope to briefly describe some ways this cooperation can continue despite bilateral tensions in other areas.

Keywords: disarmament, nonproliferation, nuclear, Iran, DPRK, US, JCPOA.

Одно из прискорбных выражений трансформации системы международных отношений в последнее время – возобновление трений между США и РФ. Особенно остро они проявились вокруг стран бывшего СССР, и в частности Украины и проблемы расширения НАТО. Диалог между двумя странами по вопросу контроля над вооружениями и проблемы взаимного разоружения был де-факто остановлен. Однако Москва и Вашингтон при нынешних администрациях Путина и Обамы продолжают сотрудничать по ключевым вопросам нераспространения в отношении Ирана и Северной Кореи. В данной работе, мы планируем кратко описать некоторые аспекты по которым возможно продолжение сотрудничества несмотря на двухсторонние трения по другим вопросам.

Иран

Насущный вопрос краткосрочной повестки дня по проблеме нераспространения ядерного оружия между США и РФ заключается в выполнении Совместного всеобъемлющий план действий (СВПД; *англ.*, Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA), выработанного в июле 2015 г с Ираном. Общая экспертная оценка на Западе заключается в том, что нынешнее правительства Ирана полностью выполняет соглашение, однако риск возможных нарушений увеличится со временем по мере постепенной отмены санкций и изменения персонального состава иранского правительства вследствие выборов, ухода в отставку и других обстоятельств.

Важно отметить, что взаимоотношения между внутренней и внешней политикой играют существенную роль, а именно широкий спектр заинтересованных групп выступали «за» и «против» соглашения по иранской ядерной программе. В России, президент В.В. Путин располагает полным контролем за формулированием внешней политики, военные расходы автоматически утверждаются Государственной думой РФ, разведывательное сообщество не несет ответственности перед населением вследствие отсутствия парламентского контроля. РФ не будет испытывать никаких проблем в выполнении условий соглашения.

В США президент Б. Обама испытывал проблемы с получением поддержки соглашения среди населения. Как Палата представителей, так и Сенат контролируются оппозиционной республиканской партией. Более

того, даже среди демократов были противники соглашения по иранской ядерной программе. Ситуация еще больше осложняется мажоритарной избирательной системой, в которой кандидат самостоятельно собирает средства на предвыборную кампанию, что делает его относительно независимым от политической партии. В довершении всего, заинтересованные группы делают взносы в предвыборные фонды кандидатов, заставляя учитывать свою позицию.

Администрация Б. Обама приняла верное решение, выполнение соглашения по иранской ядерной программе, реализовать в форме исполнительного соглашения, которое вступило в силу без формального одобрения конгрессом. Если бы было решено использовать форму президентско-парламентского соглашения, тогда бы потребовалось простое большинство в обеих палатах конгресса, чтобы оно вступило в силу. Международный договор, а именно в этой правовой форме обычно заключались договоренности по ядерной проблематике, вступает в силу после утверждения двумя третями сенаторов, что наверняка похоронило бы весь проект.

Следующий президент-республиканец может попытаться отказаться от выполнения соглашения по иранской ядерной программе, хотя в условиях отсутствия нарушений по стороны Тегерана это бы была бы крайне рискованная стратегия. В настоящее время, кандидаты в президенты не высказали детальной позиции по данной проблеме. В целом, кандидаты от республиканской партии заявляют, что намерены отказаться от нынешнего соглашения, выработать более жесткую позицию в отношении Северной Кореи, увеличить ассигнования на американскую программу ядерного оружия. Хотя в случае прихода к власти, они наверняка смягчат свою позицию вследствие давления со стороны союзников, которые не поддержат такой подход, и ограниченности бюджетных ресурсов. Х. Клинтон скорее всего продолжит политику Б. Обамы и даже оставит дипломатических сотрудников, которые занимаются этой проблемой в данное время. Она предостерегала, что соглашение по иранской ядерной программе должно неукоснительно выполняться и США не должны рисковать своей репутацией на международной арене, отказываясь от ранее достигнутых договоренностей в одностороннем порядке.

В любом случае, после 10-15 лет, ограничения иранской ядерной программы будут сняты и Иран будет находится в правовом поле более слабого Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, *англ.*, NPT), контролируемого международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ, *англ,* IAEA), как и все другие страны, имеющие потенциал развития атомного оружия. Некоторые государства могут попытаться продлить срок действия отдельных положений соглашения по иранской ядерной программе (таких как 3,5% лимит обогащения урана и активный

мониторинг, администрируемый через дополнительный протокол МАГАТЭ) путем привлечения других стран Ближнего востока к выполнению сходных требований. Иран заявлял, что не примет односторонних ограничений в свой адрес после истечения срока действия нынешнего соглашения, но рассмотрит ограничения, наложенные множество стран. Таким образом, исключается стигматизация Ирана.

Другие вызовы

Более серьезные претензии Северной Кореи на статус ядерной державы представляют собой другой более серьезный вызов режиму нераспространения ядерного оружия. Некоторым сдерживающим фактором является тот факт, что соседи КНДР – КНР и РФ обладают ядерным оружием, а Япония и Южная Корея имеют гарантии безопасности со стороны США, что пока позволяло избегать попыток создать свое ядерное оружие. Северная Корея отвергает соглашения, подобные иранскому, имеет как плутониевые так и урановые программы ядерного оружия. Также она сделала больший прогресс, чем Иран в создании стратегических баллистических ракет. Хотя шестисторонние переговоры зашли в тупик, они остаются единственным доступным международному сообществу механизмом для вовлечение КНДР в дискуссию по проблеме ядерного оружия. Сообщество стран, вовлеченных в диалог по проблеме нераспространения ядерного оружия, пыталось закрыть лазейку, которую эксплуатировал Пхеньян: КНДР использовала помощь МАГАТЭ в развития ядерной программы, сохраняя определенные преимущества даже после выхода из договора о нераспространении ядерного оружия.

Ядерные программы Индии, Израиля и Пакистана остаются проблемой для вышеупомянутого договора, но не являются острой насущной проблемой в повестке дня международного сообщества. На деле большинство стран пока не воспринимают их ядерные программы как угрозу. Даже присоединение Пакистана и Индии к Группе ядерных поставщиков (ГЯП, *англ.*, NSG) без присоединения к договору о нераспространении ядерного оружия вызвало обеспокоенность только среди НКО. Попытки заключить договор об ограничении использования ядерных материалов (*англ.*, FMCT) остается заложником гонки ядерных вооружений.

Администрация Б. Обамы пыталась безуспешно добиться ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (*англ.*, CTBT). Если договор все-таки будет ратифицирован, то можно предположить, что следующей страной станет КНР. Однако Индия, Пакистан, КНДР, Израиль вряд ли присоединятся, вследствие чего, он не вступит в силу. По этой причине, данный договор не является приоритетом в повестке дня нераспространения ядерного оружия.

Усилия по созданию конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (*англ.*, WMDFZ) подрываются Арабской весной, трениями между США и РФ, и другими проблемами. Египет блокирует усилия США по созыву конференции по этой проблеме. Выдвигаются условия неприемлемые для Израиля – признание факта наличия ядерного оружия с последующим отказом от него. Даже успешное выполнение соглашения по ядерной программе Ирана не изменит позиции Израиля.

Пять ядерных держав, признанных договором о нераспространении ядерного оружия, противостоят движению, подчеркивающему гуманитарное воздействие ядерного оружия. Также они выступают против конференции по ядерному оружию, которая бы санкционировала немедленное ядерное разоружение. Однако данное движение остается разделенным по вопросу инициированного США «Международного партнерства за верификацию ядерного разоружения» (“International Partnership for Nuclear Disarmament Verification,” IPNDV), целью которого является подрыв идеи конференции по ядерному оружию, ведь верификация полного разоружения практически нереализуема. РФ заявляет, что вышеуказанное партнерство может привести к нарушению договора о нераспространении ядерного оружия путем запрета ядерным державам делиться информацией о технологиях производства ядерного оружия с не ядерными странами.

В сущности, РФ и КНР хотят сохранить ядерное оружие с целью балансирования США, которые обладают превосходством в обычных вооружениях. Естественно, США хотели бы снижения роли ядерного оружия в мировой политике. Франция и Соединенное Королевство используют ядерное оружие как инструмент поддержания влияния и статуса на международной арене. В независимости от результатов выборов, маловероятно, что будущее британское правительство откажется от ядерного оружия.

Перспективы

РФ и США поддерживают соглашение по иранской ядерной программе, требуют, чтобы КНДР продолжала переговоры по ядерному разоружению, выступают за зону без оружия массового уничтожения на Ближнем востоке, и против ядерного терроризма. Однако, иногда они расходятся в понимании средств достижения этих целей. В частности, в отличие от РФ, США более склонны применять экономические санкции для того чтобы давить на страны, не соблюдающие по их мнению, свои обязательства по нераспространению ядерного оружия. Российские власти утверждают, что попытки разрешить обеспокоенность вопросами безопасности тех или иных стран являются более эффективным инструментом ослабления интереса этих стран к приобретению ядерного

оружия. На практике, РФ сама регулярно использует санкции как инструмент внешней политики (Грузия, Украина, страны Балтии, и недавно – ЕС) с целью продвижения своих интересов.

Из-за Ирана, и в особенности после опыта разрушающих санкций в отношении Ирака, которые негативно сказались на уровне жизни населения, многие страны и международные организации сделали применение санкций весьма изощренным, почти хирургическим, инструментом. При этом, страны-объекты санкций пытаются усилить свои способности обхода санкций. Учитывая эти противоречащие тенденции, будет интересно посмотреть насколько эффективными окажутся новые санкции ООН в отношении КНДР.

Вне зависимости от позиции стран, не располагающих ядерным оружием, в отношении тех 8-9 что им обладают, нет свидетельства тому, что их политика в отношении ядерного оружия имела какое-то влияние на процесс принятия решений в сфере ядерного оружия. Если Иран поставит целью обретение ядерного оружия, это будет иметь прямое влияние на политику стран, не обладающих ядерным оружием. Достоверные данные о том, что Иран нарушает условия соглашения, может заставить страны региона в целях снижения рисков начать политику создания ядерного потенциала. В случае с Саудовской Аравией целью будет отрицание претензий Ирана на господство, базирующихся на ядерном оружии. К такой же стратегии могут прибегнуть Япония и Южная Корея, в случае увеличения ядерного потенциала КНДР.

Другим фактором, который может заставить государства мира стремиться к обретению ядерного оружия, является представление о нежелании США гарантировать безопасность – проблема Ирана на Ближнем востоке, КНДР –в Восточной Азии. Агрессия может включать в себя открытую государственную поддержку терроризма, угрозу использования ядерного оружия, и обычных вооружений. Напротив, если США будут продолжать политику гарантий безопасности, не будет стимула получения ядерного оружия. Ведь хорошие политические и экономические отношения с США и другими западными странами по-прежнему очень важны для большинства государств.

Гарантии безопасности со стороны РФ, хотя и важны в Центральной Азии, не влияют на современную повестку дня в сфере нераспространения ядерного оружия. Однако, дипломатическое влияние РФ на Иран и КНДР выше, чем – США, что позволяет Москве быть продуктивным участником политики нераспространения ядерного оружия в независимости от текущих разногласий с Вашингтоном.

Анна Григорьевна ВИНОГРАДОВА,
Слушатель
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ В НЕКОТОРЫХ УКРАИНСКИХ СМИ В ПЕРИОД ЕВРОМАЙДАНА 2013-2014 ГГ.

Аннотация: В данном исследовании автор ставит задачу проанализировать, каким образом некоторые украинские СМИ используют официальные заявления руководителей государства, политических лидеров и руководителей оппозиции в период зарождения Евромайдана 1 декабря 2013 г. По мнению автора, основанного на экспертном опросе участников и свидетелей событий, значительная часть украинских СМИ была настроена против власти и правоохранителей. Как показывает исследование, некоторые украинские СМИ зачастую намеренно искажали реальную картину происходящего и в тоже время больше уделяли места официальным высказываниям руководителей оппозиции, замалчивая официальные заявления власти.

В некоторых случаях украинские СМИ, следуя официальным заявлениям лидеров оппозиции, дискредитировали в общественном сознании власть. Одновременно эти же украинские СМИ намеренно искажали, как считает автор, заявления главы государства. Используя эти и другие манипуляторные методы, значительная часть украинских СМИ с первого дня противостояния власти и оппозиции способствовала совершению государственного переворота на Украине.

Ключевые слова: украинские СМИ, Евромайдан, государственный переворот, интерпретация, манипуляторные методы, официальные заявления, общественное сознание.

VINOGRADOVA Anna G.
National Research University Higher School of Economics, Moscow

INTERPRETATION OF THE OFFICIAL INFORMATION OF THE AUTHORITIES AND THE OPPOSITION IN CERTAIN UKRAINIAN MASS MEDIA DURING EUROMAIDAN IN 2013-2014 YEARS

Abstract: The coup which took place in Ukraine in February 2014 became possible due to active involvement of a significant part of Ukrainian mass media in

these events. The study's author believes that the Ukrainian mass media that were supporting the opposition intended to distort the official statements of the Ukrainian authorities, as evidenced by the quoted materials during the analysis. In these Ukrainian mass media the most of information messages are devoted to official statements the opposition leaders. At the same time, the statements of the head of state V. Yanukovych either ignored or distorted by some of the media. The oppositional mass media along with the political leaders of the Ukrainian opposition greatly discredited the Ukrainian authorities by publishing the official statements. Author of the study intentionally analyzes the position Ukrainian mass media based on official statements of the authority's leaders, law enforcement officers and the opposition. This makes it possible to evaluate objectively the position of the Ukrainian mass media and to reveal the methods and techniques of social consciousness control during Euromaidan.

Keywords: social consciousness control, Ukrainian mass media, manipulating, coup Euromaidan, authority, opposition.

1. Термины

Официальная информация – это информация, распространяемая органами власти и политическими партиями по официальным каналам: на сайтах соответствующих структур, а также представителями органов власти и партий в ходе пресс-конференций и брифингов.

Как правило, официальная информация распространяется в результате заявлений официальных лиц органов власти и политических структур, уполномоченных распространять такую информацию от имени этих структур и партий. Такая информация, как правило, исключает возможность опубликования личного мнения официальных лиц. В отличие от официальной информации, распространяемой по официальным каналам, существуют информационные сообщения, которые готовят сотрудники СМИ на основе собственной деятельности: встреч с представителями органов власти, в результате личных впечатлений от происходящего. В этом смысле, в отличии от официальной информации, эта категория новостей носит более субъективный характер.

В данном исследовании мы анализируем исключительно официальную информацию, поскольку она является:

А) объективной;

Б) распространяемой по официальным каналам, то есть, общедоступной.

Таким образом, анализируя количество и качество публикуемой в СМИ официальной информации, мы можем объективно анализировать редакционную политику, а также отношение СМИ к этим структурам (органам власти, оппозиции, политическим и государственным деятелям).

Для анализа нами взяты информационные ленты пяти онлайн-СМИ: "РИА Новости Украина", "Украинская правда", "Цензор.net", "Зеркало недели", "КорреспонденТ.net". При отборе этих СМИ мы руководствовались проведенным нами экспертным опросом о влиятельности украинских СМИ в период Евромайдана.

Примечание: В соответствии с украинским законодательством определить принадлежность СМИ к тем или иным политическим и бизнес-структурам не всегда представляется возможным.

На момент начала Евромайдана исследуемые нами СМИ позиционировались, по мнению экспертов, следующим образом:

- «РИА Новости Украина» официально финансировалось «РИА Новости» (Россия) и какие-либо политические партии и движения в тот момент не поддерживало.
- «Украинская правда» на момент начала Евромайдана по неофициальной информации финансировалась за счет грантов США и ЕС.
- «Цензор.net» ориентировалась на оппозицию. Структура финансирования неизвестна.
- «Зеркало недели» - еженедельная газета, имеющая свой онлайн-ресурс. По неофициальной информации финансировалась за счет грантов и средств иностранных участников.
- «Корреспондент.net» на момент противостояния финансировался окружением президента В.Ф. Януковича.

Для анализа нами была выбрана дата 1 декабря 2013 г. в связи с тем, что именно в этот день началось открытое противостояние власти и оппозиции.

В ходе исследования нами выявлено восемь блоков официальных структур, чью информацию распространяли украинские онлайн-СМИ 1 декабря 2013 г.: "РИА Новости Украина", "Украинская правда", "Цензор.net", "Зеркало недели", "КорреспонденТ.net".

I. Анализ количественных показателей публикаций официальной информации в онлайн-СМИ.

Таблица 1

Количество новостей, посвященных заявлениям официальных структур органов власти, правоохранителей, основных партий и лидеров оппозиции, опубликованных в некоторых СМИ Украины 01.12.2013 г.

	"РИА Новости Украина"	**"Украинская правда"**	**"Цензор.net"**	**"Зеркало недели"**	**"Корреспондент.net"**
Заявления президентских структур (АП, СНБО) и главы государства Януковича В.Ф	4	1	0	1	1
Заявления представителей правительства и премьер-министра Азарова Н.Я.	9	8	4	1	3
Заявления спикера Верховной рады Рыбака В.В.	2	1	1	1	0
Заявления пресс-служб мэрий, обладминистраций, парламента Крыма	7	4	2	2	0
Заявления правоохранителей (МВД, Генпрокуратура, суды)	26	16	10	1	9
Заявления пресс-службы Партии регионов	1	0	0	0	0
Заявления представителей оппозиции (пресс-служб партий: "Батькивщина", "УДАР", "Свобода"; заявление лидеров оппозиции: Яценюк А.П., Тягнибок О.Я., Кличко В.В., Порошенко П.А., Луценко Ю.В.)	7	18	16	7	6
Заявления иностранных структур (дипломаты, представители власти, известные политики других государств)	7	8	5	3	3
Всего новостей, посвящённых официальным заявлениям:	**63**	**56**	**38**	**16**	**22**
Общее количество новостей, опубликованных 01.12.2013 г.	**109**	**102**	**150**	**58**	**61**

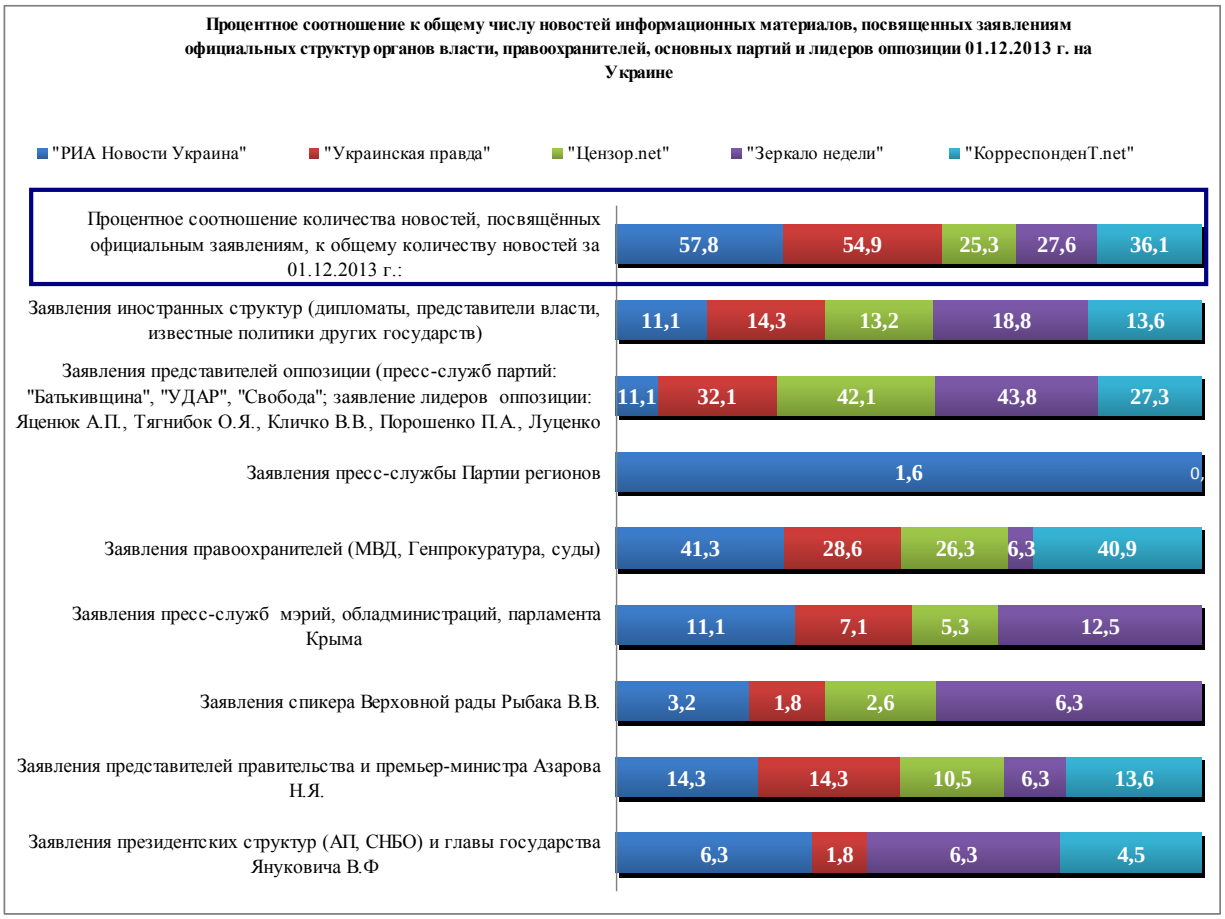


Диаграмма 1. Процентное соотношение к общему числу новостей информационных материалов, посвященных заявлениям официальных структур органов власти, правоохранителей, основных партий и лидеров оппозиции, опубликованных в некоторых СМИ Украины 1 декабря 2013 г.

Наибольшее количество официальных заявлений структур власти и оппозиции опубликовали «РИА Новости Украина» и «Украинская правда» (см. таблицу 1), при этом на сайтах обоих СМИ публикации официальных заявлений составили более 50% от общего числа публикаций (см. диаграмму 1). То есть, значительную часть информационных сообщений оба СМИ получили из официальных источников.

Анализ показывает, что «Цензор.net» и «Зеркало недели» вдвое меньше использовали официальную информацию при создании новостей.

При этом «РИА Новости Украина» опубликовали 26 новостей, посвященных официальным заявлениям правоохранителей, и только 7 новостей, посвященных официальным заявлениям представителей оппозиции.

«Украинская правда» опубликовала 16 новостных сообщений на основе официальной информации правоохранителей и 18 заявлений представителей оппозиции.

В то же время «Украинская правда» и «Цензор.net» опубликовали 16 и 18 новостей соответственно, посвященных заявлениям представителей оппозиции. Таким образом, очевидно, что «Украинская правда» и «Цензор.net» ориентировались на освещение деятельности оппозиции, в отличии от агентства «РИА Новости Украина», которое в основном ориентировались на официальные заявления власти и правоохранителей. Наименьшее количество новостей правоохранителей опубликовало «Зеркало недели» – всего одну (для сравнения «РИА Новости Украина» – 26).

Примерно одинаковое количество сообщений, посвященных заявлениям иностранных структур, опубликовали «РИА Новости Украина» и «Украинская правда» (7 и 8, соответственно).

В этот день было сделано всего одно официальное заявление пресс-службы Партии регионов, которое опубликовало только «РИА Новости Украина».

Наибольшее количество заявлений президента Украины В.Ф.Януковича и президентских структур опубликовало «РИА Новости Украина» – 4. «Украинская правда», «Зеркало недели», «КорреспонденТ.net» опубликовали по одному заявлению. «Цензор.net» – ни одного.

В процентом соотношении к общему числу опубликованных в этот день новостей больше всего официальных заявлений правоохранителей опубликовали «РИА Новости Украина» и «КорреспонденТ.net» (41,3% и 40,9% соответственно).

Количественный анализ публикаций показывает, что «РИА Новости Украина» наибольшее внимание уделяла действиям власти и правоохранителей. «Украинская правда» и «Цензор.net» большее внимание уделяли официальным заявлениям представителям оппозиции.

II. Качественный анализ публикаций официальных новостей на сайтах некоторых украинских СМИ 01.12.2013 г.

Блок первый: анализ информационных сообщений с изложением заявлений президента В. Януковича.

Приемы использования официальной информации позволяют четко определить отношение СМИ к происходящим событиям. Рассмотрим публикацию официальных сообщений президента Януковича В.Ф. в различных СМИ.

1 декабря 2013 г. президент Украины В.Ф. Янукович сделал ряд заявлений. «РИА Новости Украина» опубликовала 4 информации, посвященных этому. «Украинская правда» и «КорреспонденТ.net» – по одному, «Цензор.net» – ни одного. Сравним, какие сообщения были опубликованы, и их изложение. «РИА Новости Украина» опубликовало информсообщение по заявлению Виктора Януковича, в котором:

1. Янукович осудил действия на Майдане независимости, которые привели к силовому противостоянию, и потребовал от Генеральной прокуратуры в срочном порядке предоставить результаты расследования инцидента.

Остальные СМИ это сообщение проигнорировали. Таким образом посетители сайтов других СМИ не получили информации об отношении главы государства к силовому разгону студентов накануне ночью. Из чего они могли делать вывод, что В.Янукович либо поддерживает этот разгон, либо не придает этому значение. То есть, игнорирование официального заявления главы государства в данном случае искажает реальное отношение власти к происходящему.

2. «РИА Новости Украина» сообщило о том, что в связи со взломом сайта АП, официальные документы и заявления главы государства будут временно публиковаться на сайте "Укринформ". Остальные СМИ эту информацию проигнорировали. Таким образом, посетители сайтов не знали о том, что сайт президента взломан и о том, где можно прочитать официальную информацию о деятельности президента и его администрации.

3. «РИА Новости Украина» публикуя обобщенный материал о событиях этого дня еще раз информирует о заявлениях президента, которые были опубликованы ранее.

4. 1 декабря 2013 г. президент Украины сделал заявление о планах Украины по дальнейшему вступлению в ЕС и поздравил граждан Украины с 22-й годовщиной Всеукраинского референдума. Примерно в том же ключе и так же подробно излагает обращение президента Януковича В.Ф. «Зеркало недели».

«Цензор.net», «Украинская правда» это заявление проигнорировали.

Рассмотрим более подробно интерпретации этого заявления В.Януковича в различных украинских СМИ.

Причиной Евромайдана стал отказ Украины подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС. Поэтому это заявление В.Ф.Януковича являлось важным для понимания позиции власти и ее действий. Наиболее подробно позицию президента, изложенную в его обращении, дал сайт «Корреспондент.net» В этом сообщении Виктор Янукович заявил:

1. «сделаю все от меня зависящее для ускорения процесса сближения Украины с Европейским союзом»;

2. Украина должна «интегрироваться в содружество европейских наций как равноправный партнер»;

3. В. Янукович поздравил украинцев с 22-й годовщиной Всеукраинского референдума в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины. Заявил, что «нет в мире силы, которая смогла бы поколебать решимость украинцев свободно жить на собственной земле».

«РИА Новости Украина», излагая выступление-обращение В.Ф.Януковича, в основном сосредоточилась на том, что интеграция Украины с ЕС будет продолжаться, и что Украина готова вступить в ЕС на правах равноправного партнера. «РИА Новости Украина» не сообщило, что президент поздравил сограждан с 22-й годовщиной Всеукраинского референдума. Таким образом, «РИА Новости Украина» частично исказило позицию президента, проигнорировав один из трех пунктов его обращения.

«Украинская правда» также опубликовала обращение президента в изложении, но не сделала акцент на европейском выборе Украины, а именно было главным в обращении президента к народу. Излагая содержание обращения президента «Украинская правда» сделала главной темой текста поздравление президента с обретением Украиной 22 года назад независимости. А осиновые месседжи его обращения они перечислили, сделав второстепенными. Таким образом, обращение Януковича в изложении «Украинской правды» было посвящено не европейскому выбору страны, а обретением страной независимости 22 года назад.

Блок 2. Анализ информационных сообщений о встрече министра внутренних дел В.Ю. Захарченко и министра иностранных дел Л.А.Кожары с послом США Джеффри Пайеттом и послом ЕС в Украине Яном Томбинским.

Важным событием 1 декабря 2013 г. была официальная встреча министра иностранных дел Л. Кожары и министра внутренних дел В.Захарченко с послом США Джеффри Пайеттом и послом ЕС в Украине Я.Томбинским. В ходе этой встречи стороны обсудили ряд вопросов. Во-первых, они осудили применения насилия со стороны правоохранителей, представители ЕС и США призвали расследовать события и привлечь к ответственности виновных. Министр МВД В.Ю. Захарченко рассказал об обстоятельствах разгона демонстрации студентов. Стороны договорились о том, что правоохранители должны «избежать обострения ситуации, воздержаться от превышения применения силы и защищать безопасность и свободу мирных собраний всех граждан».

Это официальное сообщение изложили «РИА Новости Украина», «Украинская правда», «Цензор.net», «Зеркало недели».

Все информационные агентства сделали разные акценты в изложении этого официального сообщения. Однако «РИА Новости Украина» в основном изложило точку зрения украинских министров. «Украинская правда» в основном изложила позицию послов США и ЕС. При этом «Украинская правда» сделала два акцента. Перове, дала оценочную характеристику слов Захарченко В.Ю. «Захарченко рассказал послам США и ЕС версию разгона, как в "темнике" ПР». При этом «Украинская правда» утверждает, что послы потребовали обеспечить безопасность митингующим

в воскресенье, на самом деле, послы обсуждая этот вопрос с министрами, договаривались не о конкретных датах, а об общих принципах взаимодействия митингующих и правоохранителей.

«Цензор.net» в изложении этой информации сделал основной акцент на заявлении Яна Томбинского об обеспечении безопасности протестующих. Версия Захарченко о том, как накануне произошел разгон демонстрантов, в этом информсообщении отсутствует.

«Зеркало недели», излагая это обращение официальное сообщение, не упоминает присутствующих на встрече министров МИД и МВД, и основной акцент делает на заявлении послов.

Блок 3. Анализ официальных заявлений руководителей оппозиции 1 декабря 2013 г. в исследуемых украинских СМИ.

В этот день руководители оппозиции А.Яценюк, О.Тягнибок, В.Кличко, П.Порошенко, А.Турчинов неоднократно делали заявления для прессы.

Рассмотрим некоторые публикации этих заявлений.

Одним из ярких эпизодов противостояния оппозиции и власти стал момент попытки штурма АП (Администрации президента) группой неизвестных людей. Практически все СМИ подробно описывали это событие с ссылкой на официальные заявления руководителей оппозиции. При этом особо необходимо отметить, что представители власти никакой официальной подробной информации об этом факте не опубликовали.

В разных СМИ эти события отражены по-разному.

«РИА Новости Украина», сначала, опираясь на материал и впечатления корреспондента, присутствовавшего на месте событий, сообщило о том, что со слов журналиста один из тогдашних лидеров оппозиции П.Порошенко заявил: «Здесь собрались 40 молодчиков, провокаторов, которые хотят, чтобы пролилась кровь". Его слова, по свидетельству корреспондента «РИА Новости Украина» присутствующие встретили свистом, кто-то бросил в него конфетами (Порошенко – владелец корпорации Roshen). После этого его скинули с бульдозера».

Однако позже на брифинге Петр Порошенко заявил, что штурмующих было не 40 человек (как он зявил в начале, на месте событий), а 100, а также, что в него кидали не конфетами, а камнями: "Когда я вылез на бульдозер и пытался выступить там, в меня полетели камни. После того как они увидели, что их провокация сорвалась, они попытались штурмовать здание администрации". Эту новую версию событий со слов Порошенко «РИА Новости Украина» так же излагает без комментариев. Таким образом, это СМИ дало об этом событии две новости – свою версию, написанную по впечатлениям журналиста и версию одного из лидеров оппозиции П.Порошенко

Ту же версию излагает «Украинская правда»: «Порошенко добавил, что когда он попытался остановить бульдозер, забравшись на него, провокаторы начали бросать камни в него». Однако уже в «Украинской правде» количество штурмующих АП было увеличено до 2000 человек.

«Зеркало недели» те же события излагает несколько иначе. По версии этого СМИ участников конфликта у АП было 1,5 тыс. человек. "Утверждаю, что там 1,5 тыс. "титушек", которые туда привезены и проплачены", – сказал Порошенко.

Таким образом можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Только «РИА Новости Украина» дало две версии происшедшего – собственную версию, описание корреспондентом сайта, и версию – в изложении П.Порошенко. Остальные СМИ, ссылаясь на один и тот же брифинг, в значительной степени расходятся в количестве участников конфликта со стороны протестующих.

2. При этом СМИ, настроенные против власти («Украинская правда», «Цензор.net», намеренно преувеличивают число штурмующих здание АП провокаторов.

Еще один аспект анализа этого блока новостей. Обращает на себя внимание тот факт, что лидеры оппозиции координировали свои выступления между собой, что отражается в информационных сообщениях об их официальных заявлениях. Сначала один из лидеров Евромайдана Турчинов А. на «Украинской правде» заявил, что "властью планируются провокации. Они планируют привлечь около 7000 "титушек". Сейчас они уже частично есть в Киеве».

Затем эту тему развивает Петр Порошенко, который постоянно заявляет о провокациях со стороны власти: "Порошенко заявил о провокациях, подчеркнув, что протестующие не имеют отношения к штурму администрации президента Украины." (РИА Новости Украина).

Далее «Тягнибок также подтвердил, что это однозначно провокация власти. Олег Тягнибок сообщил, что провокаторами являются специально обученные спортсмены.

"Одна категория, это всем известные так называемые "титушки", которых здесь около 2 тыс., которые в последние дни базировались в Доме офицеров. Другая категория – студенты будущие работники правоохранительных органов. При любом конфликте между "титушкамы", горестудентами и обществом, в частности "Беркут" занимает позицию провокаторов", – заявил лидер "Свободы"» (Украинская правда).

«Власти умышленно устроила провокации с помощью проплаченных "титушек ", которые выдают себя за сторонников ВО "Свобода " для того, чтобы силовым методом разогнать протесты», – цитирует Тягнибока «Украинская правда».

В свою очередь глава фракции "Батькивщина" Арсений Яценюк обвинил в этих провокациях лично Януковича и секретаря СНБО Андрея Клюева. "Мы знаем, что вы хотите ввести чрезвычайное положение. Но мы призываем вас отзовите своих провокаторов с Банковой. Ни одна оппозиционная политическая сила не имеет отношения к тому, что происходит" («Цензор.net»).

"Штурм на Банковой администрации президента – провокация власти, чтобы дискредитировать мирную акцию на Майдане Независимости", – утверждал один из лидеров Евромайдана Кличко В. («Украинская правда»).

Таким образом, лидеры оппозиции работали по единому сценарию, в котором любые силовые действия протестующих характеризовались как провокация власти, а поддерживающие оппозицию украинские СМИ (прежде всего, «Украинская правда» и «Цензор.net») развивали эту тему в сообщениях, подготовленных по материалам официальных заявлений лидеров оппозиции. Таким образом, лидеры оппозиции использовали часть украинских СМИ для подготовки государственного переворота.

Выводы

В период противостояния оппозиции и власти на Украине, начавшегося 1 декабря 2013 г., украинские СМИ в большинстве своем заняли антиправительственную позицию. Это подтверждается количественным и качественным контент-анализом новостей, опубликованных в этот день в исследуемых нами СМИ:

1. Значительно большее количество информации было посвящено официальным заявлениям оппозиции. Исключение составляет сайт «РИА Новости Украина», который наоборот в большей степени уделял место официальным заявлениям представителей власти и правоохранителей.

2. Часть официальных заявлений власти украинские СМИ либо игнорировали, либо намеренно искажали, что особенно четко видно при анализе информационных сообщений об официальных заявлениях президента Виктора Януковича. При этом наиболее существенные искажения допускали «Украинская правда» и «Цензор.net».

3. Лидеры оппозиции координировали свою деятельность и заявления, что особенно заметно при анализе информационных сообщений с их официальными заявлениями. В некоторых случаях украинские СМИ, основываясь на эти заявления, искажали реальную картину происходящего. Кроме того украинские СМИ, следуя официальным заявлениям руководителей оппозиции, также включились в план по дискредитации власти. С этой целью любые силовые акции, которые проходили в этот день, и попытки захвата здания АП характеризовались украинскими СМИ как провокация власти.

По всей видимости, в тот день было оппозиции было необходимо подавать силовое противостояние протестующих власти, как провокации самой власти.

Литература:

1. *Karl Richter*. Focus Ukraine Hot spot with an option for World War. The responsibility West for the escalation in the Ukraine conflict. Italy, 2015.
2. *Верпинцев В. Б., Манойло А.В., Петренко А.И.* и др. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. М.: Горячая линия Телеком, 2015. 496 с.
3. *Григорьев М.С*. Евромайдан. М., 2014.
4. *Эдвард Н. Люттвак*. Государственный переворот: Практическое пособие. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Coup d'Etat: A Practical Handbook / Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. М., 2012. 326 с.
5. *Захарченко В.Ю*. Кровавый евромайдан – преступление века. Спб.: Питер, 2016. 480 с.
6. *Зелинский С. А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. 280 с.
7. *Качановський Иван*. «Снайперські масові розстріли» на Майдані в Україні // Работа подготовлена для презентации на ежегодной конференции Американской Ассоциации Политических Наук. Сан-Франциско, 2015.
8. *Панарин И.Н*. Информационная война, PR и мировая политика. Курс лекций. 2-е изд., стереотип. М., 2015. 352 с.
9. *Пашенцев Е. Н.* Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии глобального влияния и управления. М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга при поддержке кафедры философии языка и коммуникации, секция «Коммуникационный менеджмент в политике и бизнесе» Международной ассоциации исследований Центральной и Восточной Европы (CEEISA) и Международной сети экспертов EURUCMNET, 2014. 472 с.
10. *Семёнова А.В., Корсунская М.В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
11. *Толочко П.П.* Украина в огне евроинтеграции. Спб.: Алетейя, 2015. 174 с.
12. *Цыганов В.В*. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. М.: Академический Проект, 2007. 336 с.

Владимир Иванович ВИНОКУРОВ,
Профессор
Дипломатической академии МИД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СЛЕДСТВИЕ СИРИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО КРИЗИСОВ

Аннотация: Автор рассматривает в статье нынешние изменения в среде, содержании и принципах международных отношений, вызванные событиями в Сирии и Украине, на основе которых делает вывод о трансформации архитектуры мировой политики.

Ключевые слова: система международных отношений, силовая дипломатия (дипломатия силы), несиловая дипломатия (сила дипломатии), «мягкая сила», «жесткая сила».

VINOKUROV Vladimir I.
Professor,
Diplomatic Academy, MFA Russia

THE TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM AS A CONSEQUENCE OF THE CRISES IN SYRIA AND UKRAINE

Abstract: In the article regards the author current changes in the environment, content and principles of the international relations as a consequence of the crises in Syria and Ukraine and aphorizes on the transformation in the architecture of the world policy.

Key words: the international relations system, diplomacy of power (the power of diplomacy), «soft power», «hard power».

Сегодня мир меняется столь стремительно и порой непредсказуемо, что многие лидеры Запада, как считает, например, американский политолог Роберт Легвольд, «просто не в состоянии идти в ногу со временем, и правительства делают слишком мало и слишком поздно». Еще вчера лидерство США многим в мире казалось незыблемым, и в Белом доме до сих пор уверены, что это навечно, так как американцы, как утверждает Барак Обама, «исключительная нация».

Многие эксперты даже называют конкретные рубежи, после которых наступила резкая смена общей картины миропорядка. Некоторые называют 30 сентября 2015 г. днем начала операции российских ВКС в Сирии, другие – 7 октября, когда запуск 26 крылатых ракет «Калибр» в корне изменил всю

военно-политическую ситуацию в мире, третьи – 22 февраля 2016 г. – телефонный разговор президентов РФ и США, которые пришли к соглашению о прекращении боевых действий в Сирии с полуночи по дамасскому времени 27 февраля 2016 г.

До этого Вашингтон был уверен, что Россия не способна эффективно противостоять силовым действиям США без применения ядерного оружия. Но оказалось, что есть Каспийская флотилия и Черноморский флот, и они способны, не покидая свои акватории, уничтожить любого противника в Восточном Средиземноморье и в Персидском заливе, а Балтийский флот – держать на прицеле морские рубежи к северо-западу и контролировать Северную Атлантику. Получается, что утверждение Обамы о том, что США «единственно лучшие и самые сильные», утратило свою справедливость.

Все это позволяет утверждать, что мир находится в состоянии трансформации. Ситуации, сложившиеся в Сирии и Украине, подчеркивают смену парадигмы в международных отношениях и в сфере решений межгосударственных и межнациональных конфликтов. В сфере международных отношений появился даже термин «новая нормальность», который обозначает силовой вариант решения возникающих конфликтов. Еще несколько лет назад это считалось чем-то экстраординарным. Территориальные конфликты от карабахского до кипрского были тлеющими, их обострение редко доходило до обмена выстрелами. Нормой было разнимать противников, усаживать их всеми правдами и неправдами за стол переговоров. Другими словами, правильной считалась длительная заморозка конфликта, пусть даже и с неясными перспективами, без ответа на вопрос «что дальше?».

Отличие новой, складывающейся у нас на глазах парадигмы от прежней заключается в том, что сила становится аргументом. Армения и Азербайджан (а вместе с ним и Турция) пришли к тому, что карабахский конфликт в любой момент может стать новой войной. Россия продемонстрировала в Сирии Западу, какое у нее есть оружие и что она способна с ним сделать. Хиллари Клинтон говорит, что проблема Ирана, с которого только что сняли часть санкций, может быть решена и военным путем, если Тегеран решится создать ядерное оружие.

Сформировавшиеся связи между государствами, вся система международных политических и экономических отношений не является при этом сдерживающим фактором. Напротив, страны, которые могут и хотят применить силу в той или иной ситуации, думают, что их не смогут сурово наказать – и именно по причине крепких взаимных связей. Турция сбивает российский военный самолет, но, будучи членом НАТО и обещая помочь ЕС с беженцами, не ожидает жесткой реакции Запада.

К миропорядку, контуры которого были очерчены после Второй мировой войны, это не имеет отношения. Принципом того миропорядка

было стремление к миру, пусть и с трудом достижимому. Принципом нового порядка уже становится стремление к короткой, но все-таки войне.

В том, что такая ситуация сложилась, виноваты практически все значимые мировые игроки. Турция со своими амбициями региональной сверхдержавы, национальные правительства, борющиеся с этническими проблемами, США с показным игнорированием решений Совбеза ООН, Запад в целом с его ливийским блицкригом. И не в последнюю очередь Россия, которая решила проблему возвращения в «родную гавань» Крыма, принудила в свое время к миру Грузию и способствовала отделению от нее Абхазии и Южной Осетии. Каждый из этих игроков, разваливая старую систему, способствует появлению новой концепции миропорядка.

Сегодняшние события в мире напоминают время разгара Холодной войны. То же биполярное противостояние, те же громкие обвинения, бросаемые сторонами в адрес друг друга, те же пугающие действия. Все это всерьез, санкции, например, больно кусаются, перемещения войск и техники стоят денег.

Все это происходит в мире, уже ставшем многополярным. В нем возникли новые центры экономической силы и военной мощи, возникли новые международные организации. Тем не менее, противостояние, связанное с событиями в Сирии и Украине, биполярно. С одной стороны – Россия, с другой – Запад, но прежде всего США. Именно Вашингтон принимает главные решения по теме Сирии и Украины с западной стороны, и другим западным странам не удается уклониться от объявленного Вашингтоном курса.

Вряд ли сегодня можно предсказать в деталях все последствия сирийского и украинского кризисов. Но совершенно очевидно, что одним из их главных последствий станет переформатирование международных отношений. В своем интервью программе «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» 11 апреля 2014 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Думаю, что происходит переформатирование всей мировой системы, потому что после исчезновения Советского Союза и Варшавского договора те, кого мы называем собирательным словом «Запад», упустили исторические возможности, когда Россия предлагала целый ряд инициатив, которые позволили бы по-настоящему объединить не только Европейский континент, но и Евроатлантику, включая Евразию».

То есть процесс пошел, мир из однополярного превращается в многополярный, так как на мировой арене заявили о себе новые акторы, и в первую очередь Россия. Не считаться с ней вряд ли посмеют на Вашингтоне и Брюсселе, тем более что методы, которые она начала применять, мало чем отличаются от западных.

Нужно признать, что началось все не с Сирии и Украины. Первый звонок прозвучал в 2008 г., когда Россия, не очень боясь реакции со стороны НАТО и США, жестко среагировала на военные акции Саакашвили против Южной Осетии и Абхазии, объявивших о своей независимости, следуя прецеденту Косово.

Сторонники однополярного мира, построенного на принципах "*Pax Americana*", не смогли также препятствовать действиям России по возвращению в состав РФ Крыма, продемонстрировав тем самым, что они уже не могут диктовать свои условия игры на международной арене, как это происходило на протяжении последних двух десятилетий.

Разумеется, процесс распада монополярного мира только начался, и попытки воспрепятствовать этому, несомненно, будут: под видом санкций, под видом бряцания оружием, под видом борьбы за соблюдение норм международного права, под видом осуждения «агрессора» и других, не менее зрелищных и пропагандистских акций, однако вряд ли все эти деяния смогут спасти ситуацию.

Украинский кризис, как феномен, послужил той последней каплей, которая заполнила чашу терпения в деле перетягивания каната от одной системы международных отношений (Ялтинско-Потсдамской. – *Прим. авт.*) к другой (той, которая нарождается). Этот кризис вскрыл несовершенство предлагаемого нам мирового порядка, полностью оголив теневые стороны международной политики, особенно те, которые с особой тщательностью скрывались от мировой общественности.

События в Сирии и на Украине обозначают «точку невозврата» относительно международной безопасности и смены миропорядка, поскольку традиционные институты и механизмы, обеспечивающие эти функции (ООН, ОБСЕ), перестали работать, а «мировой лидер» – США и «мировой гарант» – НАТО, оказались неспособными что-либо сделать в этой ситуации.

К чему же все это приведет?

Как известно, основным законом трансформации международной системы, считается *закон корреляции между полярностью и стабильностью*. Известный американский специалист международных отношений М. Каплан подчеркивает, например, нестабильный характер гибкой биполярной системы. Если она основана на неиерархизированных блоках, то эволюционирует к мультиполярной системе, а если тяготеет к иерархии обоих блоков, то существует тенденция ее трансформации либо в жесткую биполярную, либо в иерархическую международную систему. В гибкой биполярной системе существуют риски присоединения неприсоединившихся; подчинения одного блока другому; тотальной войны, ведущей либо к иерархической системе, либо к анархии. Внутриблоковые дисфункции в биполярной системе подавлены, зато обостряются

межблоковые противоречия. Основное условие ее стабильности, следуя М.Каплану, – равновесие мощи. Если же появляется третий блок, то это ведет к серьезному разбалансированию и риску разрушения системы[1].

Доктор от Гарвардской школы права Дж. Сингер и немецкий социолог и политолог К. Дойч, исследовав проблему корреляции между полярностью и стабильностью международных систем в формально-теоретическом плане, пришли к таким выводам. Во-первых, как биполярная, так и мультиполярная системы имеют тенденцию к саморазрушению. Во-вторых, нестабильность жестких биполярных систем сильнее, чем нестабильность мультиполярных систем[2].

Американский ученый Э. Хаас подверг этот вывод эмпирической проверке, для чего изучил 21 международную систему, четко отграниченную в пространственно-географическом и историческом планах. Он пришел к противоположному заключению: корреляция между полярностью и стабильностью носит обратно пропорциональный характер Э. Хаас считает, что в биполярной системе войны хотя и более продолжительные, но не так многочисленны, как в мультиполярной системе[3].

С точки зрения американского политолога, представителя теории неореализма К. Уолца, никакого качественного различия между биполярной и мультиполярной системами не существует, кроме того, что первая стабильнее, чем вторая[4].

Подытоживая сказанное, следует признать, что сама постановка проблемы трансформации международных отношений в теоретическом плане является очень плодотворной, ибо она позволяет показать зависимость поведения государств на мировой арене от формируемой ими международной системы; связь частоты и характера межгосударственных конфликтов с ее структурными характеристиками; необходимость учета системообразующих факторов в дипломатии. Сама идея существования системных законов в международных отношениях дает возможность рассматривать международные системы как результат принятия рядом государств определенного политического, экономического и идеологического статус-кво на международной арене, на общепланетарном, региональном или субрегиональном уровнях. С такой точки зрения каждая *международная система является не чем иным, как неформальной институализацией соотношения сил между государствами в соответствующем пространственно-временном контексте*.

---

[1] *Morton A. Kaplan*. System and process in international politics. ECPR Press, 2005.
[2] *Дойч К.* «The Analysis of International Relations» ISBN 0-13-033225-9.
[3] Хаас Э. Баланс сил в качестве руководства для разработки политики. 1953; Хаас Э. Когда знание это сила: три модели изменения в международных организациях. Berkeley: University Press, 1990.
[4] Уолц К. Теории международной политики. 1979.

А что в практическом плане?

Разумеется, взаимоотношения России с США будут пересмотрены. Скорее всего, они станут такими же, как и во времена холодной войны, которая, кстати, сегодня ведется в новом формате 2.0 другими методами и другими средствами.

Взаимоотношения России с ЕС также подлежат пересмотру, хотя здесь вряд ли будет запущен «железный занавес», так как взаимосвязь и взаимный интерес друг к другу носят совершенно другой характер, чем в случае с Вашингтоном. Более того, Европе придется определиться в своем выборе: станет ли она новым, самостоятельным актором международных отношений, или вернется к старой формуле – быть «продолжением евроатлантической политики» Вашингтона.

Россия уже начала переориентацию своей политики на страны БРИКС и Азиатско-Тихоокеанского региона, которые также видят в Вашингтоне скорее противника, чем союзника, и которые рады бы переходу, от однополярного мира к многополярному. Здесь особую роль играют Китай и Индия, обладающие ядерным оружием, однако нельзя сбрасывать со счетов и роль Южноафриканской Республики и Бразилии, особенно учитывая их влияние соответственно на Африку и Латинскую Америку.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что такое решение будет сказываться не только на отношения России с дальним зарубежьем, но затронет и ее отношения со странами членами СНГ, а также с членами ЕАЭС. Во всех этих странах есть «замороженные» и «спящие» конфликтные ситуации, которые могут реанимироваться автоматически, учитывая прецедент Крыма.

Чтобы понять действия России в новой международной конфигурации, необходимо смотреть на всю историю конфронтации с Западом в последние несколько лет, а не эпизодично по Украине, Сирии или, скажем, Ирану. Россия ведёт большую игру, ставка которой – переформатирование международных отношений с однополярного на многополярные и лишение США статуса мирового жандарма. С. Лавров так прямо и заявил в интервью *Russia Today*: «Украина – всего лишь один случай, в котором проявляется нежелание Америки уступать в геополитической борьбе. Американцы не готовы признать, что они уже не могут единолично командовать парадом во всех уголках планеты из Вашингтона, не могут навязывать всем свои готовые решения»[5]. «Украина – всего лишь случай», а потому и оценивать то или иное дипломатическое решение Москвы в ситуации с Украиной надо исключительно исходя из общей картины противостояния.

[5] *Лавров С.* Интервью Russia Today 24 апреля 2014 года. http://www.putin-today.ru/archives/2926

Переход к полицентричной архитектуре мировой политики является длительным процессом и должен опираться на взаимодействие ведущих центров силы, заявил глава МИД РФ С. Лавров, выступая на XXIV ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) 9 апреля 2016 г. Задача перехода к новой полицентричной архитектуре мировой политики требует универсальной поддержки, международная кооперация в этих интересах является крайне сложной задачей, подчеркнул министр. "Речь идет о длительном процессе перехода к полицентричной архитектуре (мирового порядка). Мы не снимаем с повестки дня, а наоборот, видим многочисленные подтверждения этой тенденции – переход, который в идеале должен опираться на взаимодействие ведущих центров силы в интересах совместного решения глобальных проблем. Такое видение разделяется многими государствами, хотя, как и на всех предыдущих этапах истории, автоматизма в международных делах не существует. И нет никаких гарантий, что позитивный вектор возобладает", – заявил С. Лавров[6].

Между тем развитие событий идет в крайне опасном направлении. Опасном не только для «двух полюсов», но и для всего остального мира. Поэтому пора вспомнить, как выходили в прошлом из международных кризисов Москва и Вашингтон. Как находили способы обеспечения разрядки и ограничения гонки вооружений на базе компромисса и учета интересов безопасности друг друга. В нынешних условиях это не только помогло бы укреплению международной безопасности, но стало бы важным фактором в преодолении кризисных явлений в мировой экономике, которые иначе могут стать затяжными. Иными словами, настало время для энергичных действий по преодолению предубеждений и фобий, поиску компромиссных решений, прежде всего по кризисным ситуациям в Сирии и юго-восточной Украине.

Пора американцам признать, что они уже не могут «единолично командовать парадом во всех уголках планеты», тем более под боком у России. Точнее, не «не могут», а мы не позволим. Признание этого геополитического факта и станет главной составляющей новой системы международных отношений.

[6] РИА Новости http://ria.ru/world/20160409/1406342032.html#ixzz45LJynQ00

Дмитрий Александрович ДАНИЛОВ,
Заведующий Отделом европейской безопасности
Института Европы РАН,
Профессор МГИМО (У) МИД России

АРКТИКА: ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА[1]

Аннотация. В Докладе рассмотрены проблемы повышающейся активности Европейского союза в Арктическом регионе и регионе Европейского Севера (2008-2016 гг.), основные направления и институциональные (внутренние и внешние) опоры и ориентиры, политико-дипломатические проблемы вовлеченности ЕС в международную арктическую политику и деятельность. Показаны проблемы «арктических» взаимоотношений ЕС с партнерами, прежде всего – членами «восьмерки» Арктического Совета. Представленные тезисы особо актуальны в преддверии утверждения обновленной Арктической стратегии ЕС (Совместного Сообщения Еврокомиссии и Высокого представителя по ОВПБ по вопросам интегрированной арктической политики ЕС). На обсуждение выносится вывод, что, несмотря на возрастание стратегической значимости Арктического региона и «арктической геополитики", Арктика по-прежнему не является приоритетом общей европейской политики и политики безопасности Евросоюза, в повестке которой есть ряд направлений и вопросов более высокой приоритетности. Синергетический подход позволяет ему направить в арктический регион часть ресурсов общих политик и программ и бюджета, но размывает так называемую Арктическую Стратегию и исключает ее оформление в виде специфической региональной политики, даже в контексте «Европейской Арктики».

Ключевые слова: Арктика, Европейский союз, Совместное сообщение, Арктический Совет, статус наблюдателя, канадское вето, Российская Федерация.

[1] Доклад подготовлен на основе исследования Арктической политики Европейского союза и НАТО, проведенного автором в 2014-2015 гг. в рамках проекта «Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации».

DANILOV Dmitry,
Head of the Department of European security studies, Ph.D.,
Institute of Europe, RAS

ARCTIC: POLITICAL AND DIPLOMATIC ACTIVITIES OF THE EUROPEAN UNION

Abstract: The paper deals with the European Union's rising activity in the Arctic region and the European North (2008-2016), its main goals, objectives and institutional (internal and external) guidance for stepping up political and diplomatic EU's engagement in the internationally structured Arctic policy and activities. There are discovered the EU's "Arctic" problems with its partners, notably the AC "Eight". Presented topic seems to be of especially interest on the eve of the approval of the renewed EU strategy for the Arctic (the Joint Communications of the European Commission and the High Representative for CFSP on the integrated EU Arctic policy). There are issues to discuss that are proposed: despite the increased strategic importance of the Arctic region, its geopolitics and geoeconomics, these agenda is not a piece of the EU global strategy yet, nor a CFSP priority. The EU's synergistic approach allows it to re-concentrate into the Arctic region resources extracted from the other EU policies, programs, instruments and budget clauses. However, from another angle, the so-called EU's Arctic strategy neither form a part of European global ambitions, nor a specific regional policy, even in the context of the "European Arctic".

Keywords: Arctic policy, European Union, Joint Communication, Arctic Council, Russia, observer, Canadian veto, Russia.

С наступлением XXI в. Арктика вошла не только в список несомненных приоритетов восьмерки арктических государств, но и повестки международной политики. Этот «новый интерес» связан с тем, что в условиях заметных климатических изменений и прогнозируемого дальнейшего потепления, регион открывает широкие возможности и перспективы его экономического освоения, но при этом является также зоной конкуренции и соперничества за ресурсы и влияние. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена 31 декабря 2015 г.) в этой связи отмечается: «Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. Особое значение в этом процессе приобретает лидерство в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики». При этом Россия, как следует из Стратегии,

рассматривает задачи закрепления своих лидирующих позиций в контексте «развития равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества в Арктике». Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (утверждена 20 февраля 2013 г.) в этой связи делает акцент на «обеспечении взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества Российской Федерации с приарктическими государствами на основе международных договоров и соглашений» и «в рамках региональных организаций».

Вместе с тем, наряду с приарктическими странами, все большее число вне-региональных игроков проявляют повышенный интерес к Арктике, активно включаются в систему международного сотрудничества и управления Арктикой. Сегодня в группу стран-наблюдателей Арктического Совета (АС), объединяющего арктическую «восьмерку», входят не только несколько европейских неарктических государств, но и ведущие азиатские страны – Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Сингапур. Наряду с ними, к более активному участию в арктических делах стремится и Европейский союз.

Свой «арктический интерес» Европейский союз обозначил не так давно, в конце 2000-х годов, но с тех пор продолжает весьма последовательно формулировать и совершенствовать свою политику и программу действий в отношении Арктики в качестве одного из направлений Общей внешней политики и политики безопасности. Поставив перед собой задачу активизации в Арктике в связи со «скоростью происходящих в Арктике изменений», прежде всего, климата и ландшафта, Евросоюз учитывает, что это, в свою очередь, открывает б*о*льшие возможности для прокладывания новых транспортных путей и использования природных ресурсов, в том числе минеральных.

В ЕС уже подготовлено и в ближайшее время должно быть одобрено очередное Совместное Сообщение Еврокомиссии и Высокого представителя по ОВПБ по вопросам арктической политики ЕС. Показательно, что решение разработать этот документ к декабрю 2015 г. было адресовано Комиссии и Высокому представителю Советом ЕС еще в мае 2014 г. Однако в полуторагодовой срок представить его на рассмотрение Европарламента и Совета так и не удалось. Причины задержки нового издания арктической политики ЕС могут быть самые различные. Одной из них стало, очевидно, проведение Парижской конференции по климату 30 ноября – 12 декабря 2016 г., которая, во-первых, с учетом ее приоритетности заставила ЕС скорректировать свой текущий рабочий график; во-вторых, в любом случае в Сообщении по Арктике необходимо было учесть главные итоги и ориентиры Конференции как базовые для будущей арктической политики ЕС. Важно было также, вероятно, более

предметно увязать ее с оценкой развития АС под председательством США (с апреля 2015 г.), которое затем перейдет в 2017 г. к Финляндии. Вместе с тем, сам факт почти полугодовой отсрочки обновления Евросоюзом своей «Арктической политики» подтверждает, что ее функция планирования довольно ограничена, документ по существу лишь группирует, «сбивает» в тематическую «арктическую корзину» имеющиеся инструменты, программы и проекты.

Как бы то ни было, Сообщения Еврокомиссии и Высокого Представителя очерчивают стартовые ориентиры и установки Арктической политики, развитие которой условно можно разделить на **три этапа,** обеспеченные соответствующими политическими документами:

I этап (начальный):

- 14 марта 2008 г. Доклад ЕК/ВП «Изменение климата и международная безопасность».
- 9 октября 2008 г. Резолюция ЕП «Управление в Арктике».
- 20 ноября 2008 г. Сообщение ЕК/ВС «Европейский Союз и Арктический регион».
- 8 декабря 2009 г. Заключения Совета министров иностранных дел ЕС по вопросам Арктики.

II этап (развитие):

- 20 января 2011 г. Резолюция ЕП «Устойчивая политика ЕС для Крайнего Севера».
- 26 июня 2012 г. Сообщение ЕК/ВС «Развитие политики Европейского Союза в отношении Арктического региона».
- 12 мая 2014 г. Заключения Совета министров иностранных дел ЕС по Развитию политики Европейского Сою в отношении Арктического региона.

III этап (новый обзор и ревизия):

- 12 марта 2014 г. Резолюция ЕП «Стратегия ЕС для Арктики».
- Подготовка нового Сообщения ЕК/ВС (планировалось к декабрю 2015 г., отложено на весну 2016 г.).

График разработки и принятия документов учитывает, наряду с повесткой ЕС, его институциональными и финансовыми циклами и т.д. периодичность работы Арктического Совета, министерские сессии которого проводятся весной каждые два года. Сообщения ЕК/ВС разрабатываются в неформальной привязке к предстоящей сессии АС (примерно за год) с учетом задач продвижения арктических интересов ЕС и его участия в деятельности АС, прежде всего, имея ввиду задачу обретения статуса наблюдателя. Совет ЕС, в свою очередь, рассматривает Сообщение ЕК/ВС и соответствующие рекомендации Европарламента с учетом результатов очередного СМИД АС, определенной им будущей повестки, а также программы новой страны-председателя. В этой связи возникает довольно

длительный временной разрыв между представлением Сообщения ЕК/ВС и соответствующими политическими Заключениями Совета министров ЕС. В результате поручение Совета ЕС Комиссии и Высокому Представителю представить обновленные предложения по Арктике исполняется в течение как минимум полуторагодового периода и после их представления «работают» де-факто, но остаются не утвержденными де-юре на протяжении одного-двух лет. Европейский парламент имеет весьма ограниченные возможности непосредственно влиять на внутренний «межинституциональный договор» в ЕС по Арктике, обладая только консультативными функциями (в рамках консультационной процедуры), которые, к тому же фактически являются отложенными до момента очередного «арктического» Совета. По существу Совет ЕС может принять во внимание рекомендации Европарламента по Сообщению ЕК/ВС лишь тогда, когда Совет своими решениями поручает Комиссии и Высокому Представителю разработать новые предложения. Тем не менее, хотя обсуждения и резолюции ЕП не влияют напрямую на решения Совета, парламентские рекомендации учитываются при разработке Сообщений ЕК/ВП и, соответственно, в решениях Совета ЕС, особенно принимая во внимание заинтересованность Евросоюза в опоре на сотрудничество по/в Арктике с бизнес-сообществом, национальными и территориальными/региональными институтами.

Таким образом, центральным институтом по разработке, координации и реализации Арктической политики ЕС является Еврокомиссия, которая выдвигает предложения, рекомендации и рабочие программы совместно с Европейской внешнеполитической службой (Высоким представителем, который одновременно занимает пост Вице-президента Комиссии).

Совместное Сообщение по «Развитию политики Европейского союза в отношении Арктического региона» от 26 июня 2012 г. (Сообщение-2012) неформально именуется Стратегией Евросоюза по Арктике. Последующее Сообщение-2016 станет, таким образом, обновленной Стратегией, содержащей предложения по дальнейшему развитию «интегрированной и взаимосвязанной Арктической политики». В этой связи Президент ЕК Жан-Клод Юнкер обратился к Европейской внешнеполитической службе (ЕВПС) с запросом определить будущее распределение задач и компетенций.

Исходя из комплексного понимания арктической повестки, Стратегия ЕС подчеркивает необходимость последовательного и точно ориентированного курса Союза относительно Арктики, который должен, во-первых, опираться на сильные стороны ЕС, во-вторых, обеспечивать ответственное участие ЕС в развитии Арктики, с большей вовлеченностью, в-третьих, в диалог и сотрудничество со всеми заинтересованными партнерами в Арктике.

В соответствии с этими установками, концепция дальнейшей деятельности Евросоюза отражает сформулированные в 2008 г. им основные цели в Арктике и характеризуется **тремя фокусными установками:** знание, ответственность, вовлеченность.

Под *«знанием»* имеется в виду нацеленность ЕС на получение научных знаний для лучшего понимания Арктики за счет инвестирования в арктические исследования, развития космического мониторинга региона, поддержки сетевых систем информации и наблюдения, а также совершенствования соответствующих ноу-хау и технической экспертизы.

«Ответственность» Евросоюза традиционно подразумевает вклад в устойчивое развитие, управление и использование ресурсов в Арктике, в том числе посредством программ финансирования ЕС.

«Вовлеченность» означает стремление ЕС развивать свою арктическую политику «в тесном сотрудничестве с государствами-членами, пятью не входящими в ЕС арктическими государствами, как и с местным населением, включая коренные народы».

Основными сферами деятельности ЕС в Арктике, в соответствии со Стратегией-2012, являются: (1) борьба с последствиями изменения климата; (2) исследования арктической экосистемы, (3) инвестирование в устойчивое развитие Севера, (4) снижение будущих неопределенностей в Арктическом регионе и мониторинг изменений, (5) морская безопасность, безопасность мореплавания и судоходства.

Главный институциональный акцент ЕС на арктическом направлении был сделан на участии в деятельности Арктического Совета; с момента формулирования Арктической политики Евросоюза это стало стержневым направлением его международной политико-дипломатической активности. Заявка на получение статуса постоянного наблюдателя в АС подана Европейской комиссией (ЕК) в соответствии с установками Сообщения-2008 для ее рассмотрения Арктическим Советом на министерской встрече в Тромсё в 2009 г., а Совет ЕС в декабре 2009 г. с предельной ясностью подтвердил приоритет Арктического Совета, признав его «основным компетентным органом циркумполярного регионального сотрудничества».

Признание Евросоюзом основополагающей роли АС обусловлено, помимо его неоспоримой региональной компетенции последнего, в целом однонаправленными политическими целями в Арктике, декларированными обеими организациями – содействие сотрудничеству в области охраны окружающей среды и обеспечение устойчивого развития приполярных районов.

Основными политическими мотивациями Евросоюза, обозначившего свой особый интерес участвовать в работе Арктического Совета, стали:

- стремление зафиксировать свою роль и институциональные позиции в арктическом регионе и международной арктической политике с учетом обозначившейся стратегической значимости Арктики;

- понимание, что АС, в котором представлены все арктические государства, а также коренные народы, является для этого фактически безальтернативной возможностью;

- применение в региональной арктической политике метода синергии, стремление консолидировать в ЕС, через участие в АС, сетевую структуру, объединяющую как различные вектора и инструменты региональных политик Совета, так и страны-участницы (с их различными интересами и возможностями) в рамках общей внешней политики и политики безопасности;

- понимание необходимости определения опорных точек арктической политики в связи с начавшимся процессом переформатирования политики «Северного измерения» (в соответствии с Обновленной политикой Северного измерения, инициированной саммитом ЕС в Хельсинки в ноябре 2006 г.), а также других императивов усиления «северного вектора» европейской политики (укрепление балтийско-северной политической составляющей европейской политики, импульсы развития отношений с Россией и т.д.);

- понимание, что (а) у ЕС есть все основания претендовать на статус наблюдателя и высокие шансы добиться его; (б) обретение этого статуса сопряжено с конкретизацией позиций стран-участниц АС в отношении «северного» сотрудничества с ЕС, что может к тому же позволить найти развязки по ряду непроясненных или спорных вопросов с арктическими партнерами (например, с Канадой).

Евросоюз настаивает на необходимости коллективного управления «хрупкой арктической экосистемой» «с повышенной тщательностью», чтобы ей не был нанесен удар в процессе эксплуатации ресурсов и потенциала Арктики.

Во-первых, ЕС видит себя в качестве значимого партнера в сфере новых технологий и научных исследований, необходимых «для того, чтобы экономические возможности не реализовывались в ущерб соблюдению высочайших экологических стандартов и сохранению уникальной арктической окружающей среды». Во-вторых, ЕС подчеркивает свою глобальную роль – в качестве активного и последовательного «поборника наращивания международных усилий по борьбе с изменением климата путем развития альтернативных источников энергии, ресурсоэффективности и исследований в области изменений климата». В-третьих, ЕС является важнейшим импортером ресурсов и товаров из Арктического региона. В этой связи. В-четвертых, многие аспекты его политик и норм, в частности, с учетом членства в ЕС трех арктических государств (и потенциально Исландии) отражаются на партнерах по Артике. В-пятых, ЕС стремится к более тесному сотрудничеству с этими партнерами,

чтобы лучше понять их озабоченности и реагировать на общие вызовы в русле сотрудничества.

Однако стержневой политико-дипломатический интерес Евросоюза – войти в Арктический Совет в качестве наблюдателя и обрести, тем самым, более надежную институциональную опору, с самого начала столкнулся с мощным препятствием – «вето» Канады. Канада использовала разногласия с ЕС вокруг проблемы ограничения тюленьего промыслы не только для того, чтобы добиться для себя благоприятного разрешения этой спорной проблемы, но и чтобы заблокировать активизацию ЕС в Арктике. Канада последовательно и настойчиво защищает свои позиции как ключевого арктического игрока и препятствует любым попыткам «размыть» ее роль за счет большей и не оправданной, в ее понимании, вовлеченности внерегиональных игроков, тем более «супер-претендента» – Еврокомиссии (ЕС).

Страны АС, не являющиеся членами ЕС также, очевидно, не заинтересованы в смещении балансов в Совете за счет усиления «европейского голоса» и соответствующего роста арктических амбиций и влияния ЕС. Российский министр С. Лавров, приветствуя по итогам Кирунского Совета новых наблюдателей, лишь констатировал, что другие заявки будут рассмотрены на следующем Совете. Госсекретарь Дж. Кэрри в своем выступлении апеллировал к постоянным членам и вообще не упомянул наблюдателей, что отражает сдержанность США относительно роли ЕС в арктическом сотрудничестве.

В то же время, ЕС опирается на заинтересованность и поддержку своих государств-членов – Дании, Швеции и Финляндии, входящих в АС. Однако Арктический Совет в мае 2013 г. в Кируне, не желая провоцировать внутренние конфликты по этому вопросу, принял компромиссное решение - в сложной комбинации интересов членов АС и претендентов на статус наблюдателя, предоставить его всем странам, подавшим заявку (Японии, Корее, Китаю, Сингапуру, Индии, Италии), но «заморозить» заявки всех международных организаций, включая ЕС. Неудача Евросоюза в обретении статуса наблюдателя на фоне успеха уже весьма представительной «семерки» наблюдателей государств-членов создает для него и потенциальную внутреннюю проблему: это может усилить национальные мотивации арктической политики ЕС и, напротив, ослабить ее коллективный вектор, еще больше осложняя, в свою очередь, перспективу получения статуса наблюдателя в АС.

В любом случае, после Кирунского Совета основным адресатом статусных претензий ЕС стала Канада, которая к тому же приняла председательство в АС на последующие два года (2013-2015 гг.). Совет ЕС в мае 2014 г., в свою очередь, *настоятельно* призвал Канаду использовать текущую благоприятную динамику двусторонних отношений для решения

«оставшихся проблем» до саммита ЕС – Канада 26 сентября 2014 г. Сразу после саммита, в октябре 2014 г. ЕС принял решение вывести продукцию тюленьего промысла арктических аборигенов Канады (инуитов) из-под эмбарго. И на министерской встрече АС в Икалуите 23-25 апреля 2015 г. Леона Аглуккак, министр окружающей среды Канады и представитель в АС заявила о поддержке заявки Евросоюза на статус наблюдателя. Однако рассмотрение нерешенных вопросов о статусе наблюдателей (включая ЕС) в очередной раз отложено до следующего Совета АС в 2017 г.

В этой связи появились комментарии о том, что главная причина отсрочки – напряженность в отношениях ЕС с Россией, которая с большой долей вероятности заблокировала бы предоставление Евросоюзу статуса наблюдателя, что стало бы, в свою очередь, новым препятствием для ЕС и негативно сказалось бы на арктическом сотрудничестве с его участием. Кроме того, оппозиция России поставила бы другие страны Арктического Совета в сложное положение, когда их подтверждение заявки Брюсселя осложняло бы отношения с ключевым партнером – Россией, несравнимо более приоритетные по сравнению с весом вопроса статуса ЕС. В результате обсуждение вопроса о статусе (ЕС) вообще не было включено в повестку Икалуитского СМИД.

Тем не менее, не обладая официальным статусом постоянного наблюдателя в АС, Европейский союз продолжает играть эту роль де-факто, прежде всего, участвуя в рабочих и целевых группах АС, в списочном составе которых он фигурирует как наблюдатель.

Поэтому в арктической повестке Евросоюза вопрос его статуса перестал рассматриваться в качестве приоритета, хотя официальная позиция Брюсселя остается неизменной: ЕС продолжает настаивать на том, что формальное такого статуса Арктическим Советом Евросоюза повысит возможности участия и вклад ЕС в Арктике. Однако теперь для ЕС это больше вопрос имиджа и престижа, нежели практической политики. К тому же при значительном увеличении числа наблюдателей АС их статус перестает восприниматься как принадлежность к узкому и престижному «арктическому клубу». Более того, развернулись дебаты о необходимости периодического мониторинга вклада наблюдателей в деятельность АС и соответствующего подтверждения их статуса. В этом смысле «отложенный статус» ЕС даже дает ему даже некоторые преимущества перед другими, уже утвержденными наблюдателями.

Смена состава Еврокомиссии, ее существенно измененная программа и соответствующее перераспределение «портфельной» ответственности членов ЕК усиливают институциональные вызовы внутри ЕС в контексте пересмотра Арктической стратегии. В русле доминирующего понимания, что «защита окружающей среды и поддержания конкурентоспособности» должны быть взаимосвязаны, чтобы обеспечить устойчивое будущее, повестка в сфере окружающей среды объединена с политикой в области

морских дел и рыболовства, а изменение климата – с энергетической политикой. Аналогично транспорт и космическая политика функционально отнесены к сфере ответственности одного еврокомиссара. На практике над всеми основными аспектами арктической политики стал доминировать новый европейский макро-проект (и политическая команда) «Энергетический Союз» ЕС с его долгосрочной ориентацией на политику в сфере климатических изменений. Поэтому учреждение какого-либо специализированного арктического органа ЕС признается неоправданным. При этом высказываются осторожные предложения рассмотреть возможность назначения «теневого арктического представителя» высокого ранга, концентрирующего в своих руках арктические аспекты политики ЕС как внутри Союза, так и во внешних отношениях.

Финансовый метод Европейского союза, основанный на синергетическом подходе, и сложившаяся модель финансирования арктической политики и деятельности ЕС, очевидно, останутся неизменными. Вместе с тем, могут заметно измениться финансовые приоритеты – в контексте структурной перестройкой Евросоюза в новом институциональном и финансовом периоде 2014-2020 гг. Внутри ЕС в этой связи выдвигаются конкурирующие инициативы, отражающие интересы и взгляды стран-участниц (тройки АС, в первую очередь) относительно фокусных направлений и проектов финансирования, в том числе в увязке с обновленными и новыми политиками ЕС. Так, в январе 2014 г. была учреждена новая транспортная и инфраструктурная политика ЕС (TEN-T) с целью развития коридоров, связывающих ЕС по направлениям Восток-Запад и Север-Юг с бюджетом 26 млрд евро до 2020 г. Северные страны ЕС выступают за приоритизацию северного направления этой и других инфраструктурных и энергетических политик и программ ЕС, в том числе путем включения в них «арктических аспектов». При этом предлагается использоваться преимущества Северного измерения (включающего партнерство в сфере транспорта, инфраструктуры и логистики) в качестве координирующего институционального центра. Особым аргументом является то, что Северное измерение играет важную роль в Северном партнерстве и предоставляет каналы деполитизированного и практического сотрудничества с Россией. Отмечается, что в интересах ЕС сохранить инвестиции проектов Северного измерения через ЕБРР и ЕИБ, несмотря на санкции в отношении России.

Однако лагерь политических проппонентов северо-арктического акцента (и отдельных стран, и политических сил и официальных лиц) относительно ограничен.

Аргументы в пользу арктической политики ЕС, направленные вовне (принадлежность, вовлеченность, уровень экспертизы и вклад в развитие), не столь очевидны во внутриполитическом контексте, в процессе выработки

компромиссных балансов государственных и общественно-политических интересов стран-участниц. Евросоюз пытается сбалансировать свою политическую географию по осям Север-Юг и Запад-Восток, однако на практике «Северу» приходится конкурировать на всех направлениях.

С одной стороны, стратегическое значение Арктики возрастает, и арктическая проблематика вполне вписывается в рамки общих приоритетных политических установок и финансовых приоритетов ЕС. С другой стороны, возрастает и внутренняя конкуренция за политические приоритеты и ресурсы (политические, финансово-экономические, научно-технические, региональные и т.д.). Ряд геополитических и геоэкономических факторов обусловливают повышающийся интерес Евросоюза к Арктике; другие тенденции глобального и регионального развития, как и ключевые события и изменения в системе международных отношений (низкие цены на нефть, уменьшение объемов трансарктических перевозок, напряженность в отношениях между Западом/ЕС и Россией, возросшие риски для европейского бизнеса в Арктике) относительно снижают вес Арктики в политике ЕС и его арктические возможности.

Поэтому Арктика по-прежнему не является приоритетом общей европейской политики и политики безопасности, в повестке которой есть ряд направлений и вопросов более высокого порядка. Синергетический подход позволяет направить в арктический регион часть ресурсов общих политик, программ ЕС и их бюджетных ресурсов, но размывает арктическую политику и фактически исключает ее оформление в виде региональной, даже в контексте «Европейской Арктики».

ЖЕМУХОВА Мадина Алимовна,
Аспирант
Дипломатической академии МИД России

АСПЕКТЫ ОФШОРНОГО БИЗНЕСА – «БЕГСТВО» В ОФШОРЫ, КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С РЕЙДЕРСКИМИ ЗАХВАТАМИ (конкретные примеры использования механизма BEPS на практике)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты современного офшорного бизнеса, так как в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности борьба с офшоризацией российской экономики приобретает особое значение в рамках общих проблем обеспечения экономической безопасности России и в связи с разрушительным эффектом влияния на экономику страны из-за применения офшорных схем российским бизнесом.

Ключевые слова: деофшоризация экономики, механизм BEPS, green mail, рейдерство, офшорные зоны, black mail.

ZHEMUKHOVA Madina Alimovna,
Graduate student,
Diplomatic academy Russian Foreign Ministry

SOME ASPECTS OF OFFSHORE BUSINESS – "FLIGHT" IN OFFSHORES, AS THE INSTRUMENT OF FIGHT AGAINST RAIDER CAPTURES (specific examples of use of the BEPS mechanism in practice)

Abstract: Some aspects of modern offshore business are considered in the article, as in the context of geopolitical and geoeconomic instability, the fight against offshore markets in the Russian economy takes on special significance with regard to the general factors of ensuring Russia's economic security and in connection with the devastating effects of influence on the economy of the country due to Application of offshore Schemes by Russian business.

Key words: de-offshorization of economy, BEPS mechanism, green mail, raiding, offshoring, black mail.

Деофшоризация российской экономики в условиях кризиса и борьба с мировым нелегальным офшорным бизнесом на фоне снижения темпов мирового экономического роста, приобретает особенную актуальность.

Чистый отток капитала из России сократился в 2016 г. в 3,7 раза в годовом выражении до $15,4 млрд против $57,5 млрд в 2015 г. Чистый вывоз капитала банками и предприятиями из России в 2015 г. составивший 57,5 млрд долл. – в 2,7 раза меньше, чем в 2014 г. (153 млрд долл.). ВВП России сократился в 2015 г. на 3,7% после роста на 0,7% в 2014 г. Все эти данные свидетельствуют, что экономика России находится в стадии стагфляции, поэтому задача по деофшоризации российской экономики приобретает стратегическую значимость.

Офшорные зоны используются, как для легальных, так и преступных целей. Легальные схемы применяются в большинстве случаев для минимизации налогообложения и выведения прибыли, предоставления анонимности владельцам счетов. Нелегальное использование преимуществ офшорных юрисдикций сводится к уклонению от уплаты налогов, отмыванию денежных средств, полученных преступным путем и финансированию терроризма. Налоговые гавани представляют интерес для международных финансовых институтов, транснациональных корпораций, международных и региональных преступных сообществ, использующие их для разных целей.

Естественно, глобальное распространение офшорного бизнеса, неслучайно, и роль карликовых государств, коими являются большинство офшорных зон, минимальна. Офшорные зоны появились по инициативе Великобритании и США для экспансии капитала и захвата новых ресурсов. Подтверждением тому служит таблица Проанализировав данные, содержащиеся в отчете Европарламента, можно констатировать, что 73% от объема денежных обязательств, сосредоточенных в офшорах, приходится на Британские Заморские Территории и Бывшие Британские колонии, построенные на системе английского права (табл. 1).

Таблица 1

Центры сосредоточения денежных обязательств офшорных зонах

Территория	Объем денежных обязательств в офшорных зонах, в млн. долларов США	% от общего объема обязательств в офшорных зонах
Британские Заморские Территории	1 588 583	40,14
Бывшие Британские колонии	1 343 266	33,94
Коронное владение Британской короны. (о. Мэн, Джерси)	566 969	14,33
Британские Виргинские острова	144 030	3,64

Источник: European initiatives on eliminating tax havens and offshore financial transactions and the impact of these constructions on the Union's own resources and budget [Electronic resource] / Policy Department D: Budgetary Affairs European Parliament. 2013. April. Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/cont/dv/staes_study/staes_studyen.pdf

Необходимо отдельно отметить, что доля офшорных стран в капитале участия российских компаний является чрезвычайно высокой, и в этом состоит отличительная особенность офшоризации российской экономики. Этот факт говорит, о том, что российский бизнес, старается перенести право собственности российскими активами за рубеж, создавая офшорные компании, на которые затем переписывается право собственности. Подавляющее большинство сделок в офшорных зонах подпадает под английское право, которое позволяет через разные трастовые схемы защитить право собственности на различные активы. Таким образом, можно констатировать, что российский бизнес не доверяет существующей судебно-правовой системе, так как фундаментальный принцип неприкосновенности частной собственности имеет зачастую декларативный характер и на практике часто нарушается. Этому способствует коррупция органов власти различного уровня, включая коррупцию в силовых структурах, надзорных и судебных органах, без которых не было возможным нелегальный передел права собственности, возрастающее количество рейдерских атак и захватов.

Рейдерство стало самой частой причиной жалоб бизнеса в Генпрокуратуру. Согласно статистике, с июня 2015 по ноябрь 2016 гг. поступило 557 жалоб. Из них 202 обращения касаются рейдерства и других незаконных действий в отношении имущества хозяйствующих субъектов. 143 раза бизнесмены жаловались на необоснованное уголовное преследование, заключение под стражу и другие меры пресечения[1].

Имеет место обширная практика защиты от рейдерских угроз путем дачи взяток государственным служащим различных ведомств с целью обезопасить себя от нежелательных захватчиков. Среди последних громких рейдерские атак 2015 года, можно выделить следующие: передел собственности путем подделки документов и занесения ложной информации в реестр ЕГРП, путем подкупа высоких должностных лиц в Росреестре: объектом атаки стал ТЦ «Сфера», находящийся в нескольких ста метрах от здания правительства России, стоимостью 3 млрд. рублей; рейдерский захват бизнес центра «Академический» в Москве стоимостью 1 млрд. руб. ОПГ, действовавшая совместно с юристами и адвокатами посредством шантажа и подкупа, пыталась переоформить активы и здания компании «Crazy Dragon», который является добросовестным владельцем имущества.

Большой общественный резонанс в прессе вызвал передел собственности предприятий в различных отраслях, что еще раз подтверждает, что ни одна отрасль и ни одна компания не защищено в

[1] «Рейдеры захватывают бизнес почти законно, пользуясь ошибками владельцев» [Электронный ресурс] / РИА ФедералПресс. – 16.02.2017. – Режим доступа: http://fedpress.ru/expert-opinion/1744666

полной мере. К практическим примерам рейдерских захватов 2014 г. можно причислить атаки на такие предприятия, как: ОАО «Павловскгранит», являющееся самым крупным производителем нерудных материалов в Европе; ОАО «СтройФарфор», представляющий собой крупнейший завод в России по выпуску керамической и облицовочной плитки[2].

Для полного понимания опасности, исходящей от развивающегося института рейдерства, необходимо перечислить основные крупные объекты рейдерских атак в прошлом[3]:

- Попытка рейдерского захвата активами группы «Истлайн», владеющей аэропортом Домодедово, инвестировавшим в строительство более 10 млрд. долларов. Собственникам удалось в судебном порядке

- Рейдерская атака на ОАО «Тольяттиазот», одного из крупнейших химических заводов в России, крупнейшего производителя аммиака в мире.

- Рейдерская атака на стратегически важное предприятие ОАО «НПО «Гелиймаш», выпускающий криогенное оборудование для нужд Роскосмоса и Минобороны, объект интересен рейдерам из за наличия нескольких гектаров земли в Москве на балансе предприятия.

- Объектами рейдерских атак с успешным исходом для злоумышленников являются научно-исследовательские институты, которые не защищены (отсутствуют профессиональная служба безопасности) и не подготовлены, как коммерческие структуры к рейдерским атакам. Для получения здания под свой контроль, рейдеры идут на крайние меры, такие как убийства. Организованной преступной группировкой были убиты были руководители «Гипромеза» - крупнейшего проектного института по проектированию металлургических заводов, президент Ассоциации производителей пищевых продуктов. Пострадали Институт экологии человека и гигиены окружающей среды, НПО «Зенит», Институт информационных технологий и т.д.

- От рейдерства пострадало более трех сотен сотни средних и малых заводов и предприятий, ЗАО «Петербургский Нефтяной Терминал», ОАО «Кондитерская фабрика им. Крупской», ОАО «Утришский дельфинарий» (здание московского дельфинария).

---

[2] Зотов Н. Год «рейдерства»? [Электронный ресурс] / Н. Зотов. – The Moscow Post. 31.12.2014. Режим доступа: http://www.moscow-post.com/economics/god_rejderstva16339/

[3] Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. Отчет о качественном социологическом исследовании [Электронный ресурс] // Politcom. 02.05.2008. Режим доступа:https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiEvKrZhrXNAhXMjSwKHZ7rCPgQFggdMAA&url=http%3A%2F%2Fpolitcom.ru%2Ftables%2Fotchet.doc&usg=AFQjCNEaJx6_2nQ-sgwa5VDbNqAiC8qPfg&sig2=AqlfXk73GuyhKYF5HHXxMQ&cad=rjt

Возрастающей угрозой для обеспечения принципа неприкосновенности частной собственности, представляющий собой краеугольный камень рыночной экономики, является возрастающее использование рейдерских атак на российские корпорации, используя механизмы green mail и black mail. В связи с этим, учитывая раскрытие информации о бенефициарных собственниках в рамках закона о деофшоризации (Федеральный закон от 24.11.2014. № 376-ФЗ) и возвращении холдинговых структур, владеющих активами в российскую юрисдикцию, остается угроза возрастания рейдерских захватов для незаконного присвоения частной собственности. Основным ключевым элементом, который главным образом способствует, поддерживает и защищает рейдерский бизнес является коррупция в правовой, правоохранительной, судебной, надзорной сфере. Следовательно, для успешной реализации политики деофшоризации необходимо развернуть крупномасштабную борьбу с коррупцией в государственных ведомствах, в противном случае, идея деофшоризации и основные цели деофшоризации будут провалены.

Эффективная программа действий борьбы с коррупцией предложенная, доктором экономических наук, директором Института проблем глобализации, Делягиным М.Г., является практическим руководством для реализации антикоррупционной политики[4]. Для успешной реализации данной политики, необходимо использовать успешный опыт таких стран, как Сингапур, Италия, Китай, США.

Согласно плану действий, предложенным Делягиным М.Г., необходимо установить:

1) освобождение от уголовной ответственности взяткодателя, сотрудничающего со следствием, с сохранением свободы и материального благосостояния, в случаях с «вынужденном сотрудничеством». Данная практика, была применена в Италии в 1992-1993 гг., и привела к значительному ослаблению коррупционной составляющей и утраты влияния у мафиозного клана.

2) реализация принципа конфискации личного имущества и имущества, принадлежащего семье по отношению государственных служащих, уличенных в коррупции. Такая практика существует в США с 1970-х годов с момента принятия закона RICO (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), закон США об инвестировании полученных от коррупции капиталов. Данная мера очень эффективная, так как

[4] Делягин М.Г. На Петербургском форуме М.Г.Делягин представил комплексную программу преображения России [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин // Персональный сайт Делягина М.Г. 16.09.2016. Режим доступа: http://delyagin.ru/articles/95214-na-peterburgskom-forume-mgdelyagin-predstavil-kompleksnuyu-programmu-preobrazheniya-rossii-klyuch-modernizatciya-infrastruktury.html

коррупционеры оказываются перед выбором между бедностью и добросовестной помощью следствию.

3) реализация принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. Необходимо использовать опыт Сингапура в избавлении от коррупции.

4) переход государства на электронную систему принятия решений на государственном уровне. Это позволит обеспечить принцип прозрачности и минимального времени для принятия решения, будет реализован принцип незаметного контроля.

Примеры из практики Образцовым примером использования офшорных схем транснациональными компаниями служит политика агрессивной минимизации налогообложения и выведения прибыли, продемонстрированной компанией ИКЕА. Несмотря на декларирование ничтожных сумм, австралийское подразделение шведского концерна IKEA заработало ориентировочно 1 млрд. долл. США с 2003 г. Практически вся часть от этой внушительной суммы была переведена в Люксембург и Нидерланды, территории, известные всему миру, как центры применения налоговых решений (tax rulings) по каждому индивидуальному случаю.

Документы, предоставленные аудиторской компанией PwC люксембургским властям, помогают раскрыть схему уклонения крупнейших австралийских ретейлеров от налогов. Внимание регулирующих органов привлек тот факт, что выручка компании IKEA за последние 11 лет возросла пятикратно, в то время, как показатель прибыли остался на уровне 2003 г.

Этот трюк, оказался возможным, благодаря налоговым соглашениям, существующим в Люксембурге в отношении подразделений транснациональных компаний. К примеру, только в 2009 г. в качестве платы люксембургскому подразделению IKEA за франшизу, процентные платежи и «плату за риск», от налогов было освобождено 260 млн. долл. прибыли, полученной австралийской IKEA Pty ltd.

Более того, IKEA Pty ltd. с середины 1980-х годов вплоть до 2002 г. декларировала убытки на австралийском рынке, которые составили к тому времени 67 млн. долларов США. IKEA Group владеет 264 магазинами в 24 странах. Также IKEA Group владеет эксклюзивными правами на всю товарную линейку компании. Выступая в качестве обладателя интеллектуальной собственности, IKEA Group добавляет наценку на всю группу товаров, реализуемых через IKEA Supply A.G., компанию через которую продаются товары розничным магазинам.

С 2002 по 2013 гг. IKEA Supply A.G. получила от австралийского подразделения IKEA Pty ltd 2.67 млрд долл. за реализованную продукцию. Выручка австралийского подразделения за эти годы составила 4.76 млрд долл. На ряду с операционными расходами и расходами на строительство

новых магазинов, в число издержек австралийского ретейлера, вошли 532 млн долл., выведенных в офшоры в счет платы за франшизу, процентные платежи и «плату за риск». Практически все деньги, выведенные таким образом, оказались в итоге в Люксембурге в компании Inter IKEA Holding SA.

Плата за франшизу перечисляется в компанию Inter IKEA Systems BV, которая владеет интеллектуальной собственностью на все магазины. Это означает, что 3% от выручки австралийского IKEA Pty ltd уходит на оплату франшизы. За 11 лет таким образом было выведено в Люксембург 160 млн долл. Плата «за заключение рискового соглашения» составила 260 млн долл., эта сумма, также как и платежи за франшизу, получила Inter IKEA Systems B.V.

Международные компании направляли сотни миллиардов долларов через Люксембургские офшоры и спас миллиарды долларов в виде налогов PEPSI, ИКЕА, Starbucks, Facebook, WALT Disney Co, AIG, COACH, Дойче Банк, Abbott Laboratories и почти 340 других компаний через свои офшорные подразделения, зарегистрированные в Люксембурге, смогли избежать многомиллиардных налоговых отчислений. PricewaterhouseCoopers оказывает налоговый консалтинг транснациональным компаниям и оказал содействие в получении, по меньшей мере, 548 налоговых решений в пользу своих клиентов в Люксембурге с 2002 по 2010 гг. Данные сделки имеют сложные финансовые и юридические структуры, направленные на значительное снижение объема отчисляемых средств в виде налогов. Налоговые решения (tax rulings) письменно гарантируют, что планы налоговой экономии компаний будут рассмотрены с положительным решением Люксембургских властей. Таким образом, многим компаниям удалось снизить налоговые ставку на прибыль до 1%[5].

Использование международных несоответствий в налоговом законодательстве позволило компаниям избежать налогов и в Люксембурге и других странах за счет использования так называемых «гибридных кредитов» (hybrid loans). Во многих случаях оборот дочерних офшорных компаний составляет сотни миллионов долларов, тогда как экономическая детальность и штатная численность сведена к минимуму. К примеру, 1600 компаний зарегистрировано только по одному адресу: 5, Rue Guillaume Kroll, Люксембург.

ТНК периодически бывают в центре внимания мировой прессы после публикации разоблачительных данных бывшими сотрудниками о нечистоплотных сделках, совершаемых компаниями, в которых они

[5] Big 4 Audit Firms Play Big Role in Offshore Murk [Electronic Resource] // International Consortium of Investigative Journalists. November 2014. Mode of access: URL: http://www.icij.org/project/luxembourg-leaks/big-4-audit-firms-play-big-role-offshore-murk

работали. Урегулирование таких скандалов стоит компаниям миллиарды долларов.

Судебное дело, возбужденное Дэниелом Шликсапом, может стоить компании Caterpillar миллиардов долларов и закончиться уголовным расследованием в связи с политикой незаконного применения политики трансфертного ценообразования. Дэниел Шликсап работал менеджером по глобальной налоговой стратегии в компании Caterpillar с 2005 по 2008 гг. В течение этого времени работы в Caterpillar Дэниел Шликсап помогал компании основать Европейское налоговое управление, руководил отделом кадров, и в марте 2005 г. начал работать в качестве менеджера по глобальной налоговой стратегии. Шликсап забеспокоился о том, что суть производственной структуры Caterpillar не соответствовала структуре компании, заявленной в целях налогообложения. Caterpillar урегулировала конфликт в 2012 г. за неразглашаемую сумму[6].

Эрве Фальчиани получил статус разоблачителя за то, что в 2008 г. скачал с сайта швейцарского банка HSBC важные финансовые данные 106 000 богатейших клиентов из 203 стран, обладающие активами более 100 млрд долл., а затем по электронной почте обратился в налоговые управления с фразой, которая впоследствии стала заголовком статьи в Wall Street Journal: "Уклонение от налогов: список клиентов прилагается". Кража банковских данных, размер которых оценивается в более 100 Гб, привел к наложению ареста на г-на Фальчиани в нескольких странах, включая Швейцарию, Францию и Испанию. Он был приговорен швейцарским судом к 5 годам заключения, но он сумел избежать экстрадиции в Швейцарию, так как французские и испанские суды сочли раскрытие массового сговора HSBC о совершении налогового мошенничества общественным благом.

Наиболее известным налоговым разоблачителем является Брэдли Биркенфельд из компании UBS, так как он устроил публичный скандал в отношении политики UBS, направленной на помощь налогоплательщикам США в уклонении от налогов, воспользовавшись преимуществом "Закона США от защите лиц, совершающих служебные разоблачения" 2006 г., который предусматривает компенсацию: "минимум 15%, но не более 30% от выручки (включая штрафы, проценты, надбавки к налогам и дополнительные суммы), полученной в результате иска (включая любые сопутствующие иски) или мировой сделки. Определение суммы такого вознаграждения Управления по рассмотрению сигналов общественности зависит от степени вклада лица в это дело". Служба по внутреннему

[6] Three Tax Whistleblowers Who Changed The Game [Electronic Resource] // International Consortium of Investigative Journalists. December 2015. Mode of access: http://www.taxjustice.net/2015/12/04/three-tax-whistleblowers-who-changed-the-game/

налогообложению выплатила 104 млн долл. Биркенфельду в качестве компенсации за разоблачение.

Информация, полученная по каналам утечки, стала основным источником публичной информации о налоговых махинациях транснациональных корпораций. Но это дорого обходится причастным людям, так как разоблачители и даже журналисты, раскрывшие налоговые махинации транснациональных компаний, теперь подвергаются преследованию и могут провести годы за решеткой. Истории таких людей – это суровая иллюстрация высокой социальной цены скрытной и непрозрачной системы налогообложения корпораций, которая используется в настоящее время.

За последние годы компании, использующие лазейки в налоговой системе для уклонения от налогов, подвергались множеству скандалов. Теперь как никогда становится ясно, что люди со всего мира платят высокую цену за кризис в мировой финансовой системе и дискуссия о транснациональных компаниях и их налоговых хитростях остается во главе повестки дня.

Литература:

1. European initiatives on eliminating tax havens and offshore financial transactions and the impact of these constructions on the Union's own resources and budget [Electronic resource] / Policy Department D: Budgetary Affairs European Parliament. 2013. April. Mode of access. http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/cont/dv/staes_study/staes_studyen.pdf
2. «Рейдеры захватывают бизнес почти законно, пользуясь ошибками владельцев» [Электронный ресурс] / РИА ФедералПресс. 16.02.2017. Режим доступа: http://fedpress.ru/expert-opinion/1744666
3. Зотов Н. Год «рейдерства»? [Электронный ресурс]. The Moscow Post. 31.12.2014. Режим доступа: http://www.moscow-post.com/economics/god_rejderstva16339/
4. Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. Отчет о качественном социологическом исследовании [Электронный ресурс] // Politcom. 02.05.2008. Режим доступа:https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiEvKrZhrXNAhXMjSwKHZ7rCPgQFggdMAA&url=http%3A%2F%2Fpolitcom.ru%2Ftables%2Fotchet.doc&usg=AFQjCNEaJx6_2nQ-sgwa5VDbNqAiC8qPfg&sig2=AqlfXk73GuyhKYF5HHXxMQ&cad=rjt
5. Делягин М.Г. На Петербургском форуме М.Г.Делягин представил комплексную программу преображения России [Электронный ресурс] / М.Г.Делягин. Персональный сайт Делягина М.Г. 16.09.2016. Режим доступа: http://delyagin.ru/articles/95214-na-peterburgskom-forume-

mgdelyagin-predstavil-kompleksnuyu-programmu-preobrazheniya-rossii-klyuch-modernizatciya-infrastruktury.html
6. Big 4 Audit Firms Play Big Role in Offshore Murk [Electronic Resource] // International Consortium of Investigative Journalists. November 2014. Mode of access: http://www.icij.org/project/luxembourg-leaks/big-4-audit-firms-play-big-role-offshore-murk
7. Three Tax Whistleblowers Who Changed The Game [Electronic Resource] // International Consortium of Investigative Journalists. December 2015. Mode of access: http://www.taxjustice.net/2015/12/04/three-tax-whistleblowers-who-changed-the-game/

Александр Владимирович ЖИДЧЕНКО,
Преподаватель
Останкинского института телевидения и радиовещания

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена проблеме эволюции международного законодательства в сфере защиты избирательных прав граждан и институционализации этой защиты. В качестве основного вывода работы можно отметить, что на протяжении второй половины XX - начала XXI вв. в международном праве укреплялся приоритет норм о приоритете свободных выборов и избирательных прав, которые в одинаковой степени отвечают демократическим процедурам свободного волеизъявления граждане при формировании органов законодательной власти стран. Кроме того, стоит признать, что институционализация защиты избирательных прав граждан происходит в первую очередь на законодательном уровне, а в сфере судебной защиты в настоящее время подобная институционализация носит лишь догоняющий характер ввиду достаточно большой роли национального права в этом вопросе.

Ключевые слова: международные отношения, избирательное право, выборы, ООН, ОБСЕ, права человека.

ZHIDCHENKO Alexander,
Teacher Faculty of humanities
The Ostankino television and radio broadcasting Institute

THE INTERNATIONAL PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS: THE PROBLEM OF THE EVOLUTION AND INSTITUTIONALIZATION OF RELATIONS

Abstract: The article deals with the evolution of international law in the sphere of protection of citizens' electoral rights and the institutionalization of this protection. As can be noted as the main output of the work, that during the second half of XX – beginning of XXI centuries. In international law strengthened the priority of the rules on the priority of free elections and electoral rights, which are equally responsible democratic procedures the free will of the citizens in the formation of the legislature countries. In addition, it is recognized that the institutionalization of the protection of the electoral rights of citizens takes place primarily at the legislative level and in the sphere of legal protection is currently such institutionali-

zation is merely catching up because of the nature of a large enough role of national law in this regard.

Keywords: international relations, the right to vote, elections, the UN, the OSCE, human rights.

В современный период международная защита избирательных прав граждан является ключевой задачей для обеспечения демократического общественно-политического режима, поскольку выборы национального парламента страны определяет то, каким будет этот парламент, а в конечном счете и то, какие законы он примет и как это отразится на жизни граждан. Особенно актуальным это является для парламентских республик, в которых парламент играет главную роль среди институтов политической власти.

В статье мы очертим круг проблем, возникающих в рамках институционализации международной защиты избирательных прав человека в современный период.

Стоит отметить, что защита избирательных прав на международном уровне может быть разделена на две части: законодательную, устанавливающую основные гарантии избирательных прав граждан в государствах, и судебную, выполняющую роль восстановления нарушенных прав. В первую очередь предстоит решить – как нормы международного права вообще трактуют защиту избирательных прав граждан в разных странах и какие из этих норм применяются сейчас и применялись ранее в Российской Федерации в ходе эволюции модели проведения парламентских выборов.

В отечественной юридической науке и политологии избирательное право становилось объектом изучения С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, М.В.Баглая, А.В. Бесштанько, Н.И. Воробьева, А.И. Денисова, Ю.В.Дмитриева, А.В. Зиновьева, А.В. Иванченко, В.В. Игнатенко, В.Б.Исраеляна, Е.И.Козловой, Е.В. Корчиго, Н.Я. Куприц, О.Е. Кутафина, А.В. Кынева, А.А.Мишина, Е.А. Очеретько, А.Е. Постникова, А.П. Сунцова, В.Е. Чиркина, А.О. Четверикова, Б.В. Щетинина и других исследователей.

Говоря о роли международного права в развитии национальной избирательной системы в России, стоит отметить, что эта тема стала актуальной в исследованиях еще в 1990-е годы, поскольку именно в это время происходил активный поиск оптимальной модели проведения демократических выборов в связи со сменой общественно-политического режима в стране.

Обратимся к одному из диссертационных исследований этого периода – работе А.А. Вешнякова на тему «Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской

Федерации»[1]. Это одна из наиболее крупных обобщающих работ по теме, в которой автором были проанализированы основные акты международного права, ратифицированные к 1997 г. в Российской Федерации. Автор подчеркивает, что «Универсальные избирательные стандарты зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Конвенциях о политических правах женщин и о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в Международной конвенции об уничтожении всех форм расовой дискриминации…». Анализ вышеназванных источников международного права, а также других источников, исследуемых в данной работе, позволяет сделать вывод о том, что международные избирательные стандарты – это обязательства государств не только предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, какие-либо определенные права и свободы на участие в проведении свободных справедливых подлинных и периодических выборов, но и не посягать на такие права и свободы и принимать соответствующие меры по их реализации[2].

Обратимся сейчас к названным документам под углом зрения именно институционализации защиты избирательных прав для каждого государства, в частности для РФ. Согласно третьему пункту ст. 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»[3]. Как видно относительно национальной избирательной системы в соответствующей статье документа рекомендаций нет, однако, содержатся основополагающие принципы избирательного права, которые легли в основу Конституции РФ, как и более ранних Конституций РСФСР.

Аналогичная норма закреплена и во втором пункте ст. 25 «Международного пакта о гражданских и политических правах»[4].

Стоит отметить, что формально одним из наиболее авторитетных институтов защиты избирательных прав человека с середины XX в. и до настоящего времени является ООН. Наиболее часто цитируемая в

[1] Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. Дисс. на соис. уч. ст. канд. юр. н. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Режим доступа: электронный ресурс] URL: http://www.dissercat.com/content/izbiratelnye-standarty-v-mezhdunarodnom-prave-i-ikh-realizatsiya-v-zakonodatelstve-rossiisko#ixzz2yIDftS7S. [Дата последнего обращения: 06.04.2014.]

[2] Вешняков А.А. Указ. соч. С. 132.

[3] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // СПС «Консультант плюс».

исследовательских работах ст. 21 «Всеобщей декларации прав человека», вызывает разные точки зрения по вопросу о границах правоприменения указанных в ней норм.

В частности, с точки зрения Н.С. Грудинина, «изначально Генеральная Ассамблея ООН приняла и провозгласила Всеобщую декларацию в качестве некой задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и орган общества, постоянно имея ввиду данную декларацию, стремились путём просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению путём национальных и международных прогрессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов ООН. Причём, если во время её принятия декларация рассматривалась в качестве заявления о намерениях, то сегодня права и свободы, провозглашенные в ней, подписавшие её государства воспринимают как юридически закреплённые нормы. При нарушении этих условий международное сообщество может не признавать состоявшиеся в той или иной стране выборы демократичными, равно как и легитимность выбранного по результатам таких выборов органа»[5].

Больший свет на проблему институционализации защиты избирательных прав с учетом международных стандартов может пролить «Декларация о критериях свободных и справедливых выборов», принятая в 1994 г. на 154-й сессии Совета Межпарламентского Союза. Согласно четвертой части документа, «…государства должны предпринимать необходимые политические и институционные шаги для постепенного достижения и утверждения демократических целей, в том числе через установление нейтрального, беспристрастного и сбалансированного механизма организации и проведения выборов…»[6]. Хотя в конкретизированном перечислении этих шагов нет упоминания того, что законодательно должна быть определена процедура защиты избирательных прав, этот факт может подразумеваться под данной нормой, если трактовать ее, используя системный подход.

Другой интересный с точки зрения влияния международного права на национальную избирательную системы документ – «Документ Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению

[5] Грудинин Н.С. К вопросу о реализации избирательных прав граждан России в свете конституционных гарантий международно-правовых обязательств Российской Федерации // Международная защита прав человека и государственный суверенитет: Материалы международной научно-практической конференции. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 222-223.

[6] Декларация о критериях свободных и справедливых выборов. Принята единогласно на 154-й сессии Совета Межпарламентского Союза // СПС «Консультант плюс».

СБСЕ»[7], который входит в группу Хельсинских документов ОБСЕ. Был принят 29 июня 1990 г. 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 7-м пункте закреплена норма следующего содержания: «Для того чтобы воля народа служила основой власти правительства, государства-участники: … допускают, чтобы все мандаты, по крайней мере в одной палате национального законодательного органа, были объектом свободной состязательности кандидатов в ходе всенародных выборов». Поскольку этот документ не является документом об исключительно политических или избирательных правах, а устанавливает общечеловеческие права и свободы, постольку здесь мы фиксируем также общие нормы относительно проведения выборов. Однако важное уточнение о том, что как минимум одна палата парламента должна предполагать свободную состязательность кандидатов в ходе всенародных выборов, уже говорит об установлении в стране избирательной системе, способствующей этому.

Наконец, среди актов международного права следует выделить документ, на который было оказано обратное влияние – со стороны правоприменения определенных норм избирательного права на национальном уровне, причем не только России, но и других стран-участников СНГ. Этот документ – «Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств»[8]. Согласно п. 3 ст. 7, «Законодательное регулирование права избирать и быть избранным, порядка проведения выборов (избирательные системы) … не должно ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина». Согласно ст. 3, «на вес голоса (голосов) избирателя не должна оказывать влияние избирательная система».

В ст. 19 установлены «Обязательства государства – участника Конвенции». Одна из норм статьи устанавливает, что государства должны обмениваться информацией о законодательных предложениях по совершенствованию избирательной системы. Что касается институционализации судебной защиты избирательных прав граждан на международном уровне, то основным институтом на сегодняшний день в этой сфере остается Европейский суд по правам человека. При этом есть основные предписания суда, которые, например, постановляют несправедливость лишения избирательных прав в России заключенным. А с другой стороны, есть многочисленные обращения в Европейский суд от

[7] Документ Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Принят 29 июня 1990 г. 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // СПС «Консультант плюс».

[8] Конвенция от 7 октября 2002 года «Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств» // СПС «Консультант плюс».

граждан и политических партий, чьи избирательные права в конкретных случаях нарушены. По существу дел происходит разбирательство европейских органов и соответствующих органов Российской Федерации. Как отмечает Ю. Берестнев, рассматривая различные дела, «…связанные с нарушением избирательных прав граждан другими государствами, можно прийти к выводу о том, что жалобы граждан и их объединений поступают не на избирательную систему в целом и законодательство о выборах, а на правоприменительную практику. Заявители, которые подают жалобы в Европейский Суд против России, обжалуют в первую очередь решения и действия государственных органов и должностных лиц, затрагивающие их избирательные и другие политические права и свободы…»[9].

К основным критериям эффективности защиты избирательных прав М.С. Матейкович относит следующие требования: во-первых, «доступность защиты, что позволяет каждому потерпевшему от нарушения избирательных прав выбрать и использовать в зависимости от складывающихся обстоятельств любой из имеющихся в его распоряжении механизмов восстановления нарушенного избирательного права, устранения препятствий его реализации, предотвращения нарушения; во-вторых, оперативность защиты, которая предполагает своевременное использование правозащитных средств до того, как возможность восстановления нарушенных избирательных прав будет утрачена или существенно осложнена; в-третьих, обязательность защиты, в силу чего каждое нарушение избирательного права должно сопровождаться ответной правозащитной реакцией; в-четвертых, полнота защиты, подразумевающая восстановление нарушенного избирательного права в полном объеме, а при невозможности восстановления – использование адекватных компенсаторных механизмов, привлечение субъектов, действия которых привели к нарушению, к юридической ответственности»[10].

Стоит отметить важность судебных институтов в сфере международной защиты избирательных прав граждан. Однако мы вынуждены признать, что до сих пор судебная система на межгосударственном уровне не реализует достаточно четко сформированной функции по защите избирательных прав граждан отдельных государств. Исследователь В.Е. Сафронов отмечает в этой связи, что «Согласовывать принципы международного и внутригосударственного права на стадии реализации избирательного права могут, помимо законодателя, и судебные органы. Их реализация тогда неразрывно связана

[9] Берестнев Ю. Рассмотрение в Европейском Суде по правам человека жалоб против Российской Федерации, касающихся защиты избирательных прав граждан // Политические права и свободные выборы: Сб. докладов. М., 2005. С. 94-101.

[10] Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора юр. наук. Саратов, 2004. С. 39.

с толкованием. Толкование осуществляют как законодатель, так и судебные органы, когда есть тенденция неправильной реализации согласованных норм субъектами права. В таком случае законодатель издает акт, разъясняющий положения согласованного акта и норм акта. Органы судебной власти также могут дать толкование норм права по отношению к конкретным юридическим фактам, разъясняя права и обязанности сторон»[11]. Однако в этой же работе автор отмечает, что по своей правовой природе согласование внутригосударственного (национального) права с международным правом и принципами, особенно в области избирательного процесса, представляет «упорядочение национально-правовых систем исходя из сущности права вообще и общепризнанных общечеловеческих ценностей». «Соотношение избирательной системы того или иного государства с международными правовыми нормами предполагает согласование не только норм права национальной правовой системы, но и согласование в области правовых отношений и правосознания»[12].

Таким образом, проанализировав статьи об избирательных правах ключевых международных нормативно-правовых актов, касающихся среди прочих общечеловеческих прав, избирательных прав граждан, можно прийти к некоторым выводам.

Во-первых, на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. в международном праве укреплялся приоритет норм о приоритете свободных выборов и избирательных прав, которые в одинаковой степени отвечают демократическим процедурам свободного волеизъявления граждане при формировании органов законодательной власти стран.

Во-вторых, эволюция в сфере защиты избирательных прав граждан в РФ показывает, что большее влияние на нее оказывали не нормы международного права, а опыт проведения выборов и прецедентов защиты этих прав.

В целом нормы международного права создают основу для регулирования выборов с точки зрения их демократичности, легитимности и соблюдения общемировых прав человека.

[11] Сафонов В.Е. Принципы международного права в избирательной системе России // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2012, апрель. С. 112-114.
[12] Сафонов В.Е. Указ. соч. С. 114.

Дарья Александровна ЗВЯГИНА,
Старший научный сотрудник
Центра евроатлантических исследований
и международной безопасности
Института актуальных международных проблем,
Дипломатической академии МИД России

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Геополитическое место Польши на карте Европы обуславливает ее интересы в сфере безопасности. Во время холодной войны Польша была одной из тех стран, которые служили «буферной зоной» между СССР и странами Запада. После ее окончания польская политическая элита сделала ставку на партнерство с США и НАТО в качестве гаранта безопасности Польши. В статье рассматриваются основные тенденции польской политики безопасности на современном этапе.

Ключевые слова. НАТО, Общая внешняя политика и политика безопасности в ЕС, Польша.

ZVYAGINA Daria,
PhD, senior research assistant, Diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Institute of actual international problems

MAIN TRENDS IN POLISH SECURITY POLICY

Abstract. The geopolitical location of Poland on the map of Europe causes its interests in the security sphere. During Cold war Poland was a country that served as a "buffer zone" between the USSR and Western countries. After the end of USSR the Polish political elite has relied on the partnership with USA and NATO as a guarantor of Poland's security. The article examines the main trends in Polish security policy at the present.

Keywords. NATO, a Common foreign and security policy in the EU, Poland.

Современная история Польши после распада Организации Варшавского договора насчитывает три доктринальных документа, освещающих политику страны в области национальной безопасности.

В 1990 г. была принята Оборонная доктрина Республики Польша[1]. Этот документ можно считать переходным, так как историческим фоном его возникновения были коренные перемены в политической, экономической и социальной сферах жизни польского общества.

Активное включение Польши в интеграционные процессы на европейском пространстве повлияло и на формирование концепции безопасности этой страны. «Основы польской политики безопасности» и «Политика безопасности и стратегия обороны», которые появились в 1992 г., определили ключевые принципы политики Польши в области внутренней и внешней безопасности. В этих документах также отмечалось, что по мере того, как Польша укрепляет свой суверенитет и обеспечивает безопасность, она все больше усиливает свои позиции в Европе.

«Стратегия национальной безопасности Польши»[2], пройдя две редакции в 2003 г. и 2007 г., освещала три области национальной безопасности: внешняя, внутренняя, военная. Краеугольным камнем внешней и военной безопасности Польши определено ее членство в НАТО и ЕС. Ст. 1.2 особо подчеркивает важность польской территории для европейской системы безопасности. А в ст. 8 Польшу прямо называют «пограничным государством НАТО и ЕС». Также в ст. 55 указывается на то, что Польша «строит свою оборонную политику в связи с принципами солидарности и лояльности союзников»[3].

В целом в документе многократно подчеркивается важность для Польши членства в НАТО и в ЕС. В параграфе 2.1 «Шанс на безопасность» сказано: «Польше, как ближайшему союзнику США, необходимо увеличивать свою роль в Европе, что является гарантией безопасности и стабильных отношений на континенте»[4]. В параграфе 3.1 подчеркнуто, что внешняя безопасность Польши основывается на двух ключевых моментах: членство в НАТО и ЕС.

В 2013 г. была принята новая «Стратегия развития системы национальной безопасности Республики Польша до 2022»[5], которая представляет собой заметно более подробный документ, чем его предшественники. Главной целью Стратегии является «повышение эффективности и укрепление системы национальной безопасности»[6].

---

[1] Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej z 1990 r. [Electronic resource]. URL: http:// www.koziej.pl/files/Doktryna_obronna_RP_z_1990_r.doc

[2] Strategia bezpieczenstwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r. [Electronic resource]. URL: http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/category/5-bezpieczenstwonarodowe? download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Strategia rozwoju systemu bezpieczenstwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022 ─ przyjкta uchwai № Rady Ministryw z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. URL: http://mon.gov.pl/dokumenty

[6] Ibid.

Отечественный исследователь Н.Р. Довжик отмечает, что «польское руководство дает понять, что его приоритетами являются повышение национальной боеспособности и преследование военных и внешнеполитических интересов в НАТО, а также более тесное взаимодействие с партнерами из Восточной Европы в рамках ЕС и НАТО»[7].

Как отмечает отечественный исследователь Д.В. Сергеев, в 1989-2003 гг. Польша занимала важное место в формировании системы европейской безопасности. Существует ряд факторов, которые оказывают влияние на позицию Польши по Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ).

Эволюция политики Польши по ОВПБ прошла три этапа: 1999-2001 гг., 2001-2003 гг., 2003 г. до настоящего момента. Уже на первом этапе (с 1999 по 2001 гг.) Польша делает больший акцент на «факторе НАТО», т.е. «усиление НАТО представлялось Польше адекватным ответом на эти вызовы, а проблема взаимозависимости процессов развития ОВПБ и трансформации НАТО вышла для Польши на первый план»[8].

Польский исследователь О.Очиска указывает, что польское руководство, с одной стороны, сомневалось в том, что Европа готова встать «на защиту Польши», с другой стороны, оно вполне осознавало, что сама Польша не оказывает существенного влияния на формирование ОВПБ. Поэтому, по мнению Очиски, польское руководство ратовало за расширение сферы ответственности НАТО[9]. Стремление Европы использовать ОВПБ для снижения зависимости своей безопасности от США, в Польше воспринималось как амбиции европейских государств.

Переломным моментом в формировании архитектуры ОВПБ стал теракт 11 сентября 2001 г., который вынудил Европу задать себе ключевой вопрос: каковы принципы и цели ее отношений с США? Ответ на этот вопрос должен был определить перспективы развития ОВПБ в качестве составной части Североатлантического альянса или его альтернативы. Рассмотрим два основные точки зрения по данной проблеме.

Первым подходом является точка зрения, часто встречавшаяся во французской политологии до реинтеграции Франции в военную структуру НАТО в 2009 г. Она основана на утверждении, что ЕС и США расходятся во взглядах как на принципы и цели международной безопасности, так и на методы ее обеспечения[10]. Приверженцы этого подхода утверждают, что

---

[7] Довжик Н.Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Международные отношения. 2014. С 96.

[8] Сергеев Д.В. Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС // Актуальные проблемы Европы, 2005. № 4. С. 163-187; 169.

[9] Osica O. The past as an excuse: The role of history in Polish security policy; Buras P., Cichocki M.A., Osica O., Reiter J. The most serious challenges facing Poland's European policy // Polish Senate Committee on Foreign Affairs Europ Integration. Warsaw, 2001.

[10] Pachta Lukáš. France: driving force of the EU Common Foreign and Security Policy? France: driving force of the EU Common Foreign and Security Policy? [Electronic resource]. URL: http://www.europeum.org/doc/arch_eur/France_Lukas_Pachta.pdf

ОВПБ должна стать адекватной альтернативой НАТО, чтобы ЕС, во-первых, не стал «младшим братом» США. Во-вторых, не попал в безвыходную ситуацию, если США примет решение уйти из Европы. Как подчеркивают польские исследователи, здесь речь не идет о противовесе США, но переосмыслении системы трансатлантического партнерства, основанного на равноценности сторон[11].

Согласно второму подходу, цели и принципы ЕС и США разнятся лишь в деталях, при этом позиции США настолько сильны, что в интересах ЕС не конкурировать, а сотрудничать с ними[12]. Так, главной целью ОВПБ становится превращении Европы в максимально полезного партнера для США. НАТО здесь воспринимается как данность, ключевой инструмент безопасности в Европе.

Что касается Польши, то она всегда была приверженцем второй точки зрения, что многократно подчеркивалось представителями польской политической элиты. Как отмечал бывший министр иностранных дел Польши В. Чимошевич, США являются главным гарантом международной безопасности, а Польша главным его партнером в Европе[13].

В 2004 г. министром иностранных дел Польши А. Ротфельдом была представлена точка зрения Варшавы на развитие ОВПБ[14]. Во-первых, Польша осталась приверженцем понимания ОВПБ в качестве инструмента предотвращения конфликтов в Европе. Во-вторых, ключевым моментом в создании системы коллективной безопасности были названы интересы национальной безопасности страны. В-третьих, Ротфельд в своей речи отметил, что одной из основных проблем ОВПБ, тормозящих ее развитие, являются неразрешенные противоречия между европейскими странами. Польша осуждает стремление Франции развивать ОВПБ в качестве независимой от НАТО структуры. В-четвертых, свой выбор в пользу НАТО Варшава мотивирует тем, что ЕС не претворяет в жизнь большую часть заявленных намерений. В 2003 г. на саммите в Хельсинки ведущие страны ЕС взяли на себя обязательства по увеличению вклада в европейскую оборону, но не выполнили их. Как подчеркивал Ротфельд, стремление ЕС к

---

[11] Zięba R. Polska we Wspólnej polityce bezpieczeństwa i obrony unii europejskiej. Polityka i Społeczeństwo. 2012. № 10. 160-169.

[12] Jon Lunn, Vaughne Miller and Ben Smith. British foreign policy since 1997. International affairs and defense section [Electronic resource]. URL: http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP08-56/RP08-56.pdf

[13] Włodzimierz Cimoszewicz, Information by the Minister of Foreign Affairs Mr. Włodzimierz Cimoszewicz, on the fundamental directions of the Polish foreign policy presented at the 16th session of the Sejm, 14 March 2002 // www.msz.gov.pl/publications/2002/cd3/1_Expose/02.03.14 Information%20by%20the%20Minister%20of%20Foreign%20Affairs.html; The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, The National Security Strategy of the Republic of Poland. Warsaw, The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, 2003. P. 2.

[14] Does the European Union need the European Security and Defense Policy? 21 April 2004 // www.warsawvoice.pl/thepolishvoice/5383/

независимости в оборонной сфере дорого обходится и не дает сфокусироваться на действительно насущных проблемах.

Говоря о перспективах польской политики безопасности, стоит осветить несколько ключевых аспектов. Во время иракского кризиса 2003 г. Польша оказалась перед дилеммой: американского или европейского видения политики безопасности придерживаться? Польша по-прежнему считала США своим ключевым партнером, но и не хотела, отгородившись от ОВПБ, стать изгоем в ЕС. Поэтому Польша стремилась избежать углубления противоречий между ЕС и США. Со времени иракского кризиса определяющим фактором политики Варшавы остается «стремление достичь внешнеполитического равновесия в условиях своеобразной равноприближенности к США и к странам-лидерам Европейского союза»[15].

Стоит сделать оговорку. Основной принципом польской внешней политики является «атлантизм», но не «панамериканизм». «Атлантизм» выражает общность европейских и американских целей, взглядов, интересов в сфере безопасности. «Панамериканизм», в этом случае, является субъективным подходом, во главу угла ставящим право США поступать исходя только из своих интересов.

Вопрос расширения НАТО на Восток остается одним из наиболее сложных среди проблем европейской безопасности. Стремление Украины в НАТО и ЕС всячески поддерживается Польшей по двум причинам. Во-первых, желая добиться расположения США, Польша выступает рупором их интересов и пытается найти новых союзников для НАТО. Во-вторых, проводя активную политику на украинском направлении, Варшава надеется увеличить свой вес в ЕС и в Североатлантическом альянсе. «Благодаря своему геополитическому местоположению и являясь транзитной страной для диверсификации поставок энергоносителей из Туркменистана, Казахстана, Азербайджана и России, она имеет стратегическое значение для стран Западной Европы»[16].

Стоит сказать несколько слов о Договоре об обычных вооружённых силах в Европе. «Польша придает большое значение ДОВСЕ как главному правовому международному документу, регулирующему деятельность в сфере контроля над вооружениями и разоружения. Польша высказывается в пользу продолжения диалога с Россией и другими государствами ДОВСЕ»[17]. Приостановление Россией своей деятельности в ДОВСЕ в марте

---

[15] Сергеев Д.В. Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 4. С. 163-187; 179.

[16] Звягина Д.А. Россия, Польша, Запад: факторный анализ отношений // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2015. № 2. С. 22.

[17] Traktat o Konwencjonalnych Siłach Zbrojnych w Europie (Treaty on Conventional Forces in Europe – CFE) [Электронный ресурс]. URL: https://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/polityka_bezpieczenstwa/obwe/kontrola_zbrojen_konwencjonalnych_oraz_srodki_budowy_zaufania_i_bezpieczenstwa/page_32800

2015 г., было с беспокойством воспринято странами участницами «Веймарского треугольника» (Франция, Германия, Польша). Отмечалось, что это ослабит архитектуру безопасности в Европе, однако, никаких конкретных предложений по урегулированию ситуации со стороны европейских государств не последовало.

С темой политики безопасности Польши неразрывно связана проблема защищенности Польши в энергетической сфере, удовлетворение текущих и перспективных потребностей страны в энергоресурсах. Для обеспечения этой безопасность необходимо соблюдение следующих условий: «топливный баланс внутри страны; диверсификация источников энергии; наличие доступа к инфраструктуре транзита, хранения и распределения топлива и энергии»[18].

Самая сложная ситуация в польской энергетике наблюдается с запасами газа. «Польша – наименее газифицированная страна Центральной Европы, и магистрального газа нет во многих населенных пунктах, а более 90% используемого в стране природного газа Польша получает из России»[19]. Поэтому все изменения в конъюнктуре рынка этого энергоносителя так болезненно воспринимаются польскими правительственными кругами.

Подводя итог, стоит отметить, что политика безопасности Польши обуславливается многими факторами. Во-первых, ее географическое положение на протяжении всей истории страны каждый раз вынуждает ее правителей выбирать себе в союзники либо западного (Европу), либо восточного (Россию) соседа. Последний такой выбор произошел в 1989 г., когда Польша взяла курс на сближение с Западом.

Во-вторых, стремясь занять более весомое место среди стран ЕС, Польша активно заявляет о своем видении Общей внешней политики и политики безопасности. Считая Североатлантический альянс главным гарантом безопасности не только Европы, но и мира, Польша видит в европейских структурах безопасности не самостоятельные институты, а опору для НАТО. Это часто неоднозначно оценивается другими членами ЕС, такими как Франция и Германия. Анализируя внешнеполитические доктринальные документы Польши и заявления официальных лиц, можно заключить, что ЕС для Польши – это в первую очередь экономический партнер (на ЕС приходится 70% польского экспорта), в то время как свою политику безопасности Варшава ориентирует на НАТО.

В-третьих, несмотря на то, что Польша в НАТО часто апеллирует к США и всячески демонстрирует свою готовность продвигать американский

[18] Лышконина Л.С. Энергетическая безопасность Польши // Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы. Сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы / Отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М., 2010. 180 с. Сер.: Проблемы обществ. Трансформации в странах Вост. Европы и России. С. 77.

[19] Там же. С. 83

подход к урегулированию кризисов, позиция Варшавы не является проамериканской. Польша руководствуется своими собственными интересами, когда выступает за укрепление атлантической солидарности.

В-четвертых, не имея достаточного количества полезных ископаемых для обеспечения своей энергетической безопасности, Польша вынуждена закупать энергоносители. Главным поставщиком для Польши является Россия. Это ставит Польшу в затруднительное положение, так как, проводя линию стран Запада по ужесточению санкций против России, Польша ухудшает свои отношения со страной, которая поставляет столь необходимый ей газ.

Литература:

1. Довжик Н.Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Международные отношения. 2014.
2. Звягина Д.А. Россия, Польша, Запад: факторный анализ отношений // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2015. № 2.
3. Лышконина Л.С. Энергетическая безопасность Польши // Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы / Отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М., 2010. 180 с. Сер.: Проблемы обществ. Трансформации в странах Вост. Европы и России.
4. Сергеев Д.В. Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС //Актуальные проблемы Европы. 2005. № 4.
5. Does the European Union need the European Security and Defense Policy? 21 April 2004 // www.warsawvoice.pl/thepolishvoice/5383 /
6. Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej z 1990 r. [Electronic resource]. URL: http:// www.koziej.pl/files/Doktryna_obronna_RP_z_1990_r.doc
7. Jon Lunn, Vaughne Miller and Ben Smith. British foreign policy since 1997. International affairs and defense section [Electronic resource]. URL: http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP08-56/RP08-56.pdf
8. Lukáš Pachta. France: driving force of the EU Common Foreign and Security Policy? France: driving force of the EU Common Foreign and Security Policy? [Electronic resource]. URL: http://www.europeum.org/doc/arch_eur/France_Lukas_Pachta.pdf
9. Osica O. The past as an excuse: The role of history in Polish security policy; Buras P., Cichocki M.A., Osica O., Reiter J. The most serious challenges facing Poland's European policy // Polish Senate Committee on Foreign Affairs. Europ. Integration. Warsaw, 2001.
10. Strategia bezpieczenstwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r. [Electronic resource]. URL: http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/category/5-bezpieczenstwonarodowe?download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp

11. Strategia rozwoju systemu bezpieczenstwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022 – przyjкta uchwai№ Rady Ministryw z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. URL: http:// mon.gov.pl/dokumenty
12. Traktat o Konwencjonalnych Siłach Zbrojnych w Europie (Treaty on Conventional Forces in Europe – CFE) [Электронный ресурс] : URL: https://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/polityka_bezpieczenstwa/obwe/kontrola_zbrojen_konwencjonalnych_oraz_srodki_budowy_zaufania_i_bezpieczenstwa/page_32800
13. Włodzimierz Cimoszewicz, Information by the Minister of Foreign Affairs Mr. Włodzimierz Cimoszewicz, on the fundamental directions of the Polish foreign policy presented at the 16th session of the Sejm, 14 March 2002. www.msz.gov.pl/publications/2002/cd3/1_Expose/02.03.14-Information%20by%20the%20Minister%20of%20Foreign%20Affairs.html, The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, The National Security Strategy of the Republic of Poland (Warsaw, The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, 2003).
14. Zięba R. Polska we Wspólnej polityce bezpieczeństwa i obrony unii europejskiej. Polityka i Społeczeństwo. 2012. № 10.

Олег Петрович ИВАНОВ,
Проректор по научной работе
Дипломатической Академии МИД России

РОССИЯ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ КОНФЛИКТНОСТИ[1]

Аннотация: в работе рассматриваются современные евразийские процессы, взаимодействие России и стран-членов ЕАЭС в контексте становления сопряжения между ЕАЭС и китайским проектом Шелкового пути, а также отношения между Россией и ЕС в условиях растущей конфликтности.

Ключевые слова: Россия, ЕАЭС, ЕС, сопряжение, проект Шелкового пути, НАТО, конфликтность.

RUSSIA AND THE EURASIAN PROCESSES UNDER THE CONDITIONS OF RISING STRIFE

IVANOV Oleg Petrovich,
Vice-Rector of Research
Diplomatic Academy, MFA Russia

Abstract: The author is the Vice-Rector of Research of the Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
Annotation: the work focuses on the current Eurasian processes, the interaction of Russia and the EAEU member-states in the context of establishing connectivity between the EAEU and the Chinese project “One Belt, One Road” as well as relations between Russia and the EU under the conditions of rising strife.

Keywords: Russia, EAEU, EU, connectivity, project One Belt One Road, NATO, rising strife.

Сегодня картина мира имеет ряд особенностей, которые делают современные международные отношения комплексными, противоречивыми и трудно прогнозируемыми. Тем не менее, можно осветить некоторые тенденции, раскрывающие суть этих отношений.

По оценке министра иностранных дел России С.Лаврова, «проявилась тенденция к стремлению вновь полагаться на фактор силы, решать собственные проблемы за счет других… В целом очевидно, что мир

[1] Работа поддержана грантом РГНФ №15-03-00870 Философия политического и реальная политика.

переживает беспрецедентный по историческим меркам переходный период, сопровождающийся перелицовкой геополитического ландшафта, формированием новой расстановки сил, турбулентностью в сферах экономики, политики, в целом в международных отношениях»[2]. Эту характеристику можно полностью перенести на Евразийский регион.

На этом фоне все заметнее становится еще одна тенденция, а именно ускорение переформатирования международных отношений. Анализируя исторический процесс, российский академик С.Капица отметил, что он постоянно ускоряется, и каждый исторический этап в результате этого ускорения получается короче предыдущего в два раза. Поэтому если сравнивать тот путь, который прошла европейская система безопасности, и сколько времени было потрачено на ее создание, то у нас в Евразии временной промежуток на формирование новой системы или систем будет намного короче. Нам уже сейчас нужно принимать решения, реализация которых объективно займет меньше времени, чем в Европе. И все это приходится делать на фоне быстротекущих и непредсказуемых кризисов в Европе и на Ближнем Востоке. Еще в начале 2014 г. мы не думали о том, что поток нелегальной миграции поставит ЕС на грань сохранения и изменит стиль жизни европейцев, а кризис на Украине внесет раскол в отношениях между Россией и Западом и вызовет много дискуссий о новом издании холодной войны[3].

Сегодня в значительной степени стабильность и позитивное развитие международной системы будет зависеть от того как сложится и как будет функционировать евразийская система безопасности[4].

Протекающие процессы и события в регионе необходимо рассматривать в контексте глобальных тенденций. В том числе таких как:

- центр тяжести мировой политики и экономики перемещается в АТР[5];

- все большую роль начинают играть не закрытые старые институты и организации подконтрольные Западу как НАТО или МВФ, а открытые новые межправительственные структуры, функционирующие параллельно западным, как ШОС или ЕАЭС;

- эти новые структуры на глобальном уровне не заменяют имеющиеся западные, а служат дополнительной опорой в области безопасности или в экономики, когда старые институты не справляются или совершают ошибки. На региональном уровне в Евразии новые структуры заполняют вакуум безопасности и служат страховым полисом для стран этого региона.

---

[2] Вступительное слово министра иностранных дел России С.В.Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2012 г. Москва. 2013. 23 января. http://www.russianmission.eu/ru/novosti/press-konferentsiya-ministra-inostrannykh-del-rossii-svlavrova-po-itogam-deyatelnosti-rossii

[3] XXI век: перекрестки мировой политики, М.: Канон+, 2014.

[4] Зверева Т. Россия-НАТО: союзники или партнеры // Дипломатическая служба. 2011. № 2.

[5] Белобров Ю. Геополитические амбиции и интриги США в АТР // Международная жизнь. 2015. № 9.

Таким образом, посылается сигнал, что проблемы безопасности, по крайне мере, в Азии будут решаться региональными игроками, а не внерегиональными как НАТО или США. Вмешательство последних не всегда является желательным, так как их действия далеко не всегда соответствуют международному праву и интересам региональных участников МО[6].

На формирование системы безопасности и на характер отношений в Евразии влияет ряд факторов. Во-первых, это отношение Западных стран и союзов к РФ. Характер отношений между государствами Запада и РФ до сих пор находится под влиянием холодной войны. В чем это выражается? На Западе и в США в особенности, Россия, являясь, преемником СССР, считается побежденной страной в холодной войне. Это подход был озвучен влиятельным сенатором США Р.Лугаром еще в 1990-е годы: "Расширение (НАТО) связано с поддержкой США боснийских мусульман, а также Украины. Эти шаги рассматриваются как часть большого стратегического проекта с целью консолидировать геостратегические завоевания в «холодной войне» за счет России"[7]. Следовательно, ее интересами можно пренебрегать. Этим объясняется стремление западных стран принимать решения в области безопасности без учета интересов РФ, да и других стран СНГ. Это можно было пронаблюдать в процессе расширения НАТО на восток и при бомбардировке Югославии в 1999г. Таким образом, НАТО громогласно заявила о себе не как об оборонительном, а уже о наступательном союзе, подвергнув нападению Сербию, которая не совершала никаких действий, попадающих под ст. V Устава НАТО[8].

Такого рода отношение объясняет, почему одной из главных проблем является отсутствие доверия между РФ и странами, находящимися к западу от нее. Отношения, построенные на недоверии, приводят к ассиметричной биполярности как, например, НАТО и ОДКБ, которые не носят партнерский характер, а такая биполярность не способствует решению тех проблем, которые требуют общего подхода, таких как борьба с терроризмом, экстремизмом или наркотрафиком. На протяжении всего существования ОДКБ НАТО отказывается установить официальные отношения с организацией, предпочитая двусторонние с членами ОДКБ.

Во-вторых, на западе есть неправильное восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве с участием России как попытки воссоздать Советский Союз. Об этом говорила еще госсекретарь США Х.Клинтон, выступая на министерской встрече ОБСЕ в Дублине в декабре 2012 г., где она открыто призывала препятствовать, как она заявила,

[6] Современный мир и геополитика М.: Канон +, 2015.
[7] Hearings Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate, US Government Printing Office, Washington D.C., 1995. P. 46.
[8] Иванов О. Россия-НАТО: точка невозврата // Обозреватель-Observer. 2015. № 1.

ресоветизации на пространстве бывшего СССР. В частности, ЕАЭС рассматривается в таком качестве. Поэтому реализуется стратегия и предпринимаются усилия, направленные на противодействие этим интеграционным процессам. Тот факт, что первым, кто предложил начать интеграционный проект в 1994 г. был президент Казахстана Н.Назарбаев, не принимается во внимание, а утверждается, что РФ пытается воссоздать СССР.

В-третьих, ухудшает положение и возврат к стратегии сдерживания России, о чем говорится в официальных заявлениях западных лидеров и отражается в пересмотре стратегии НАТО по отношению к РФ после начала кризиса на Украине, что возвращает нас к худшим временам холодной войны. Например, нельзя возвращаться к тому, к чему призывает «Сегодня министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский заявил, что настало время отказаться от сотрудничества с Москвой в вопросах решения международных проблем и вернуться к "традиционным методам" защиты территорий стран-членов НАТО. По его утверждению, последние действия РФ заставляют задуматься о "необходимости отойти от довольно бессмысленной веры в то, что с Россией можно вместе решать международные проблемы". Ващиковский предлагает вернуться «к стратегическому, геополитическому мышлению, к нормальным, традиционным методам обеспечения безопасности стран-членов (Североатлантического альянса) путем военного присутствия[9]».

Несмотря на системный кризис, который Россия и Запад сейчас переживают в своих отношениях, все-таки остается потенциал для сотрудничества. Здесь было бы полезно посмотреть на тот опыт, который мы приобрели в холодную войну, пытаясь решить наши проблемы. Главным принципом, который оказался полезным для разрядки в 1970-е годы, стало стремление концентрировать свою деятельность не на том, что нас разделяет, а на том, что объединяет противоположные стороны.

Первое, что полезно сделать – изменить тональность общения и перестать демонизировать друг друга. Абсолютно прав Г.Киссинджер, который заявил, что для Запада демонизация Путина – не политика, а алиби для ее отсутствия. Как второй шаг, необходимо разработать сбалансированный подход, о котором, кстати, говорил и министр обороны США Картер. В частности, он заявил: «Сбалансированная часть заключается в продолжении работы с Россией, потому что нельзя рисовать все ее поведение одним мазком. Там, где Россия видит, что ее интересы совпадают с нашими, мы можем вместе работать, и мы продолжим делать это»[10].

[9] http://www.utro.ru/articles/2016/05/13/1281998.shtml

[10] Wong K. Pentagon chief: Russia is a 'very significant threat' // The Hill, August 20, 2015. http://thehill.com/policy/defense/251622-pentagon-chief-russia-is-a-very-very-significant-threat

Желательно, чтобы прагматичный подход преобладал в американской и европейской политике, и сотрудничество в таких важных областях как борьба с терроризмом, нелегальной миграцией и нераспространением ОМУ было бы продолжено. Такой подход смог бы помочь нивелировать направленность НАТО на сдерживание России, которая создает негативный фон для развития сотрудничества во взаимовыгодных областях[11]. Постоянный представитель России при ЕС В.Чижов подчеркнул необходимость и возможность совместной борьбы с терроризмом: «Как известно, наша страна накопила немалый опыт борьбы с террором как в международном контексте (например, в Сирии), так и, увы, на нашей собственной территории. Обмен этим опытом и информацией, наверное, и есть то главное содержание. Говорить о каких-то совместных операциях с Евросоюзом на данном этапе, наверное, преждевременно – пока странам ЕС с трудом удается договариваться даже между собой. Я недавно встречался с координатором ЕС по борьбе с терроризмом Ж.де Керковом. Он откровенно говорит, что в этой сфере 90% всей ответственности по-прежнему лежит на странах-членах и только 10 на общеевропейских структурах. Одна из проблем, с которой они столкнулись после парижских терактов в ноябре прошлого года и особенно после недавних брюссельских – это необходимость координации. Пока внутри Евросоюза, но, естественно, и с внешними партнерами тоже. Мы здесь открыты к сотрудничеству не только в рамках обмена опытом, но и в более практическом плане»[12].

Остается острой проблема нелегальной миграции, исходящей с Ближнего Востока. ЕС по большому счету стоит в стороне от решения наиболее острых вопросов международной безопасности на Ближнем Востоке, а НАТО оказалась неэффективной и бесполезной организацией для решения этой проблемы. Как демонстрирует процесс сирийского урегулирования, на такие вызовы пока эффективнее всех отвечает Россия.

Конкретной областью для РФ и ЕС может быть сотрудничество с агентством Европейского союза по безопасности внешних границ Фронтекс (Frontex). В частности, в такой части Фронтекс как анализ рисков, информационные системы и обмен информацией об обстановке. Фронтекс также тесно работает с пограничными органами стран, не входящими в ЕС или Шенгенскую зону. Главным образом, это те страны, которые определены как страны-источники и транзитные для нелегальной миграции. Хотя Россия не относится к таким странам, однако сотрудничество с ней было бы весьма полезным для ЕС.

Весьма важным в отношениях между РФ и ЕС представляется необходимость сделать акцент на прагматизме, а не на попытке

[11] НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе. Под редакцией О.А. Колобова, Москва, Нижний Новгород, Арзамас: АГПИ, 2005.

[12] http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/2196858

адаптировать ценности. Неприемлемость или различное понимание каких-то ценностей не должно мешать сотрудничеству. Желательно, что прагматичный подход преобладал в европейской политике, тогда и сотрудничество в таких важных областях как борьба с терроризмом, нелегальной миграцией и нераспространением ОМУ будет продолжено.

В настоящее время ЕС собирается строить свою стратегию с РФ на основе следующих принципов. «Первый из этих руководящих принципов – полное выполнение Минских соглашений в качестве первоосновы любого существенного изменения наших отношений. Кстати, эта неделя является важной, так как два года назад в это время имела место неправомерная аннексия Крыма. И мы вновь заявляем о нашей общей твердой политике непризнания аннексии Крыма. Второй принцип – укрепление отношений со странами «Восточного партнерства» и другими странами-соседями, в частности в Центральной Азии, и мы обсудили, как продвинуться вперед в этой связи. Третье – укрепление внутренней устойчивости Европейского союза, в частности в том, что касается энергетической безопасности, гибридных угроз и стратегических коммуникаций, но и не только. Четвертый согласованный нами принцип состоит в необходимости избирательного взаимодействия с Россией как по внешнеполитическим вопросам – это очевидно, когда речь идет об Иране, процессе ближневосточного мирного урегулирования, Сирии, а также КНДР, миграции, борьбе с терроризмом или изменении климата, – так и по другим вопросам, где есть очевидный интерес Европейского союза. Наш пятый руководящий принцип – готовность оказывать большую поддержку гражданскому обществу России и содействовать и поддерживать контакты между людьми и обмены, а также меры политики, относящиеся к этим сферам, с особым вниманием к молодежи в России и Европейском союзе, так как мы считаем, что будущее наших обществ требует наших инвестиций»[13]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Приведенные выше принципы приглашение к диалогу, поиск основы для сотрудничества или ультиматум? Если ультиматум, то РФ такой подход нельзя считать приемлемым. Да и как быть тогда с демократией, которая предполагает обсуждение и учет интересов всех сторон? Было бы более продуктивно выходить на диалог для совместного обсуждения принципов, на которых и будет строиться дальнейшее сотрудничество.

Важным представляется отказ от стремления к унификации в отношениях РФ и ЕС, зачастую под стандарты ЕС. Мы не должны подстраиваться под кого-то. Здесь было бы полезно обратиться к азиатскому опыту, который, кстати, есть у РФ. Вместо унификации нам

[13] Relations with Russia: EU's guiding principles (15/03/2016) http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2016/20160315_en.htm

нужно стремиться к гармонизации наших интересов и стратегий, тогда гармонизация станет ключевым подходом. РФ не входит в Восточное партнерство, как и некоторые другие страны ЕАЭС, поэтому весьма перспективным было бы развитие контактов и координация между ЕАЭС и Евросоюзом.

Перед государствами-членами ЕАЭС и их партнерами стоят очень важные цели в евразийском регионе, и описанные выше факторы и тенденции создают негативный внешний контекст для их реализации. Кроме этого усложняет достижение поставленных целей сосредоточение различных структур в Евразийском регионе. На пространстве Евразии действуют несколько организаций: ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, а также проект Экономический пояс Шелкового пути. Здесь пересекаются и реализуются интересы не только региональных, но и внерегиональных акторов, что угрожает появлению возможного соперничества или конкуренции. Такое структурное многообразие требует увязки интересов и координации деятельности всех государств, организаций и проектов. Исходя из этого, первоочередной задачей становится не обособление, а объединение различных процессов, в которые необходимо включить и интеграционные проекты.

К этому и необходимо стремиться. К этому подталкивает геополитическая обстановка в мире и то окружение, в котором оказались Россия и Китай. Россию подпирают страны Запада через расширение НАТО и двигают на восток в сторону Китая. Китай поджимают на востоке США и их союзники. Здесь остро стоит проблема безопасности. Во-первых, усложняют ситуацию неурегулированные территориальные вопросы ряда гос-в Юго-Восточной Азии. Во-вторых, США не ослабляют свои усилия по удержанию контроля над морскими маршрутами и поставками энергоресурсов, а также по сдерживанию растущей мощи Китая. На это направлена известная американская стратегия «Тихоокеанского разворота» (Pacific Pivot).

Вырваться из такого геостратегического кольца Китаю можно только на запад: в сторону России и Центральной Азии. Успешное движение китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути на запад уменьшит зависимость от восточных маршрутов через Южно-Китайское море и Малаккский пролив и одновременно может способствовать снижению градуса напряженности в отношениях между Китаем и США.

Все это создает предпосылки и обоюдное желание со стороны России и Китая добиться успешного сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

В этом контексте исключительно важным является сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Экономическим поясом Шелкового пути. 7 мая 2015 г. в Астане президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев заявил, что

Казахстан поддерживает инициативу «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», готов осуществить состыковку экономического пояса Шелкового пути и стратегии экономического развития Казахстана «Светлый путь». 8 мая, после встречи глав Китая и России в Москве, было выпущено «Совместное заявление о сотрудничестве в состыковке строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового Пути». Президент России В.Путин 9 мая сообщил, что Евразийский экономический союз и инициатива «Экономического пояса Шелкового Пути» гармонично дополняют друг друга, способствуют формированию единого экономического пространства.

По мнению некоторых экспертов существует три сценария развития взаимоотношений между ЕАЭС и ЭПВШП:

- полное поглощение процесса евразийской интеграции китайским проектом;

- усиление конкуренции между ЕАЭС и КНР, что неминуемо приведет к негативным последствиям и антагонизму;

- объединение интересов и углубление сотрудничества в формате «интеграции интеграций». Третий сценарий наиболее оптимальный для всех участников этого проекта и в этом направлении нужно работать.

Еще один вызов носит внешний характер. Было бы нежелательно, чтобы успешное сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути привело бы к биполярности с Евроатлантикой. Сопряжение не должно иметь конфронтационный характер, что-то типа контрбаланса против ЕС и США. Мы должны быть заинтересованы в налаживании партнерских отношений между Европейскими и евразийскими проектами. Здесь важно избежать крайностей: разрыва или сворачивания отношений России и Евразийских проектов с Западом.

Стратегической целью сопряжения наших проектов должно быть создание открытого для новых членов и проектов политического и экономического сообщества Евразии на взаимодополняемой основе как еще одна опоры глобальной мировой политической и экономической системы.

Некоторые российские эксперты полагают, что «окно возможностей» между Западом и Россией закрылось. Однако, как представляется, это слишком пессимистичная оценка. Оно не закрылось, а скорее резко сузилось. Что впрочем не исключает, что если обе стороны не найдут общие подходы, то плохое пророчество может сбыться.

Юлия Сергеевна ИЛЬИНА,
Магистрант
МГУ им. М.В.Ломоносова

КИБЕРАТАКИ КАК СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ГРУЗИИ, УКРАИНЫ И СИРИИ

Аннотация: В статье анализируются возможности кибератак как инструментов информационного противоборства на примерах военных конфликтов в Грузии, Украине, Сирии. Рассматриваются понятия «кибератака», «кибервойна» и «кибертерроризм». Определяются основные цели кибератак и кибертерроризма. Уделяется внимание ключевым проблемам и тенденциям, связанным с применением кибероружия. Для демонстрации потенциала кибероружия упоминаются наиболее известные хакерские атаки в ходе международных конфликтов вышеупомянутых стран.

Ключевые слова: информационное противоборство, кибератака, кибервойна, кибертерроризм, Украина, Сирия, Грузия.

ILINA Yulia Sergeevna,
Master's student at Lomonosov Moscow State University

CYBER-ATTACKS AS TOOLS OF THE INFORMATION-SYCHOLOGICAL INFLUENCE ON THE EXAMPLE OF MILITARY CONFLICTS IN GEORGIA, UKRAINE, SYRIA

Abstract: The article analyzes the potential of cyber-attacks as tools of information warfare with examples of military conflicts in Georgia, Ukraine and Syria. Considers concepts of «cyber-attack», «cyberwarfare» and «cyber-terrorism». Determines the primary goals of cyber-attacks and cyber terrorism. Focuses on the key issues and trends related to the use of cyber weapons. The most famous cyber-attacks during the international conflicts in the aforementioned countries are mentioned in the article to demonstrate the potential of cyberweapons.

Keywords: information warfare, cyber-attack, cyberwarfare, cyberterrorism, Ukraine, Syria, Georgia.

Количество международных конфликтов в современном мире продолжает расти. Информационно-психологическое воздействие играет важную роль как в ходе регулирования конфликтов, так и непосредственно в ходе ведения информационных войн. Контроль информационных потоков в

средствах массовой информации является необходимым условием. Современные реалии требуют учитывать следующее обстоятельство – информационные войны перемещаются в киберпространство.

Потенциал кибератак настолько высок, что эксперты говорят о гонке кибервооружений и необходимости создания системы сдерживания по аналогии с ядерным оружием. «Я бы сравнил нынешний исторический момент с ситуацией, с которой США столкнулись в начале холодной войны, когда стало ясно, что СССР и другие страны могут создать водородную бомбу, а соревнование между супердержавами подрывало стабильность. Мы тогда быстро осознали, что нам нужна ядерная триада, подкрепленная механизмами командования и контроля, хорошо развитой разведсетью и политической ориентацией на выстраивание системы сдерживания» – так прокомментировал ситуацию глава АНБ и киберкомандования США адмирал Майкл Роджерс[1].

Под термином «кибероружие» в настоящее время подразумевают самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и обработки информации или программотехнических системах[2]. Данное определение является довольно условным, специфика понятия «кибероружие» – отдельная тема для исследования.

В ходе анализа явлений информационной войны в киберпространстве также часто используются термины «кибервойна» и «кибертерроризм».

Эксперт по безопасности правительства США Ричард Кларк предлагает следующее определение: «Кибервойна – действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения[3].

В узком смысле под кибератакой подразумевается покушение на информационную безопасность компьютерной системы[4], однако, в контексте информационно-психологического воздействия данный термин также используется для обозначения различных технологий манипуляции с помощью ИКТ.

Три основных источника атак на сегодняшний день, по мнению Микко Хиппонена, директора по исследованиям антивирусной компании F-Secure, – криминальные структуры (к ним относятся и хакеры-одиночки и организованные преступные группировки), государства и активисты

[1] К кибероружию примеряют ядерную модель. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2692528 (дата обращения 10.05.2016).
[2] Каберник В. В. Проблемы классификации кибероружия // Вестник МГИМО (У). 2013. № 2. С. 73.
[3] Clarke, Richard A. Cyber War. HarperCollins, 2010.
[4] Определение «кибератака» / Информационный портал SecurityLab.ru. URL: http://www.securitylab.ru/news/tags/%EA%E8%E1%E5%F0%E0%F2%E0%EA%E0/ (дата обращения 10.05.2016).

(hacktivists)[5]. Дороти Денингс в своем исследовании «Активность, хактивизм и кибертерроризм» раскрывает понятие «хактвизим» следующим образом[6]: хактивизм объединяет хакерство и социальную активность, и под «хакерством» в данном случае подразумевается эксплуатация компьютеров изощренными и часто незаконными способами с помощью специального («хакерского») программного обеспечения. Хактивизм включает в себя такие действия, как электронное гражданское неповиновение – использование методов гражданского неповиновения в киберпространстве. Так как инциденты о хакерских атаках часто освещаются в СМИ, действия хактивистов и информация об их мотивах могут получить широкую огласку.

В мирное время основной из целей кибератак является шпионаж, в ситуации открытого противостояния кибератаки позволяют выявить наиболее уязвимые объекты противника и подготовиться к дальнейшим более крупным операциям. В случае войны – выведение из строя ключевых инфраструктур противника, создание обстановки недоверия общественности к информационным системам государства-противника[7].

При изучении кибератак необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, самыми уязвимыми перед кибератаками оказываются наиболее развитые в технологическом плане страны. Чем шире распространение интернета и сетевых технологий, тем сильнее становится зависимость государства от киберпространства, и тем больше появляется мишеней для кибератак.

Во-вторых, большой проблемой является определение источника кибератаки. В связи с этим при трактовке понятий киберпространства и оценке фактов киберагрессии возникают сложности технического и юридического плана[8]. Иногда отследить источник практически невозможно – данный фактор становится мощным оружием для манипуляций в СМИ, так как атаку можно приписать практически кому угодно. Например, атаку 2014 г., в ходе которой были похищены адреса 76 млн клиентов из JPMorgan Chase, в значительной мере приписывали России, но к 2015 г. Министерство юстиции США определило виновных – сложную преступную группировку во главе с двумя Израильтянами и гражданином Америки, которые живут в Москве и Тель-Авиве[9].

Некоторые исследователи выделяют еще одно важное свойство

---

[5] Самый большой источник хакерских атак – бывший Советский Союз. URL: http://www.rbc.ru/newspaper/2013/11/05/56c04a879a7947299f72da94 (дата обращения 10.05.2016).

[6] Denning, Dorothy E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1382/MR1382.ch8.pdf (дата обращения 10.05.2016).

[7] The National Strategy to Secure Cyberspace. USDOS, 2003. URL: https://www.us-cert.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (дата обращения 10.05.2016).

[8] Кибероружие становится опаснее ядерного. URL: http://izvestia.ru/news/611996 (дата обращения 10.05.2016).

[9] Can Cyber Warfare be Deterred? URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/cyber-warfare-deterrence-by-joseph-s--nye-2015-12 (дата обращения 10.05.2016).

кибероружия – небольшую стоимость[10], но данное утверждение является спорным, так как некоторые атаки могут требовать серьезных финансовых вложений: например, атака с помощью уязвимостей нулевого дня (уязвимость нулевого дня или 0-day – это ранее неизвестная уязвимость, которая эксплуатируется злоумышленниками в сетевых атаках[11]). Анализ, проведенный специалистами антивирусных компаний, таких, как «Лаборатория Касперского», Symantec и др., говорит о том, что вести «мощные» кибероперации под силу только государственным структурам или организациям, действующим в тесном взаимодействии с ними[12].

Кибертерроризм можно определить, как использование частными лицами или независимыми группами средств ИКТ для нанесения ущерба важнейшим национальным инфраструктурам и принуждения или запугивания государства или гражданского населения.

Специалисты выделяют следующие средства терроризма в киберпространстве для достижения террористических целей[13]:

- уничтожение или кража информационных, программных и технических ресурсов киберпространства, имеющих значение для общества в целом, путем нарушения систем защиты, установки вирусов, программных закладок и прочее;

- нанесение планируемого ущерба отдельным физическим элементам киберпространства, в частности, уничтожение сетей электропитания, использование специального программного обеспечения, стимулирующего разрушение аппаратных средств;

- целенаправленный сбор с целью раскрытия и угрозы обнародования или фактическое обнародование закрытой информации о функционировании информационной инфраструктуры государства, принципов работы системы шифрования, успешного опыта проведения актов информационного терроризма;

- направленное воздействие на программное обеспечение и информацию для их планомерного искривления или модификации в информационных системах и системах управления;

- угрозы проведения террористического акта в киберпространстве, вызывающие серьезные экономические последствия, нарушение линий связи,

---

[10] Гонка кибервооружений набирает обороты. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/10/13/7817693/cyber_weapons_race.shtml (дата обращения 10.05.2016).

[11] Определение «уязвимость нулевого дня» / Информационный портал SecurityLab.ru. URL: http://www.securitylab.ru/news/tags/%F3%FF%E7%E2%E8%EC%EE%F1%F2%FC+%ED%F3%EB%E5%E2%EE%E3%EE+%E4%ED%FF/ (дата обращения 10.05.2016).

[12] Казарин О.В., Шаряпов Р.А. Вредоносные программы нового поколения – одна из существенных угроз международной информационной безопасности //Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 12(155). С. 10.

[13] Пелевина Е.С. Информационные угрозы кибертерроризма // Евразийский Союз Ученых. 2015 № 11-2 (20). С. 101.

неправильные адресации, искусственные перегрузки узлов коммутации и прочее;

- проведение информационно-психологических операций с целью воздействия на операторов, разработчиков, эксплуатационников информационных и телекоммуникационных систем через механизмы и инструментарий насилия или угрозы насилия, подкуп, шантаж, введение наркотических средств, использование гипноза, средств создания иллюзий, мультимедийных средств и т.п.

Важно отметить, что понятие кибертерроризма подразумевает кибератаки независимых хакерских группировок, отдельных лиц. Кибератаки со сторон государств определяются как явления кибервойны[14].

Термин «кибервойна» стал активно использоваться в 2008 г. в связи с конфликтом в Южной Осетии. 8 августа 2008 г., одновременно с обстрелом Цхинвали, большая часть сайтов Южной Осетии подверглась атакам хакеров. Примерно в то же время прошли кибератаки на ряд российских СМИ. Позднее были взломаны сайты президента Саакашвили, парламента Грузии, правительства и Министерства иностранных дел[15]. Также прошла атака на страницы грузинского блогера Сухуми в социальных сетях и блогах[16].

Большая часть россиян считала, что информационная война проводилась против западных СМИ, действующих на стороне Грузии и Соединенных Штатов, а не между Грузией и Россией. Данная информационная война показательна тем, что профессиональные ТВ-репортажи отошли на задний план, в то время как на первый план вышли блоги и комментарии[17].

Различные типы кибератак можно наблюдать в ходе военных конфликтов в Украине. Действия хакерских группировок наносили как реальный ущерб инфраструктурам, так и являлись факторами психологического давления. Анонимная хакерская группировка «Киберберкут» 22 мая 2014 г. уничтожила сетевую и компьютерную инфраструктуру ЦИК Украины[18]. 23 декабря 2015 г. кибератака на инфраструктурные энергетические объекты Украины привела к

---

[14] Colarik A. M. Cyber Terrorism. Political and Economic Implications. Hershey, PA: Idea Group Publishing, 2006.

[15] Pashentsev E. The Strategic Role of Communication Management Tools in Georgia-Russia Military Conflict. Knowledge production in conflict and intervention: the art of composing the picture. Uppsala University, Hugo Valentin Centre, 2–3, June 2014. P. 30-31.

[16] Кибервойна России и Грузии обрушила мировой интернет. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/08/07_a_3233962.shtml (дата обращения 10.05.2016).

[17] Pashentsev E. The Strategic Role of Communication Management Tools in Georgia-Russia Military Conflict. Knowledge production in conflict and intervention: the art of composing the picture. Uppsala University, Hugo Valentin Centre, 2-3, June 2014. P. 30-31.

[18] КиберБеркут полностью уничтожил сетевую и компьютерную инфраструктуру ЦИК Украины. URL: http://rusvesna.su/news/1400830015 (дата обращения 10.05.2016).

масштабному отключению электроэнергии[19].

Однако, если рассмотреть подробнее рассмотреть историю кибернападений, можно заметить, что хакерские кампании сосредотачивались в основном на получение секретной информации. Только последние крупные атаки были направлены на причинение реального ущерба стратегическим объектам Украины. Можно сделать вывод, что кибератаки в ходе событий в Украине используются прежде всего, как средства информационного противоборства. Раскрытие секретных документов в сочетании с информацией о подставных сюжетах в сообщениях средств массовой информации создает постоянные вопросы о достоверности фактов и, как следствие, атмосферу хаоса, напряженности и тотального недоверия. Возможность использования риторики ненависти в условиях относительной анонимности и отсутствия цензуры в Интернете придавала дискуссиям в социальных сетях ожесточенный характер.

Также с целью обличения поддельной информации со стороны СМИ действовали мощные хакерские группировки в ходе «Арабской весны». Интернет-группировка Сирийская электронная армия» уничтожает материалы, дискредитирующие сирийскую власть. Помимо взлома сайтов и аккаунтов в социальных сетях ключевых западных медиа, СЭА также публиковала ложное сообщение о взрыве в Белом доме[20].

Как пример краткого анализа событий Арабской весны можно привести отрывок из программной статьи В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»: «Арабская весна» также ярко продемонстрировала, что мировое общественное мнение в нынешнее время формируется путем самого активного задействования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Можно сказать, что интернет, социальные сети, мобильные телефоны и т.п. превратились – наряду с телевидением – в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики. Это новый фактор, требующий осмысления, в частности для того, чтобы, продвигая и дальше уникальную свободу общения в интернете, уменьшить риск его использования террористами и преступниками»[21].

Природа информационных войн связана непосредственно с развитием технических средств, которые позволили значительно увеличить скорость передачи информации. Дальнейший прогресс в области ИКТ в конечном итоге вывел информационные войны на новый уровень. Относительно небольшая стоимость кибератак расширяет перечень стран, обладающих кибероружием, и это одна из ключевых тенденций в сфере

[19] Расследование кибератаки на Украину: как вирус сломал облэнерго. URL: http://biz.liga.net/all/it/stati/3251987-rassledovanie-kiber-ataki-na-ukrainu-kak-virus-slomal-oblenergo.htm (дата обращения 10.05.2016).

[20] Антиглобалистское движение России 20.03.2014. URL: http://anti-global.ru/analitika/arabskaya-vesna-informatsionnaya-bitva-veka/ (дата обращения 10.05.2016).

[21] Там же.

кибербезопасности[22]. Вопросы в области регулирования киберпространства и применения кибероружия, проблема определения источника кибератак и ускоряющиеся темпы развития технических средств создают удобные условия для нападения. Таким образом, кибератаки стали эффективными средствами информационно-психологического воздействия и реальным оружием в ходе военных операций.

[22] Гонка кибервооружений набирает обороты. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/10/13/7817693/cyber_weapons_race.shtml (дата обращения 10.05.2016).

Лев Николаевич КЛЕПАЦКИЙ,
Профессор
Дипломатической академии МИД России

О ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена анализу современных международных отношений. Особое внимание автор уделяет роли и месту государств в современной системе международных отношений. Автор также рассматривает интеграционную практику ЕС, в рамках которой можно наблюдать реализацию национальных интересов государств.

Ключевые слова: государство, международные отношения, актор, национальный интерес, интеграция, миграция.

KLEPATSKY Lev Nikolaevich,
Professor
Diplomatic academy MFA of Russia

THE PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: The article analyses the international relations in the modern world. Special attention is paid to the role and place of States in the modern system of international relations. The author also examines the integration practices of the EU, in which it is possible to observe the realization of national interests of States.

Keywords: state, international relations, actor, national interest, integration, migration.

Анализ научных публикаций на тему эволюции международных отношений, особенно под воздействием глобализации, подводит к заключению, что перспективы развития у международных отношений отсутствуют. В 2000-ые годы был выдвинут тезис о том, что международные отношения «растворяются» в мировом рынке: поскольку экономика приобретает глобальный характер, то международные отношения ею поглощаются. Совсем недавно появилось иное, правда, не совсем новое, суждение, которое исходит из того, что историческая роль государства приближалась к исчерпанию, и в дальнейшем её будут исполнять транснациональные корпорации и структуры гражданского общества.

В научной и учебной литературе распространено утверждение, что структура и система современных международных отношений усложняются в связи с появлением в международных процессах новых акторов (их некоторые авторы называют либо участниками, либо субъектами международных отношений, что, конечно же, не одно и то же). Причём понятие «актор» трактуется достаточно широко: это и национальные организации (государства), и международные организации – региональные и универсальные, и транснациональные корпорации, и структуры гражданского общества и др. Из констатации усложнения структуры международных отношений, верно фиксирующей новые реалии, делается странный вывод о ничтожности государства. По сути речь идет об искусственном изменении природы международных отношений в результате глобализации.

Научный аппарат теории международных отношений засорен различного рода категориями без какого-либо рода содержательного сопоставления и их иерархии. Это, в частности, проявляется в уравнивании таких категорий как государство и, например, ТНК или международная организация, некоммерческая организация. Они употребляются как однопорядковые категории, что не просто не точно, но и сказывается на интерпретации международных отношений. Известно, что в англоязычной версии нет понятия «международные», есть категория «нация-государство». И отношения между «нациями-государствами» являются отношениями межгосударственными. Так было на протяжении веков, так есть и сегодня.

Понятие «государство» имеет основополагающее, корневое значение для теории международных отношений, их сути, ибо государство является их единственным субъектом. Международные отношения выступают как следствие внешнеполитической деятельности государства, целей и задач его внешней политики. Система международного права, его нормы и принципы формируются субъектами международных отношений. Межгосударственные объединения и международные организации (правительственные и неправительственные) формируются по воле государства и на основе принципов, включая правовые, определяемых государствами. Ими же определяется статус этих организаций. Последние обладают определенной правосубъектностью, в пределах своего статуса, но она является вторичной по отношению к правосубъектности государства.

Государство обладает этим качеством в силу того, что является носителем и выразителем национального суверенитета. Каждая нация, добивающаяся самоопределения, создает свое государство, т.е. организуется политически, создавая свои структуры власти, призванные осуществлять суверенитет в отношениях с другими государствами. Государство, представляющее интересы нации, общества в отношениях с другими государствами, проходит процедуру признания (имеются, как

известно, различные его виды) со стороны других членов мировой системы, в современных условиях элементом этого признания выступает также членство в Организации Объединенных Наций.

Специфика положения государства в международных отношениях заключается в его двойной роли: в качестве их субъекта и как их актор (участник). Одной из характеристик эволюции современных международных отношений выражается, в частности, в увеличении количества их участников. В принципе их можно определить, как негосударственные, и имеют они различную природу (политическую, экономическую, гуманитарную, правозащитную, экологическую и т.д.). Вряд ли стоит вносить в их число международные организации (региональные и универсальные), поскольку они создаются с согласия и по воле государств и посему у них статус межгосударственный или межправительственный с четко фиксированными целями, задачами и направлениями деятельности. Государства участвуют в их создании и функционировании, отслеживают соответствие их деятельности статусным полномочиям. Для этого государства учреждают при таких организациях свои представительства. Подобное замечание можно отнести и к наднациональным организациям, где государства уступают часть своих суверенных прав в пользу общих органов управления интеграционными процессами.

Вряд ли к негосударственным участникам можно относить и ТНК (транснациональные компании). Как правило, они имеют национальную «прописку», то же самое касается банков и других участников финансово-экономических процессов. Эта проблематика заслуживает отдельного анализа с точки зрения соотношения национального (национальных интересов) и глобализации.

Вопрос соотношения категорий «субъект» и «актор» (участник) имеет кардинальное значение для понимания международных отношений. Они не являются однопорядковыми. Попытки интерпретировать их таковыми вытекают, как представляется, из непонимания или нежелания понимать двойственную роль государства в международных отношениях (как их субъекта и как актора). Но даже и в качестве актора положение государства качественно отличается от положения, скажем, некоммерческих организаций независимо от их типа или ТНК. Это качество вытекает из того факта, что государство представляет в международных отношениях всё общество, как таковое, а не отдельные его сегменты. Некоммерческие организации или другие участники международных процессов представляют лишь секторальные интересы отдельных структур общества. Что касается транснациональных компаний, они вообще не могут быть причислены к категории представительства: их природа обусловлена интересом организации и получения прибыли. Это частный и специфический

интерес, имеющий общественную значимость и потому подлежащий контролю со стороны общества и государства.

Как уже было сказано выше, представительство государством интересов общества в отношениях с другими государствами и международными организациями имеет легитимную основу, вытекающую из признания государства в качестве субъекта межгосударственных отношений, то есть юридически равного с другими субъектами. Когда употребляется понятие «международное сообщество», то означает сообщество субъектов, которые можно сопоставлять по различным категориям (территориальным, политическим, экономическим, военным, демографическим).

Еще один аспект качественных различий субъекта и актора. В научной литературе имеется определение международных отношений как специфических общественных отношений. Но не всегда раскрывается суть этой специфики. Если отношения между субъектами международных отношений устанавливаются напрямую и фиксируются дипломатическими актами, то акторы различного типа проходят процедуры внутригосударственного признания и уже затем осуществляют свои уставные функции с другими участниками международных отношений. Иными словами отношения между акторами международных отношений имеют опосредованный (и первоначально, и в других проявлениях) государством характер. Эта опосредованность и определяет специфику международных отношений. Объемы присутствия ТНК на национальном рынке того или иного государства также определяется и регулируется последним. Видимо, поэтому сторонником «исчерпания» исторической роли государства важным представляется преодолеть «два трудных препятствия: одно материальное, другое – психологическое. Первое – само существование государства со всей присущей ему атрибутикой. Оно так прочно вросло в фундамент цивилизации, что без него последняя кажется немыслимой»[1]. А второй препятствие – «глубоко укоренившееся в общественном сознании выделение «национальных» интересов на фоне всех остальных»[2]. Отнесение национальных интересов к категории психологических заслуживает отдельного разговора. Но преодолеть национальный интерес означает, что надо избавиться от его носителя – нации. Не нужно нации, не нужно государства – и будет новый мировой порядок. Неизвестно какой, но новый!

Нередко в научной литературе увеличение количества акторов (участников) международных процессов рассматривается как проявление глобализации, ее характерных черт. Это заблуждение. Возрастающее число

[1] Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Аспект Пресс. М., 2013. С. 101-102.
[2] Там же.

участников является выражением становления и развития гражданского общества, его структур. Именно они выступают соучастниками, деятельность которых обогащает содержание отношений между государствами, создавая предпосылки для эволюции межгосударственных отношений в международные.

В политической литературе складывается разное видение взаимоотношений государства и гражданского общества: от их противостояния до использования структур гражданского общества в интересах внешней политики. Последнее убедительно демонстрируется, например, некоторыми западными странами. Особенно, богата в этом отношении практика США, которые, не стесняясь, направляют и финансируют деятельность некоммерческих структур не просто в целях распространения в мире своего образа жизни, своих достижений, но и на организацию влияния, *проецирования* «мягкой силы» на структуры гражданского общества других стран и через них на государственные органы власти. Как правило, такие ситуации заканчиваются конфронтациями, государственными переворотами.

Противопоставление государства и гражданского общества имеет и свое теоретическое обоснование. Например, утверждается, что национальное государство «утрачивает прежнюю актуальность», «возникает иная форма человеческого общежития и политического механизма»[3]. Падение авторкичных, авторитарных и прочих режимов организации государственной власти интерпретируется как отрицание самого национального государства, замена его аморфными представителями гражданского общества. Совершенно очевидно, что при подобной интерпретации нация – государство теряет способность быть представленным в международных отношениях. Современная жизнь богата на сей счет событиями. Может быть, в «вышибании» государства из международных процессов заложена какая-то иная мысль и цель, скрываемая от общества?

Государство и гражданское общество представляют собой единство, они – две части одного исторического процесса. Государство не является статичной единицей. Политическая организация, коей является государство, меняется под воздействием внутренних социальных, политических, идейных, экономических факторов, т.е. под воздействием гражданского общества. Грубо говоря, какова зрелость последнего, таково и государство. Понятно, что арсенал форм, методов, инструментов воздействия со стороны структур гражданского общества обогащается, и государство не может не ощущать этого. Но государство и гражданское общество – не антиподы. Они объективно обречены на взаимодействие, ибо только на этой основе

[3] Неклесса А. Генетика гражданского общества // Независимая газета. 2012. 6 апр. С. 5.

обеспечивается единство нации, ее сплоченность в достижении целей своего развития и представительства своих интересов в международных отношениях.

Государство как каждое явление исторично. С этих позиций нужно исследовать функции, положение государства в современной системе международных отношений. К сожалению, в политической теории чаще всего встречается утверждение об его «никчемности», утрате им суверенитета и других признаков. Создается впечатление об антигосударственном «заговоре». Самое любопытное в этих утверждениях, что их носителями выступают представители англосаксонских государств, которые в своей внешнеполитической практике не отказываются ни от суверенитета, ни иных функций государства. Напротив, они экстраполируют их за свои пределы. Следовательно, речь идет о сознательном принижении роли государства в современном мире с определенными целями своей внешней политики. Печально, что и многие российские исследователи повторяют такого рода утверждения.

В межгосударственных отношениях важен, прежде всего, суверенитет государства, не имея его, последнее не может быть субъектом этих отношений. Как и другие признаки государства, суверенитет эволюционирует исторически. От абсолютного до современного, имеющего характер полноценного или ограниченного, или реализующегося в коллективных (интеграционных, союзнических и пр.) формах. При этом сам суверенитет государства не исчезает, но он реализуется иными методами и в иных формах. Их выбор зависит от того, в какой степени они удовлетворяют национальным интересам (политические, экономические, социальные, культурные и т.д.) того или иного общества. С этой точки зрения значительный научный интерес представляет интеграционная практика ЕЭС/ЕС, в рамках которой можно наблюдать различные формы и комбинации реализации национальных интересов участвующих в интеграционных процессах государств, различных по своему опыту исторического развития, территориальным размерам, численности населения, экономического и иного потенциала. Это и практика согласования этих интересов, и практика наднациональных форм, и практика доминирования интересов одного или группы государств над другими. Практически можно наблюдать их комбинацию. Но нет отказа от национальных интересов. Напротив, нельзя не видеть всплески обострения межнациональных интересов, дестабилизирующих политическую стабильность интеграционного объединения и заставляющая его участников искать такой баланс интересов, который бы удовлетворял национальные потребности государств – членов данной интеграции. Ни одно из них не отказывается при этом ни от своего суверенитета (но властные функции

последнего подвергаются в условиях интеграции, но не глобализации, определенной модификации), ни от национальных интересов.

Новой политической проблемой международных отношений, требующей и научного осмысления, стала интенсификация миграционных процессов. Она многоаспектна. Но в данном случае хотелось бы отметить тот из них, который касается идентичности общества, соотношения коренной его нации и представителей других этнический образований. Удельное увеличение последних в структуре того или иного общества подталкивает к заключению об очередной угрозе национальной идентичности. Скорее речь идет о необходимости нахождения таких форм мирного сосуществования различных национально-этнических, конфессиональных представительств, которые при сохранении интересов коренной нации, образующей государство, иметь шлюзы для удовлетворения потребностей находящихся на его территории иных этнических групп. В этом контексте нуждается в модификации принцип невмешательства одного государства в дела другого.

Человечество проходит в своей эволюции различные стадии развития, постепенно усложняясь в организационном своем устройстве или, иначе говоря, нащупывает адекватные этим стадиям структуры взаимодействия составных своих частей – наций – государств. Интерпретация нынешней фазы развития представляется несколько упрощенной, задаёт слишком прямолинейную логику анализа международных процессов и лишает перспектив международные отношения.

Елена Михайловна КНЯЗЕВА,
Магистр
Дипломатической академии МИД России

ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЕРРОРИСТАМИ

Аннотация: В статье рассматриваются два основных фактора разрушения и уничтожения культурного наследия террористами – экономический (незаконная торговля культурными ценностями как источник финансирования) и идеологический (экспансия своей религии и информационно-психологическое противоборство). Разрушение объектов культурного наследия террористами анализируется как серьезная угроза культурной безопасности. Делается вывод о необходимости активных мер и консолидации усилий всего международного сообщества в деле защиты мирового культурного наследия в ходе вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: мировое культурное наследие, ЮНЕСКО, военное преступление против человечества, культурная безопасность, терроризм, военный конфликт.

KNYAZEVA Elena,
Postgraduate student
Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

THE FACTORS OF CULTURAL OBJECTS DESTRUCTION CAUSED BY TERRORISTS

Abstracts: Two main factors that motivate terrorists to destruct and ruin objects of cultural heritage at the besieged arias are considered in this article. The first factor is economic (illicit trade of cultural property as a source of funding). The second factor is ideological (expansion of their religion and world view as well as the method of psychological warfare). The author analyses the destruction of cultural heritage by terrorists as a serious threat to cultural security, and concludes that effective measures and consolidation of all international community efforts in protection of world cultural heritage during war conflicts are urgently needed nowadays.

Keywords: World cultural heritage, UNESCO, war crime against humanity, cultural security, terrorism, war conflict.

Количество разрушенных памятников мировой культуры в ходе вооруженных конфликтов в Ираке, Ливии, Египте, Йемене, Сирии и других странах за первые полтора десятилетия XXI века огромно. По данным «Глобального индекса терроризма за 2015 год», боевиками ИГИЛ незаконно продано, разрушено или полностью уничтожено около 900 объектов культурного наследия[1]. Только в Мосуле – одном из древнейших городов Ирака – боевики ИГИЛ с июня 2014 по февраль 2015 гг. уничтожили около 28 религиозных зданий. Количество разрушений резко увеличивается, гибнут и памятники из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. Сильно пострадала древняя Пальмира – жемчужина и колыбель древней цивилизации. Она утратила около 20% своих исторических памятников. Многие – безвозвратно. Так, не вернуть уже всемирно известные символы древней Пальмиры – античную Триумфальную арку и величественную фигуру Льва Аллата.

Что движет террористами при совершении этих преступлений? В «Санкт-Петербургской декларации о защите культуры в зонах вооруженных конфликтов» такого рода преступления рассматриваются как «военные преступления». Генеральный секретарь ЮНЕСКО Ирина Бокова оценивает их как «преступления против человечества»[2]. В разрушении культурных памятников боевиками можно выделить 2 основных мотивационных (причинных) фактора. Один из них – экономический (незаконная продажа культурных ценностей как источник финансирования), а другой – идеологический (экспансия своей идеологии, информационно-психологическое противоборство).

Экономический фактор – мощная движущая сила террористов, поскольку ИГИЛ представляет собой качественно новый тип организации (квазигосударство), для которой вопрос финансирования является ключевым в силу того, что именно он определяет масштаб их активности[3]. Расходы ИГИЛ на осуществлении террористической деятельности огромны. С целью обеспечения необходимого бюджета они диверсифицируют источники финансирования. В отличие от Аль-Каиды, которая существует только за счет внешних источников (донорских средств), ИГИЛ имеет как внешние, так и внутренние источники финансирования. К последним относится прибыль, получаемая от незаконного оборота культурных ценностей (продажи исторических ценностей и антиквариата). Доход ИГИЛ от незаконного оборота культурных ценностей составляет около 200 млн

[1] См.: Global Terrorism Index 2015 (С.78): http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (Online доступ на 22.10.2016).

[2] Exclusive interview: Bokova: Heritage destruction 'crime against humanity'. Online доступ (на 22.10.2016): http://english.cntv.cn/2015/09/27/VIDE1443345359459948.shtml

[3] ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / Коллектив авт. под ред. А.В. Глазовой. Рос.ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015. С. 54.

долл. в год, занимая 2 место после доходов, получаемых от продажи нефти[4]. Согласно данным, приведенным в «Глобальном индексе терроризма за 2015 год»[5] доход террористов от незаконной продажи культурных ценностей в 2014 г. увеличился в 4 раза по сравнению с 2010 г.

Доходы поступают как от непосредственной продажи антиквариата, так и от налогов, которые платят продавцы антиквариата на подконтрольных ИГИЛ территориях. В 2016 г. было опубликовано видео[6], где приводятся документы, свидетельствующие, что в Министерстве природных ресурсов ИГИЛ наряду с Департаментом нефти имеется отдельный департамент – Департамент артефактов, что подтверждает значимость этого источника дохода для террористов.

Факт того, что разграбление предметов культурного наследия является статьей доходов террористов, отмечен в Резолюции Совета Безопасности ООН № 2199 от 12 февраля 2015 г. (ст. 16), где, в частности, говорится следующее: «*ИГИЛ, ФАН и другие лица, группы, предприятия и организации, связанные с «Аль-Каидой», прямо или косвенно участвуя в разграблении предметов культурного наследия и их незаконном вывозе из мест археологических раскопок, музеев, библиотек, архивов и из других объектов в Ираке и Сирии, получают доход, за счет которого финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты*»[7].

По заявлению американского национального географического общества, под контроль террористов только в Сирии попали около 4500 археологических памятников, среди которых есть и те, что включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В Ираке более трети культурно-исторических объектов находятся под контролем ИГИЛ. Похищенные артефакты в основном вывозятся контрабандой в Европу через Турцию, Иран и Сирию. ИГИЛ плотно сотрудничает с мафиозными группировками и сетевыми организациями, которые формируют для боевиков специальные заказы на конкретные предметы древности, добываемые на захваченных территориях с последующей поставкой их на рынки сбыта.

Разграбление и контрабандный вывоз исторических культурных артефактов осуществляется террористами систематически и организованно. Они принимают активное участие в раскопках, используют высокую безработицу среди молодежи ИГИЛ для ведения земляных работ, а также

[4] Singer G.G. ISIS's War on Cultural Heritage and Memory. P. 5. Online доступ на 21.10.2016: http://ukblueshield.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Singer-Isis_Against_World_Heritage.pdf

[5] См. Global Terrorism Index 2015 (C.78): http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (Online доступ на 22.10.2016).

[6] La «Route de la soie» de Daesh: quand un document révèle un trafic d'antiquités via la Turquie (видео). Online доступ на 21.10.2016: https://www.youtube.com/watch?v=6I3OixUSvB8

[7] Резолюция Совета Безопасности ООН 2199, принятая 12 февраля 2015 г.: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1504031_RU.pdf Online доступ (на 21.10.2016)

специальных подрядчиков с бульдозерами. По имеющимся сведениям[8], в раскопках античного города Дура-Европос участвовало около 300 человек.

Другим фактором разрушения террористами объектов культурного наследия, в частности, тех, что связаны с местами отправления религиозного культа, является **идеологический фактор** (уничтожение чуждых для исламистов религиозных культовых сооружений). В ст. 15 резолюции 2199 прямо сказано, что Совет Безопасности ООН «*осуждает разрушение, в особенности ИГИЛ и ФАН, культурного наследия в Ираке и Сирии в результате как случайных, так и преднамеренных действий, включая целенаправленное уничтожение мест отправления религиозных обрядов и культовых предметов*»[9].

По своей сути это напоминает иконоборчество – религиозно-политическое движение, имевшее место в Византии в VIII – начале IX вв., направленное против почитания икон и святынь, когда священные изображения считались идолами, а культ почитания икон – идолопоклонством. Аналогично этому боевики ИГИЛ массово уничтожают объекты религиозного поклонения (иконы, церкви, святые места и др.). Иконоклазм является активным инструментом террористов, с помощью которого они стремятся реализовывать как религиозные (насаждение своей идеологии), так и политические (создание исламского государства) цели одновременно.

Для этого проводится жестокая «культурная (за)чистка» (cultural cleansing) захваченных территорий – «зачистка» от истории, от культурных и исторических памятников, от объектов религиозного поклонения. Явление это не новое. В качестве инструмента это использовалось исламистами еще в начале XX в. и ранее. Печально наблюдать как все теми же методами, но уже в современной нам реальности осуществляются не менее (а может быть, даже и более) жестокие факты уничтожения с целью информационно-психологического воздействия, устрашения и насаждения идеологии. Так, был разрушен мавзолей Меддины в Саудовской Аравии и многие другие памятники религиозной значимости.

Разрушение террористами объектов культурного наследия можно рассматривать как акт информационно-психологического противостояния (ИПП), одна из стратегических целей которого – стирание информации – культурного слоя и культурной памяти народа – самого глубинного уровня общественного сознания[10]. Это подрывание корней, без которых народ утрачивает свои «духовные скрепы», что со временем неизбежно ведет к ослаблению государства изнутри. Некоторые исследователи[11] среди

---

[8] ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / коллектив авт. под ред. А.В. Глазовой. Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015. С. 74.

[9] Резолюция Совета Безопасности ООН 2199, принятая 12 февраля 2015 г.: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1504031_RU.pdf Online доступ (на 21.10.2016).

[10] Безопасность и противоборство в информационной сфере: аспекты национальной безопасности. Учебное пособие / Под общ. ред. Проф. В.И.Анненкова. М.: РАСАВИЯ, 2010. С. 83.

[11] Базаркина Д.Ю., Джорич М., Пашенцев Е.Н., Семеунович Д. Коммуникация и терроризм. М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2015. С. 3.

факторов, способствующих распространению экстремистских и террористических идеологий, справедливо отмечают разрушение культурной самобытности. Ничто так сильно не подрывает основу культурной самобытности народов, стирая историческую память народа, как разрушение объектов культурного наследия. Подобного рода действия являются целенаправленными операциями. При этом культура выступает стратегической информационной мишенью террористов, а уничтожение памятников – актом информационно-психологического противоборства, если понимать под этим комплекс целенаправленных действий по обеспечению информационно-психологического воздействия на сознание отдельных людей и в целом на население противной стороны для достижения политических и экономических целей.

Стоит отметить, что в XXI в. цели психологического воздействия на противника у радикальных исламистов и террористов во многом схожи с теми, что практиковались и более двух десятков веков назад. Еще древнекитайский государственный и военный деятель Сунь-Цзы в VI в. до н.э. сформулировал такие постулаты ИПП как, например, «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника», «Мешайте всеми силами работе правительства», «Делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать веру в своих богов» и др.[12] Как показывают факты современной действительности, многие из постулатов древности активно реализуются и в наше время с небывалой жестокостью и бесчеловечностью. Разрушение объектов культурного наследия сопровождается демонстрацией насилия и агрессии, где главным объектом психологического воздействия становится массовое сознание людей, национальное самосознание.

Уничтожение культурных памятников часто сопровождается публичными актами жестокости. Это еще раз доказывает, что подобные действия являются актами ИПП, т.к. именно «демонстративное действие» является одной из составляющих информационного противоборства и относится к наступательным операциям[13]. В качестве примера можно привести публичный акт жестокости, совершенный боевиками ИГИЛ в середине 2015 г. На площади перед музеем древней Пальмиры в Сирии был прилюдно жестоко казнен 82-летний Халед аль-Асаад – крупнейший ученый, профессор археологии, всю свою жизнь посвятивший исследованию Пальмиры и являвшийся директором этого архитектурно-исторического комплекса. Боевики обвинили его в лояльности к режиму президента Сирии, поддержании контактов с правительственной разведкой, а также контактах с «неверными» и

[12] Конкард Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М. Изд-во Академии наук, 1950.

[13] Вепринцев В.Б., Манойло А.В., Петренко А.И, Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. А.И. Петренко. М.:Горячая линия – Телеком, 2005. С. 70.

работе с «идолами Пальмиры». После месяца пыток его казнили за отказ выдать информацию о местонахождении сокровищ Пальмиры, которые ему удалось вывезти из города, когда террористы начали наступление.

Древний амфитеатр Пальмиры после захвата боевиками превратился в место публичных казней и пыток. Главный их посыл – ваши ценности для нас ничто, вашего закона больше нет, наша власть – наши правила. Обязательным условием казней в амфитеатре, куда сгоняли жителей захваченного города, было наличие детей. Главная их цель – не только утвердить авторитет и запугать, но разом сломать психику, посеять зерно жестокости и страх смерти.

Еще один печальный пример «демонстративных действий» террористов – публичная акция сжигания христианской литературы боевиками ИГИЛ в Мосуле в начале 2016 г.: собрав сотни христианских книг, террористы публично подожгли их, устроив огромный костер из подожженных книг. Причем это уже не первая публичная акция боевиков ИГИЛ с книгами. В 2015 г. они разгромили библиотеку Мосула, уничтожив более 100 тыс. книг и рукописей. Подобные «демонстративные действия» – попытка целенаправленного информационно-психологического воздействия на сознание как местного населения, так и всего мирового сообщества.

Предпринимаемые мировым сообществом меры по финансовому обесточиванию ИГИЛ, в частности, принятые в СБ ООН резолюции 2161, 2170, 2178, 2199, затрагивающие такой аспект террористической угрозы как незаконная торговля культурными ценностями, свидетельствует о более чем серьезной обеспокоенности происходящим всего мирового сообщества. Однако одной резолюции СБ ООН 2199, требующей от государств-членов ООН запретить трансграничную торговлю памятниками из Ирака и Сирии, недостаточно. Важно принять меры, направленные на повышение осведомленности участников частного сектора о разграбленных иракских и сирийских памятников и о тех маршрутах, которые используются для их транспортировки с целью незаконной продажи[14]. Существует также мнение, что необходимо рекомендовать дилерам, работающим с историческими ценностями, направлять отчеты о подозрительных действиях, сфальсифицированных документах или о ставших известными фактах оборота краденого[15].

[14] Международное музейное сообщество предпринимает меры для информирования общественности об объектах культурного наследия, находящихся под угрозой. Международный Совет Музеев (ИКОМ) издает специальные выпуски «Красный список объектов культурного наследия под угрозой». На 2016 год изданы «Красные списки» по следующим странам: Афганистан, Африка, Камбоджа, Центральная Америка и Мексика, Китай, Колумбия, Доминиканская Республика, Египет, Гаити, Латинская Америка, Ливия, Перу, Сирия, Ирак. См.: Red Lists Database: http://icom.museum/resources/red-lists-database/ Online доступ на 22.10.2016.

[15] ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / Коллектив авт.; под ред. А.В. Глазовой. Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015. С. 185.

Все это меры, направленные на устранение экономического фактора, движущего террористами в разрушении культурного наследия. Однако важно своевременно предпринимать меры по противодействию и второму фактору – идеологическому, не допуская проникновения в «святая святых» – к глубинным слоям сознания народов, осуществляемое через уничтожение памятников истории и культуры, операции «культурной (за)чистки», демонстрации жестокостей, иконоборчества и т.п. Это более сложная задача, требующая неотложного решения. А.С. Дзасохов справедливо отмечает, что «разрушение памятников культурного наследия следовало бы приравнять к использованию оружия массового уничтожения и преследовать виновных в этих преступлениях как военных преступников. Уничтожая объекты культурного наследия, разрушая памятники истории, они посягают на коллективную память человечества, не на словах, а на деле втаптывают в грязь ценности культуры и гуманизма»[16].

Важный шаг в направлении прекращения безнаказанности террористов за уничтожение культурного наследия был сделан в сентябре 2016 г. Международный уголовный суд ООН вынес приговор по делу о преднамеренном уничтожении в 2012 г. девяти гробниц и секретных ворот мечети Сиди Яхья на территории Тимбукту (Мали) (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО). Впервые в уголовной практике был вынесен приговор за совершение военного преступления за преднамеренное уничтожение культурного наследия. Это было первым делом подобного рода в рамках Римского статута. Данное решение Международного уголовного суда ООН стало историческим, ознаменовав новый этап в укреплении международного правосудия по защите культурного наследия.

В современном мире защита культурного наследия становится все более серьезной проблемой безопасности, требующей комплексного подхода и выработки всеобъемлющих мер как на национальном, так и международном уровнях. Такие меры должны охватывать все этапы возможного возникновения угроз – до, во время и после конфликта. Активизация усилий международного сообщества в этом направлении видна, что, в частности, отражено в «Стратегии укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта», принятой на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 30 октября 2015 г.[17] Данный документ может способствовать консолидации усилий международного сообщества в деле противостояния угрозам,

[16] Дзасохов А.С. Остановить преступления против культурного наследия человечества! https://interaffairs.ru/jauthor/material/977 Online доступ на 22.10.2016.

[17] См. электронную версию документа «Укрепление деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта» (2015): http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002351/235186r.pdf

которым все чаще подвергается культурное наследие во время вооруженных конфликтов.

Литература:

Базаркина Д.Ю., Джорич М., Пашенцев Е.Н., Семеунович Д. Коммуникация и терроризм. М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2015.

Безопасность и противоборство в информационной сфере: аспекты национальной безопасности. Учебное пособие / Под общ. ред. профессора В.И.Анненкова. М.: РАСАВИЯ, 2010.

Дзасохов А.С. Остановить преступления против культурного наследия человечества! https://interaffairs.ru/jauthor/material/977 (Online доступ на 22.10.2016).

ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / Коллектив авт.; под ред. А.В. Глазовой; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015.

Конкард Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Изд-во Академии наук, 1950.

Вепринцев В.Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. А.И.Петренко. М.: Горячая линия – Телеком, 2005.

Резолюция Совета Безопасности ООН 2199, принятая 12 февраля 2015 г. http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1504031_RU.pdf (Online доступ на 21.10.2016).

Укрепление деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта (2015). http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002351/235186r.pdf

Exclusive interview: Bokova: Heritage destruction 'crime against humanity. Online доступ (на 22.10.2016): http://english.cntv.cn/2015/09/27/VIDE1443345359459948.shtml

Global Terrorism Index 2015 (C.78): http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf (Online доступ на 22.10.2016).

La «Route de la soie» de Daesh: quand un document révèle un trafic d'antiquités via la Turquie (видео). Online доступ (на 21.10.2016). https://www.youtube.com/watch?v=6I3OixUSvB8

Red Lists Database: http://icom.museum/resources/red-lists-database/ (Online доступ на 22.10.2016).

Singer G.G. ISIS's War on Cultural Heritage and Memory. P.5. (Online доступ на 21.10.2016). http://ukblueshield.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Singer-Isis_Against_World_Heritage.pdf

Марина Алексеевна КУКАРЦЕВА,
Профессор Дипломатической Академии МИД России

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: В статье анализируются основные проблемы современной мировой политики. Особое внимание автор уделяет анализу таких вызовов как международный терроризм, демографические и экологические проблемы.

Ключевые слова: мировая политика, демография, вызовы, безопасность, жёсткая сила, экология.

KUKARTSEVA Marina Alekseevna,
Professor of Diplomatic Academy MFA of Russia

PROBLEMS AND CHALLENGES OF MODERN WORLD POLITICS

Abstract: The article analyzes the main problems of contemporary world politics. Special attention is paid to the analysis of such challenges as international terrorism, demographic and environmental problems.

Keywords: world politics, demography, challenges, security, hard power, ecology.

В мировой политике XXI в., делающей акцент на новизну, актуальность, ситуативность и перспективизм в анализе внешней и внутренней политики государств, в выявлении особенностей и векторов развития всего мирового сообщества, происходят важные, интересные, нередко парадоксальные события и изменения. Они суммируются в ключевых вызовах и тенденциях мировой политики XXI в. – вызовах государству, безопасности и мировой экономике. Содержание и параметры этих вызовов в последнее десятилетие и особенно в его три последних года приобрели совершенно новый смысл и характер. От расшифровки этого смысла, тщательного рассмотрения всех его деталей и нюансов, ювелирного выявления всех характеристик его параметров, зависит не только прогноз будущих путей развития самой мировой политики, но и без всяких преувеличений, будущее самого человечества.

Вызовы государству

Современная политическая система мира, Вестфальская система, является государствоцентрированной моделью мира. Она построена так, что в ней основными акторами являются государства. Но в конце XX-XXI вв. появляются новые акторы мировой политики, которые в ряде случаев в

гораздо большей мере, чем акторы традиционные, изменяют поведение государств. К этим новым акторам относятся этнические группы и диаспоры, мигранты, безгосударственные нации, диаспоральные этносы, сетевые акторы. Особую важность представляют сетевые акторы мировой политики, потому что они с располагаются как бы поверх территориальных границ или, во всяком случае, пересекают их с особенной легкостью.

Один из наиболее широких и оптимальных вариантов классификации сетевых акторов МП дает М. Слотер[1]:

- глобальные (global) – террористические организации, теневые финансовые структуры и организованная преступность;
- официальные правительственные сети (networks of government officials), Интерпол, международные финансовые институты и многочисленные международные правовые организации;
- горизонтальные возникли в результате взаимодействия государственных институтов или неправительственных организаций различных стран, сеть негосударственных акторов. Они спонтанны, гибки и имеют преимущественно информационный характер;
- вертикальные – «супернациональные» организации, существующие на транснациональном уровне и выступающие фактической альтернативой традиционным государствам, состоят из государств и создающихся самими государствами. Иерархичны, жестки, централизованы и в некоторых аспектах своей деятельности напоминают традиционные государства;
- легальные – международные рейтинговые агентства , «мозговые центры» – важный компонент глобального политического регулирования, СМИ, бизнес-структуры;
- нелегальные – имеют широкие возможности и перспективы целевого воздействия на мировую политику, например, международные хакерские объединении, такие как «Анонимусы».

Формы и методы взаимодействия новых акторов мировой политики в мировой науке о международных отношениях изучены крайне неравномерно. Политологи часто ограничиваются описанием отдельных случаев в узких временных рамках. Назрела необходимость в концептуальном осмыслении системы взаимодействий акторов мировой политики. Однако на прикладном уровне исследований достигнуты интересные результаты. В целом ряде работ выявлены взаимосвязи политического поведения акторов с экономическими, социальными, этническими, политико-культурными и иными параметрами региональных и национальных политических сообществ. Определены сущность и

[1] Сети и государства в мировой политике. Anne-Marie Slaughter. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.// http://www.intertrends.ru/seventh/013.htm (дата обращения 12. 06. 2016).

функции ряда сетевых акторов, апробирован ряд методик анализа ресурсов и стратегий основных акторов мировой политики. Выявлено, в частности, что они способствуют расшатыванию государства, а требование безудержной глобализация на основе слабоконтролируемой политической, экономической, социальной, культурной интеграция заставляют граждан искать ему альтернативу.

Этому способствует неолиберальный проект транснационализации, под влиянием которой в сознании современного человека стала происходить редукция представлений о перспективе мирового развития, его смысле и последствиях – как ожидаемых и желанных, так и нежеланных и неожидаемых. Транснационализм как преодоление национализма и этноцентризма интенсифицирует межэтнические контакты, как на уровне непосредственного взаимодействия (трудовая миграция, студенческие обмены, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации. Но повторяющиеся контакты не размывают этническую и национальную идентичность, а актуализируют ее, так как только через сравнение можно наиболее четко «уловить» и установить свою принадлежность к группе. Складывающиеся обстоятельства рождают дискурс национализма и этноцентризма.

На уровне принятия решений идея транснационализма с его требованием сопротивления государству и разрушением привычных границ мышления, проблематизирует понятие суверенитета.

Вестфалия – политическая организация, основанная на том, что внешние факторы не могут воздействовать на внутреннюю политику суверенных государств. Государственный суверенитет – системообразующий принцип мирового порядка. Он дает формально-юридическую основу государству существовать на мировой арене. Однако сегодня США проводят политику ограниченного суверенитета, возникают наднациональные структуры, растет число непризнанных государств, миграция разрушает идентичность.

Кроме того, принцип безусловного суверенитета приводит к массовым нарушениям прав человека. Формируется убеждение в том, что Вестфальская система не может противостоять праву сильного. В результате в политической практике возникают такие феномены, как «гуманитарная интервенция и обязанность защищать», а в политическом дискурсе появляются новые термины: «фрагментарное государство» («disaggregated state»), «фрагментарный суверенитет» («disaggregated sovereignty»), «фрагментарная юрисдикция» («disaggregated judges») и даже «фрагментарный миропорядок» («disaggregated world order»).

В итоге в последнее десятилетие незаметно сформировался феномен сосуществования множества постоянно конкурирующих друг с другом

политических подсистем, из которых лишь одна по-прежнему представлена государствами, а все другие – типологически иными акторами.

Вызовы безопасности

Двадцать первый век – переломное время в мировой политике, время неопределенностей, рисков и неясных возможностей. Две большие группы государств ищут способ установить баланс сил и сформировать новую структуру мира. Этот процесс сопровождается созданием новых центров силы, в конечном итоге – переделом силы в мировой политике. В ходе этого передела формируются новые вызовы безопасности, ключевыми из которых являются:

- *тенденция обратного возрастания роли военной, жесткой, силы как регулятора отношений в мировой политике;*
- *международный терроризм;*
- *демографическая проблема;*
- *экологические опасности*.

Рассмотрим их подробнее.

Жесткая сила

Постепенно становится основным средством решения мировых проблем. Сегодня трудно отделять друг от друга военную и гуманитарную деятельность. Например, в Сирии защита зон безопасности и коридоров для доставки грузов требует контроля воздушного пространства, поэтому обеспечение гуманитарной безопасности возможно только через военные действия, которые становятся инструментом политической жизни до тех пор, пока не дано иного. Обилие игроков, усиление роли внесистемных сетевых акторов (террористических организаций, прежде всего), нелинейность мировых процессов снижают эффективность противодействия мирового сообщества росту значения жесткой силы и открывают дорогу новым вызовам безопасности. Это особенно важно потому, прямо затрагивает ключевую тему – поддержание стратегического мирового баланса сил.

В жесткой силе сегодня сформированы четыре метода ведения военных действий, в конечном итоге ведущие к «войне без правил»: кибервойна (заражение и выведение из строя компьютерных сетей); война в космическом пространстве, (уничтожение спутников противника); радиоэлектронная война; информационная война; специальные операции по типу партизанской войны, (герильи), ведущиеся парамилитарными частями, такими, как ополчение, например; экономические (финансовые) войны. Однако в случае возникновения серьезного кризиса крупнейшие державы мира, прежде всего, готовы сражаться в киберпространстве, на полях информационной войны, в космосе.

М*еждународный терроризм*

Унифицированного определения международного терроризма нет, так как терргруппы отличны друг от друга, у них разные причины и цели создания. Ясно, тем не менее, что международный терроризм есть «устрашенное существование», когда с живущем в страхе человеком можно делать все, что угодно, ведь его неизбежно ждет лишение самообладания, потеря мужества и распад личности.

Терроризмом считают: намеренно совершенные преступления против государства, международных организаций: убийство, грабеж, похищение, взятие в заложники, производство, владение и употребление оружия, а также и угроза террористического акта или политически мотивированного преступления. Можно выделить ряд ключевых характеристик современного международного терроризма: максимальное оповещение о свершенных преступлениях, при этом информация должна быть не просто широкая, но и одинаковая для всех; отсутствие вменяемой цели, жестокость ради жесткости; абсолютизация уничтожения (демоцид), возведение его в культ; ассиметричная война между суверенным государством и частным лицом, группой.

Международный терроризм имеет несколько форм, часто пересекающихся между собой.

Националистический: борьба этнического меньшинства за автономию или за основание собственного государства со ссылкой " особые на исторические черты». Сила используется для того, чтобы обратить внимание других членов национальной или этнической группы на несправедливость, которая якобы навязывается господствующим правительством и мобилизовать всех для общей борьбы против существующих отношений.

Государственный терроризм. Во внутренней политике означает подавление оппозиции, во внешней – агрессивное поведение против другого государства. Действие государств подлежат так или иначе оценке гуманитарного международного права, они обязаны следовать системе прав человека и уважать ее. Международное право ясно запрещает применение государством оружия умышленно против гражданских лиц. Однако ряд государств, выступающих за "борьбу против терроризма", давно используют противоправную силу как средство достижения собственных политических интересов.

Религиозный терроризм, в котором обоснование террористических акций является религия. Религиозно мотивированная сила представляет самоцель: святой долг рассматривается в качестве божественного требования или в качестве священного приказа. В большинстве случаев эта форма терроризма развивается в областях с плохими экономическими отношениями и социальными проблемами, а также в религиозных традиционных обществах. В XXI в. фокусом религиозного терроризма стал радикальный исламизм, хотя свой отчет он начинает с 1980-х годов, когда

радикально-исламистские организации, такие как палестинско-суннитско-исламистский Хамас, ливанский Хезболлах и сетевая Аль-Кайда, заявили о себе громкими терактами. В ходе интенсификации различных интеграционных процессов, вызванных в том числе и глобализацией, существование террористические организаций не ограничивается больше борьбой с государством. Их цель – борьба с демократией, секуляризацией, модернизацией и капитализмом, создание теократического и докапиталистического общества и даже своего государства, как, например, ДАИШ. Это не означает, разумеется, что каждый мусульманин находит джихад оправданным. Хотя население большинства арабских и ближневосточных государств отличается антиамериканскими настроениями многие не одобряют терроризм. Несмотря на идеологические сходства, исламистские организации отличаются в их отношении к силе. Крайние позиции занимают организации, признающие свою ответственность за открытые убийства западных граждан по всему миру – ДАИШ, например[2]. Есть исламистские организации, которые хотят изменить политический строй только в своих странах насильственно, в ходе террористических актов или партизанской войны. Их члены пребывают в другие страны под видом политических беженцев и оттуда поддерживают свою организацию логистически и пропагандистски. Они образуют вместе с тем латентную опасность для учреждений и интересов и граждан страны пребывания / происхождения. Третью категорию образуют организации, которые осуществляют свои действия при использовании относящегося к правовому государству инструментария. В общественной жизни своей страны они хотят получить как можно больше места для легальной организованной исламистской деятельности и способствовать таким образом дезинтеграции секулярного государства.

Суицидальный терроризм как умышленное самоубийство с целью убивать других политических или идеологических целях. Теракты террориста-самоубийцы расцениваются террористическими группами не как самоубийство, а как смерть мученика. По убеждением членов такого рода организаций семьи самоубийц гордятся тем, что член семьи жертвует

[2] ДАИШ – арабское название «Исламское государство» («ИГ», ранее известное как «Исламское государство Ирака и Леванта» – ИГИЛ) было провозглашено 29 июня 2014 г. и практически вытеснило на обочину «Аль-Каиду» и другие радикально-исламистские организации мира. С этого момента ДАИШ стал главным врагом мирового сообщества. В борьбе с ним принимает участие «коалиция кающихся» государств во главе с США, причем основные ее участники как раз и были главными спонсорами террористического мутанта – ДАИШ. С сентября 2015 г. против ИГ борется и Россия. «Терпеть складывающееся в мире положение уже невозможно», ─ сказал президент РОФ В.В. Путин // 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Официальный сайт президента РФ В.В. Путина. 28 сентября 2015 г. http://kremlin.ru/events/president/news/50385 Самолеты российских Воздушно-космических сил приступили к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по наземным целям террористов группировки ИГИЛ на территории Сирийской Арабской Республики».

жизнью ради борьбы и становится "бескорыстным мучеником»[3]. Он умирают не просто для вознаграждения в потустороннем мире, как многие исламистские самоубийцы, а для достижения благородной цели, достижения независимости своей страны, например, построения нового государства.

С международным терроризмом, как глобальной проблемой современности, сложно бороться потому, что он тесно связан с международными криминальными структурами, требует скоординированных усилий всего мирового сообщества, что показывает борьба с ДАИШ в Сирии. Очевидно, что если подход ряда государств, США, в частности, игнорирующий международные правовые нормы, будет применяться и дальше, то опасность непредсказуемых событий будет возрастать, и их последствия ощутит мир.

Сложная демографическая реальность

Самые общие и главные тенденции в глобальной демографии определяются демографическим переходом- соотношением между снижением рождаемости и снижением смертности. Если этот переход вовремя не фиксирован государством, происходит демографический взрыв: смертность снижается, рождаемость остается высокой, население начинает быстро расти. «За вторую половину XX в. произошел демографический взрыв, когда население мира за 50-60 лет увеличилось примерно на 5-6 млрд. человек. Это колоссальный рост, которого никогда не было, и главное скорость роста такая, которой никогда раньше не было. Этот глобальный демографический взрыв не может не привести к миграционному взрыву»[4]. Безусловно, миграция имеет разные причины, однако ключевой проблемой мировой политики XXI в. становится миграция, порожденная нарушением демографического перехода, плюс «подкрепленная» климатической, экологической миграцией, и вынужденной миграцией в связи с ходом боевых действий в определенной точке мира.

Экологические проблемы

Потеря примата политики по отношению к экономике – это решающая причина глобального экологического разрушения. Концепция устойчивого развития, предполагающая развитие планеты без разрушений, или «экоразвитие» находится в приоритете современной мировой политики. Вместо того, чтобы предоставлять концернам, тем более ТНК, привилегии, государства и их

[3] Самой известной из которых является Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ). В 1991 г. тамильская смертница убила индийского премьер-министра Раджива Ганди. В 2009 г. организация была разгромлена правительством Шри-Ланки, одним из обстоятельств, предопределившим поражение сепаратистов, стала их исключительная жестокость, которая оттолкнула от них значительную часть мирного населения и привела к внутреннему расколу, чем и воспользовались правительственные силы // См об этом, например: А.Храмчихин. Хрестоматийная ошибка партизан // http://rusplt.ru/world/hrestomatiynaya-oshibka-partizan-13697.html (дата обращения 22 09 2016).

[4] Профессор Вишневский: Россию ждет миграционный взрыв.

правительства должны сформулировать для предприятий ясные правила ведения дел и сокращать предоставление им неоправданные привилегии.

Главная причина современных экологических проблем-кризис энвайронментализма, действующей концепцией управления социально-экономическим развитием и окружающей средой. Кризис энвайронментализма, – кризис технологического отношения к окружающему нас миру. Он выражен в централизованном авторитаризме, этатизме, основанном на безусловном подчинение природы человеку. Именно человек и его деятельность являются в большинстве случаев источником уничтожения окружающего его растительного и животного мира, истощения озонового слоя, загрязнения воды и воздуха. Парниковый эффект, опустынивание, приватизация воды, кислотные дожди, глобальное потепление – результаты действий самого человека.

Экологических стандарты и прозрачная информация в экологической сфере является одним из базовых механизмов мировой политики. Один из акторов последней - движение Гринпис. Оно надпартийно, цель его участников – защита окружающей среды. Однако экологические проблемы распространяются экспоненциально и быстро становятся глобальными. Поэтому партии «зеленых», ведущие свою деятельность в большинстве стран мира и в отличие от Гринпис, выдвигающие политические требования по поводу власти, полагают, что мировая политика слишком антропоцентризма и должна быть заменена экоцентризмом. Его главные характеристики: охрана природных ресурсов, общественное движение в защиту окружающей среды общественное движение в защиту животных[5].

На прошедшем в Париже в 2016 г. XXI Всемирном климатическом саммите (COP 21) многие из указанных проблем были тщательно рассмотрены, предложены некоторые решения. Это еще раз подтвердило, что экология – важнейший аспект глобального политического регулирования. В итоговом договоре прописана главная задача мирового сообщества – предотвратить повышение температуры земной поверхности более, чем на 2 градуса к 2100 г. Однако форум оставил открытым главный вопрос – будут ли государства выполнять его решения и кто за это заплатит, понесет финансовые затраты. Есть и принципиальные противники принятых решений, главным образом потому, что отказ от углеводородов практически нереальная задача. Кроме того, в дело опять вмешиваются соображения экономики. Индия, например, которая видит в сохранении своей нынешней модели природопользования залог экономического роста страны. США согласны снизить выбросы парниковых газов в атмосферу на 26%, но только в момент абсолютного загрязнения американскими

[5] Eckersley, R. (1992) Environmentalism and Political Theory: Towards an Ecocentric Approach (London). P. 46. (Дата обращения: 13.12.2013).

производителями окружающей среды. США вообще единственная развитая страна, не подписавшая Киотский протокол.

Это означает, что рассмотренные нами вызовы мировой безопасности тесно связаны с вызовами мировой экономики.

Вызовы мировой экономике

Усугубление проблем между Севером и Югом, лихорадка мировой экономики, особенно в сфере финансов и энергетики. Создание «больших сообществ», трансконтинентальных и трансокеанских, не носящих интеграционного характера. (ТТИП и ТТП). Навязывание новых правил торгово-экономического взаимодействия.

Фактический отказ от универсальных правил мировой торговли. Санкции и контрсанкции как новые регуляторы и сохранение экономической открытости.

Свертывание координации своей монетарной политики крупнейшими экономиками мира и отражение этих тенденций на инвестиционном климате и стабильности мировой экономики.

Большая двадцатка как аналог Совета Безопасности в экономической сфере.

Качественные изменения структуры миграционных потоков по странам «выхода» и их влияние на мировую экономику.

Рисков нестабильности мировых цен на энергоносители и повышения эластичности мировой экономики.

Реформа финансового порядка, в настоящее время обслуживающего интересы США и ЕС. Реформа международных финансовых институтов, как требование более справедливого распределения власти и позиций в международных финансовых организациях.

Очевидно, что обозначенные вызовы мировой политики требуют детального анализа их основных сюжетных поворотов, определяющих в итоге тренды мировой политики XXI в.

Екатерина Олеговна ЛАБЕЦКАЯ,
Ведущий научный сотрудник
Отдела международно-политических проблем
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО)
им. Е.М. Примакова РАН

ТРАНСАРКТИКА. НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЕВРАЗИИ

Аннотация: Рассматривая трансформацию международных отношений в XXI в., нельзя пройти мимо феномена формирования транснациональных пространств. Их исследованию, в том числе транснациональных **политических** пространств, посвящено немало политологических трудов[1]. Автор данного доклада видит свою задачу в анализе формирующегося транснационального пространства арктического макрорегиона. Рассматривает обусловленные этим процессом геополитические вызовы, новые реалии в Евразии, в географическом, материковом ее понимании. А также прослеживает отражение этих реалий в международных стратегиях ведущих государств материка.

Ключевые слова: Арктика, Евразия, геополитика, глобализм, Россия, транснациональное пространство.

LABETSKAYA Katerina O.,
Cand. Sci. (Economics), Leading Researcher, Department of International Politics, National Research Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

THE TRANS-ARCTIC. NEW GEOPOLITICAL REALITIES OF EURASIA

Abstract: The study of the transformation of international relations in the XXI century involves the study of such modern phenomena as transnational political space. It is the subject of many political works, including the developed in IMEMO. The author of this report tried to analyze the emerging transnational space of the Arctic macro-region (Trans-Arctic) and its influence upon Eurasia

[1] Подробнее см.: *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3-13; *Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 6. С. 68-80; *Стрежнева М.В.* Транснациональные политические пространства: явление и практика. М.: Весь Мир, 2011. 376 с.; *Лабецкая Е.О.* Трансарктика в контексте российских приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 106-114.

(in geographical sense of the word). The author also tried to study modern geopolitical challenges, new realities in Eurasia and, finally, trace the reflection of these realities in the international strategies of leading States of the continent.

Keywords: Arctic, Eurasia, geopolitics, globalism, Russia, transnational space.

ТРАНСАРКТИКА

Наименование «Трансарктика» (Trans-Arctic) избрано автором для исследуемого в арктическом макрорегионе транснационального пространства по аналогии с устоявшимися в политологическом дискурсе понятиями Trans-Atlantic и Trans-Pacific. Транснациональное политическое пространство Арктики (в дальнейшем – Трансарктика) – это отнюдь не совокупность национальных территорий «приарктических государств». Это виртуальное пространство, формирующееся в реалиях арктического трансграничного взаимодействия акторов разных уровней, осуществляемого через формальные/неформальные механизмы. Принимая политическое пространство как концепт изучения еще недостаточно упорядоченного транснационального арктического макрорегиона, не стоит отказываться от географических параметров Трансарктики. Ибо они формируют естественные рамки данного прикладного исследования. То есть при концептуализации Трансарктики мы неизбежно выходим на дуализм «материальное/виртуальное».

Для Трансарктики характерны процессы постоянно нарастающей и углубляющейся интернационализации всех аспектов взаимодействия: в экономике, политике, информационном поле, культурном плане, т.е. в тех сферах, которые и раскрывают явление, именуемое глобализацией.

Процессы в Трансарктике существенно отличаются от реалий других пространств. К примеру, здесь нет интеграционного взаимодействия в чистом виде, характерного для Европейского союза, иных интеграционных объединений. Но оно просматривается на субрегиональном уровне, по линии разноплановогo взаимодействия в Северном Форуме[2]. Интернационализация в северных широтах имеет место по линии СБЕР, Арктического совета, Арктического круга, международных неправительственных структур.

Мультипликаторами трансарктизации являются глобальные процессы, характерные для международных отношений XXI в.:

[2] На разных этапах существования Северного форума в него входили от РФ – Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, Санкт-Петербург, Мурманская обл. (наблюдатель), Камчатский край (намерен восстановить членство), Красноярский край (председательствует в СФ в 2015-2017 гг.); от Канады – Альберта, Юкон, Северо-Западные территории, Квебек; исландский Акурейри; Региональное управление Северной Норвегии; финская Лапландия; шведские губернии Вестерботтен и Норрботтен. Азия представлена провинциями Кангвон-до (Республика Корея), Хейлунцзян (КНР), Дорнод (Монголия), о. Хоккайдо (Япония).

многостороннее сотрудничество; стремление к демократизации управления; поиск баланса суверенизации, территориальной целостности и интернационализации; новые подходы к дихотомии «глобальное/региональное», к равноправию и взаимозависимости; формирование глобальной многополярной политической архитектуры. Дополнительный импульс интеграционным процессам в Трансарктике дают мегапроекты Евразии.

Трансарктика «обречена» стать скрепой транснациональных пространств глобализующегося мира (взгляните на глобус со стороны Северного полюса и проследите трансарктические маршруты между Trans-Atlantic и Trans-Pacific). Трансарктике объективно достанется особая роль в обеспечении мира и развития в Евразии. Это отчасти обусловлено стремлением евразийских «тяжеловесов» упрочить не только свои экономические, но и геополитические позиции в этом пространстве.

2013-й – ПЕРЕЛОМНЫЙ

Кристаллизация Трансарктики восходит к 2013 г., давшему старт институализации в Арктике присутствия неарктических евразийских государств. Речь идет о расширении взаимодействия арктических государств с тяжеловесами-внерегионалами – КНР, Индией, Японией, Южной Кореей, а также Сингапуром. В мае 2013 г. эти «евроазиаты» наконец-то добились статуса наблюдателя в Арктическом совете. А в октябре того же года они закрепились в Заполярье, активно включившись в работу международной ассамблеи «Арктический круг» (Исландия), на ежегодных «полях» которой идет поиск путей реализации в Трансарктике на равноправной основе для всех заинтересованных сторон разноплановых экономических, экологических, интеграционных и прочих проектов. В III ассамблее «Арктического круга» (октябрь 2015, Рейкьявик) участвовали 1900 делегатов из более полусотни стран. Национальные пленарные панели провели КНР, РФ, Южная Корея. РФ в этот раз представила на ассамблее свои логистические планы в Заполярье и проекты Архангельской области, включая российско-китайское логистическое сотрудничество. Япония знакомила коллег со своими арктическими планами на ассамблее 2014 г.

Примечательно, что в 2013 г. евразийские интересы «тяжеловесов» из Азии – Китая, Японии, Южной Кореи – были артикулированы в увязке с их циркумполярными планами. В тот же период вызревал и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), вступивший в силу 1 января 2015 г.

«Евразийская инициатива» Южной Кореи была декларирована в октябре 2013 г. президентом РК Пак Кын Хе с трибуны Международной

конференции по глобальному сотрудничеству в эру Евразии[3]. Тогда впервые в евразийском контексте прозвучала и арктическая тема: интерес южнокорейской стороны к Северному морскому пути (Севморпуть) был увязан с призывом к воссоединению логистических сетей, преодолению физических барьеров с помощью «железного шелкового пути» (от южнокорейского порта Пусан в Европу через КНДР, РФ, КНР и Центральную Азию). В силу обострения межкорейских отношений и санкционного режима, сегодня эта перспектива весьма призрачна. Но интерес Сеула к Арктике сохраняется.

Особого внимания заслуживает грандиозный китайский проект «Экономического пояса Великого шелкового пути», озвученный 7 сентября 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином в университете им. президента Н. Назарбаева (Казахстан). Его евразийскую суть подчеркивает геополитический тезис концепции о Евразийском сухопутном мосте (Eurasian Land Bridge)[4]. Концепция проекта «Шелковый путь» (ШП) в последнее время совершенствуется и развивается, чутко реагируя на новые геополитические факторы. В условиях дестабилизации южных маршрутов ШП становится актуальным «логистический сдвиг» на север, создание, условно говоря, «Арктического шелкового пути». Это неизбежно откроет РФ новые возможности использовать ШП для создания в портах Севморпути современных логистических хабов по перевалке грузов с «Арктического моста» (российско-канадский проект сопряжения Северного морского пути с Северо-Западным проходом, работающим на NAFTA) на коридоры ШП. Логистический алгоритм в этом случае мог бы быть аналогичен авиапоставкам грузов с «Арктического моста» из Мурманска в Европу, из канадского порта Черчилль в Северную Америку и из Виннипега (транспортного узла Канадского Среднего Запада) в Москву, Красноярск, Шанхай и Нью-Дели.

Первой меридиональной связкой (Север-Юг) транспортных систем РФ и КНР стал проект Белкомур (Белое море – Коми – Урал), включающий сооружение 1161 км железнодорожной линии Архангельск – Сыктывкар – Соликамск (Пермь). Китайский генподрядчик проекта «Poly Technologies, Inc.» также вложится в финансирование, проектирование и строительство 712 км нового участка пути и в модернизацию 449 км действующей магистрали. Он же будет участвовать в строительстве глубоководного района Архангельского морского порта. Соглашение подписано во время визита Президента РФ В.В. Путина в Пекин 3 сентября 2015 г. На рабочем

[3] *Захарова Л.В.* Евразийская инициатива Республики Корея: вызовы и возможности для России // Вызовы для России в меняющемся мире. Мировое развитие. Вып. 14 / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова, Е.В. Шумицкая. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 122-130.

[4] *Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Китай в Евразии: обновление приоритетов // Энергетика Евразии: тенденции и перспективы / Отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 122.

уровне проект обсуждался представителями РФ и КНР «на полях Арктического круга» в Рейкьявике 16-18 октября 2015 г. Речные порты, связанные со Севморпутем, правомерно рассматривать как «сваи» «Арктического моста», модернизация которых позволит дотянуть логистические цепочки от них до хабов ШП. Это вполне вписывается в стратегию Пекина «участвовать в глобальном управлении за счет инвестирования реструктуризации мировой экономики», в первую очередь, через проект ШП. С учетом этого Россия могла бы «помочь реализовать» китайское желание использовать в качестве конкурентного преимущества инвестирование затратных транспортных проектов, предложив к модернизации и логистической реструктуризации речные артерии Сибири и ж/д хабы Транссиба, БАМа.

Евразийская составляющая арктических планов Китая, Южной Кореи и Японии неожиданно высветилась и в их традиционном трехстороннем саммите. В Декларации, принятой 1 ноября 2015 г. по итогам встречи в верхах в Сеуле, тройка лидеров констатировала глобальную значимость арктической проблематики, условилась запустить на высшем уровне трехсторонний диалог по согласованию арктической политики, реализации совместных проектов и углублению сотрудничества в Арктике[5].

ЗАПОЛЯРНЫЙ RIMLAND ЕВРАЗИИ

XXI век вверг Евразию в новые геополитические реалии. Вспомним знаменитые максимы Х. Маккиндера[6] и конструкцию Н. Спикмана[7]. В их времена Заполярье Евразии являло собой всего лишь ледяной, безмолвный естественный буфер безопасности для Хартленда[8], и даже не рассматривалось ими в геополитических схемах. Но политико-климатические изменения и научно-технический прогресс XXI в. позволяют нам трансформировать тезисы классиков геополитики следующим образом: «Кто владеет евразийским Заполярьем, тот контролирует судьбы мира».

Формирование трех крупнейших транснациональных пространств (Trans-Atlantic, Trans-Pacific и Trans-Arctic) геополитически ставит Евразию в центр пересечения их взаимодействия, как бы превращает ее в сердцевину, «Хартленд XXI века». Не случайно обретает популярность понятие Большой Евразии. «Рано или поздно мы обязательно придем к формированию «Большой Евразии» – от Осло и Мурманска до Дели, Шанхая и Ханоя. И в ее формировании особую роль сыграет

[5] Сайт МИД Японии. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page1e_000058.html (доступ 22.03.2016).

[6] «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд; кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров; кто контролирует Мировой остров, тот контролирует весь мир».

[7] «Тот, кто доминирует над rimland (прибрежной полосой, окружающей Хартленд с запада, юга и юго-востока – *Авт.)* – доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

[8] См. *Поздняков Э.А. Философия политики*. М., 2014. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. С. 498-510.

модернизация евразийской транспортной инфраструктуры, в основном сосредоточенной на территории России, как связующего звена между Европой и Азией. Это и Северный морской путь, и Транссибирская магистраль, и строительство современных авто- и железных дорог Россия–Казахстан–Китай, Россия–Монголия–Китай. Имеет большие перспективы и Транспортный союз Россия–Иран–Индия», – акцентировал Председатель ГД РФ С.Нарышкин на I совещании спикеров парламентов стран Евразии «Межпарламентское сотрудничество в интересах совместного благополучия стран Евразийского региона в XXI в.»[9].

ПОЙМАТЬ МОМЕНТ!

В сложившейся ситуации России важно не упустить шанс максимально расширить евразийскую повестку дня с соседями. Новым пунктом в ней могло бы стать взаимодействие с партнерами по арктической проблематике. В этом плане целесообразно выделить следующие сферы:

Глобальное управление и формирование транснациональных пространств, прежде всего Трансарктики.

Финансовая сфера. Необходимо максимально задействовать имеющиеся финансовые возможности Нового банка развития и Пула условных валютных резервов с совокупным капиталом в 200 млрд. долл. по линии БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд. долл. и Фонда Шелкового пути с капиталом в 40 млрд долл.[10], а также ресурсы создающегося под эгидой Северного Форума Банка реконструкции и развития Арктики; рассмотреть вопросы подключения к финансированию арктических транспортно-логистических проектов по линии сингапурского заседания «Арктического Круга» (12 ноября 2015 г.). Рассмотреть возможности использования инструментов государственно-частного партнерства с привлечением «хуа-цяо», этнических китайцев, контролирующих бизнес Сингапура, также являющегося с мая 2013 г. наблюдателем в Арктическом совете.

Ресурсно-сырьевая. Углубление и институционализация энергетического сотрудничества с евразийскими «тяжеловесами», в том числе по линии предполагаемых энергетических структур БРИКС.

Сфера образования. Основой взаимодействия может стать сетевой Университет Арктики, объединяющий более 170 организаций, большинство которых хотя и составляют образовательные учреждения арктических государств, но сюда же входят и 18 организаций евразийских стран, работающих в Северном Форуме, в частности КНР, Монголии, Южной

[9] *Долгушина Н.* «Большая Евразия» сыграет главную роль // Союзное вече. 2016. № 16 (661). URL: http://souzveche.ru/articles/politics/30643/ (доступ 21 апреля 2016).

[10] См. Торгово-промышленные ведомости ТПП РФ. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/6172.html (доступ: 23 сентября 2015).

Кореи и Японии. В перспективе могут быть подключены и возможности запланированного сетевого университета БРИКС.

Деловое сотрудничество. Бизнес-сообществу РФ стоит внимательнее отнестись к взаимодействию с евразийскими партнерами через международные НПО, аффилированные с Арктическим Советом, Северным Форумом и Арктическим Кругом.

В свете назревающих реформ в арктических структурах и ускоряющихся процессов транснационализации Арктики, Россия, действуя на опережение, могла бы предложить своим стратегическим партнерам из Евразии определенные преференции при взаимодействии в арктическом регионе. Целесообразно проработать правовые критерии для такой модели реформирования арктических структур, которая позволила бы сбалансировать национальные интересы РФ с приоритетами ее стратегических неарктических партнеров («внерегионалов»).

Ли ШУАН,
Магистрант факультета иностранных языков
Китайского политико-юридического университета

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: Российско-китайские отношения являются наилучшими за всю историю связей между двумя странами, взаимодействие двух стран является одним из важнейших факторов для обеспечения стабильности в международных делах.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, тенденция, политика, экономика, гуманитарное направление.

SHUANG Li,
Second-year graduated school
School of Foreign Language
China University Political Science and Law

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Abstract: Russian-Chinese relations are the best in the history of relations between the two countries, cooperation between the two countries is one of the most important factors for ensuring stability in the international affairs.

Keywords: Russian-Chinese relations, the trend, politics, economics, humanities.

В настоящее время продолжается тенденция положительного развития китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В 2015 г. Китай и Россия совместно отпраздновали 70-летнюю годовщину победы во Второй мировой войне, скоординировали инициативу строительства экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. с ЕАЭС, успешно провели год молодежных обменов, провели тесное и эффективное взаимодействие в международных делах, был достигнут ряд прорывов в развитии двух стран, а также в деле защиты мира, безопасности и стабильности в глобальном масштабе. Постоянно расширяется география межрегиональных связей, укрепляется экономическая составляющая контактов, в том числе представленная инвестиционным сотрудничеством, продолжают развиваться гуманитарные связи. В настоящее время

соглашениями о сотрудничестве и побратимскими отношениями на уровне муниципальных образований связаны уже более 110 пар регионов-партнеров двух стран. Прямые контакты регионов России установлены с 5 автономными районами, 20 провинциями, 4 городами центрального подчинения и 1 специальным административным районом Китая. Стороны ведут регулярный диалог по вопросам межрегионального взаимодействия двух стран в рамках совместных органов – Постоянной рабочей группы по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав Правительств России и Китая.

Как известно, ни с кем у России нет такой разветвленной сети механизмов сотрудничества: саммиты, встречи глав правительств, четыре комиссии, которые посвящены работе на различных направлениях инвестиционного, торгово-экономического, энергетического, гуманитарного сотрудничества, которые возглавляются вице-премьерами, рабочие группы. Вся эта работа поставлена на системную основу. Она позволяет достигать впечатляющих результатов. Вместе с тем в ближайшей перспективе внешние факторы будут продолжать определять параметры взаимодействия двух стран в регионе.

В основе двухстороннего сотрудничества – международное право, его неукоснительное уважение, уважение центральной роли ООН, недопустимость вмешательства во внутренние дела. С этих позиций Китай и Россия теснейшим образом сотрудничают по всем международным проблемам, будь то Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан, иранская ядерная программа, ядерная программа Корейского полуострова, противоракетная оборона. Сотрудничество стран помогает укреплять авторитет БРИКС, ШОС, а также "Группы двадцати", в рамках которой РФ и КНР вместе отстаивают проведение реформы международной валютно-финансовой системы чтобы сделать ее более справедливой.

Нынешняя валютно-финансовая система нынешняя должна быть более демократичной и отражать возросший вес стран БРИКС. И первый шаг в такой реформе благодаря совместным усилиям России, Китая, Индии, Бразилии, ЮАР был сделан совсем недавно. Пятилетний процесс повышения квот и голосов наших государств завершился, и страны БРИКС теперь практически обладают возможностью применять вето в МВФ, это очень важное достижение. Стороны выступили с обещанием расширить сферу использования национальных валют как в рамках двусторонней торговли, так и в области прямых инвестиций и кредитования. В предложенном китайским ученым Ли Синем схеме московский, шанхайский и гонконгский финансовые центры могут создать механизм всеобъемлющего неконкурентного сотрудничества, который стал бы быть

удачным дополнением к существующим механизмам финансового сотрудничества в формате АСЕАН+3, прежде всего Чиангмайской инициативе. В перспективе это дало бы возможность России полноценно участвовать и в работе Азиатского банка.

Показатель в 200 млрд долл. должен вывести Россию в число ведущих торгово-экономических партнеров КНР, однако сам по себе он не является гарантией коренной диверсификации структуры товарооборота и повышения объемов российского экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости. Примечательно, что прогнозы многочисленных экспертов перед началом саммита 2013 г. касались прежде всего расширения энергетического сотрудничества.

В формирующемся многополярном мире Китай становится одним из серьезнейших центров силы.

На его территории проживают 25% населения земного шара. За последние 30 лет экономика Поднебесной сделала мощный рывок вперед. Китай превратился в могучую державу, способную бросить вызов мировому американскому лидерству.

Соревнование между китайским и американским центрами силы ведется в информационной среде, в экономике, в военной среде, в дипломатической сфере и т.д.

Для России Китай является наиважнейшим партнером. Во внешней политике Россия и Китай занимают одинаковые позиции по многим вопросам. Например, Москва и Пекин проявили солидарность в недопущении американо-ваххабитской агрессии против Сирии. Сходные позиции Россия и Китай занимают и по иранскому вопросу.

Россия и КНР занимают лидирующие позиции в таких международных структурах, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Бразилия-Россия-Китай (БРИК) и т.д. Много точек соприкосновения у наших стран и в области взаимоотношений со странами Средней Азии и их соседями.

Так, например, в период между 2007-2012 г. Россия и Китай повысили активность в рамках проекта развития трехстороннего сотрудничества «Россия-Индия-Китай» (РИК), вовлекая Индию и государства Центральной Азии в плотное взаимодействие в следующих областях: энергетика, транспортная инфраструктура, биотехнологии, фармацевтика, химия и др.

Россия сотрудничает с Китаем и в рамках других проектов. Речь идет о Таможенном и Евразийском союзах, о военном сотрудничестве под эгидой Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), о Союзном Государстве России и Белоруссии и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что именно российско-китайский альянс является основной преградой гегемонии США в Евразии, да и в мире. Политическая интеграция и регионализация России и Китая и партнёрские отношения со странами-участницами АСЕАН содействуют

укреплению мира и безопасности, стабильности и процветания в АТР (Азиатско-Тихоокеанском Регионе). Активное участие в выработке механизмов урегулирования национальных, конфессиональных, этнополитических конфликтов, содействие развитию совместных механизмов превентивной дипломатии, двусторонние контакты на разных уровнях, международный вес и авторитет двух стран могут оказать положительное влияние на формирование дуги стабильности на жизненно важных для них территориях, на выявление, минимизацию и устранение угроз региональной безопасности.

На данном этапе отношения, в истории которых периоды «братской дружбы» сменялись вооружённым противостоянием, характеризуются обеими странами как «стратегическая дружба и взаимодействие». Путём взаимовыгодного сотрудничества между странами удалось достичь немало успехов в области прикладной науки, авиационном и космическом строении и ряде других важнейших для РФ и КНР направлений. В XXI столетии – веке высоких технологий – научное сотрудничество России и Китая должно войти в новую фазу развития. Потенциалы обеих стран в этой сфере достаточно велики, и они должны быть реализованы с максимальной отдачей. Основной целью на ближайшие десятилетия станет совместное использование ресурсов государств и как следствие повышение уровня жизни населения.

Характеристика российско-китайского стратегического партнерства как имеющего всеобъемлющий характер означала, что оно преодолело перекос в сторону, главным образом, политической составляющей, характерный для предшествующего десятилетия, определяемый китайской формулой «в политике горячо, в экономике холодно». Данная формула зиждется на трех равноценных составляющих: политическом партнерстве, экономическом взаимодействии и гуманитарных связях[1].Об этом свидетельствует резкая активизация двустороннего взаимодействия по всем трем направлениям. В 2008 г. после окончания демаркационных работ была окончательно определена линия российско-китайской границы, что устранило важнейший фактор, в перспективе способный привести к обострению отношений. Через год в Екатеринбурге состоялся пилотный саммит БРИК, способный после вступления России в ВТО стать мощным фактором защиты интересов развивающихся стран в разработке справедливых условий мировой торговли. В экономическом сотрудничестве происходили наиболее заметные сдвиги. В 2008 г. объем двусторонней торговли впервые преодолел планку в 50 млрд долл. Россия стала превращаться в одного из наиболее перспективных партнеров Пекина в сфере нефтегазового

1 Сун Тао. Выступление на конференции «Ситуация в Европе и китайско-европейские отношения». 16.08.2012.

сотрудничества. Была подписана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг.[2].

Заключенный на двадцать лет Договор 2001 г. продолжает оставаться институциональной основой российско-китайских отношений. Началась реализация уже третьего плана действий по его положениям на период 2013-2016 гг. Первое место в списке приоритетов отводится проблеме сбалансирования и гармонизации количественных и качественных характеристик экономического сотрудничества. Стороны планируют довести к 2020 г. объемы двусторонней торговли до уровня в 200 млрд. долл. Энергетическое сотрудничество продолжает оставаться одним из приоритетов двустороннего экономического взаимодействия.

Китай является наиболее емким и перспективным для экспорта российских энергоресурсов. Приводились прогнозы о необходимости доведения объема поставляемой нефти до 50 млн. т в год, строительства еще одного трансграничного нефтепровода в дополнение к сданному в 2010 г. Сковородино – Дацин и др.[3]

Основание для углубления энергетического сотрудничества для России – геополитическая уязвимость западных маршрутов, связанная с позицией стран-транзитеров, для Китая – рост энергопотребления в связи с ускоренным экономическим развитием.

В 2011 г. подписана «Сианьская инициатива», давшая старт Энергетическому клубу ШОС. В последнее время в Китае ведутся дискуссии о создании «энергетического сообщества».

По мнению российских экспертов, в среднесрочной перспективе вряд ли произойдет расширение Таможенного союза за счет присоединения других государств Центральной Азии[4]. В подобной ситуации не могут не настораживать предложения некоторых китайских экспертов по распространению на регион Центральной Азии хорошо зарекомендовавшего себя в Гонконге и Макао режима CEPA (Closer Economic Partnership Arrangement), обеспечивающего упрощенный доступ товаров на рынки друг друга, беспошлинный ввоз и снижение налогов на продажу импортированных товаров[5].

Говоря о гуманитарном сотрудничестве, значительный импульс контактам в области науки, культуры, образования и других гуманитарных сферах придали стартовавшие в 2006 г. год России в Китае и Китая в России, годы национальных языков, годы туризма, годы дружественных

[2] http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf

3 Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестник АГУ. 2014. № 64.

4 赵鸣文。中俄关系进入新的历史发展时期。《俄罗斯中亚东欧研究》2015年第5期.

5 崔颖。 CEPA扩展到上海合作组织区域经济合作的可行性初探。《经济前沿》2016年第1期.

молодежных обменов и в этом году годы средств массовой информации России и Китая, а также начавшееся в 2007 г. открытие Институтов Конфуция в российских вузах. Все это активно повышает уверенность народа двух стран и укрепляет их дружбу.

Отношения между Россией и Китаем заняли достойное место в системе межгосударственных отношений в АТР. Для Китая Россия - важнейший источник военных технологий и сырьевых ресурсов. Очевидно, что стабильное и поступательное развитие стратегического партнерства с северным соседом имеет для Пекина крайне важное значение и с точки зрения реализации ресурсов так называемой «мягкой силы», которым руководство КНР уделяет в последние годы столь пристальное внимание[6]. Для России Китай – это в первую очередь сосед и крупнейший торговый партнер в АТР. В нынешней политической ситуации России нужны не просто хорошие, но образцовые отношения с Китаем. Китай – важнейший стратегический партнер России, благодаря связям с которым она успешнее может включиться в интеграционные процессы в АТР, ее внешняя политика способна стать менее односторонней, а ее фронда с Западом приобрести характер принципиального спора по поводу будущего характера мироустройства.

Российско-китайские отношения являются важной составляющей современной системы международных отношений. От того, как будут развиваться отношения между Китаем и Россией, во многом будет зависеть весь ход политических процессов, по крайней мере, в пределах Евразии.

Что касается китайско-российских отношений, иностранные СМИ тоже высоко оценивают их. «Взаимно полезные и с виду дружелюбные по отношению друг к другу, Китай и Россия ведут соперничество за господство в Евразии», – пишет Анита Индер Сингх (Anita Inder Singh), профессор Центра мира и урегулирования конфликтов в Нью-Дели, в своей статье, опубликованной на сайте издания Diplomat. Сложившаяся модель и практика двусторонних отношений является конкретным примером того, как нужно строить двусторонние отношения в XXI в. Важно то, что КНР и РФ являются самыми прочными политическими образованиями на евразийском континенте, обладают исторически длительной цивилизацией и совершенной промышленной и сельскохозяйственной базой. Взаимодействие между Китаем и Россией не только будет способствовать продвижению безопасности и развитию двух государств, но и может привлечь внимание других стран на территории Евразии, в том числе Ирана и Пакистана, чтобы нарушить стратегические планы США в регионе. Взаимодействие Китая и России предоставило базовую гарантию для поддержания мира на планете в XXI в. Латинская Америка представляет

[6] Тимофеев О.А. Указ. соч.

собой внешнюю силу Евразийского сообщества, Африка – дружественная сила, в Азии также много сторонников. Китаю и России следует идти рука об руку и придерживаться единых позиций по большому спектру вопросов.

Китай готов совместно с Россией работать над претворением в жизнь договоренностей о сотрудничестве, достигнутых руководителями двух стран, использовать благоприятные возможности, возникающие в связи с наступлением 15-летней годовщины с момента заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией, продолжать развивать мирную идею о развитии китайско-российской дружбы, которая должна передаваться из поколения в поколение, превратить преимущество высокого уровня политических отношений между двумя странами в реальные результаты практического сотрудничества и взаимодействия в международных делах, стремиться к большему прогрессу в китайско-российских отношениях, чтобы внести более весомый вклад в обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире.

Литература:

1. Сун Тао. Выступление на конференции «Ситуация в Европе и китайско-европейские отношения». 16.08.2012.
2. http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf
3. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития/ Вестник АГУ. 2014. № 644. 赵鸣文。中俄关系进入新的历史发展时期。《俄罗斯中亚东欧研究》2015年第5期
5. 崔颖。 CEPA扩展到上海合作组织区域经济合作的可行性初探。《经济前沿》2016年第1期

Петер ЛИНКЕ,
Независимый аналитик, Берлин (ФРГ)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА АФГАНСКОЙ КАМПАНИИ И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ В МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В США

Аннотация: Говорить о некой целостной, эффективной стратегической коммуникации Вашингтона в отношении афганской войны не приходится. Этому есть несколько причин, центральные из них – две: 1. Слишком комплексна сама ситуация в Афганистане; 2. Основной актор по реализации такой стратегии – ВС США – системно не в состоянии эффективно действовать в все более комплексном мире. Дело в том, что в «Большой Центральной Евразии» происходит формирование нового геополитического мега-пространства, которое по своей внутренней динамике, многообразию и с учетом скрытой тенденции к снятию границ представляет собой мощный аналитический вызов. Хватит ли нашего обычного аналитического инструментария для того, чтобы и в будущем иметь возможность «адекватно» оценивать специфические угрозы и опасные потенциалы в этом мега-регионе (и за его пределами)? Здесь, возможно, помогает теория комплексности с ее пониманием перемен «как чего-то «эмержентного», развивающегося, что может раскрыться в далеко идущих и все же *exante* непредсказуемых направлениях». (Брайан Леви) Такое понимание в конце концов предлагает некую дозу скромности, которая аналитикам, занимающимся геополитическими зонами распада, как «Большая Центральная Евразия», была бы очень кстати.

Ключевые слова: стратегическая аналитика, теория комплексности, Афганистан, США, Большая Центральная Евразия.

LINKE Peter,
Independent analyst, Berlin (Germany)

STRATEGIC ANALYTICS OF WASHINGTON'S AFGHAN CAMPAIGN AND ITS PROJECTION ONTO U.S. MASS CONSCIOUSNESS

Abstract: Washington has failed to come up with an integral, effective communication strategy with regard to its Afghan campaign. There are a number of reasons for this the key ones of which are: 1. The sheer complexity of the situation in Afghanistan; 2. The systemic inability of U.S. forces as the main player for realizing this strategy to effectively act in an increasingly complex world. As a matter

of fact, we are witnessing the formation of a new geopolitical mega-space across “Greater Central Eurasia” the internal dynamics of which, its diversity as well as hidden tendency to erase borders represent a formidable analytical challenge. Are existing analytical tools sharp enough to “adequately” estimate specific future threats as well as dangerous potentials in this mega-region (and beyond)? What might be of some help in this respect is “complexity theory” with its "understanding of change as something ‘emergent’, evolving, which can unfold in far-reaching yet *ex ante* unpredictable directions.” (Brian Levy) At the end of the day this understanding offers a dose of humility which can only be good for analysts of geopolitical fall-out regions such as “Greater Central Eurasia”.

Keywords: strategic analytics, complexity theory, Afghanistan, U.S., Greater Central Eurasia.

Как американские власти продают афганскую кампанию американской общественности? Если прямо: ПЛОХО продают! Говорить о некой целостной, эффективной стратегической коммуникации в отношении афганской войны не приходится. Этому есть несколько причин, центральные из них – две: 1. Слишком комплексна сама ситуация в Афганистане; 2. Основной актор по реализации такой стратегии – ВС США – системно не в состоянии эффективно действовать в все более комплексном мире.

Еще в 2009 г. тогда председатель Объединенного комитета начальников штабов США Майкл Маллен (Michael Mullen), довольно критически отозвался о выдвинутой президентом Обамы концепции «стратегической коммуникации» с исламским миром, подчеркнув, что из-за того, что слова представителей США нередко расходятся с их действиями, в данном мире отсутствует доверие к любым заявлениям со стороны американской администрации. Начал адмирал свою критику с признания того, что не очень любит сам термин «стратегическая коммуникация»: «Слишком далеко мы отошли от изначального намерения (интента). Обставляя ее целой структурой, мы позволяли стратегической коммуникации превратиться из процесса во вещь, из способа мышления в абстрактную мысль … Наша сама большая проблема … – это достоверность, правдоподобие (*credibility*): Нашим посланиям (месседжам) не хватает достоверности, правдоподобия, потому что мы не очень инвестировали в создании доверия, в развитие отношений, и не всегда выполнили обещанное …» Кроме того, как отмечает Маллен, «наши усилия по страткому не редко отличаются определенным высокомерием: Мы привыкли считать, что месседжи – это нечто, что можно спускать напрямую, как ракету, некое ружье, из которого можно выстрелить ради

эффекта. Это не так: Хорошая коммуникация работает в обе стороны; она не предполагает, что мы рассказываем *нашу* историю. Мы также должны лучше слушать (прислушиваться) … Короче говоря: нам следовало бы меньше заботиться о том, *как* мы коммуницируем наши поступки (акции), а больше о том, *что* наши поступки коммуницируют …»[1]

С тех пор мало изменилось: К предупреждениям *Маллена так и не прислушались; игнорируется взаимосвязь между стратегической коммуникацией и стратегической аналитикой.*

Так, в феврале 2016 г. Антони Кордсмен (Anthony Cordesman) из Вашингтонского Центра стратегических & международных исследований (*Center for Strategic & International Studies* [*CSIS*]) представил доклад о качестве военной и гражданской аналитики в Афганистане спустя год после начала так называемого переходного периода (*Afghanistan: The Uncertain Impact of a Year of Transition).* Его вердикт убийственный: тенденции, определяющие войну в Афганистане, комплексные, имеют как гражданскую, так и военную составляющие. Гражданский анализ, разумеется, почти не ведется. Зато есть отчет Пентагона от декабря 2015 г. *(*DoD 1225 Report on *Enhancing Security and Stability in Afghanistan) – честный и полезный обзор многих тактических военных проблем, с которыми сталкиваются правительство и вооруженные силы Афганистана. В то же время полностью отсутствует изложение широких политико-военных усилий, которые необходимы для решения этих проблем. Тем временем конфликт в Афганистане развивается все более комплексным образом и все труднее поддается анализу: хотя пока еще есть возможность питаться из различных источников, но получаемые оттуда данные уже стали слишком комплексными и противоречивыми, для того чтобы их возможно было обработать с помощью традиционных методов анализа.*

Кордсмен не первый, кого волнует эта проблема: еще в 2010 г. Майкл Флинн (Michael Flynn), в то время руководитель разведки при командующем Международными силами содействия безопасности в Афганистане (ISAF), Стэнли Маккристал (Stanley McChrystal) (а в 2012-2014 гг. – глава разведывательного управления Министерства обороны США [DIA]), критиковал недостаточное понимание человеческого контекста культурного многообразия Афганистана и требовал в этой связи наладить межведомственный информационный обмен в рамках гражданско-военных интеграционных программ[2].

Еще радикальнее высказывался два года спустя эксперт в области разведки Бен Коннэбл (Ben Connable): Разведслужбы не в состоянии, по его

[1] Strategic Communication: Getting Back to Basics // Joint Force Quarterly, August 2009.
[2] Fixing Intel: A Blueprint for Making Intelligence Relevant in Afghanistan. *CNAS, January 2010.*

мнению, оснастить военных и политиков эффективным пониманием комплексного окружающего пространства борьбы против повстанцев. Их продукты отображают такую обстановку, которая искусственно раскладывает это окружение и действующих там людей и группы во «врагов», «друзей» и «нейтралов», излишне упрощая таким образом отношения и искажая их взаимную обусловленность. Подобный подход, в частности, игнорирует тот факт, что люди часто характеризуются одновременно существующими множественными идентичностями, чувствами и принадлежностями. Требуется новая «парадигма поведенческого разведывательного анализа» (*a paradigm of behavioral intelligence analysis*), пишет Коннэбл, фокусированная на факторы, влияющие на изменение поведения. Противодействующие повстанцам люди должны обладать информацией, которой можно воспользоваться для изменения позиций и поведения *всех* действующих в соответствующем окружении лиц, что устраняет необходимость их разделения на «врагов», «друзей» и «нейтралов»…[3]

Другие сохраняют скептицизм: военный антрополог Дэвид Кац (David J. Katz) считает, что комплексный характер, неочевидный исход, а также трудности возможных интервенций, невозможно преодолеть ни путем усиленного сбора информации о целевом населении (как у Флинна), ни с помощью аналитических подходов, делающих ставку на тонкие модели человеческого поведения (как у Коннэбла). То, что пытались делать в Афганистане в борьбе с повстанцами, было ничем иным, как вооруженным строительство нации или, более нейтрально выражаясь, вооруженным социальным инжинирингом, считает Кац. Как бы это ни называли, – «…мы занимаемся этим во вражеской среде, что означает: еще больше комплексности, трудностей и, конечно, больше опасностей. Даже при оптимальных условиях, с лучшими знаниями и совершенной информацией подобные действия изматывают, полны неопределенностей и редко происходят так, как изначально предполагалось…»[4]

Другими словами: с феноменом комплексности практически невозможно справиться при помощи растущих потоков данных и все более отточенных социально-психологических моделей мышления. Это – важный вывод, тем более, имея в виду тот факт, что важнейший носитель возможных интервенций в Афганистане (и не только там) – военные США – являются организацией, которая, по мнению неединичных инсайдеров, в настоящее время системно неспособна набирать очки в комплексном окружении.

[3] Military Intelligence Fusion for Complex Operations: A New Paradigm. RAND 2012.
[4] Fitting Intelligence to the Fight: Lessons from Afghanistan // Small Wars Journal, July 2013.

Американские военные, констатирует ветеран Афганистана (и физик по первому образованию) Александр Фрэнк (Alexander Frank), слишком долго довольствовались тем, чтобы учить своих солдат кое-каким немногим техническим способностям и оснащать их институциональным мышлением, не соответствующим комплексному миру.

По Фрэнку, комплексные системы характеризуются четырьмя элементами: приспособляемость, взаимозависимость, сетевой охват и многообразие. В соответствии с такой дефиницией конфликты в Ираке и Афганистане могут рассматриваться как в высокой степени комплексные феномены. Они в высшей степени приспособляемы (постоянно меняющиеся тактики и техники), имели место в сильно сопряженных и сетевых средах (благодаря современным медиа).

Восстания в Афганистане характеризовались большей степенью комплексности, чем в Ираке: 30 лет войны зачистили политические структуры на национальном и провинциальном уровнях, что привело к существенному разнообразию политических акторов и политических повесток на очень небольшом пространстве. Практиковавшаяся военными США культура оптимизации командных и контрольных структур совершенно не приспособлена для адекватного реагирования на такое развитие. Фрэнк цитирует в этой связи известного теоретика комплексности Скотта Пейдж (Scott E. Page) (*Diversity and Complexity*. Princeton University Press 2011): «Тот, кто делает ставку на оптимизацию командных и контрольных структур, считает, что может соответствующими стимулами добиться совершенно определенных результатов. Возможные последствия таких стимулов для будущих моделей поведения и типизаций выпадают при этом из поля зрения. Это препятствует многообразию… Ты контролируешь структуру организации и принимаешь решения через голову людей… Команды & контроль – это не плохо,… если ты нанял пару человек для строительства дома или покраски моста, но это плохо, если мы хотим выжить в комплексном мире…».

Конечно, многообразие по-своему коварно: если его слишком много, организация теряет способность к когерентным действиям; если слишком мало, она становится жертвой группового мышления и не может справиться с комплексностью… Недостаток многообразия в мышлении существенным образом помешал, по его мнению, американским военным успешно вести войны в Ираке и Афганистане.

Особое значение имеют при этом правильные стимулы: проблемы, с которыми приходится сталкиваться при решении комплексных вопросов, постоянно развиваются, разнообразны и непредсказуемы. Институции, делающие ставку на неподвижные и узкие цели и создающие соответствующие стимулы, неизбежно натолкнутся на неизвестные проблемы и затруднятся к ним приспособиться.

Подобной институцией являются военные США, что проявляется, в частности, в кадровом деле и учебной подготовке. Так, ценность солдата измеряется его способностью выполнять узко сформулированные задачи как критерий продвижения по службе. Чем лучше офицеры справляются с комплексностью, тем скорее их отсеивают. Это касается также учебной подготовки и выполнения боевых задач: там ориентирами является небольшой набор узких, далеких от реальности критериев, изложенных в так называемом Военном процессе поиска решений (MDMP). Акцент на поток информации превращает офицеров из ориентирующихся на потребности командиров в жестких информационных менеджеров.

О чем при этом совершенно забывают, так это о человеческих факторах комплексности: если мы воспринимаем мир «слишком комплексно», пишет Фрэнк, цитируя известного возрастного психолога Роберта Кигана (Robert Keegan), мы воспринимаем не только комплексность мира, но и разрыв между комплексностью мира и нашей собственной единовременной комплексностью… Наша собственная комплексность определяется нашей системой значений: способом, при помощи которого группа или индивид создают значение и ценности. Необходимо развивать более комплексную систему значений, что даст возможность заниматься комплексными проблемами…[5]

***

В «Большой Центральной Евразии» происходит формирование нового геополитического мега-пространства, которое по своей внутренней динамике, многообразию и с учетом скрытой тенденции к снятию границ представляет собой мощный аналитический вызов.

Хватит ли нашего обычного аналитического инструментария для того, чтобы и в будущем иметь возможность «адекватно» оценивать специфические угрозы и опасные потенциалы в этом мега-регионе (и за его пределами)?

И что собственно означает «адекватно»? «всесторонне»? «реалистически»? «точно»? «понятно»? «убедительно»? «однозначно»? …

… довольно самонадеянно, имея в виду трудное, запутанное положение на месте.

Конечно, людям, как правило, не нравится неясность. Они хотят понимать, борются за ясные, исчерпывающие ответы, неважно позитивные или негативные.

Но как однажды красиво сказал советник Всемирного банка Брайан Леви (Brian Levy): «Иногда мудрее и утешительнее согласиться с той скромной правдой, что мы просто не можем знать, какое будущее (из многих альтернативных, включая те, которые мы не можем себе представить) случится, потому что оно является продуктом еще не принятых решений и действий. Это понимание перемен как чего-то

[5] Complexity, Psychology, and Modern War // Small Wars Journal. November 2015.

«эмержентного», развивающегося, что может раскрыться в далеко идущих и все же *ex ante* непредсказуемых направлениях, это и есть центральное видение (инсайт) `теории комплексности′ …»[6]

… понимание, которое предлагает некую дозу скромности, которая аналитикам, занимающимся геополитическими зонами распада, как «Большая Центральная Евразия», была бы очень кстати …

[6] South Africa's democracy: Complexity theory in action // The World Bank blog. December 15, 2011.

Анастасия Александровна ЛОМОВА,
Аспирант
Дипломатической академии МИД России

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КИТАЯ В АФРИКЕ НА ПРИМЕРЕ ЮАР

Аннотация: Голос Африки в международной повестке дня звучит все более отчетливо. Освободившиеся от колониального гнета государства вступили в новую эпоху своего развития. Африка представляет естественный интерес для ведущих государств мира: на втором по площади континенте расположены гигантские запасы полезных ископаемых, проживает шестая часть населения Земли. Лидером и наиболее экономически развитым государством Африки является ЮАР. Внимание ведущих политических сил к Южно-Африканской Республике объясняется её растущим весом в мировой политике. Китай, умело применяя мягкую силу и руководствуясь собственными геополитическими интересами, эффективно осуществляет стратегическую коммуникацию в ЮАР.

Именно по этому важен анализ особенностей, проблем и преимуществ стратегической коммуникации Китая в Южно-Африканской Республике.

Ключевые слова: Китай, Африка, Южно-Африканская республика, стратегическая коммуникация

THE STRATEGIC COMMUNICATION OF CHINA IN AFRICA: THE CASE OF SOUTH AFRICAN REPUBLIC

LOMOVA Anastasiya,
Ph.D. Student at Diplomatic Academy, MFA Russia

Abstract: The voice of Africa in international politics is strengthening significantly. Free from colonial rule Africa has started a new epoch in its development. The world's great powers are interested in Africa: it has second largest territory in the world and a huge mineral resource potential. The leader and the most economically developed African country is South African Republic (SAR). Global powers are focused on SAR because it's role in international arena.

China combines soft power and it national interest's policy and effectively implement strategic communication in SAR.

Keywords: China, Africa, South African Republic, Strategic communication.

В докладе Белого Дома конгрессу США «Национальные рамки стратегической коммуникации[1] указано (пер. Е.Н. Пашенцева): *«За последние несколько лет термин «стратегическая коммуникация» стал пользоваться растущей популярностью. Однако различное использование термина ... привело к существенному беспорядку. В результате мы полагаем, что необходимо начать этот доклад с разъяснения того, что мы подразумеваем под стратегической коммуникацией. К «стратегической коммуникации (-ям)» мы относим: (a)* синхронизацию *слов и дел и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями, равно как и (b) программы и действия, сознательно нацеленные на общение и привлечение целевых аудиторий, включая и осуществляемые посредством связей с* общественностью, общественной дипломатией и информационными операциями» [2].

Этот особый вид коммуникации можно наблюдать, в том числе и в Китае. Здесь она сочетает в себе инновационные и традиционные формы взаимодействия, тесно переплетает национальные особенности и иностранные заимствования. Рассмотрим как составные элементы стратегической коммуникации (информационные операции, общественная дипломатия, связи с общественностью) находят свое определение в Китае.

Информационные операции

Доктрины и новейшие разработки Китая в области информационного противоборства не находятся в широком доступе. Тем не менее, концепции в этой сфере активно развиваются, что не может не сказаться на их теоретическом выражении.

Взгляды Китая на информационное противоборство формируются преимущественно под влиянием американских концепций. Так, китайские военные специалисты полагают, что залогом успешных боевых действий в войнах будущего станет информационное превосходство на поле боя, что подразумевает обеспечение возможности получать, анализировать и использовать информацию с целью оказания влияния на противника. Однако китайская концепция носит оборонительный характер и ее главной задачей является противодействие предполагаемой военной угрозе[3].

Основоположник китайской информационной войны генерал-майор Ван Пуфэн пишет: "Информационная война является важным этапом высокотехнологичной войны....*В ее основе лежат информационные*

[1] National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, March, 16th, 2010. URL: https://fas.org/man/eprint/pubdip.pdf (Дата обращения: 03.04.2016).

[2] Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 36. С. 80-98. URL: http://ejournal.spa.msu.ru/vestnik/item/36_2013pashentsev.htm (Дата обращения: 03.04.2016).

[3] Ministry of National Defense of the People's Republic of China, China's Military Strategy, May 26, 2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2015-05/26/content_4586748.htm (Дата обращения: 03.04.2016).

технологии, соединение разведывательной деятельности, стратегической войны, электронной войны, управляемой войны вооружений, маневренных тактик, огневого боя – это и есть война. Это новый тип войны"[4]. О важности информационных технологий говорится и в Белой книге Китая по национальной обороне 2015 г.[5]

Китай применяет западные инновации и новейшие технологии информационных операций в симбиозе с традиционными подходами: стратагемами (1) и теорией народной войны (2).

Стратагема (древнегреч. στρατήγημα – военная хитрость) – система скрытых стратегических приёмов, тактик ходов, используемых с целью перехвата инициативы и получения стратегического преимущества, определенный алгоритм поведения, и обязательно учитывает особенности ситуации (обстановку, психологию, и прочее). В стратагемах обыгрываются все возможные тактики и способы выхода из различных каверзных ситуаций.

Военные теоретики Китая считают, что практически любой компьютерно-грамотный человек способен выполнять задачи в рамках информационных операций. Еще теория "народной войны" Мао Цзэдуна основывалась на привлечении значительной части народных масс в войну. Положения этой теории в контексте информационного противоборства предполагают мобилизацию к участию в информационных операциях огромной доли гражданского населения. Особенно это актуально с учетом того факта, что компьютерная грамотность населения увеличивается год от года, а общая численность населения Китая приближается к значению в 1,4 млрд.

Сведения о проведении информационных операций Китая не находятся в широком доступе. Информационное противоборство Китая в Африке завуалировано под маской «мягкой силы» и реализуется через другие составные стратегической коммуникации – общественную дипломатию и связи с общественностью.

Общественная дипломатия

Китайское правительство уделяет все больше и больше внимания общественной дипломатии. Китайские власти ранее рассматривали общественную дипломатию либо в качестве инструмента осуществления внешней пропаганды или в качестве инструмента внутренней политики. Как ни странно, одновременно критикуя общественную дипломатию в Соединенных Штатах, КНР взяли за основу именно американскую модель.

---

[4] 王普丰. Wang, Pufeng; China Documentation Center 北京: 軍事科學出版社, 1995.

[5] Ministry of National Defense of the People's Republic of China, China's Military Strategy, May 26, 2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2015-05/26/content_4586748.htm (Дата обращения: 03.04.2016).

19 марта 2004 г. при Департаменте информации МИД КНР был создан новый Отдел по вопросам публичной дипломатии. Объявляя о его создании, Заместитель министра иностранных дел Китая Шэнь Гофан заявил: «Основной целью общественной дипломатии является расширение обменов и взаимодействия с общественностью для того, чтобы получать понимание и поддержку общественности для внешней политики»[6].

Особенности общественной дипломатии Китая:

- Сочетание государственных органов и органов осуществления общественной дипломатии;

- В Китае нет единого органа по реализации общественной дипломатии (*или, как в США, госсекретаря по вопросам общественной дипломатии и связям с общественностью. Эта работа делится между различными учреждениями (Отделом пропаганды и агитации ЦК КПК, комитетом по внешним связям ВК НПКСК (Народный политический консультативный совет Китая), Бюро по внешним культурным связям министерства культуры, и информационным отделом министерства иностранных дел).*

- Влияние традиционной культуры.

Целью общественной дипломатии Китая можно назвать формирование деловых и политических элит, которые ориентируются на КНР, а также формирование восприятия и понимания целевыми аудиториями Китая путем прямого двустороннего общения, без вмешательства западных ценностей.

Формирование позитивного имиджа Китая достигается за счет его программ: создания институтов Конфуция, медицинского сотрудничества, программ think tanks, запуска мультимедийный проектов и создания международной телерадиовещательной сети. Все это позволяет Китаю производить собственный контент для потребления целевыми аудиториями, а присутствие китайских СМИ помогает достичь баланса международного потока новостей и представляет альтернативу прочим ресурсам.

Рассмотрев понятие и особенности стратегической коммуникации Китая, обратимся к ее осуществлению на примере Южно-Африканской Республики.

В отличие от большинства других африканских стран, которые установили дипломатические отношения с Китаем после освобождения от колониальной зависимости в 60-х годах XX столетия, признание КНР Южно-Африканской Республикой произошло лишь в 1998 г. До этого времени ЮАР принадлежала к лагерю немногочисленных стран, поддерживающих Тайвань в их соперничестве с континентальным Китаем.

[6] Shen Guofang. Speech at Center for American Studies, Fudan University, March 22, 2007. URL: http://www.iis.fudan.edu.cn/view.php?id=194 (Дата обращения: 03.04.2016).

С 1998 г. отношения Китая и ЮАР развиваются стремительно: менее чем за двадцать лет (1998-2016) они достигли внушительных результатов в экономической, политической, культурной и других сферах.

При этом сотрудничество Китая и ЮАР проходит как на двусторонней основе, так и на базе международных организаций (БРИКС, Большая Двадцатка, Форум по сотрудничеству Китай-Африка).

Южно-Африканская Республика – самое развитое государство Африки. ЮАР привлекательная для стратегической коммуникации Китая ввиду ее экономической мощи, выгодного географического положения, политического веса на международной арене, исторически сложившихся в стране мощных китайских диаспор.

Принимая во внимание исторический контекст, стратегическая коммуникация КНР в ЮАР отличается от осуществления в других странах Африки. Здесь усилия Китая направлены на ослабление статуса Тайваня. Отказ ЮАР от признания Тайваня – успех стратегической коммуникации Китая.

Сведения об информационных операциях Китая не находятся в широком доступе. Однако, некоторые специалисты, например Доннован Чау, рассматривают политическое противоборство в контексте информационных операций. Он пишет, что в 2001 г. КНР осуществила поставки медицинского оборудования (от реанимационных автомобилей до стоматологического оборудования) в Африку. По мнению исследователя, это часть информационного противоборства, целью которой является жизнь и здоровье населения ЮАР[7].

Что касается связей с общественностью и общественной дипломатии, то как и в других странах Африки, они реализуются через двусторонние и многосторонние контакты на высшем и других уровнях, работу НКО и СМИ.

После официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в ЮАР в 2013 г. было организовано несколько мероприятий для усиления диалога между двумя странами.

Так, например, в Пекине была проведена выставка памяти Нельсона Манделы[8]. Организационную помощь Китаю оказывали специалисты из ЮАР.

Китай нередко использует и «пандовую» дипломатию, передавая редких животных дружественным странам. В китайской дипломатии это знаменует знак высшей степени доверия КНР принимающей животное стране. В сентябре 2003 г. два редких находящихся под угрозой вымирания

[7] Donovan C. Chau Political Warfare In Sub-Saharan Africa: U.S. Capabilities And Chinese Operations In Ethiopia, Kenya, Nigeria, And South Africa Strategic Studies Institute March 2007. P. 45.

[8] UJ exhibits giant Mandela artwork from China University of Johannesburg April 04, 2015. http://www.artlink.co.za/news_article.htm?contentID=37801 (Дата обращения: 14.05.2016).

вида китайских тигренка были переданы Претории. Посол КНР в Южной Африке Лю Гуйцзинь тогда заявил, что «совместный проект для сохранения этих животных ознаменовал новую эру в отношениях между его страной и Южной Африкой».

Что касается СМИ, то от газет и журналов к спутниковому телевидению и радиостанциям, Китай вкладывает значительные средства в африканские средства массовой информации. CCTV, China Daily, Africa Weekly, Агентство Синьхуа, Международное радио Китая (CRI), частные медиа-компании – это неполный список китайских компаний, представленных на медийном рынке ЮАР. Эти инвестиции позволяют Китаю продвигать свою собственную повестку дня средств массовой информации в Африке.

В 2013 г. западные СМИ были шокированы новостью, что новым владельцем крупнейшего газетного холдинга ЮАР стала китайская компания[9]. СМИ Китая в ЮАР прежде всего направлены на изменение недружелюбной риторики повествования о КНР и создания ее благоприятного имиджа. Так на телеканале CCTV Africa запрещено использовать такое слово как «режим»[10] и не упоминаются страны, поддерживающие дипломатические отношения с Тайванем.

Не менее важная составляющая стратегической коммуникации – получает ли она отклик в целевых аудиториях. Составив когнитивную карту интервью президента ЮАР Джейкоба Зумы (см. Приложение) можно с уверенностью сказать, что Южно-Африканская Республика не только позитивно воспринимает Китай, но и не видит ему возможной альтернативы.

Стратегическая коммуникация Китая в ЮАР становится успешнее с каждым годом. Заложив под базу современных отношений прочный исторический фундамент, Китай задействует все компоненты стратегической коммуникации: публичную дипломатию, связи с общественностью, информационные операции в достижении своих внешнеполитических целей. Китай все глубже проникает в сознание аудиторий ЮАР, что мы продемонстрировали на примере интервью Дж. Зумы. Одной из главной целью осуществления стратегической коммуникации Китая в Южно-Африканской Республике является его противодействие Тайваню.

Стратегическая коммуникация Китая на лишена критики. КНР держава, которая сравнительно недавно начала своё продвижение к мировому лидерству. Страх "красной угрозы" вызывает недоверие со

---

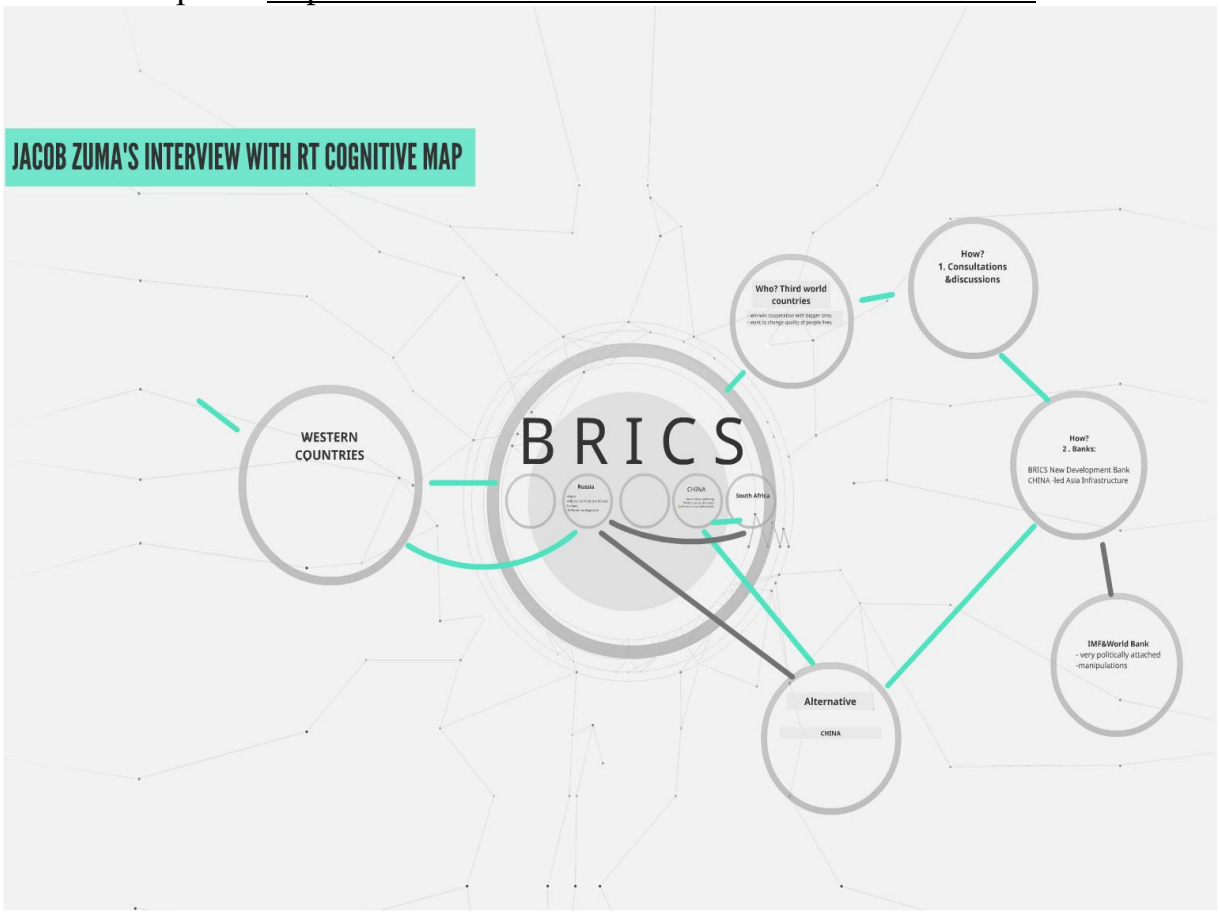
[9] Geoffrey York Why China is making a big play to control Africa's media – The Globe and Mail, Nairoby Sep. 11, 2013. http://www.theglobeandmail.com/news/world/media-agenda-china-buys-newsrooms-influence-in-africa/article14269323/ (Дата обращения: 14.05.2016).

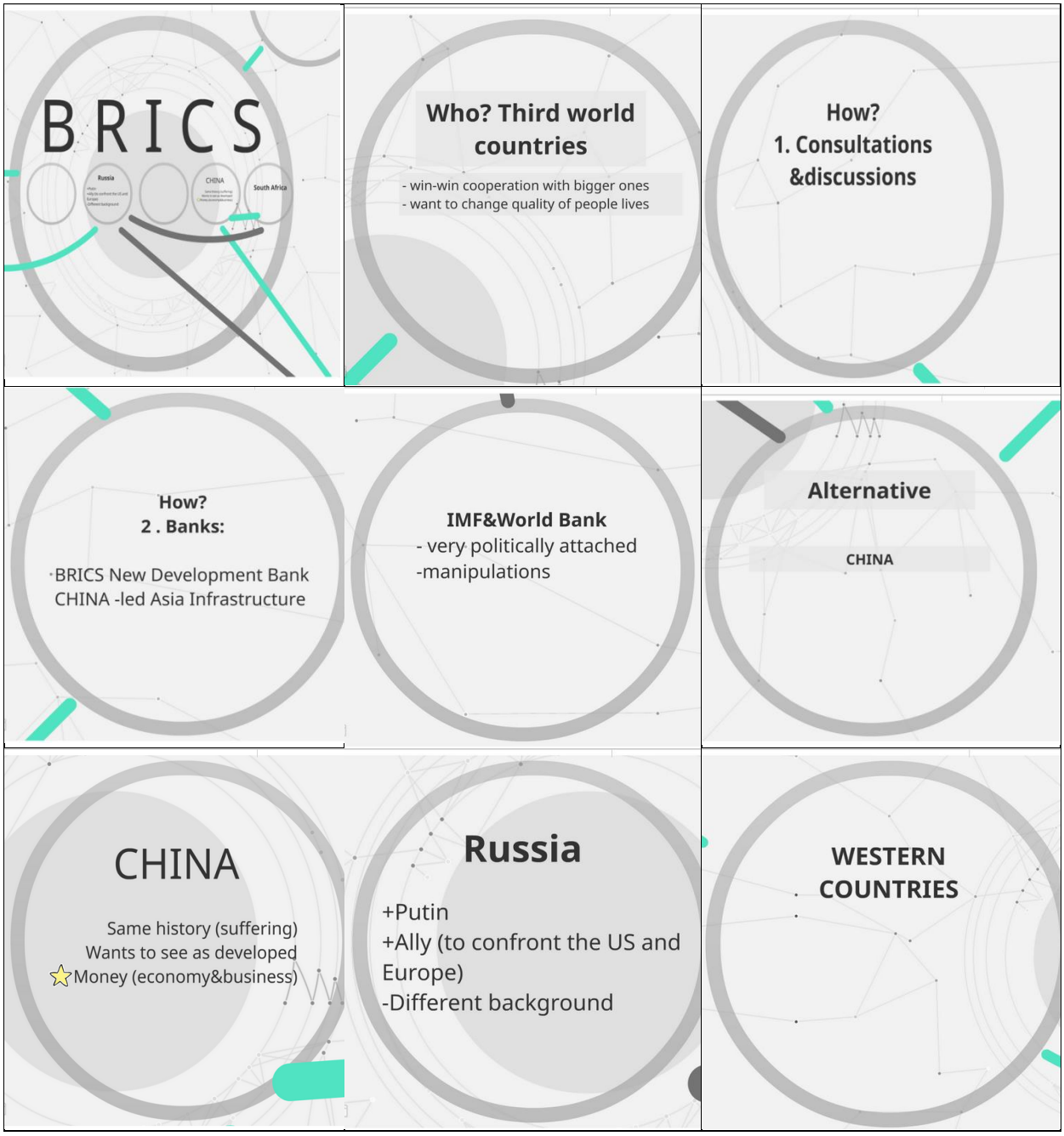
[10] Там же.

стороны африканских партнёров. Соперничество за африканские рубежи между ведущими державами с каждым годом становится все более напряженным и благодаря сочетанию " слов и дел" в своей политике Китай его выигрывает.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Когнитивная карта интервью Президента ЮАР Джейкоба Зумы телеканалу Russia Today
Текст интервью http://en.brics2015.ru/news/20150706/247135.html




BRICS
Russia
CHINA
South Africa
Who? Third world countries
- win-win cooperation with bigger ones
- want to change quality of people lives
How?
1. Consultations &discussions
How?
2 . Banks:
·BRICS New Development Bank
CHINA -led Asia Infrastructure
IMF&World Bank
- very politically attached
-manipulations
Alternative
CHINA
CHINA
Same history (suffering)
Wants to see as developed
Money (economy&business)
Russia
+Putin
+Ally (to confront the US and Europe)
-Different background
WESTERN COUNTRIES

Негош МАНОЙЛОВИЧ,
Аспирант,
Дипломатической академии МИД России

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ - СЕРБСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация: На Балканах переплетаются политические и военные интересы, связанные с безопасностью, с транзитом энергетических ресурсов, и финансовые интересы ведущих игроков мировой и региональной политики: государств Европейского союза, США, России, Китая и Турции. Балканы также имеют и внутренние проблемы: сложную историю и территориальные споры представителей разных народов, культур и религий.

Сербия в настоящее время пытается сдерживать процесс фрагментации своей территории и в тоже время двигается в сторону полноправного членства в Евросоюз. На практике, Сербия политически связала себя с ЕС в евроатлантическую интеграцию, которая в военном и экономико-политическом смысле и привела ее в незавидное положение. Влияние России на Балканах и в Сербии в настоящее время не так сильно, как влияние США и ЕС, но тем не менее становится все сильнее и дает возможность Сербии по новому рассматривать свое положение в регионе, особенно в качестве интеграционной алтернативы, в различных, не только энергетической, сферах, ведь путь в Евросоюз для Сербии не является безальтернативным и необходимо вырабатывать разнообразные формы интеграционного взаимодействия не только с ЕС, но и ЕАЭС.

Изменение в направлении внешней политики – возможный отказ от «военного нейтралитета» и стратегическая ориентация на Запад или Восток — остается недоделанным, открытым и прежде всего деликатным процессом, который требует политической воли и общественной поддержки.

Ключевые слова: Сербия, Балканы, Интеграция, Евросоюз, стратегическая ориентация.

MANOJLOVIC Njegos,
PhD student, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Relations of The Russian Federation

REGIONAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS: NEW INTERNATIONAL CONTEXT IN SOUTH-EAST EUROPE AND WESTERN BALKANS – SERBIAN VIEW

Abstract: In the Balkans are intertwined political, military and financial interests, as well as the interests connected with the transit of energy resources and the security-related interests of the leading players in the global and regional policy: European Union countries, the United States, Russia, China and Turkey. There are also "internal" problems in the Balkans: a complex history and territorial disputes of representatives of different nations, cultures and religions.

Serbia is now trying to hold back the process of fragmentation of its territory and at the same time is moving towards the European Union full membership. In fact, Serbia puts political efforts to ally itself with the EU in the Euro-Atlantic integration, which actually, in the military, economic and political terms, led her into this kind of unenviable position. Russia's influence in the Balkans and in Serbia at the moment is lower than the influence of the US and the EU, nevertheless becomes stronger and enables Serbia to review once more its position in the region, especially in a search for the integration alternative, in different, not only energy field, because the path to the European Union to Serbia is not uncontested, and it is necessary to develop various forms of integration interaction not only with the EU, but also with the EAEC.

The change in the direction of foreign policy - a possible rejection of the "military neutrality" and strategic orientation to the West or the East - remaines unfinished, open and above all a delicate process that requires political will and public support.

Keywords: Serbia, the Balkans, Integration, the European Union, Strategic Orientation.

На Балканах переплетаются политические и военные интересы, связанные с безопасностью, с транзитом энергетических ресурсов, и финансовые интересы ведущих игроков мировой и региональной политики: государств Европейского союза, США, России, Китая и Турции. Регион сегодня остается чреват многочисленными проблемами, такими как например присутствие этнонационализма, структурным экономическим кризисом, отсутствием полной региональной идентичности, много

различных внутренних индивидуальных проблем в каждой стране и проблемах в двусторонних отношениях[1]. Также существуют территориальные споры и сохраняется конфликтный потенциал.

Таким образом, Сербия находится в регионе с нестабильной геополитической обстановкой. Следовательно, существует потребность в сильном и диверсифицированном региональном сотрудничестве с внешними соседями, учитывая национальные интересы и интересы глобальных игроков.

Сербия занимает центральную позицию на Балканах, и то, что фактически объединяет все балканские страны, находясь таким образом в сложной ситуации с момента распада единого государства, при этом имея амбициозные цели внешней политики, в значительной степени влияет на формирование общих отношений в регионе.

Сербия в настоящее время находится в незавидном положении, прежде всего из-за объективных трудностей, пытаясь сдерживать процесс фрагментации своей территории в тоже время двигается в сторону полноправного членства в ЕС. На практике, Сербия политически связала себя с ЕС в евроатлантическую интеграцию, которая в военном и экономико-политическом смысле и привела ее в незавидное положение. Влияние России на Балканах и в Сербии в настоящее время не так сильно, как влияние США и ЕС, но тем не менее становится все сильнее и сильнее и дает возможность Сербии по новому рассматривать свое положение в регионе, особенно в качестве интеграционной альтернативы, в различных, не только энергетической, сферах.

Первые шаги уже предприняты – президенты России и Сербии В.В.Путин и Томислав Николич подписали 24 мая 2013 г. в Сочи декларацию о стратегическом партнерстве между двумя странами, которое охватывает все сферы взаимодействия, включая политику, торговлю, экономику, культуру, науку, технику и образование[2]. Стратегическое партнерство предусматривает развитие масштабного сотрудничества, в частности, в политической координации по вопросам двусторонних, региональных и международных отношений.

Региональные факторы отражаются, прежде всего, в том, что, в отличие от предыдущего разделения балканских стран на два блока, когда Болгария и Румыния были в Варшавском договоре, а Греция и Турция в НАТО, и когда Албания была в полной изоляции, а Югославия была членом Движения неприсоединения, сегодня балканские правительства провозгласили одну и ту же цель – интеграцию в ЕС. За исключением

[1] Đukanović, Dragan, Zapadni Balkan: stalni usud evropske periferije // Medjunarodni problemi. 2015. Institut za međunarodnu politiku i privredu. Beograd, 2015.

[2] Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией. 24. мая 2013. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/1461

Сербии, которая продолжает настаивать на военном нейтралитете, все балканские страны определили НАТО как внешнеполитическую цель[3]. Из бывших республик Югославии, Словения, а с июля 2013 г. и Хорватия, уже в Европейском союзе, как и старые соседи Сербии – Румыния и Болгария. Другие страны в регионе имеют либо статус кандидата, либо участвуют в процессе стабилизации и ассоциации. Все вышеупомянутые государства, за исключением Сербии, члены НАТО, и только после того, как вошли в НАТО, вступили и в ЕС.

В последние годы этот процесс характеризируется, как объясняет сербский политолог Ясминка Симич, чувством «усталости от расширения», вызваного преждевременным присоединением Румынии и Болгарии (2007), затем институциональным и политическим кризисом в ЕС во время принятия Лиссабонского договора (2009), и затем результатами глобального экономического кризиса, а также открытыми политическими вопросами в Балканах, такими как односторонное провозглашение независимости Косово (2008), имплементация Брюссельского соглашения (2013), этническая и политическая напряженность в БЮР Македонии (2015)[4].

Различные оценки целей и достижений интеграции в регионе и место Сербии в них. На одном полюсе находятся те, которые считают политику расширения Европейского союза наиболее успешной. Для них процесс вступления в Европейский союз оказался наиболее эффективным мобилизующим фактором в процессе стабилизации и реформ Западных Балкан. Они указывают на то, что европейская перспектива поощряет политические и экономические реформы, трансформацию общества и открывает новые возможности для граждан и бизнеса новых государств-членов. Для них характерны высокая оценка реализации финансовых инструментов для подготовки к вступлению в ЕС (IPA) и ожидания, что расширение Европейского союза принесет взаимную выгоду[5].

Совсем на другом полюсе те, кто утверждают, что именно на Балканах проверен механизм принудительного крушения стран, на Балканах НАТО нашла свое новое назначение в так называемых *«гуманитарных интервенциях»* и первый раз ее *«театр действия»* расширился не на территории государств-членов, а на территории южного сербского края Косово и Метохия, Германия на Балканах впервые со времен Второй мировой войны выступала в роли иностранных вооруженных сил. Таким образом, нейтральная, межблочная областъ, пространства бывшей Югославии стала *«полигоном постмодерного, неоколониального господства*

[3] Đukanović D., Spoljnopolitičke orijentacije država zapadnog balkana – uporedna analiza. U: Godišnjak br. 4 , Fakultet političkih nauka, 2010., str. 295-313; Međunarodni problemi, 2009, vol. 61, br. 3, str. 343-364.

[4] Simić, Jasminka, Evropska unija i nove mogućnosti Zapadnog Balkana, u: Medjunarodni problemi 2015, god. LXVI, br. 1158-1159, IMPP, Beograd 2015, str. 89-104.

[5] Там же.

– крупным геополитическим выигрышом атлантизма, полученым в результате их значительной внешней политики и военных, а также действий в сфере безопасности в период после окончания холодной войны»[6]. Евроскептики и пророссийски настроенная часть Сербии, отмечают по поводу евро-атлантической интеграции, что Сербия не можем принять это как нечто, что не имеет альтернативы *и что «мы не должны допустить ошибку, бежать за евроатлантическим поездом, который мы потеряли 20 лет назад, потому что он ушел, и теперь маятник качнулся в другую сторону»*[7].

Свобода действий Сербии на международной арене ограничена рамками системы международных отношений, частью которых она является и которые в значительной степени определяют ее внешнеполитические приоритеты. Падение Берлинской стены в 1989 г. положило начало трансформации экономической, правовой и политической систем в странах Центральной и Восточной Европы и привело к разрушению Югославии, от которого Сербия, в качестве государства преемника, еще не полностью *«выздоровела».* Мир вступил в период нарушенного баланса и абсолютного доминирования одной из мировых держав – Соединенных Штатов.

В конце первого десятилетия XXI в., как утверждает Дугин, мир находится в процессе постепенного изменения, что приводит к возникновению многополярного мира – *«радикальной альтернативы однополярному миру в том, что настаивает на наличии нескольких независимых и суверенных центров принятия глобальных стратегических решений на планетарном уровне»*[8]. Однополярный мир уходит в историю, а *в* новом формирующемся многополярном мире выделяются разные центры власти с примерно равной силой, которые способны уравновешивать друг друга. На данном этапе заметно растет экономическая мощь государств-членов BRICS, а именно: Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки и тем самым фиксируется прекращение мирового господства США и их глобальной гегемонии. К тому же, кроме BRICS, были сформированы и множество других макрорегиональных интеграций, из которых для Сербии наиболее значимыми являются те, которые находятся в Евразии и члены которых поддерживают территориальную целостность Сербии[9]. Ясно, что такое развитие событий не соответствует интересам США, которые пытаются предпринять конкретные стратегические шаги

[6] Гайич, А. В Геополитической трещине: Сербия между европейским и евразийским союзами //В зборнике: Степић М.,Ђурић Ж., ур. Србија и евроазијски геополитички простор, Институт за политичке студије, Beograd, 2013. С. 429.

[7] Dragojlović N., Sretenović S. i Đukanović D., ur. Spoljna politika Srbije ─ Strategije i dokumenta, Evropski pokret u Srbiji, Beograd, 2010, str.25.

[8] Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Евроазийское двиэжение. М., 2013. С. 30.

[9] Степић М.,Ђурић Ж. Указ. соч.

направленные против их развития, а, как это утверждает И.Н. Панарин: *«Главным инструментом международной политики ряда государств и блоков становится сила, а обеспечение силового превосходства – приоритетной внешнеполитической целью. Манипулирование настроениями населения государств, создание, финансирование и всестороннее обеспечение оппозиционных группировок стало действенным инструментом смещения неугодных и приведения к власти лояльных Западу политических режимов. Широкое распространение получила практика организации так называемых «цветных революций» (Ирак, Ливия, Египет, Грузия, Украина). Мир вплотную подошел к стадии открытой конфронтации»*[10].

Евро-атлантический и евразийский центры выделяются в качестве точек, вокруг которых объединяются страны на нашем большом евразийском континенте от Лиссабона до Владивостока. Отношения между ними становятся центральным вопросом в мировой политике XXI в. Потребность и геополитическая реальность Сербии – развитие и укрепление отношений со странами обоих блоков, а именно с Евроатлантикой (членами ЕС и США) с одной стороны, и со странами Евразии, особенно с Российской Федерацией и странами-членами Евразийского экономического сообщества и Евразийского союза с другой стороны.

В процессе выбора между «блоками» или в решении остаться вне таковых, а также в поиске новых форм сотрудничества, Белград должен сохранить наиболее важные элементы государственности и право на самостоятельный политический путь, оберегая свои национальные ценности. Учитывая все более выраженное противостояние между двумя центрами, рождается вопрос, может ли Сербия вообще выжить как нейтральное государство? Или Сербия должна определиться и стать восточным флангом Европейского Союза, а следовательно, и Атлантического блока (собственно говоря, начиная с 2000 г. это и является основным направлением внешней политики всех правительств Сербии), или стать западным флангом Евразии, что естественнее и ближе народу Сербии, который идентифицирует Евразию со своим историческим союзником – Россией.

В Сербии преобладает мнение, что она должна связать свой прогресс с интеграцией в более крупную систему, что соответствует утверждению А.Г.Дугина, что *«многополярный мир не рассматривает всерьез суверенитет существующих национальных государств. Чтобы быть суверенным субъектом в XXI в. национального государства более*

[10] Доклад коодинатора Аналитической Ассоциации ОДКБ Игоря Николаевича Панарина на круглом столе «Новые вызовы безопасности в Европе и Евразии и роль Сербии». Белград, 7 апреля 2015 года. Читать полностью: http://www.km.ru/spetsproekty/2015/05/18/voenno-politicheskii-blok-nato/758887-odkb-i-bezopasnost-evrazii

недостаточно. Реальным суверенитетом может обладать только совокупность, коалиция государств»[11]. В том же ключе, известный сербский политолог и дипломат Ковачевич отмечает, что новая внешняя политика Сербии должна быть *«основана на рациональной и объективной оценке ситуации, в которой страна находится, и среды, к которой она принадлежит»*[12]. Согласно широко распространенному мнению, Сербия находится в сфере интересов Европейского союза и НАТО и будет быстро окружена ими со всех сторон в обозримом будущем[13]. Поэтому не удивительно, что официальная позиция представителей евро-атлантической концепции внешней политики Сербии, чьим ярким представителем является Ковачевич, учитывает эту оценку ситуации в международных отношениях, и предпочитает европейскую и евро-атлантическую интеграцию всем другим международным политическим и экономическим основам для решения переходных проблем Сербии. К этому дополнительно добавляется тот факт, что у всех соседей, в том числе и у стран Западных Балкан, недвусмысленная позиция в этом вопросе, то есть, ни одна из стран не нашла адекватного альтернативного направления, чтобы обеспечить ожидаемый уровень внутренних экономических и социальных реформ и консолидации[14].

Почти все шаги, предпринятые правительствами Республики Сербия с 2000 г., о чем свидетельствуют десятки стратегий и программ, принятых правительством и парламентом страны[15], не противоречат вышеизложенным взглядам, которые указывают на необходимость присоединения к этим организациям на пути развития страны. Такой политический выбор обоснован, в первую очередь, на предположении политических элит Сербии, что оказавшись за пределами европейской и евро-атлантической интеграции, Сербия неизбежно окажется в самоизоляции и это приведет к распаду государства.

Опыт девяностых годов прошлого столетия и первых десятилетий XXI в. показывает, что решение национального вопроса без согласования с принципиальными союзниками внутри одного блока и без широкого понимания международного контекста может привести к полной геополитической изоляции и провалу. Изменение в направлении внешней политики, отказ от декларативного нейтралитета, ориентация к одному из

---

[11] Дугин А. Г. Теория многополярного мира, Евроазийское двиэжение. М., 2013. С. 30.

[12] Dragojlović N., Sretenović S. i Đukanović D., ur, Spoljna politika Srbije ─ Strategije i dokumenta, Evropski pokret u Srbiji, Beograd, 2010. S. 25.

[13] Đukanović D., Spoljnopolitičke orijentacije država zapadnog balkana – uporedna analiza. U: Godišnjak br. 4, Fakultet političkih nauka, 2010. S. 295-313; Međunarodni problemi, 2009. Vol. 61. br. 3. S. 343-364.

[14] Там же. С. 25.

[15] Речь идет о таких важных документах как: Национальная программа по принятию Acquis (2013-2016); План действий для быстрого получения статуса кандидата; Национальная программа по интеграции РС в ЕС и т.д.

двух блоков и стратегическая ориентации на Запад или Восток — остается недоделанным, открытым и прежде всего деликатным процессом, который требует политической воли и общественной поддержки, но одно становится понятно – путь в Евросоюз для Сербии не является безальтернативным и необходимо вырабатывать разнообразные формы интеграционного взаимодействия не только с ЕС, но и ЕАЭС.

Анна Николаевна МАРИНОВИЧ,
Аспирант
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета
им. Первого президента России
Б.Н. Ельцина

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация: В статье рассматривается актуальная для современных политических процессов тенденция – медийность. Отмечается, что в связи с широким распространением интернета, увеличилась значимость информации не только в повседневной жизни граждан, но и в современных политических процессах: госслужащие стали более открытыми для средств массовой информации, чаще используют интернет-медиа для выстраивания коммуникации и диалога с гражданами, что способствует поддержанию легитимности власти. В этих обстоятельствах в политическом пространстве произошло перераспределение власти, и появились новые акторы, активно использующие массмедиа для достижения политических целей и формирования собственной повестки дня в медиа. Делается предположение, что сегодня становится сложнее утаивать сведения о значимых мировых политических событиях, и практика, к которой прибегают современные политики, – интерпретация фактов, пояснение причинно-следственных связей, озвучивание собственного видения ситуации. На примере заявления Президента России Владимира Путина о начале вывода российских военно-космических сил из Сирийской Арабской Республики, автор демонстрирует, как интерпретируются события заинтересованными сторонами сирийского конфликта, и какие действия предпринимают акторы в информационном противостоянии с террористами.

Ключевые слова: медийность политики, политический процесс, сирийский конфликт, СМИ, информация.

MARINOVICH A. N.,
PhD candidate at the department
of Political Science Institute of Social and Political Science
Ural federal university named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin

THE INFORMATION COMPONENT OF MODERN POLICY ON THE EXAMPLE OF THE SYRIAN CONFLICT

Abstract: The article discusses such current political process trends as media policy. It is noted that due to the wide spread of the Internet, the importance of information has increased not only in the everyday life of citizens, but in the modern political processes. Public servants have become more open to the media, they often use online media for forming communication and dialogue with citizens, that helps to maintain the legitimacy of the authorities. In these circumstances the political power redistributed in political space, and new actors are appearing; they actively using the media for political purposes and the formation of their own agenda in the media. It is assumed that today it becomes more difficult to conceal information about important global political events, and modern politicians resort to the practice of interpretation of the facts, an explanation of the cause-effect relationships, announcing own vision of the situation. On the example of statement of Russian President Vladimir Putin's about the beginning of the withdrawal of the Russian military space forces from the Syrian Arab Republic the author demonstrates how events are interpreted by the parties concerned of the Syrian conflict, and what actions actors are taking in the information confrontation with terrorists.

Keywords: media policy, political process, the Syrian conflict, media, information.

В современном обществе действия политиков и политические процессы стали массмедийными: заявления и действия госслужащих оперативно и широко освещаются как в российских, так и в мировых СМИ, по средствам массмедиа представители власти демонстрируют открытость: на личных страницах в интернете, в социальных медиа публикуют информацию о визитах, договоренностях, подписанных соглашениях и законопроектах, по итогам переговоров делают заявления и рассылают пресс-релизы. К примеру, пресс-служба Кремля ежедневно публикует сообщения на сайте http://kremlin.ru/, дублирует информацию в соцсетях и рассылает смс с информацией о работе президента. Пресс-служба Белого

дома тоже активно пиарит главу Штатов: только в Twitter представители ведомства ведут 80 официальных аккаунтов[1].

Несмотря на то, что СМИ и интернет как инструменты используют, в том числе, и для отвлечения внимания от реальных проблем: посредством формирования заданной повестки дня, акцентирования внимания на определенных событиях, замалчивания причин и последствий происшествий, сегодня во многом благодаря повсеместному распространению интернета информацию о каких-либо решениях или действиях утаить довольно сложно. Факты рано или поздно становятся известны, а блокирование социальных медиа или оказание давления на СМИ, как показывают примеры отдельных стран (Турция, Сирия, Китай) зачастую не приносят ожидаемые результаты, а иногда приводят и к обратному эффекту – повсеместному недоверию граждан по отношению к политикам. Практика, к которой прибегают сегодня, – интерпретация фактов и пояснение причинно-следственных связей, озвучивание собственного видения ситуации.

Остановимся на примере сирийского конфликта, события вокруг которого – теракты, военные операции, переговоры, религиозные противостояния, действия международных акторов, миграция – широко освещаются в мировых СМИ на протяжении пяти лет. Как нам представляется, в зависимости от целей участников конфликта, соответствующим образом поясняются и события. Так, 14 марта 2016 г. президент РФ Владимир Путин распорядился «начать вывод основной части воинской группировки из Сирийской Арабской Республики»[2]. Неожиданное для большинства решение российского президента стало медийным: заявление сделано для прессы, получило широкое освещение в мировых СМИ и незамедлительную реакцию руководителей США и Сирии, также, озвученную на порталах госдепартамента США[3] и главном сирийском СМИ Sana.sy. Пресс-службы глав трех стран опубликовали срочные релизы по итогам телефонных переговоров с Владимиром Путиным, а эксперты в СМИ стали обсуждать возможные цели и причины вывода российских ВКС.

В отечественных СМИ вывод авиагруппы трактовался как своевременный: Москва добилась поставленной цели – положила начало мирному урегулированию конфликта и не увязла в нем: «Объявив о выходе из войны сейчас, Москва имеет веские основания представить сирийскую

1 A list of official White House accounts / WhiteHouseAccounts. URL: https://twitter.com/WhiteHouse/lists/whitehouseaccounts/members (date of accesses March 19, 2016).

2 Встреча с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу / Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51511 (дата обращения 19.03.2016).

3 Readout of the President's Call with President Vladimir Putin of Russia / The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/14/readout-presidents-call-president-vladimir-putin-russia (date of accesses March 19, 2016).

кампанию как свою победу. Хотя бы по той причине, что перемирие в Сирии, объявленное президентами РФ и США, стало возможным, прежде всего, благодаря перелому в ходе боевых действий, внесенному российскими ВКС»[4]; «Решение Путина разочарует как тех, кто считал, что Россия увязла в конфликте, так и полагавших, что она должна нести до конца бремя ответственности за сохранение режима президента Асада, говорит политолог Андрей Кортунов. Похоже, Кремль учел опасность повторения Вьетнама и Афганистана, когда военные кампании, изначально планировавшиеся как краткосрочные, растягивались на долгие годы»[5]. Также в российских СМИ отмечалось, что, несмотря на то, что вывести Россию из изоляции не получилось, определенные успехи в Сирии российские венные показали: «удалось отстоять и расширить контролируемую сирийским правительством территорию страны, на которой проживает до 80% населения»[6].

Эксперты и спикеры в американских СМИ решение российского президента трактовали как вынужденное: на Россию оказал давление Запад, военная операция обходится стране очень дорого, в особенности во время глубокого экономического кризиса, и у российской и сирийской сторон появились разногласия по предстоящим женевским переговорам: «Господин Путин добился многих поставленных целей: возвращение России на мировую арену в качестве глобальной державы, предотвращение смены режима под давлением со стороны внешних сил, в особенности Запада, укрепление своих позиций в Сирии, уничтожение российских джихадистов на сирийском поле и укрепление позиций господина Асада. … Объявив, по сути дела, миссию выполненной, Россия подтверждает, что уничтожение ИГИЛ никогда не было ее основной целью. Можно сказать, что российские военные освободили Пальмиру от уничтожения боевиков, однако российская авиация засыпала ее руины и жителей авиаударами»[7].

В сирийских СМИ заявление Владимира Путина было обозначено как решение согласованное с Башаром Асадом: «После побед САА в борьбе с терроризмом, достигнутых при поддержке ВКС РФ, восстановления безопасности и стабильности во многих районах Сирии и широкого распространения локальных примирений, в ходе телефонного разговора между президентом САР Башаром Аль-Асадом и президентом РФ

---

[4] *Юсин М.* Что получилось и не получилось в Сирии // Коммерсантъ. URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2937915 (дата обращения 19.03.2016).

[5] *Никольский А., Мухаметшина Е., Козлов П., Ильина Н.* Владимир Путин объявил о выводе войск из Сирии // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/15/633563-vladimir-putin-obyavil-nachale-vivoda-voisk-sirii (дата обращения 19.03.2016).

[6] Там же.

[7] *MacFarquhar N., Bernard A.* Pitin Orders Start of Syria Withdrawal, Saying Goals Are Achieved / The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (date of accesses March 19, 2016).

Владимиром Путиным была достигнута договорённость о сокращении количества российской авиационной группировки военно-космических сил России в Сирии в соответствии с текущей обстановкой и прекращением боевых действий»[8]. При этом администрация сирийского президента опровергла заявления о разногласиях между главами стран, которые могли бы стать причиной вывода российских ВКС, назвав их «инсинуациями»: «Россия и Сирия остаются привержены совместной борьбе с терроризмом везде на территории САР»[9], подчеркнули в администрации сирийского президента.

Тренд медийности политики использует и другая сторона конфликта – запрещенная в России террористическая организация ДАИШ, которая проводит грамотную пропаганду и интерпретирует происходящие события посредством социальных медиа, электронного журнала, приложений для смартфонов, через СМИ. Так, в номерах Dabiq террористы оправдывают создание халифата хадисами Мухаммеда и поясняют сражения пророчествами: «От искры, вспыхнувшей здесь, в Ираке, разгорится пламя, оно будет пылать все сильнее и сильнее – с позволения Аллаха, – пока не сожжет армии крестоносцев в Дабике»[10]. Когда в 2014 г. международная коалиция объявила, что будет бороться с ИГИЛ, лидеры группировки представили это как знак того, что пророчество сбывается.

У группировки отработана и практика размещения видео-обращений в YouTube, на которых последователи казнят журналистов или заявляют о безнаказанности и мощи, привлекая последователей по всему миру. К примеру, в 2014 г. экстремистские «ветки» Аль-Каиды – АКАП и АКИМ – выложили в сеть видео обращение с призывом к ДАИШ объединиться в борьбе против международной коалиции, узбекские боевики опубликовали видео «вступи в ряды», в котором клялись в верности лидеру ИГ Абу Бакру аль-Багдади. В 2015 г. нигерийская группировка «Боко харам» также опубликовала видеозапись, на которой боевики обязались «слушаться и повиноваться ИГ во времена тягот и процветания»[11]. Всего в 2014-2015 гг., по заявлению Пан Ги Муна, на верность ДАИШ присягнули 34 группировки по всему миру[12].

---

[8] В ходе телефонного разговора Аль-Асад и путин договорились сократить авиагруппировку ВКС РФ в Сирии // SANA. URL: http://sana.sy/ru/?p=66789 (дата обращения 19.03.2016).

[9] Администрация президента САР: решение о сокращении сил ВКС РФ было принято в полной координации сторон при тщательном изучении вопроса в течение некоторого времени // SANA. URL: http://sana.sy/ru/?p=66794 (дата обращения 19.03.2016).

[10] *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство: Армия террора / Пер. с англ. – М., 2016.

[11] Террористическая организация "Исламское государство". Досье / ТАСС. URL: http://tass.ru/info/1264570 (дата обращения 20.03.2016).

[12] Генсек ООН: на верность ИГ присягнули 34 группировки по всему миру // Коммерсант.ru URL: http://www.kommersant.ru/doc/2910912 (20.03.2016).

Профессионально отснятые и смонтированные полуторачасовые фильмы[13] также ориентированы на молодых последователей и жен, жаждущих приключений, ярких эмоций, крупных сумм денег, самоутверждения. В ход идут и социальные медиа: в группах Facebook, Twitter, Telegram сторонники террористов по всему миру обмениваются информацией и организовывают совместные действия. Посредством приложений для смартфонов и компьютеров они создают каналы для обмена аудио сообщениями и трансляции проповедей священнослужителей. Демонстрируя через медиа вседозволенность – создание квазигосударства, захват нефтяных месторождений, покупка и продажа нефти и оружия, киднеппинг, медийные казни, разрушение памятников и произведений искусства, – ДАИШ заявляет о несостоятельности представителей власти и бесполезности системы общественной безопасности. И СМИ, устраивая широкий резонанс, помогают целям террористов.

Противостояние террористам также активно происходит в медиа пространстве. В России Роскомнадзор, к примеру, ограничивает распространение информации о деятельности группировки – закрывает доступ к видео, сайтам, группам в социальных медиа, – что не представляется нам верным решением, также как и тотальный контроль частной жизни граждан в интернете. Практика показывает, что при желании посетить необходимый сайт возможно[14], а утаить факты – сложно. Напомним, в первый же день крушения российского самолета над Синайским полуостровом, западные СМИ, имея доступ к медиа-ресурсам террористов, сообщали, что ДАИШ взяла на себя ответственность за теракт. Однако российское руководство причастность группировки определенное время умалчивало и не комментировало. Сбор информации о пользователях интернета также показал свою несостоятельность: к примеру, теракт в Париже 13 ноября террористы координировали через Telegram, в котором сегодня «более 30 каналов джихадистов, посредством которых транслируются сообщения на арабском, английском, французском, немецком, турецком, курдском, индонезийском, боснийском, русском, бенгальском языках и урду»[15].

Подходящими решениями в данном случае нам представляются более строгий контроль над оборотом оружия и финансовыми потоками, которыми поддерживают террористов (одним из таких шагов, на наш взгляд, являются действия Центробанка по ужесточению правил обмена

[13] *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство: Армия террора / Пер. с англ. М., 2016.

[14] *Болецкая К.* Дмитрий Медведев обнаружил, что блокировка Rutracker не работает // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/02/17/630067-medvedev-rutracker (дата обращения 20.03.2016).

[15] Накликали беду // Lenta.ru – URL: http://lenta.ru/articles/2015/11/15/ismedia/ (дата обращения 20.03.2016).

валюты и идентификации личности клиентов обменников[16]) и информационное противодействие: широкое освещение операций спецслужб по устранению джихадистов, что одной стороны поможет вернуть уверенность граждан в важности и успешности работы служб безопасности, а с другой – заставит задуматься желающих вступить в ряды террористических группировок. Также примечательным решением нам представляются действия Госдепартамент США, который не блокирует доступ к группам террористов, а троллит их. Так, пресс-служба ведомства создала в Twitter аккаунт «Подумай и откажись»[17], в котором ежедневно публикует фотографии зверств и злодеяний террористов. В аккаунте радикалов @OperationJihad, в котором размещены призывы к последователям группировки, появился твит: «Мы не стремимся ни к чему в этом мире, кроме мученичества; мы будем похоронены в горах, и снег будет нашим саваном»[18]. На что госдеп ответил: «Гораздо лучше дать сирийскому ребенку пару башмаков, чем вытаскивать его из дома в снег, чтобы искать вместе с тобой смерть»[19]. Подобные публикации госдепа находят поддержку пользователей Twitter и положительные отзывы граждан.

Обобщая вышесказанное отметим, появление и широкое распространение интернета повысило роль информации в политических процессах. Современная политика стала медийной – действия госслужащих широко освещаются в СМИ, легитимность власти во многом формируется посредством грамотного выстраивания коммуникации и диалога с гражданами, – а в политическом пространстве произошло перераспределение власти: появились новые акторы.

Литература:

1. Администрация президента САР: решение о сокращении сил ВКС РФ было принято в полной координации сторон при тщательном изучении вопроса в течение некоторого времени // SANA. URL: http://sana.sy/ru/?p=66794 (дата обращения 19.03.2016).
2. *Болецкая К.* Дмитрий Медведев обнаружил, что блокировка Rutracker не работает // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/02/17/630067-medvedev-rutracker (дата обращения 20.03.2016).

[16] *Калюков Е.* ЦБ ужесточил правила обмена валюты / РБК URL: http://www.rbc.ru/finances/24/12/2015/567c12699a7947c41683c3cf (дата обращения 20.03.2016).

[17] Think AgainTurn Away, U.S. Department of State. – URL: https://twitter.com/thinkagain_dos (Date of access 20.03.2016).

[18] *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство: Армия террора / Пер. с англ. М., 2016.

[19] Think AgainTurn Away, Twitter post, 16 January 2015 / The U.S. Global Engagement Center. URL: https://twitter.com/ThinkAgain_DOS/status/555802610083852289 (Date of access 20.03.2016).

3. В ходе телефонного разговора Аль-Асад и путин договорились сократить авиагруппировку ВКС РФ в Сирии / SANA. URL: http://sana.sy/ru/?p=66789 (дата обращения 19.03.2016).
4. *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство: Армия террора / Пер. с англ. М., 2016.
5. Встреча с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу / Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51511 (дата обращения 19.03.2016).
6. Генсек ООН: на верность ИГ присягнули 34 группировки по всему миру // Коммерсант.ru. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2910912 (20.03.2016).
7. *Калюков Е*. ЦБ ужесточил правила обмена валюты / РБК. URL: http://www.rbc.ru/finances/24/12/2015/567c12699a7947c41683c3cf (дата обращения 20.03.2016).
8. Накликали беду // Lenta.ru. URL: http://lenta.ru/articles/2015/11/15/ismedia/ (дата обращения 20.03.2016).
9. *Никольский А., Мухаметшина Е., Козлов П., Ильина Н*. Владимир Путин объявил о выводе войск из Сирии // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/15/633563-vladimir-putin-obyavil-nachale-vivoda-voisk-sirii (дата обращения 19.03.2016).
10. Террористическая организация "Исламское государство". Досье / ТАСС. URL: http://tass.ru/info/1264570 (дата обращения 20.03.2016).
11. *Юсин М.* Что получилось и не получилось в Сирии // Коммерсантъ URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2937915 (дата обращения 19.03.2016).
12. A list of official White House accounts. URL: https://twitter.com/WhiteHouse/lists/whitehouseaccounts/members (date of accesses March 19, 2016).
13. *MacFarquhar N., Bernard A.* Pitin Orders Start of Syria Withdrawal, Saying Goals Are Achieved / The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (date of accesses March 19, 2016).
14. Readout of the President’s Call with President Vladimir Putin of Russia // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/14/readout-presidents-call-president-vladimir-putin-russia (date of accesses March 19, 2016).
15. Think AgainTurn Away, Twitter post, 16 January 2015 / The U.S. Global Engagement Center. URL: https://twitter.com/ThinkAgain_DOS/status/555802610083852289 (Date of access 20.03.2016).

Евгений Михайлович МИНИН,
Профессор кафедры теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета
Айжан Джанишевна КОЗУЕВА,
Магистрант
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СЕЦЕССИИ

Аннотация: В статье делается попытка спрогнозировать, как повлияет приобретение регионом независимости на экономическое положение Каталонии и действительно ли сецессия поможет преодолеть нынешний экономический кризис. Дается также краткая характеристика значения Каталонии в экономике Испании, приводятся основные экономические показатели региона.

Ключевые слова: Каталония; сепаратизм; Европейский союз; экономические последствия; независимость; ВВП; экспорт; иностранный капитал; «сепаратизм богатых»; экономические кризис; бюджетный дефицит.

MININ Evgeny Mikhailovich,
doctor of history, assistant professor, professor of department of regional studies theory, Institute of International Relations and social-political sciences,
Moscow State Linguistic University, Moscow
KOZUYEVA Aizhan Dzhanyshevna
student of magistracy, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan

CATALAN SEPARATISM: ECONOMIC CONSEQUENCES OF POSSIBLE SECESSION

Abstract: The article is devoted to the attempt of predicting how the possible independence of Catalonia will influence the economic situation of the region and whether the secession will really help the solution of modern economic crisis. The description of the role of Catalonia in the economy of Spain and the main economic indicators of the region are also given in the article.

Keywords: Catalonia; separatism; European Union; economic consequences; independence; GDP; export; foreign investment; «separatism of the rich»; economic crisis; budget deficit.

Распад биполярного мира ознаменовался резким всплеском разного рода сепаратистских движений. В современном мире не существует ни одного населенного людьми региона, для которого не была бы актуальной эта проблема. Даже самая благополучная в экономическом плане Европа оказалась неспособной предотвратить ее появление и найти эффективное решение. Более того, этот регион оказался эпицентром нового вида сепаратизма, который был назван «сепаратизмом богатых». Самым красноречивым примером в этом отношении является каталонский сепаратизм.

Сегодня противостояние автономного сообщества Каталонии и центрального правительства Испании вступило в новую фазу конфликта в связи с победой на региональных выборах партии «Вместе за независимость» и принятием в ноябре региональным парламентом резолюции о независимости, так называемой «Дорожной карты», предусматривающей превращение Каталонии в независимое государство в течение 18 месяцев. В этой связи представляется необходимым рассмотреть, с какими последствиями в экономической сфере столкнутся каталонцы в случае достижения ими независимости. Но перед этим целесообразно определить и провести краткий анализ места, которое занимает Каталония в экономике Испании.

Площадь территории автономного сообщества Каталония составляет 32108 км. кв. или немногим более 6% от общей площади территории страны. Численность населения на 1 января 2015 г. достигла 7,508 млн. чел. или 16,1% от населения Испании (это второе место среди автономий после Андалусии, доля населения которой составляет 18%). Регион является одной из самых густонаселенных территорий страны, и плотность здесь составляет 233,8 чел. на один км. кв. (национальный показатель – 93,4 чел./км. кв.) [6].

Валовой внутренний продукт (ВВП) Каталонии в 2013 г. составил 203,6 млн. евро, ее доля в национальном ВВП – 19.9%. Рост ВВП региона зачастую превышает рост этого показателя по стране: в 2012 г. рост ВВП в Испании был отрицательным и составил – 1.6%, Каталонии – 1.3%, в 2013 г. снижение ВВП в Каталонии было также меньше: в Испании – 1.2%, в Каталонии – 0.5% [6]. Особенно выделяются две традиционные для Каталонии отрасли – ***химическая и фармацевтическая.*** Их доля в стране составляет около 44% [4, 17].

Сектор ***туризма*** является очень прибыльным и важным в экономике Каталонии. В этом отношении регион является одним из самых

привлекательных в Испании. В 2013 г. этот регион посетили 16,6 млн чел. Это составило 27% от общего числа туристов в Испанию. Барселона является одним из главных направлений международного туризма. Это самый посещаемый город Европы, после Лондона, Парижа и Рима. Каждый год сюда приезжает около 6 млн. туристов [4, 23].

Каталония является одним из наиболее привлекательных для вложения ***иностранных инвестиций*** регионов Испании. 46,4% иностранных компаний, действующих в Испании, приходятся на Каталонию. По состоянию на 2011 г., это автономное сообщество является третьим по привлекательности иностранных инвестиций регионом Европы. В 2013 г. на Каталонию пришлось 19,8% прямых иностранных капиталовложений в Испанию [2]. Большинство этих инвестиций вложено в недвижимость, машины и оборудование, финансирование и страхование и некоторые другие отрасли.

В последние несколько лет наблюдается некоторая рецессия в экономическом развитии региона, что является следствием кризиса, в который вступила вся страна. Так, например, рост ВВП замедлился и даже стал отрицательным в отдельные годы, появилась такая острая масштабная проблема, как высокая безработица, принимающая особо крупные масштабы размеры среди молодежи. Именно экономические трудности стали одной из причин серьезной активизации сепаратистского движения в регионе. Региональными властями распространяется идея о том, что став независимым государством, Каталония сможет освободиться от «эксплуататорского» центрального правительства, и появится возможность направлять все свои финансовые ресурсы на подъем экономики региона. В этой связи представляется вполне обоснованным выявить и проанализировать те возможные экономические последствия, которые может принести с собой независимость Каталонии.

В первую очередь, следует отметить, что экономические последствия для самой Испании в этом случае будут ***крайне негативными***. Она может потерять около 20% своего ВВП, снизиться способность помогать регионам с большими экономическими проблемами, так как бюджет страны формируется за счет региональных вложений, значительную часть которых обеспечивает Каталония. Помимо этого, регион является крупнейшим экспортером товаров в остальные автономии Испании. В случае достижения независимости Каталонией стоимость этих товаров, неизбежно возрастет, так как появятся границы и таможенные пошлины между бывшими частями ранее единой страны. В условиях сильного экономического кризиса в Испании встанет острый вопрос о возможности успешного выхода из него без одного своих из самых развитых и богатых регионов. А с учетом участия Испании в интеграционных процессах Европы и сильной

взаимозависимости экономик западноевропейских стран, кризис испанской экономики может серьезно отразиться на общеевропейской ситуации [1].

Не менее серьезной в экономическом плане будет и ***ситуация в самой Каталонии*** в случае сецессии. Многое здесь будет зависеть от того, как отреагируют Испания и международное сообщество на возможное провозглашение независимости этим автономным сообществом. Однако нынешнее состояние отношений центрального правительства и региональных властей заставляют достаточно уверенно предположить, что реакция Испании будет крайне негативной и новообразованному государству будет объявлен бойкот. Что касается Европейского союза, то провозглашение независимости Каталонии повлечет за собой ее автоматическое исключение из этого интеграционного объединения, что приведет к восстановлению границ и таможенных барьеров и пошлин (по крайней мере, и на некоторое время). Тем не менее, даже в случае более благоприятной реакции европейских стран, независимая Каталония потеряет сразу два своих потребительских рынка: испанский и европейский. Причем наиболее значимым для региона является именно национальный рынок. Так, например, в 2013 г. экспорт Каталонии в остальную часть государства составил 43,9 млн евро (в 2012 г. – 49,1 млн.), а импорт – 25,1 млн евро (в 2012 г. – 23,2 млн) [5, 94]. Иностранный экспорт региона в 2013 г. составил 58,4 млн евро, а импорт – 67,1 млн. Наиболее важными иностранными партнерами являются Франция и Германия: в 2013 г. экспорт во Францию составил 9,83 млн. евро (импорт – 7,17 млн), в Германию – 6,52 млн. евро (импорт – 11,0 млн). Если рассматривать экспорт в остальную часть Испании как действительно иностранный, наравне с экспортом в другие страны мира, то общий экспорт Каталонии в 2013 г. составил 102,3 млн евро, а доля испанского региона – 42,9% [6]. Провозглашение независимости Каталонии несомненно повлечет за собой ***установление границ и таможенных барьеров*** как минимум в торговле с Испанией. Иностранные эксперты прогнозируют падение экспорта Каталонии, правда, их прогнозы различаются в цифрах. Так, например, экономист Клемент Поло считает, что экспорт уменьшится в два раза в течение пяти лет после получения Каталонией независимости.

Второе возможное последствие отделения Каталонии – ***бегство капитала из региона***. Уже сейчас наблюдается уход иностранных компаний из Каталонии в Мадрид. Так, с 2010 по 2013 гг. в Мадрид переместилось 1060 компаний, которые ранее располагались в Каталонии [7]. Официальная причина – налоги. Однако многие эксперты считают, что настоящей причиной является именно усиление сепаратистского движения. Они говорят о том, что стратегическое расположение Каталонии, близкое к Франции и обеспечивающее беспрепятственный выход к Средиземному морю, может потерять свое значение для иностранного капитала, так как

отделение региона от Испании повлечет за собой выход региона из ЕС и еврозоны. В этом случае иностранные инвестиции будут направляться в другие регионы Испании или другие страны для того, чтобы избежать таможенных пошлин ЕС и других административных барьеров [5, 100].

В-третьих, утверждения сепаратистов о том, что высвободившиеся от центральных налогов средства можно будет использовать для решения экономических проблем Каталонии, достаточно легко оспариваются многими экономистами. Их мнения сходятся в одном: освободившиеся средства, выплачиваемые регионом в казну Испании, скорее всего, пойдут на поддержание тех сфер деятельности, которые раньше Каталонии как автономии были не нужны. Среди них: охрана границ, создание и поддержание собственных дипломатических миссий и вооруженных сил и т.д.

В-четвертых, Каталония в случае провозглашения независимости может потерять ***большое количество трудоспособного населения***: уже сейчас в ситуации достаточно сильного экономического кризиса намечается тенденция к поиску работы за рубежом. Последние три года прирост населения был отрицательным. И иммиграция может принять еще больший масштаб в случае сецессии: вероятнее всего, большинство этнических испанцев переедет в остальную часть Испании. А в ситуации прогнозируемого ухудшения экономического положения регион потеряет и то количество иностранной рабочей силы, которое имеет сейчас.

В-пятых, сецессия Каталонии повлечет за собой автоматический ***выход из Европейского союза***. Региону придется запускать переговорный механизм по новому вступлению в организацию. Региональные власти в целом достаточно позитивно оценивают свои шансы возвращения в единый европейский рынок. Однако в условиях негативных отношений с Испанией можно быть уверенным в том, что Мадрид проголосует против принятия Каталонии в члены ЕС. Поддержка со стороны Великобритании, Бельгии и других стран, страдающих от сепаратистских движений, тоже сомнительна. В такой ситуации наиболее оптимистичным вариантом будут затянутые переговоры по вступлению Каталонии в ЕС, не приводящие ни к какому результату.

Еще один очевидный вопрос, который вытекает из последнего пункта, – неопределенное положение ***каталонской валюты***. Региональные власти убеждены в том, что независимая Каталония может рассчитывать на свое участие в Европейской экономической зоне, объясняя это тем, что для вступления в нее необходимо наличие квалифицированного большинства. Будучи участником Европейской экономической зоны, но, не входя в ЕС, Каталония сможет продолжить пользоваться евро как своей валютой. Однако, как было отмечено ранее, представляется сомнительным, что большинство европейских стран выскажется за вступление независимой Каталонии, поскольку невозможно с уверенностью гарантировать, что

решение вопроса международного признания независимости Каталонии не окажется затянутым на долгие годы. Таким образом, можно достаточно уверенно предположить, что Каталонии придется отказаться от евро и вводить собственную валюту. Введение новой валюты, несомненно, будет сопровождаться процессами инфляции, девальвации и т.д. [3, 42].

Здесь приведены и проанализированы лишь самые очевидные последствия отделения Каталонии от Испании. В реальности они могут сопровождаться еще более тяжелыми экономическими проблемами. В этих условиях независимую Каталонию ждет не успешное преодоление экономического кризиса за счет освободившихся средств, которые не нужно будет отдавать в центральную казну, а усиление экономических проблем, решение которых может затянуться на долгий период и сопровождаться болезненными мерами экономии и другими непопулярными среди населения способами.

Литература:

1. *Botto-Tornielli Santiago*. Economic Impacts of Catalonia's Bid for Independence. URL: www.yaleeconomicreview.org/archives/2223
2. Foreign companies in Catalonia. Evolution of FDI to Catalonia and Spain 2003-2014.
URL: www.catalonia.com/en/binaris/fdi_foreign_companies_20042014_2_tcm213-151998.pdf
3. *Higueruela Jose Luis Feito*. The pitfalls of Catalan independence's economic postulates. Сборник статей «The political economy of catalan independence». Мадрид, 2014.
4. *Martinez Alos-Moner Oriol*. The position of an independent Catalonia in the international context. Сборник статей «The economy of Catalonia. Questions and answers on the economic impact of independence». Барселона, 2014.
5. *Polo Clemente.* The secessionist challenge and the economic consequences of independence. Сборник статей «The political economy of catalan independence». Мадрид, 2014.
6. Statistical yearbook of Catalonia. URL: www.idescat.cat/pub/?id=aec&lang=en
7. 1,060 companies moved from Catalonia to Madrid for tax reasons since 2010, according to Madrid's Government. [URL: www.catalannewsagency.com/politics/item/1060-companies-moved-from-catalonia-to-madrid-for-tax-reasons-since-2010-according-to-madrid-s-government

Дарья Олеговна МОСОЛОВА,
Аспирант
Дипломатической академии МИД России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Статья рассматривает роль информационных технологий во внутренней и внешней политике КНДР и Республики Корея. Рассматриваются органы власти, контролирующие подачу информации внутри стран и для зарубежной аудитории, их политика, приёмы обработки информации и подачи её населению, коммуникационного менеджмента, а также вопросы пропаганды двух стран против друг друга. Исследуются вопросы восприятия образов Северной и Южной Кореи западной аудиторией, которые создают средства массовой информации двух стран. Проводится сравнительный анализ информационных технологий и приёмов в двух государствах.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, межкорейские отношения, информационные технологии, коммуникационный менеджмент, конфликты

MOSOLOVA Daria,
Post-graduate student of The Diplomatic Academy of the Ministry for Foreign Affairs of Russia

INFORMATION TECHNOLOGIES OF SOUTH AND NORTH KOREA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation: The article regards the role of informational technologies in domestic and foreign policy of DPRK and Republic of Korea. It deals with state bodies, which control the information flow inside and outside the states, the policy of these bodies, methods of information processing and information management as well as issues of the two states propaganda against one another. It also deals with the issues of the perception of DPRK and Republic of Korea, which is created by the mass media, by the western audience and the comparative analysis of the information policy in the two states.

Key words: DPRK, Republic of Korea, interkorean relations, information technologies, communication management.

Современный мир живёт в постоянном совершенствовании научно-технического прогресса. Технологии, позволяющие распространять и

сохранять информацию, становятся совершеннее с каждым днём. Информационные факторы всё больше и больше влияют на дипломатию, политику, экономику, международные отношения и т.д. Информационные технологии, и, в частности, коммуникационный менеджмент, в современном мире являются основным инструментом влияния на массовое сознание, которое, в свою очередь, является одним из решающих факторов в вопросах войны и мира в международных отношениях.

Ни один конфликт в современном мире не обходится без противостояния в информационной сфере. Крайне актуальна данная тема и для Корейского полуострова, где напряжённая обстановка сохраняется вот уже на протяжении 60 с лишним лет. Страна раскололась в 1945 г. практически полностью под воздействием внешних сил, но уже через 5 лет началась жестокая гражданская война внутри самой корейской нации. Сформированный за промежуток длиною в пять лет образ врага прочно укоренился в умах населения двух стран; он существует и сейчас, спустя несколько десятилетий; разумеется, этот образ несёт в себе гораздо меньше жестокости, чем во время войны, но он является одним из основных препятствий к нормализации межкорейских отношений. Одной из причин срыва всех переговоров КНДР и её союзников с момента выхода КНДР из ДНЯО было то, что стороны не могли договориться по причине недоверия друг другу. Основным фактором, формирующим эту атмосферу недоверия, являются СМИ. В статье рассмотрим, какие информационные технологии и приёмы существуют на сегодняшний день в Северной и Южной Корее, а также то, каким образом пропаганда, которую они создают, влияет на межкорейские отношения.

Южная Корея является одной первых стран мира по уровню развития информационных технологий. Согласно индексу развития информационно-коммуникационных технологий (*The ITU ICT Development Index*), Южная Корея уже не один год держит первое место в этой области[1]. Неразрывная связь жизни простого южнокорейца, необязательно городского, но и сельского жителя, с информационными технологиями только укрепляется. Встретить в Южной Корее семью, в которой не было бы компьютера, практически невозможно, не говоря уже о современных технологических достижениях, как планшеты, смартфоны и т.д. Южнокорейцы являются активными пользователями социальных сетей. Интернет в Южной Корее доступен любому жителю, но для большинства операций в сети и регистраций на сайтах южнокорейцам необходимо ввести свой уникальный идентификационный номер, что часто исключает анонимность.

[1] Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (The ITU ICT Development Index). Интернет-ресурс: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx

В Северной Корее ситуация прямо противоположная. В большинстве северокорейских семей в провинциях компьютеров нет. Интернет доступен только посольствам или определённым государственным чиновникам, в самой КНДР есть внутренняя сеть – Кванмён – северокорейский аналог интернета, доступ к которой и есть у жителей страны. Технологический прогресс при этом в КНДР идёт своими темпами – так, в 2008 г. был запущен сервис 3G сети Koryolink, однако, использовать его могут только иностранцы, работающие в КНДР. В КНДР на данный момент смартфоны распространяются, однако северокорейские сим-карты не позволяют использовать 3G-сервис жителям страны. Как правило, смартфоны и компьютеры, в основном, доступны жителям Пхеньяна, в провинции они представляют гораздо большую редкость – за исключение северных провинций, граничащих с Китаем, где ситуация иная. На границе с Китаем ловят китайские мобильные сети, а также нелегальным образом распространятся китайские мобильные аппараты. Таким образом, северный район потенциально является наиболее уязвимым для системы северокорейской информационной блокады.

В обеих странах созданы специальные организации, осуществляющие контроль над информацией, доступной населению. В Южной Корее основным органом, контролирующим СМИ, является Комиссия по коммуникационным технологиям Республики Корея[2], созданная по модели Федеральной комиссии по связям в Соединённых штатах. Комиссия была создана в 2008 г., объединив в себе функции влившихся в неё Министерства по информации и коммуникации и Комиссии по теле и радио вещанию. Комиссия напрямую подчиняется Президенту Республики Корея[3]. В функции Комиссии входит отслеживание основных тенденций СМИ, популярности Интернет-ресурсов и общественного мнения в целом. Цели работы Комиссии прописаны на её официальном сайте, среди них есть такие пункты, как гарантия свободы слова, защита прав потребителей и т.д. Самым спорным пунктом, вызывающим дискуссии и опасения в южнокорейском обществе, является отслеживание и запрет противозаконной и вредоносной информации в Интернете (в том числе, в социальных сетях и мобильных приложениях). Есть примеры, когда Комиссия штрафовала компании за размещение информации в соцсетях, признанной Комиссией вредоносной: например, в 2011 г. две медиа-компании, SBS и MBC, были оштрафованы за размещение в Твиттере сообщений, критикующих деятельность президента Южной Кореи Ли Мён

[2] Корейская комиссия по коммуникационным технологиям. Интернет-ресурс: http://www.kcc.go.kr/user.do

[3] Пан До Хон. Поступать по воле Администрации. Sisapress, 28.01.2008. Интернет-ресурс: http://www.sisapress.com/news/articleView.html?idxno=45322

Бака[4]. Это событие вызвало общественный резонанс, Комиссию сравнивали с жёстким цензором; но к изменению политики Комиссии это не привело: контроль осуществляется и по сей день.

Что касается выражения мнений оппозиции в Южной Корее, здесь ситуация следующая: с одной стороны, во внутренней политике говорить о свободе слова можно в контексте того, что оппозиционная правящей партия имеет свой информационно-технологический потенциал и, с одной стороны, может вести агитационные кампании (как пример можно привести, например, выборы в Законодательное Собрание Южной Кореи в апреле 2016 г., где, с небольшим отрывом, но всё же победила оппозиционная правящей партия *Тобуро Минчжуданъ)*. С другой стороны, примеры с отслежкой социальных сетей Комиссией говорят об обратном. Но более важным здесь представляется взглянуть на то, как представляются в СМИ аспекты внешней политики страны, в частности – как освещаются события, связанные с межкорейскими отношениями. При гарантированной свободе слова, практически ни на одном портале невозможно встретить мнение, противоречащее государственной точке зрения. Как правило, даже либеральные газеты, такие, как *Кёнхян Синмун*, придерживаются государственной точки зрения при освещении происшествий между Северной и Южной Кореей (хотя и могут прибегнуть к критике правительства во внутренних вопросах). В целом, все СМИ Южной Кореи поддерживали резкую критику в адрес КНДР не только в вопросах, осуждаемых мировым сообществом в целом (например, ядерные испытания), но в и в вопросах, где вина КНДР была не доказана вовсе (потопление корвета «Чхонан»)[5], либо где не доказана единоличная виновность КНДР (например, при освещении инцидентов около границы между двумя странами, которые периодически происходят и в наши дни).

Однако сам факт наличия оппозиции и её информационных кампаний в СМИ всё же позволяет провести существенное отличие между органами информационной цензуры Южной и Северной Кореи. В Северной Корее двумя основными коммуникационными источниками в КНДР является газета «Нодон Синмун» и Центральное Телеграфное Агентство Кореи (ЦТАК). Перед тем, как выйти в открытый доступ, новость проходит несколько ступеней проверок: сначала в редакции, затем идёт на проверку в Комитет контроля над публикациями, и третья фаза – проверка в Комитете пропаганды и агитации[6]. Основой управленческих коммуникационных

[4] Сон Бон Сок Правящая и оппозиционная партия объединила их критика действий Комиссии по отношению к SNS. http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201110201155571&code=910402

[5] Южнокорейский корвет «Чхонан» взорвался в Жёлтом море 26 марта 2010 г. Правительство Южной Кореи обвинило КНДР в торпедировании корвета. Однако детальное изучение всех обстоятельств взрыва ставит эту версию под большое сомнение. Официальные итоги расследования инцидента международной комиссией до сих пор засекречены.

[6] *Shape M.E*., North Korea Handbook / Yonhap News Agency. Seoul, 2003. P. 410.

технологий в КНДР является как политический курс страны (противопоставление себя Западному миру), так и государственная идеология *чучхе,* которая, в силу своей специфики, заставляет основывать государственную пропаганду на принципах сравнения себя с «прозападной» Южной Кореей, в которой, если верить северокорейской периодике, экономика пребывает в крайне плачевном состоянии, а жизнь населения гораздо тяжелее, чем в КНДР. Конституция КНДР формально гарантирует свободу слова, но оппозиционных мнений в СМИ нет. Политическая система КНДР основана на закрытости информации внутри страны. С одной стороны, население КНДР получает только ту информацию извне, которую перерабатывает по-своему государство (отсюда стоит исключить нелегальные способы получения информации, например, через упоминавшиеся китайские мобильные сети); с другой стороны – за границу из КНДР уходит такая же переработанная информация, и проверить, что в действительности произошло в стране, практически никогда нет возможности. Стоит заметить, что тенденции, которые могут свидетельствовать о том, что эта граница будет постепенно стираться, сейчас появились – так, весной 2016 г. Agence France Press открыло своё представительство в Пхеньяне, став вторым иностранным агентством, открывшим там своё представительство, после Associated Press[7]. Однако, пока говорить о смене тенденции рано. Об этом может свидетельствовать, например, полная закрытость VII съезда Трудовой Партии Кореи в мае 2016 г.

Таким образом, в силу специфики различий режимов на Севере и Юге, контроль над СМИ осуществляется разными способами. Говоря о Юге, можно смело утверждать о развитом коммуникационном менеджменте, что можно проследить, например, на политике Президента Пак Кын Хе, которая, изначально неоднозначно воспринимаемая в южнокорейском обществе[8], смогла достаточно быстро подавить оппозиционные настроения и вернуть себе высокий рейтинг после такой национальной трагедии, как потопление парома «Севоль» весной 2014 г., унесшего жизни более 300 человек, в основном – детей. На Севере же, наоборот, практически не менявшаяся в течение 60 лет система прямого контроля и переработки информации свидетельствует о том, что о развитых современных коммуникационных технологиях здесь говорить не приходится. Вероятнее всего, для поддержания режима эта система должна быть переработана в течение ближайшего десятилетия, и можно выделить

[7] Agence France Press открывает представительство в Пхеньяне Sputniknews, 19.01.2016г. Интернет-ресурс: https://fr.sputniknews.com/international/201601191021049600-pyongyang-afp/

[8] Пак Кын Хе – дочь генерела Пака Чон Хи (1963-1979) – одной из самых известных личностей в истории Кореи. С одной стороны, Пак Чон Хи известен тем, что успешно начал «экономическое чудо» Кореи и именно при нём экономика Юга обогнала экономику Севера. С другой стороны, многочисленные политические репрессии закрепили за ним образ жестокого диктатора, о чём южнокорейское общество не могло не вспомнить, когда его дочь стала Президентом страны в 2012 г.

несколько причин, почему это должно быть сделано. Во-первых, с технологическим прогрессом потом информации всё сложнее ограничивать физически, поэтому сдерживать поток информации извне в КНДР будет всё сложнее. Во-вторых, закрытость КНДР играет против неё самой. Поскольку никакую информацию, исходящую от «анонимных источников» о КНДР невозможно проверить, она чаще всего воспринимается западной аудиторией за правду, хотя зачастую несёт информацию, фактически «демонизирующую» государство. Один из самых ярких примеров – новость о казни Заместителя Председателя ГКО КДНР Чан Сон Тхэка, якобы скормленного заживо 120 голодным собакам. Источником данной информации стал китайский блоггер-сатирик: узнав о казни Чан Сон Тхэка, он написал в своём блоге шутку, что он был казнён именно таким образом. Затем гонконгская газета Wen Wei Po перепечатала эту информацию, не указав то, что её автор является сатириком, после чего новость была уже подхвачена мировыми СМИ и большинством населения принята на веру, несмотря на её абсурдное содержание. Подобных примеров можно привести много только за последние два года. Наконец, большой уязвимостью для КНДР является сам стиль её контрпропаганды. Как отмечает ведущий научный сотрудник ИДВ РАН К.В.Асмолов, отвечая на компрометирующие заявления в иностранной прессе, КНДР никогда не использует аргументированную критику, ограничиваясь, в основном, эмоциональной лексикой. По этой причине, например, среднестатистический информационный потребитель в Южной Корее и во всём остальном мире будет помнить о том, что Пхеньян угрожал превратить Сеул в «море огня», но в ответ на что Пхеньян так заявил, мало кто сможет вспомнить[9].

Информационный контроль в Северной Корее, таким образом, помогает Западу создавать пропаганду против своего же государства. Если говорить непосредственно о методах информационных операций, то здесь и у Северной, и у Южной Кореи есть много общего, начиная от замалчивания фактов и закачивания обращением к «чёрной пропаганде», т.е. использованию открытой лжи (в СМИ КНДР – в форме безличных сообщений, в СМИ Южной Кореи, как правило – со ссылкой на «источник, пожелавший остаться анонимным»). При этом новости, исходящие от СМИ Южной Кореи, как правило, имеют высокий уровень доверия как внутри страны, так и на Западе. В КНДР, в силу закрытости страны, внутри удаётся в большой степени изолировать население от информации извне, поэтому информация, исходящая от государственных источников, вероятно, воспринимается населением за правду. Что же касается информации, исходящей от КНДР для иностранной аудитории, то она зачастую

[9] Асмолов К.В. Северокорейской контрпропаганде пора меняться // Новое восточное обозрение. 2016. 24 апр. Интернет-ресурс: http://ru.journal-neo.org/2016/04/24/severokorejskoj-kontrpropagande-pora-menyat-sya/

воспринимается скептически. В качестве примера можно привести следующую ситуацию. На протяжении последних 15 лет в КНДР наблюдается сравнительно небольшой, но стабильный экономический подъём. Тем не менее, большая часть западной аудитории по-прежнему верит сообщениям о тяжёлом голоде в КНДР, хотя этому не было ни одного подтверждения за последнее десятилетие. В целом, оценивая информационную политику КНДР, можно сказать, что на данном этапе она всё ещё эффективна, несмотря на её устаревшие методы, и, таким образом, она обеспечивает режиму безоговорочную поддержку населения. Сложно сделать прогноз, насколько такая политика может оставаться неизменной ввиду того, что новые информационные технологии в мире начинают проникать даже через закрытые государственные границы. Вероятно, некоторые изменения всё же будут необходимыми. Информационная политика Южной Кореи, при этом, вполне успешна, о чём свидетельствуют упомянутые выше факты (единство мнений в СМИ, то есть коммуникационный менеджмент как средство контроля над массовым сознанием).

Литература:

1. Agence France Press открывает представительство в Пхеньяне [L'AFP ouvre un bureau à Pyongyang]. Sputniknews, 19.01.2016г. Интернет-ресурс: https://fr.sputniknews.com/international/201601191021049600-pyongyang-afp/. Дата обращения по ссылке: 16.05.2015
2. *Shape M.E.*, North Korea Handbook / Yonhap News Agency. Seoul, 2003. 1155 p.
3. *Асмолов К.В.* Северокорейской контрпропаганде пора меняться. Новое восточное обозрение, 04.24.2016 г. Интернет-ресурс: http://ru.journal-neo.org/2016/04/24/severokorejskoj-kontrpropagande-pora-menyat-sya/. Дата обращения по ссылке: 16.05.2015.
4. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (*The ITU ICT Development Index*). Интернет-ресурс: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx. Дата обращения по ссылке: 16.05.2015.
5. Корейская комиссия по коммуникационным технологиям. Официальный сайт. Интернет-ресурс: http://www.kcc.go.kr/user.do. Дата обращения по ссылке: 16.05.2015.
6. *Пан До Хон*. Поступать по воле Администрации президента [대통령 직속이니 맘대로 하실라]. Sisapress, 28.01.2008. Интернет-ресурс: http://www.sisapress.com/news/articleView.html?idxno=45322. Дата обращения по ссылке: 16.05.2015.

7. *Сон Бон Сок*. Правящая и оппозиционная партия объединила их критика действий Комиссии по отношению к SNS [방송통신위 SNS 심의 추진에 여야 모두 비판]. Интернет-ресурс: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201110201155571&code=910402 (дата обращения по ссылке: 16.05.2015).

Наджиба Ильгар кызы МУСТАФАЕВА,
Соискатель МГИМО (У) МИД России,
Научный сотрудник
Центра Стратегических Исследований (ЦСИ)
при президенте Азербайджанской Республики

РЕФОРМА ООН КАК ЗАЛОГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация: ООН, перешагнувшая 70-й рубеж своего существования в качестве универсальной международной организации, столкнулась сегодня с новыми вызовами и угрозами в лице неразрешенных и новых международных конфликтов, растущей географии международного терроризма, а также массового и грубого нарушения прав человека, что как никогда ранее актуализирует вопрос реформы Организации, предполагающий ее адаптацию к серьезному изменению международно-политической обстановки. Основными приоритетными направлениями реформенного процесса должны быть усовершенствование деятельности Совета Безопасности ООН, как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности, модернизация правозащитной деятельности ООН, а также необходимость координации ее действий по вопросам мира и безопасности с другими международными (региональными, межрегиональными) межправительственными организациями.

На современном, весьма сложном этапе международных отношений, система ООН, должна быть реформирована так, чтобы обладать достаточным, а не «призрачным» авторитетом и влиянием, для решения проблем разоружения, борьбы с международным терроризмом, и, конечно же, предотвращения расширения существующих и недопущения возникновения новых войн и конфликтов. Успех в этом деле может быть достигнут лишь в случае отказа от политики двойных стандартов в ее деятельности и проявления политической воли у мировых держав, призванных справедливо подходить к политико-правовой оценке международных конфликтов. Именно такой подход, опирающийся на прочный фундамент международного права, может быть гарантом обеспечения устойчивого мирового развития на современном этапе международных отношений.

Ключевые слова: реформа ООН, вызовы современности, мир и безопасность, терроризм, права человека.

MUSTAFAYEVA Najiba Ilgar kizi
PhD candidate, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO-University)
Research fellow, Center for Strategic Studies (SAM) under the President of the Republic of Azerbaijan

REFORM OF THE UNITED NATIONS AS A KEY TO INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY IN THE FACE OF NEW CHALLENGES AND THREATS

Abstract: UN, stepped 70th milestone of its existence as a universal international organization, currently has faced with new challenges and threats in the face of international conflicts and the expanding geography of international terrorism. These alarming developments have actualized the importance of the reform of UN like never before, considering its adaptation to a serious change in the international political situation. Taking into account the recent worrying processes in the world it is high time to reform the UN, on which depends the future effectiveness and vitality of the Organization as well as peace and security in the world as a whole. The reform should cover all areas of the organization`s activity, especially the activity of the Security Council, as a main body responsible for maintaining peace and security in the world, UN human rights bodies and coordination activity with other international (regional, interregional) intergovernmental organizations.

In the modern, very complicated stage of international affairs, the activity of the United Nations should be reformed in order to have a sufficient and not a "ghost" authority and influence, to solve the problems of disarmament, combating international terrorism, and, of course, prevent the expulsion of the existing conflicts and the emergence of new wars. The success in this direction can be achieved only in case of renunciation from the policy of double standards in its activity and the demonstration of political will of great powers that are obliged to approach fairly in political and legal assessment of international conflicts. Only the approach based on a solid foundation of international law can be a guarantor of sustainable international development at the modern international affairs.

Keywords: UN reform, modern challenges, peace and security, terrorism, human rights.

В результате Второй мировой войны кардинально изменился весь миропорядок. Одним из наиболее существенных изменений стало создание в 1945 г. универсальной платформы международного сотрудничества

государств – Организации Объединенных Наций, объединяющей сегодня 193 государства мирового сообщества и занимающей центральное место в системе межгосударственных организаций.

В свете последний событий – обострение существующих и возникновение новых международных конфликтов, угрозы международного терроризма в лице Аль-Каиды, ИГИЛ, Джабхат ан-Нусры и других террористических организаций, массовое и грубое нарушение прав человека в результате деятельности последних – как никогда ранее актуализируется вопрос усовершенствования деятельности ООН и ее адаптации к серьезному изменению международно-политического ландшафта.

Перед Организацией встают дополнительные задачи, для решения которых требуется совершенствование существующих и создание новых механизмов функционирования. Касательно деятельности ООН возникает много концептуальных вопросов: Какой должна быть система приоритетов Организации? При каких условиях ее функции могут быть делегированы региональным организациям или коалициям государств? Каковы условия и пределы вмешательства ООН во внутренние дела суверенных государств? К каким последствиям для члена организации может привести несоблюдение решений Совета Безопасности? Как добиться оптимального сочетания демократизма и оперативности в функционировании ООН? Как совместить принцип ее универсальности с особым статусом постоянных членов СБ? и т.д.[1]

Возникла острая необходимость реформирования ООН. Разговор о назревшей необходимости перемен в Организации ведется уже давно, но в начале нового тысячелетия эта тема стала особенна актуальна. Думается, что в нынешней, весьма сложной международной обстановке основное внимание в этом процессе должно быть сфокусировано на реформировании Совета Безопасности ООН как главном органе, ответственном за поддержание международного мира и безопасности[2], модернизации и упорядочения системы правозащитных механизмов ООН, а также координации деятельности ООН с международными (региональными, межрегиональными) межправительственными организациями, в частности по вопросам обеспечения мира и безопасности.

Проблема реформирования Совета Безопасности ООН обсуждается уже более пятнадцати лет. Этот пункт в повестке дня преобразований в ООН включает три ключевых аспекта: 1) расширение членского состава Совета Безопасности; 2) рабочие методы, используемые Советом Безопасности в своей деятельности; 3) механизм исполнения решений

[1] Мустафаева Н. И. Кому нужна реформа ООН? // Движение за возрождение отечественной науки. 30.03.2015. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9482 (последнее посещение: 02.12.2015).

[2] Мустафаева Н. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН // Евразийский Юридический Журнал. 2014. № 10 (77). С. 57-58.

Совета Безопасности. При этом самым спорным из них является первый вопрос, представляющий особый интерес для государств мирового сообщества, как представленных, так и не представленных в данном органе.

Почти тогда же определились основные противоборствующие группы, каждая из которых пропагандировала свой подход, соответственно, убеждая либо в целесообразности введения дополнительных мест постоянных членов, либо, наоборот, доказывая недопустимость увеличения «круга избранных».

За срочное расширение Совета Безопасности ратуют страны «четверки» – Германия, Япония, Индия и Бразилия, объясняющие целесообразность данной инициативы необходимостью представленности в Совете новых «центров силы».

Такой подход оспаривают страны так называемого «кофейного клуба» – Испания, Южная Корея, Мексика, Канада и другие, полагая, что увеличение числа постоянных членов Совета «противоречит курсу на демократизацию и другим современным тенденциям мирового развития», существенно осложняя для других членов мирового сообщества возможность представительства в Совете Безопасности ООН в качестве непостоянных членов[3].

Кроме стран «кофейного клуба» против предложения «четверки» выступает и Италия, категорически возражающая против вступления Германии и Японии в Совет Безопасности ООН в качестве постоянных членов. Свою позицию Италия обосновывает тем, что принятие в Совет Безопасности двух потерпевших поражение во Второй мировой войне государств, в результате которой и создавалась ООН, является дискриминационным шагом в отношении других проигравших войну стран[4].

Вместе с тем, среди пяти постоянных членов Совета Безопасности нет единства мнений по вопросу его расширения. Они имеют разные подходы и методы решения проблем, а идеологические и моральные разногласия становятся камнем преткновения в деятельности Совета и не способствуют разрешению международных конфликтов[5]. Суммируя отношение к этим идеям со стороны нынешних постоянных членов Совета, можно сказать, что все они готовы поддержать предложения, целесообразность которых не

[3] Мустафаева Н. Институт права вето в Совете Безопасности ООН: современное положение и перспективы реформы // Стратегический Анализ. 2015. №2(13). С. 88.

[4] См.: Заемский В.Ф. Кому нужна реформа ООН: в интересах всех и каждого. М., 2011.

[5] Мустафаева Н. Совет Безопасности ООН: «реликвия» или политика двойных стандартов // Материалы VIII Конвента Российской Ассоциации Международных Исследований (РАМИ) на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». М., 2014. URL: *http://risa.ru/ru/2011-05-25-10-23-32/28-viii/238-metamorfozy-postkrizisnogo-mira-novyj-regionalizm-i-stsenarii-globalnogo-upravleniya (последнее обращение: 23.11.2015).*

вызывает сомнений. Вместе с тем, правда, с разной степенью решимости они отвергают попытки ущемления полномочий «пятерки»[6].

На сегодняшний день дискуссии по вопросу реформы ООН, в частности возможности его расширения с предоставлением новым членам права вето, продолжаются. Очевидно, что каких-либо кардинальных изменений в этом вопросе в ближайшее время не предвидится, и Совет Безопасности будет функционировать в прежнем составе. Однако новые вызовы и угрозы, стоящие сегодня перед человечеством, актуализируют вопрос наибольшей географической представленности государств в главном органе ООН, ответственном за поддержание международного мира и безопасности.

В то же время актуализируется и другой, наиболее существенный в этом контексте вопрос, связанный с наделением новых членов Совета Безопасности правом вето. Окажется ли это эффективным шагом на пути быстрого разрешения международных конфликтов или наоборот, приведет к еще большему застою и даже «параличу» не только Совета, но и всей системы международной безопасности?

При этом необходимо отметить тот факт, что все предложения и проекты по расширению членского состава и усовершенствованию механизмов работы Совета Безопасности, включая использование права вето постоянными членами, а также дискуссии по поводу возможных моделей «обновленной» ООН, не будут эффективными и как следствие тому – результативными до тех пор, пока мировые державы не проявят должной заинтересованности в этом вопросе и не проявят политическую волю, необходимую для реальных перемен в самой Организации.

Особое внимание в процессе реформирования ООН, должно быть уделено проблеме исполнения резолюций, вынесенных Советом Безопасности ООН в отношении государств-членов и имеющих дня них юридически обязательный характер. Главная причина недостаточной эффективности Совета заключается именно в его неспособности в ряде случаев обеспечить осуществление своих резолюций. Так, к примеру, более 100 резолюций Совета Безопасности ООН не были выполнены за период с 1968 г. Игнорирование государствами-членами решений главного международного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности и их безнаказанность, может привести не только к потере авторитета ООН, которую мы уже наблюдаем, но и к коллапсу всей системы международной безопасности.

Общепризнанным фактом является то обстоятельство, что ООН не располагает достаточными возможностями для того, чтобы самостоятельно

[6] Мустафаева Н. Право вето в Совете Безопасности ООН: быть или не быть? //Электронный источник. URL: *http://www.1news.az/authors/oped/20151002112203098.html*

урегулировать каждый возникающий в мире кризис. Полагаем, что для поддержания международного мира и безопасности должно быть сформировано партнерство между ООН и другими международными (региональными, межрегиональными) межправительственными организациями.

Совет Безопасности ООН неоднократно подчеркивал необходимость расширения такого сотрудничества, с учетом того, что знание своих стран и регионов дает другим международным организациям преимущество, «в плане понимания коренных причин вооруженных конфликтов, которое может повысить эффективность усилий, прилагаемых ими для их разрешения»[7]. В своей знаковой резолюции 1631 (2005) Совет заявил о своей решимости предпринять соответствующие шаги для дальнейшего развития сотрудничества между ООН и организациями-партнерами в поддержании мира и безопасности[8].

Определенных успехов удалось добиться ООН в установлении сотрудничества с Африканским союзом (АС), в частности по вопросам обеспечения мира и безопасности. Совет Безопасности ООН признает значительную роль АС в урегулировании конфликтов на Африканском континенте и одобряет поддержку, оказываемую Союзом мирным инициативам, реализуемым в регионе. Особого внимания заслуживают операции по поддержанию мира в Судане (Дарфур), Мали, ЦАР и Сомали, а также деятельность Региональной целевой группы Африканского союза (РЦГАС) и усилия, направленные на дальнейшее укрепление ее потенциала, в том числе посредством обеспечения готовности Африканских резервных сил (АРС) и потенциала быстрого развертывания. Совет Безопасности приветствует решение АС провозгласить десятилетие 2014-2024 гг. Десятилетием примирения в Африке в память о Нельсоне Манделе и готов к принятию совместных мер для содействия примирению как средству обеспечения мира и стабильности в африканском регионе.

В рамках сотрудничества ООН и Лиги Арабских государств (ЛАГ) предпринимаются совместные усилия по стабилизации ситуаций в Тунисе, Ливии, Йемене, а также по политическому решению кризиса в Сирии, в том числе с помощью специального посланника Генерального секретаря ООН по Сирии Стефана де Мистуры.

В разное время обсуждались вопросы расширения сотрудничества ООН с Организацией Американских Государств (ОАГ), Содружеством Независимых Государств (СНГ), Европейским Союзом (ЕС), нацеленного на реализацию комплексного многосекторального подхода в

[7] ООН. Совет Безопасности. Заявление Председателя Совета Безопасности. «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями в деле поддержания международного мира и безопасности». 16.12.2014. S/PRST/2014/27.
[8] ООН. Совет Безопасности. Резолюция 1631 (2005). 17.10.2005. S/RES/1631 (2005).

международных отношениях и создания возможностей для взаимодействия на региональном уровне. Касательно последней (ЕС)[9], необходимо отметить, что это вопрос приобрел особую актуальной в связи с миграционным кризисом на европейском континенте и невозможностью Европы самостоятельно справиться с этой фактически гуманитарной катастрофой, явившейся результатом событий «арабской весны» и ростом террористической активности в государствах Северной Африки и Ближнего Востока.

Эти события, в свою очередь, актуализируют вопрос более тесного сотрудничества ООН с Организацией Исламского Сотрудничества (ОИС)[10], являющейся второй после нее крупнейшей международной межправительственной организацией, охватывающей четыре географических континента и объединяющей 57 стран исламского мира. С 1975 г. ОИС имеет статус наблюдателя при ООН, в штаб-квартирах которой в Нью-Йорке и Женеве функционируют миссии постоянных наблюдателей ОИС. Особо следует отметить принятую в ходе 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию A/RES/36/23 «О сотрудничество между ООН и Организацией Исламской Конференции»[11], призывающую к активизации сотрудничества между двумя организациями в поисках решений глобальных проблем, связанных с международным миром и безопасностью, разоружением, а также обеспечением прав человека[12].

Примечателен тот факт, что прошлый год ознаменовался как 70-летием создания ООН, так и 40-летием подписания хельсинского Заключительного акта СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе)[13]. Безусловно, за 40 истекших лет геополитический ландшафт Европы сильно изменился, а в результате распада или объединения ряда государств ОБСЕ сегодня насчитывает не 34, как на момент основания в 1975 г., а уже 57 стран-участников, С одной стороны, многие политики и эксперты признают фундаментальную значимость Заключительного акта для современной архитектуры европейской безопасности, с другой стороны, в адрес ОБСЕ продолжает звучать обоснованная критика, связанная с ее неэффективностью и несовершенством процедур принятия оперативных решений. Хотя в 1990-е годы СБСЕ/ОБСЕ и была вовлечена в разрешение

---

[9] Европейский союз (ЕС) – международное образование, сочетающее признаки международной организации (межгосударственность) и государства (надгосударственность). Не является международной организацией.

[10] До 2011 г. ─ Организация Исламская Конференция (ОИК).

[11] ООН. Генеральная Ассамблея. Резолюция «О сотрудничество между ООН и Организацией Исламская Конференция». 09.11.1981. A/RES/36/23.

[12] Мустафаева Н. Расширение сотрудничества между ООН и ОИС как залог обеспечения международного мира и безопасности. Электронный ресурс. URL: http://newtimes.az/ru/politics/4152/

[13] 31 декабря 1994 г. СБСЕ трансформировалось в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе ─ ОБСЕ.

региональных и этнических конфликтов в Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии, Хорватии, Грузии, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне и др. посредством своих миссий, дислоцированных в зоне конфликта, однако ее возможности были ограничены в силу рекомендательного характера принимаемых решений, отсутствия исполнительного аппарата и собственных вооруженных сил[14]. Одновременно на рубеже XX-XXI вв. «чрезмерно увеличилась гуманитарно-правозащитная составляющая ОБСЕ в ущерб двум другим исключительно важным направлениям – военно-политическому и экономическому»[15]. ОБСЕ все больше стала решать задачи, связанные с процессами демократизации, мониторингом проведения выборов и т. п., а в наиболее важных вопросах региональной безопасности постепенно отходить на второй план[16]. Учитывая общий рост нестабильности во всем мире, а также новые угрозы в лице неразрешенных международных конфликтов, международного терроризма, отмеченного рядом кровавых террористических актов в странах Европы за последнее время, своевременной и логичной представляется необходимость усиления сотрудничества ООН, в частности Совета Безопасности с ОБСЕ по вопросам обеспечения мира и безопасности на европейском континенте.

Сегодня пришло осознание того, что совершенствование координации и налаживание более эффективного партнерства между ООН и другими международными межправительственными организациями не только содействовали бы уменьшению нагрузки у Совета Безопасности, на который по Уставу возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, но и помогли бы децентрализации, а значит, и демократизации в международных делах. И Генеральная Ассамблея, и Совет Безопасности в разное время проявляли интерес к укреплению и дальнейшему развитию этого партнерства. Сегодня этот вопрос приобрел большую значимость с учетом необходимости объединения коллективных усилий государств мирового сообщества для решения глобальных проблем и совместного противостояния новым угрозам и вызовам, стоящим перед всем человечеством.

Именно такой подход, опирающийся на фундамент международного права, может стать гарантом обеспечения стабильности, мира и безопасности в международных отношениях, центральную роль в которых призвана играть единственная на сегодняшний день универсальная международная площадка сотрудничества государств – Организация Объединенных Наций.

---

[14] Костин С.А. Реформирование ОБСЕ – необходимое условие для дальнейшего существования организации // Право и безопасность. 2013. №1-2 (44). Июнь. С. 103.

[15] Там же. С. 103-104.

[16] См.: Пашаева Г. Европейская безопасность и перспективы ОБСЕ, взгляд из Баку // Индекс Безопасности. 2015. № 3 (114).

Литература:

1. ООН. Генеральная Ассамблея. Резолюция «О сотрудничество между ООН и Организацией Исламская Конференция». 09.11.1981. A/RES/36/23.
2. ООН. Совет Безопасности. Заявление Председателя Совета Безопасности. «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями в деле поддержания международного мира и безопасности». 16.12.2014. S/PRST/2014/27.
3. ООН. Совет Безопасности. Резолюция 1631 (2005). 17.10.2005. S/RES/1631 (2005).
4. Заемский В.Ф. Кому нужна реформа ООН: в интересах всех и каждого. М., 2011.
5. Костин С.А. Реформирование ОБСЕ – необходимое условие для дальнейшего существования организации // Право и безопасность. 2013. №1-2 (44). Июнь.
6. Мустафаева Н.И. Институт права вето в Совете Безопасности ООН: современное положение и перспективы реформы // Стратегический Анализ. 2015. №2(13).
7. Мустафаева Н. И. Кому нужна реформа ООН? // Движение за возрождение отечественной науки. 30.03.2015. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9482 (последнее посещение: 02.12.2015).
8. Мустафаева Н.И. Право вето в Совете Безопасности ООН: быть или не быть? // 1news.az, 02.10.2015. URL: *http://www.1news.az/authors/oped/20151002112203098.html*
9. Мустафаева Н.И. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН // Евразийский Юридический Журнал. № 10 (77) 2014. С. 57-58.
10. Мустафаева Н.И. Расширение сотрудничества между ООН и ОИС как залог обеспечения международного мира и безопасности // newtimes.az. 27.01.2016. URL: http://newtimes.az/ru/politics/4152/
11. Мустафаева Н. Совет Безопасности ООН: «реликвия» или политика двойных стандартов // Материалы VIII Конвента Российской Ассоциации Международных Исследований (РАМИ) на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». М., 2014. URL: *http://risa.ru/ru/2011-05-25-10-23-32/28-viii/238-metamorfozy-postkrizisnogo-mira-novyj-regionalizm-i-stsenarii-globalnogo-upravleniya*
12. Пашаева Г. Европейская безопасность и перспективы ОБСЕ, взгляд из Баку // Индекс Безопасности. 2015. № 3 (114).

Павел Борисович ПАРШИН,
Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО-Университета МИД России;
Заведующий кафедрой лингвистической семантики МГЛУ

«МЯГКАЯ СИЛА» В ЛАБИРИНТЕ МЕТАФОР (КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ)

Аннотация: Статья продолжает цикл публикаций автора, в которых анализируются категория «мягкой силы» с преимущественным вниманием к разнообразию ее пониманий, когнитивным, прагматическим и культурным основаниям существующих разногласий и их следствиям для теории международных отношений и узуса термина «мягкая сила». Констатируется, что интерес к «мягкой силе», несмотря на очевидное возвышение в повестке дня тематики «жесткой силы», сохраняется, хотя проявляется двояко: как в широком распространении термина в неадекватном инструментальном понимании, так и в углублении дискуссии и введение в рассмотрение ряда новых аспектов.

Статья содержит полемику с рядом распространенных взглядов на «мягкую силу» и предлагает ответ на ряд вопросов, выдержанный в жанре критических маргиналий. Критически анализируется языковая форма самого термина «мягкая сила», показывается, что в его употреблении широко представлено логически некорректное категориальное смешение, отвергается тезис о «мягкой силе» как инструменте «цветных революций», обосновывается интегральный характер «мягкой силы» и ее несводимость к культурным факторам, кратко разбирается ее отношение к категории странового маркетинга/брендинга и к маркетинговой метафоре, а также кратко характеризуются попытки расчленения «мягкой силы» и нишевого позиционирования ее компонентов. Завершает статью тезис о необходимости построения интегральной модели «мягкой силы» и родственных ей понятий.

Ключевые слова: «Мягкая сила», «жесткая сила», страновой/территориальный брендинг, Дж. Най, С. Анхолт, тактильная метафора, маркетинговая метафора, категориальное смешение, «цветные революции», ленинская теория революции, целевая аудитория, нишевое позиционирование.

PARSHIN Pavel,
PhD (Cand. of Sci.) in Philology
Associate Professor
Leading Researcher, Institute of International Studies, MGIMO-University
Chair, Linguistic Semantics, Moscow State Linguistic University

SOFT POWER IN A LABYRINTH OF METAPHORS (CRITICAL NOTES ON MARGINS OF DISCUSSIONS)

Abstract: The article develops earlier publications of the author in which the category of soft power has been analyzed with emphasis laid mostly on the variety of its understandings; cognitive, pragmatic and cultural foundations of disagreements and their consequences for the theory of international relations and the usage of the term *soft power*. It is noted that the interest in soft power issues, in spite of the obvious raising of hard power in today's agenda, is retained, although realized in two rather different ways: through spreading of the term *soft power* in its inadequate instrumental interpretation, and through deepening of the discussion about it and taking into account new relevant aspects.
The paper suggests criticism concerning certain wide-spread views on soft power as well as answers to a number of questions presented in the genre of critical (even apophatic) marginalia. Analyzed is the linguistic form of the very term *soft power*; and numerous logical confusions typical of its usage are demonstrated. Emphatically rejected is the thesis about sift power as an instrument of "color revolutions" and asserted is the integral nature of soft power and its irreducibility to cultural factors. The relations between categories of soft power and nation branding/marketing, as well as attempts to decompose soft power and find niche positioning for its particular components are also considered in brief. In conclusion, the task of creation an integral model of soft power and related notions is put forward.

Keywords: Soft power, hard power, nation branding, Joseph S. Nye, Jr., Simon Anholt, tactile metaphor, marketing metaphor, categorical confusion, "color revolutions", Lenin's theory of revolutions, target audience, niche positioning.

Автору доклада за последние три года не раз доводилось высказываться по поводу различных концептуальных аспектов категории «мягкой силы». В этих высказываниях затрагивались история этого выражения, употребление его в различных видах дискурсов, проблемы его терминологизации, его метафорические основания, различные трактовки, предпосылки и следствия существующих разногласий, а также проблема

соотношения этого понятия с некоторыми родственными, но существенно иначе устроенными категориями, прежде всего, страновым или шире, локусным брендом[1], публичной дипломатией и различными коммуникативными технологиями.

Многие из этих высказываний носили полемический характер и были направлены на критику неадекватных, по мнению автора, представлений о «мягкой силе»[2]. Повторяться не хотелось бы; однако полемика вокруг «мягкой силы» (несмотря на возвращение в повестку дня силы «жесткой») продолжается, и в ней появляются новые тезисы – как такие, с которыми хочется согласиться, так и те, с которыми уместно поспорить. Это, с одной стороны, радует, поскольку, во-первых, свидетельствует о том, что интерес проблематике «мягкой силы» сохраняется и способствует прояснению ее природы и, потенциально, к выводу дискуссии о ней на новый уровень[3]. С другой стороны, нельзя не видеть, что по мере распространения выражения «мягкая сила» вширь распространяется и становится уже почти стандартным такое его понимание, которое фактически лишает понятие «мягкой силы» самостоятельного содержания и делает его, в лучшем случае, новым эвфемистическим синонимом внешнеполитической пропаганды как инструмента идеологической борьбы[4].

Такие повороты дискуссии оправдывают приводимые ниже критические заметки на полях дискурса о «мягкой силе».

1. Заметка терминологическая. «Мягкая сила» – термин риторически удачный, однако вводящий в заблуждение, ибо его форма не соответствует тому содержанию, которое декларировал его автор, Дж.С. Най-мл. По своей языковой форме выражение *мягкая сила* – это тактильная метафора, представляющая взаимоотношения целого ряда сущностей в терминах их механического взаимодействия, причем такого, при котором:

---

[1] Подробнее см., например: *Паршин П.Б.* Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М.: МГИМО-Университет, 2015.

[2] *Паршин П.Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1(36), март. М., 2013; *Паршин П.Б.* Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14-21; *Паршин П.Б.* Категория «мягкой силы» в политическом дискурсе: когнитивно-семантические и культурно-идеологические предпосылки разногласий // Материалы VIII Конвента РАМИ. Политика и политики. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. 2014. 25-26 апреля. М., 2015. С. 226-235.

[3] Например, обсуждение недавней статьи *К.И.Косачева* предполагает анализ глобальных перспектив развития мира, а дискуссия на площадке сайта РСМД, инициированная электронной публикацией *А.В. Фененко*. фактическиспособствовала введению в рассмотрение игнорировавшегося ранее вопроса о целевой аудитории «мягкой силы». *К.И.Косачев* «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований 2016. № 1(6). С. 15-20; *А.В. Фененко*. Реальность и мифа «мягкой силы». 2016. 27 янв. (URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#top-content)

[4] В академичном стиле это сформулировано, например, в статье: *Караганов С.А.* Новая идеологическая борьба? (URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Novaya-ideologicheskaya-borba-18119), а далеким от академизма формулировкам нет числа.

- либо сохраняется их определенная свобода относительно друг друга (ср. *мягкое сочленение, мягкое согласование* – и, между прочим, *мягкое право* – весьма дискуссионный метафорический термин юридической науки),
- либо изменение сущностей в результате их взаимодействия влияет на них в меньшей степени (в частности, сопровождается нанесением меньшего ущерба), чем это в принципе было бы возможно, ср. *мягкое прикосновение*, *мягкая посадка* – а также, что уже гораздо ближе к интересующей нас понятийной сфере, *мягкая пропаганда*, *мягкое принуждение*, *мягкая аргументация*, *мягкое влияние*, *мягкий маркетинг* и т.п.

Шкала жесткости/мягкости в таком понимании характеризует либо онтологию сил, упорядочивая их на некоторой шкале, обычно от военной до культурной, либо, чаще, способ ее применения[5]; Най писал о том, что любая в онтологическом плане сила может применяться с различной степенью понимаемой в таком смысле жесткости; например, военная сила может всего лишь демонстрироваться (ср. свежий газетный заголовок в одной из московских газет: «Любуясь шагом армии чеканным…») или применяться дозированно, а политическая и/или идеологическая – реализовываться через массированные и опасные для сознания, а порою и жизни операции «психологической войны».

Тактильная метафора широко представлена в языке, имеет давнюю историю употребления («стальной кулак в бархатной перчатке»), проще воспринимается и, что принципиально важно, сфера-источник этой метафоры проще в том смысле, что предполагает только одного активного субъекта, контролирующего действие.

С другим пониманием, (а именно его и имел в виду Най, многократно это подчеркивая), дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, чисто семантически, поскольку сфера-источник метафоры в данном случае устроена более замысловато: ее компонентами являются сущности, обладающие суъбектностью, причем этих субъектов должно быть минимум двое: по словам Ная, «мягкая сила это танец, для которого нужны партнеры»[6]. Во-вторых, прагматически, ибо эффективность понимаемой таким образом «мягкой силы» в гораздо большей, чем в первом случае, степени, зависит не от обладателя (посессора) «мягкой силы», а от ее реципиента. Грубо говоря, если для первого понимания «мягкой силы» сферой-источником являются отношения властные, то для второй сферой источником является симпатия и даже – со множеством оговорок, конечно –

[5] *Kounalakis M., Simonyi A.* The Hard Truth About Soft Power // Perspectives on Public Diplomacy. Paper 5. Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy, 2011. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/ files/useruploads/u35361/2011%20Paper%205.pdf

[6] *Най С. Дж.-мл.* Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 153.

любовь. А это уже совсем другая история, и ироничность мема «принуждение к любви» фиксирует в себе, помимо прочего, неадекватность попыток сведéния «мягкой силы» к ее инструментальному пониманию. И нельзя не признать, что, хотя стремление к такому сведéнию в значительной степени обусловлено причинами культурного характера (во всяком случае, в России это так), этому способствует и неудачный выбор терминологии. Най постоянно разъясняет свою позицию, но отказаться от красивой метафоры не решается.

2. Заметка о категориальном смешении. «Мягкая сила» в наевском понимании – это свойство, которым обладает некий субъект, которое определяет отношение к нему других субъектов, и которое, в принципе, позволяет обладателю этого свойства влиять на других субъектов. Влияние – это, с логико-лингвистической точки зрения, отношение; он может иметь место безо всяких усилий со стороны обладателя влияющего свойства; если же оно им сознательно используется, то это действие, могущее быть реализацией некоторой технологии. Однако эффект этой технологии проявляется в поведении и/или деятельности не обладателя (посессора) «мягкой силы», а его партнера по взаимодействию, реципиента.

Обладание свойством и его использование – это категориально разные вещи. Мягкую силу можно приобретать, наращивать, сохранять, утрачивать, но использовать, стабильно добиваясь результата, нельзя, результат в решающей мере зависит от реципиента. Тем самым, мягкая сила сама по себе – это никакой не инструмент и поэтому, конструкции типа *«мягкая сила» как инструмент внешней политики, мероприятия «мягкой силы», «мягкая сила» как технология разрушения равно нашей национальной духовной матрицы* и т.п. некорректны логически, как и хлесткие журналистские метафоры типа *железная хватка мягкой силы, мягкая сила крушит Украину* и проч. Коммуникативные технологии могут способствовать трансляции «мягкой силы», но сами ею не являются. Более того, по справедливому замечанию А.В. Фененко, «мягкая сила» действует только там и тогда, где и когда другая сторона желает ее принимать. Если такое желание отсутствует, самые изощренные информационные технологии бессильны»[7]; проще говоря, насильно мил не будешь. Правда, желание может быть сформировано – но это уже другая (впрочем, другая ли?) история.

Таким образом, принципиальной особенностью «мягкой силы», является то, что ее эффект является притягивающим; кстати, Дж. Най первоначально назвал ее именно «втягивающей», *co-optive power*, и это в содержательном плане было куда более удачным словоупотреблением. Иными словами, «мягкая сила» характеризуется вектором, а не

7 *Фененко А.В.* Реальность и мифы «мягкой силы»…

онтологической природой, не интенсивностью и не общеоценочным знаком (см. ниже), и мягкость ее – совсем не та мягкость, что присутствует в семантике выражений типа *мягкие продажи* или *мягкая пропаганда*. Однако ложная аналогия с ними способствует сведéнию «мягкой силы» именно к мягкой пропаганде. Между тем, «мягкая сила» страны – это не какие-то действия, а совокупность свойств, которыми обладает эта страна и которые обеспечивают симпатии к ней (admirable country, по словам британца С. Анхолта, об идеях и деятельности которого будет сказано ниже).

Най, как известно, постулировал три параметра «мягкой силы» страны: ее культуру, политические ценности и внешнюю политику – в той мере, в которой они притягательны для других стран (их населения и/или элит). Есть основания полагать, что этих параметров больше. В «шестиугольнике Анхолта», описывающем структуру упоминавшейся выше категории странового бренда[8], их шесть, и общим с наевской триадой является только культура страны, зато есть еще инвестиционная привлекательность, качество государственного управления и др. С другой стороны, «сколковский рейтинг», рассчитанный только один раз в 2012 г. Московской школой управления «Сколково» совместно с компанией «Ernest and Young» (почему-то только стран с быстро развивавшимися на тот момент экономиками – при том, что значительной «мягкой силой» могут обладать страны, отнюдь не демонстрирующие выдающейся экономической динамики, например, скандинавские), содержит явно чрезмерное количество параметров, некоторые из которых представляются нерелевантными.

К сожалению, в отечественной литературе (хотя не только в ней) инструментально-технологическое понимание «мягкой силы» является тотально доминирующим и даже доктринально закрепленным. На словах ресурсная природа «мягкой силы» иногда признается, однако на практике она сплошь рядом понимается именно как инструмент внешней политики, причины чего во многом лежат в особенностях российской политической культуры. Естественным следствием преобладания инструментального понимания является игнорирование того фундаментального обстоятельства, что накапливается «мягкая сила» очень медленно, десятилетиями, она скорее выращивается, это долгий процесс, плохо поддающийся одномоментному направленному воздействию.

Следует заметить, что в теории территориального маркетинга/брендинга, понимание долговременности усилий и отдаленности результата давно уже является общим местом. Напротив, хотя

[8] Рассчитывается ежегодно агентством GfK Roper Consulting на основе онлайнового опроса 20 тыс. человек в 20 странах.

понятие «мягкой силы» имеет историю примерно такой же длительности, необоснованная уверенность в действенности отдельных мероприятий, направленных на ее трансляцию, явно продолжает прослеживаться.

3. Заметка о «цветных революциях», бытии, сознании и марксизме-ленинизме. Недостаток места в сочетании с нежеланием переходить на личности не позволяют воспроизводить здесь пассажи, в которых инструментальность «мягкой силы» не просто принимается как данное, но и утверждается, что «мягкая сила» – это инструмент вмешательства во внутренние дела государства, попрания суверенитета, смены политических режимов – в общем (такое пугало), «цветных революций». В более мягком (sic!) варианте утверждается, что «мягкая сила» – это просто эвфемистическое обозначение таких практик, что равнозначно утверждению о том, что «мягкой силы» как самостоятельного феномена не существует.

Такого рода отрицание существования «мягкой силы», парадоксальным образом идущее рука об руку с ее демонизацией, практически полностью игнорирует то, что, в марксистском духе, можно было бы назвать «основным вопросом коммуникативных технологий». Предполагается, что на сознание людей никак не влияет действительность, и что дурачить, вопреки известному тезису А. Линкольна, можно «most of the people most of the time», то есть, в частности, отношение населения страны C_1 к стране C_2 никак не зависит от реального положения дел в последней. Возможности манипулируемости при этом предполагаются безграничными или, по крайней мере, предопределенными известным чисто антропологическим соотношением 6: 1 (или, если угодно, 85% : 15%). Очевидно, что усилия, направленные на затруднение информационного обмена, имеют целью исключить непосредственное знакомство с действительностью или, по крайней мере, сопоставления разных ее моделей и обеспечить «стерильные условия» для манипуляции.

Что несколько удивляет, в рассуждениях о «мягкой силе как инструменте свержения законных режимов», так это полное игнорирование ленинской теории революций, утверждающей, как известно, наличие у революций, какого бы цвета они ни были и с какими бы цветковыми растениями ни ассоциировались, не только субъективных, но и объективных предпосылок, без которых «независимо от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна».[9] Автор данной цитаты, как бы к нему ни относиться, толк в революциях знал, и трудно поверить, что все, кто пишут о «цветных революциях», пребывают в полном неведении относительно его взглядов.

[9] *Ленин В.И.* Крах II Интернационала // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 218.

Интересно, что в уже упоминавшейся статье К.И.Косачева «центральный, в частности, и для российской либеральной оппозиции» тезис о бесполезности состязания в «мягкой силе» с Западом без обеспечения достойного «уровня жизни, технологии, развитости политических институтов и защищенности прав человека» практически не оспаривается и сопровождается лишь меланхолическим замечанием о том, что «возражать что-то на тезисы из серии "лучше быть богатым и счастливым, чем бедным и несчастным" – довольно бесперспективное занятие», а также, в порядке весьма своеобразного аргумента, указанием на «мягкую силу» запрещенного в России ИГИЛ (кстати, если считать «мягкую силу» атрибутом государства, то это, по идее, означает, что данная организация включает в свое название слово *государство* не без основания). Кстати, это сопровождается цитатой из Ная, признававшего в 2009 г. за Бен Ладеном незаурядное умение обращаться с «мягкой силой»[10], что вообще-то свидетельствует о размывании понятия «мягкой силы» даже у самого его автора[11].

4. Заметка о комплексности «мягкой силы». Чрезвычайно распространенной практикой является зауженное понимание «мягкой силы» и стремлении свести ее, что называется, к «духовке», то есть, прежде всего, к культурному достоянию страны, ее образовательному потенциалу, популярности ее языка и тех возможностей, которые его знание открывает для доступа к ее (и не только ее) культуре. При всей несомненной важности этих факторов (первый из них образует одну из сторон «шестиугольника Анхолта», причем для России, согласно большинству рейтингов, это наиболее сильная сторона), надо понимать, что «мягкая сила» задается в с е м, что обеспечивает притягательность некоторой страны и что работает на ее репутацию. Отсюда – очевидное следствие (о котором, однако, почему-то не очень принято говорить): мягкая сила к о м п л е к с н а, она имеет свою структуру, и какими-либо отдельными ее факторами она обычно не задается. «Толстоевский» (если говорить о России), конечно, могуч, но не всесилен, а Samsung и Hyundai (возьмем в некотором смысле противоположный пример Республики Корея) все-таки не могут исключительно своими усилиями сделать «мягкую силу» страны неодолимой. Чрезмерный акцент на каком-то одном аспекте «мягкой силы» при попытках ее трансляции (абсолютно правомерных, конечно, но главное – это чтобы было что транслировать) обычно призван компенсировать слабость других ее аспектов.

5. Заметка о маркетинговой метафоре, позиционировании, целевой аудитории и оценочном знаке «мягкой силы». Необходимо

[10] *Косачев К.И.* «Мягкая сила» с жесткими последствиями… С. 16.

[11] На это давно уже обращал внимание, в частности Ин Фань. См.: *Ying Fan.* Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and PublicDiplomacy. 2008. Vol. 4. No. 2.

упомянуть еще одно обстоятельство, требующее хотя бы минимального обсуждения и имеющее отношение как к «мягкой силе», так и к страновому брендингу, однако лучше понимаемое через призму последнего и одновременно позволяющее показать различие между ними.

В основе идеи странового бренда (resp. брендинга) тоже лежит метафора – но совсем другая, не тактильная, а маркетинговая, то есть представление о том, что взаимодействие, в том числе и конкурентное, стран (и других территориальных образований), происходит, образно говоря, не только «на ринге», где меряются силой, но и на некотором р ы н к е, где страны конкурируют за самые разнообразные ресурсы, предоставление которых зависит от других стран и, более того, других индивидов, в частности, за позитивное отношение к ним различных групп людей и, как следствие, за успешный сбыт своих товаров, за инвестиции, желательные союзы, выгодно направленные миграционные потоки, политическую поддержку и т.д. Благоприятные позиции страны в такого рода конкуренции могут быть, mutatis mutandis, отождествлены с ее «мягкой силой» (что часто и делается прямым текстом).

Однако обращение к маркетинговой метафоре делает возможной и даже неизбежным активизацию п р о и з в о д н ы х от нее метафор в частности, метафоры целевой аудитории. А следствием этого является то обстоятельство, что притягательность той или иной страны для разных целевых аудиторий ее конкурентного предложения (конкретных стран и, более того, конкретных групп внутри них) тоже может быть р а з н о й, и, вообще говоря, тó, что вызывает неприязнь у одних целевых аудиторий, может быть привлекательным для других – как и на настоящем рынке.

В терминах силы это делает уместным знаменитый вопрос «В чем сила, брат?»[12]. Если принципиально отвлечься от силы «жесткой», то он, естественно, может быть переформулирован в вопрос о том, в чем заключается «беспримесная мягкая сила». И тут выясняется, что даже аккуратно понимаемая как сила притяжения, она потенциально оказывается не вполне «белой и пушистой» уже в другом смысле. В наевской концепции содержится имплицитная оценочность: «мягкая сила» рассматривается в ней (и вообще во всех построениях кроме тех, где она объявляется псевдонимом «жесткой силы») как ингерентно позитивный атрибут. Между тем, как известно, отдельными целевыми аудиториями (или их сегментами)

[12] Показательно как то, что этот «балабановский» вопрос был вынесен в конце 2012 г. в заголовок статьи С.А.Караганова. URL: http://www.globalaffairs.rhttp://www.globalaffairs.ru/pubcol/V-chem-sila-brat-15757u/pubcol /V-chem-sila-brat-15757), так и то, что перечисляемые в ней стандартные атрибуты «мягкой силы» через три с половиной года сменились, применительно к России, на набор идеологизированных ценностей (*Караганов С.А.* Новая идеологическая борьба?...) относительно которых предполагается, что они смогут стать параметрами «мягкой силы» России.

на «рынке страновых образцов»[13] могут быть и нередко бывают востребованы и такие образцы, которые весьма далеки от стандартных представлений о благе. Заразительностью, как известно, обладают не только хорошие примеры.

Поиск целевой аудитории и рыночной ниши – это вполне рациональное поведение не только в коммерческом, но и в политическом маркетинге, во всяком случае, в краткосрочной перспективе, и весьма показательно, что применительно к современной России о нишевом позиционировании все чаще говорят в самых разных контекстах (что, как известно из маркетинга, свидетельствует о проблематичности самого сильного, центрового позиционирования). Например, ощутимая ориентация нынешней российской внешней политики на разнообразных консерваторов за рубежом может быть сопоставлена с таким же поиском целевой аудитории среди левых в 1920-1930-х годах. Однако нишевое позиционирование «мягкой силы» приходит в противоречие с ее комплексностью, о которой было сказано выше: это уже не общий атрибут страны, а идеологический, политический или какой-либо иной «товар», оценочный знак которого может быть весьма различным. Это уже другой рынок, хотя он, несомненно, обладает нетривиальными связями с конкурентной идентичностью стран[14].

И последнее: совокупность всего сказанного, разнообразие пониманий и непониманий «мягкой силы» и отношений ее с коммуникативными технологиями настоятельно требуют построения интегральной модели, объемлющей все эти категории.

[13] Необходимо признать, что определение «мягкой силы» как «производства образцов», вскользь брошенное недавно С.А.Белковским в его диалоге в программе «Особое мнение» 9 мая 2016 г. URL: http://echo.msk.ru/programs/personalno/1761320-echo/), чрезвычайно удачно, хотя опять же требует категориальной коррекции: производство образцов – это деятельность, а сама она – это система образцов; характерно, кстати, использование Белковским в пассаже о «мягкой силе» именно экономических терминов «производство» и «экспорт».

[14] Показательна в этом плане эволюция концепции и исследовательской практики С. Анхолта от понятия странового брендинга через конкурентную идентичность к введению понятия «хорошей страны» и составлению «индекса хороших стран», возглавляемому ныне Ирландией, Финляндией и Швейцарией (при том, что США находятся на 21, Россия на 95, а Китай на 107 месте. См.; http://goodcountry.org/index/overall-rankings).

Евгений Николаевич ПАШЕНЦЕВ,
Дипломатическая академия МИД России

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Аннотация: Передовые технологии в растущей мере влияют на эффективность стратегической коммуникации. В докладе рассматриваются некоторые последние достижения в области прогнозной аналитики, указывающие на возможность создания нового вида информационно-психологического оружия – прогностического, имеющего определенные количественные и качественные характеристики. Применение такого оружия может крайне негативно сказаться на экономическом общественно-политическом развитии той или иной страны и ее стратегической коммуникации, что требует своевременной теоретической и практической проработки средств его нейтрализации.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, информационное противоборство, Большие данные, перспективные технологии, прогнозная аналитика, прогностическое оружие.

PASHENTSEV Evgeny N.,
Leading researcher at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, professor at the Lomonosov Moscow State University, Director of the International Centre for Social and Political Studies and Consulting

STRATEGIC COMMUNICATION AND PROGNOSTIC WEAPONS

Abstract: The advanced technologies in a growing extent affect the effectiveness of strategic communication. The paper covers some of the last advances in the field of predictive analytics, indicating the possibility of creating a new kind of psychological weapons – the prognostic ones which obtain certain quantitative and qualitative characteristics. The use of such weapons can affect in a very negative way upon the economic and social development of this or that country and its strategic communication which requires timely theoretical and practical study of means of their neutralization.

Keywords: strategic communication, Big Data, advanced technologies, predictive analytics, prognostic weapons.

В системе государственного управления, внешнеполитической деятельности ряда стран и государственных объединений с начала века получила признание и практическое развитие концепция стратегической коммуникации[1]. Несмотря на то, что термин и сама концепция стратегической коммуникации зародились и получили наибольшее развитие в США[2] и военно-политическом блоке НАТО[3], он находит свое растущее применение в ряде других стран, включая страны БРИКС. Так понятие «стратегическая коммуникация» уже не раз использовалось государственными деятелями Китая в публичных выступлениях[4]. На сайте правительства ЮАР можно прочитать сообщения о «стратегической правительственной коммуникации»[5]. Де-факто стратегическая коммуникация присутствует и в политике Бразилии, России, Индии. Хотя сам термин и не получил пока здесь распространения в официальных документах, он активно используется в бизнесе, научной литературе[6].

На наш взгляд, стратегическая коммуникация (СК) – это проецирование определенных совпадающих стратегических ценностей, интересов и целей в сознание целевых аудиторий путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением. Еще более сжато – СК представляет собой синхронизацию дел, слов и образов с приоритетом дел. Ясно, что такая синхронизация все больше имеет место в политике разных стран, отражая

---

[1] «Стратком», «СК» используются в настоящем докладе как аббревиатуры термина «стратегическая коммуникация».

[2] Детальное видение практического применения стратегической коммуникации содержится в докладе Белого Дома Конгрессу США от 16 марта 2010 г. «Национальные рамки стратегической коммуникации». См.: National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, dated 16 Mar 2010, released 17 March 2010. Government Information Earl Gregg Swem Library.

[3] NATO Strategic Communications Policy. 14 September 2009. International Staff. Private Office of the Secretary General. NATO Unclassified. URL: info.publicintelligence.net/NATO-STRATCOM-Policy.pdf; *Gage D.* The continuing evolution of Strategic Communication within NATO // The Three Swords Magazine. Issue 27.2014. P. 53-55.

[4] Strategic communications China style. URL: blogs.hindustantimes.com/foreign-hand/2013/03/22/strategic-communications-china-style/ (accessed 09.01.2016); India, China say strategic communication need for trust // Indo Asian News Service. 05.07.2013; China pledges to strengthen strategic communication with ROK. URL: www.gov.cn/english/2010-08/11/content_1677191.htm (accessed 09.01.2016).

[5] Address by the Honourable Minister of Communications, Faith Muthambi, at Youth Month Imbizo at Thomas Ntshavheni Primary School in Vuwani, 6 June 2015 // Department Communications. Republic of South Africa. URL: www.doc.gov.za/minister-muthambis-address-youth-month-imbizo (accessed 09.01.2016).

[6] *Barbosa E.* Comunicação Estratégica em Tempos de Crise. São Paulo: Editora Ideias e Letras, 2016; *Mafra R.* Entre o espetáculo, a festa e a argumentação: mídia, comunicação estratégica e mobilização social. Autentica, 2006; India Strategic Communications Report 2015: Inside the CMO's Mind. MSLGROUP, 2015; *Wilson da Costa B.* A Comunicacão empresarial estratégica: definido os contornos de um conceito Conexão – Comunicação e Cultura, UCS, Caxias do Sul, v. 4, n. 7. P. 11 – 20, jan./jun. 2005; *Виноградова Е. А.* Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС). Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2015; *Пашенцев Е. Н.* Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии глобального влияния и управления. М.: МЦСПИК, 2014. См. рубрику «Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация» на страницах журнала «Государственное управление. Электронный вестник» факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, в которой с августа 2012 г. появилось около 50 статей российских и зарубежных специалистов.

динамику уникального национального симбиоза старого и нового, местных и привнесенных форм и методов влияния на общественное сознание.

Нетрудно заметить, что во внешнеполитической сфере синхронизация воздействия «словом и делом» направлена на друзей и союзников. Также возможен разнообразный спектр использования коммуникаций в рамках информационного противоборства. Однако отделить одно от другого на деле становится крайне сложно по двум основным причинам.

Во-первых, в международной практике нет друзей, есть весьма разноречивые интересы правящих элит и сопутствующие краткосрочные или долгосрочные союзники и противники в их достижении. Поэтому против дружественной США Франции, которая в 2003 г. выступила в ООН против американского военного решения для Ирака, была развязана широкомасштабная информационная кампания в американских СМИ.

Во-вторых, в современном мире границы между войной и миром, военными и гражданскими системами и пространствами, между информированием, влиянием и манипулированием все более размыты. Эти изменения закономерно ставят вопрос о новых способах защиты общества[7]. Распространение поля боя на человеческое сознание имело место и раньше. Однако профессиональное ведение боя в сознании и подсознании людей с использованием методик анализа больших данных[8], новейших достижений нейропсихологии, сложных методов коммуникационного воздействия на глобальном уровне с массовым погружением все большей части человечества в виртуальный мир Интернета, социальных сетей позволяет, на наш взгляд, развить новые виды информационного воздействия и информационного оружия.

Одним из эффективных средств осуществления стратегической коммуникации является сегодня прогнозная аналитика[9] на основе больших данных. Спектр положительных возможностей здесь весьма широк: все более точное предсказание природных катаклизмов, общественных беспорядков, негативных процессов в экономике и т.д., в чем объективно заинтересовано общество. Однако появляется и дополнительный риск

---

[7] *Brunner E. M., Cavelty M. D.* The formation of in-formation by the US military: articulation and enactment of information threat imaginaries on the immaterial battlefield of perception. // Cambridge Review of International Affairs. P. 641-642; Information Operations: The Hard Reality of Soft Power. Ed. E. Armistead. Washington, 2004; *Arpagian N.* Internet et les resseaux sociaux: outils de contestations et vecteur d'influence // La Revue Internationale et strategique. 2010. № 78.

[8] В ИКТ под этим понимают обработку структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов. См подробнее о возможностях аналитики больших данных: *Майер-Шанбергер В., Кукьер К.* Большие данные: Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М., Манн, Иванов и Фербер, 2014; *Baesens B.* Analytics in a Big Data World: The Essential Guide to Data Science and its Applications. Wiley and SAS Business Series, 2014; *Hoskins M.* Big Data 2.0: Cataclysm or Catalyst? // Big Data. 2014. № 1. P. 5-6.

[9] В настоящем докладе мы исходим из равнозначности понятий «прогнозная», «предсказательная» и «предиктивная аналитика» (от англ. predictive analytics).

манипулирования научными прогнозами[10] с целью оказания желаемого воздействия на целевые аудитории. И тот, кто располагает более совершенными технологиями прогнозной аналитики, имеет и большие возможности как для нейтрализации манипулятивных действий противника, так и для собственных активных действий на этом новом поле.

Прогнозная аналитика в сфере безопасности в США предлагается сегодня целым рядом компаний, например, *Recorded Future*[11], *Palantir Technologies*[12] и др., которые получают финансирование, в частности, от венчурной компании ЦРУ *In-Q-It*, которая нацелена на «определение, адаптацию и использование инновационных решений для поддержки миссий Центрального разведывательного управления и в целом разведывательного сообщества США»[13]. Прогнозная аналитика органично вписывается в потребности нового важного направления разведки США – т. н. «предвосхищающей разведки» (anticipatory intelligence), которое было представлено в Национальной стратегии разведки США 2014 г. Данное направление занимается определением и характеристикой «…возможных значимых событий, существенных возможностей или угроз национальным интересам США»[14].

Одним из действующих продуктов в области «предвосхищающей разведки» является уже более двух лет функционирующая программа EMBERS – «Тлеющие угольки», которая была запущена IARPA[15] еще в 2012 г. Ее полное наименование – «Распознавание событий на основе ранних моделей с применением суррогатов» (Early Model Based Event Recognition Using Surrogates). Программа основана на использовании больших данных для прогнозирования значимых событий, таких как социальные беспорядки, вспышки заболеваний, результаты выборов в Южной Америке. В декабрьском номере академического журнала *Big Data* за 2014 г. группа авторов программы подробно рассматривает результаты проекта с точки зрения оценки возможных волнений на примере стран Латинской Америки. EMBERS представляет детальные прогнозы, включая дату, место, тип события (требование ли это повышения зарплаты или обеспечения

[10] Видимо, в мире нет ни одной страны, где не было бы той или иной степени манипулирования научными прогнозами, однако современная прогнозная аналитика явно расширяет возможности на этом направлении.

[11] Recorded Future for Threat Intelligence Teams // Recorded Future. URL: www.recordedfuture.com/solutions/threat-intelligence/ (accessed 09.01.2016).

[12] Products built for a purpose // Palantir. URL: www.palantir.com (accessed 09.01.2016).

[13] In-Q-It. URL. https://www.iqt.org/ (accessed 09.01.2016).

[14] The National Intelligence Strategy of the United States of America 2014. Office of the Director of National Intelligence, 2014. P. 7.

[15] Агентство передовых исследований в сфере разведки (*Intelligence Advanced Research Projects Activity*, IARPA) – исследовательская структура в ведении Директора национальной разведки США. IARPA было создано в 2007 г. для выполнения научных исследований в интересах разведывательного сообщества США.

безопасности граждан), характеристику протестного населения (работники образования, фабричные рабочие, врачи и т.д.), определяя при этом возможную погрешность в прогнозе[16]. Программа оперирует как открытыми источниками информации, такими, как *Twitter*, так и более сложными и качественными информационными продуктами, как экономические индикаторы. В день программа обрабатывает около 5 млн. сообщений. И только по возможностям гражданского протеста EMBERS дает свыше 50 прогнозов (предсказываются события, отстоящие от настоящего момента на 30 дней в будущем). В частности EMBERS предсказал с высокой точностью время, динамику, масштабы и интенсивность волнений в июне 2013 г. в Бразилии, а также масштабы и характер, но не итоги беспорядков с применением оружия в Венесуэле в феврале 2014 г. Очевидный успех программы позволил расширить область ее применения на другие регионы мира.

Относительная точность прогноза может быть, однако, использована не только для манипулятивного воздействия на целевую аудиторию с целью доказательства «неизбежности» определенного процесса или какого-либо события и его последствий. Это лишь «легкое» прогностическое оружие, но даже о нем не шла речь в академической статье по итогам разработки, финансируемой IARPA. Между тем, теперь вполне возможны разного рода усилия по целенаправленной научно-обоснованной коррекции будущего из настоящего с применением «тяжелого прогностического оружия». Например, EMBERS дает прогноз, что в результате волнений будет несколько жертв и на протестную демонстрацию выйдет порядка 10 тыс. человек, что не приведет к свержению правительства. Определенные структуры могут, получив соответствующую информацию, за месяц до события попытаться еще больше обострить ситуацию, скажем, увеличив количество жертв «кровавого режима» и добавив в их число более знаковые фигуры. Затем вновь может быть проведена проверка последствий через EMBERS с последующей коррекцией результатов.

К сожалению, США дают основания высказывать подобные предположения, не только опираясь на многолетнюю историю их вмешательства во внутренние дела других стран и поддержку десятков государственных переворотов. Например, в отношении Венесуэлы подобные предположения подкрепляются целым рядом обстоятельств.

В апреле 2002 г. США содействовали военному перевороту против правительства Уго Чавеса, признав спустя несколько часов после ареста законно избранного президента мятежное правительство, которое не удержалось у власти и трех дней. Соединенные Штаты и далее осуществляли подрывные акции против правительства Венесуэлы, включая и поддержку акций вооруженного крыла оппозиции, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы.

[16] *Doyle A.* Forecasting significant societal events using the EMBERS streaming predicative analytics system // Big Data. 2014. №4. P. 185.

Обратимся к армейскому учебному пособию США «Нетрадиционные военные действия сил специального назначения». Командующий Управлением Специальных Операций США (United States Special Operations Command (USSOCOM) определяет нетрадиционные военные действия (НВД) как «операции с целью помочь движениям сопротивления или мятежникам принудить, расколоть или свергнуть правительство или оккупационную силу посредством действий подполья, иностранных наемников или партизанских сил на территории противника… Назначение нетрадиционных военных действий – использовать политические, военные, экономические слабости противника в ходе развития и поддержки сил сопротивления для достижения стратегических целей США[17]. Разумеется, это все оправдывается интересами национальной безопасности США.

В марте 2015 г. Барак Обама, усиливая давление на Венесуэлу, переживающую период острых социальных и экономических трудностей, объявляет эту страну «угрозой национальной безопасности Соединенных Штатов» и вводит ряд санкций[18]. А близ границ Венесуэлы, в соседней Колумбии, США еще в 2009 г. получили право на использование военных баз вопреки протестам со стороны Венесуэлы и многих других стран Латинской Америки[19].

Таким образом, интеграция достижений EMBERS и др. подобных программ в военную практику выглядит возможной в самых разных вариантах. Соответствующая интерпретация новых возможностей США в области спецопераций допустима и не может не насторожить многие страны в условиях современной сложной и опасной международной обстановки. Ведь даже вне зависимости от намерений и действий США, подобные программы могут попасть к самым реакционным режимам, включая и ИГИЛ. Последствия нетрудно представить.

Речь идет не о запрете подобных разработок. Вряд ли это возможно и нужно. Очевидны полезные возможности прогнозной аналитики, включая повышение эффективности борьбы с терроризмом. На этой основе, можно использовать аналитику больших данных для успешного предвидения реакций и конкретных действий террористов. Так в последние годы, не в последнюю очередь, на основе больших данных, получил развитие так называемый прогнозный контроль общественного порядка (predictive policing). Согласно определению RAND, PP – использование современных аналитических технологий для определения возможных объектов

[17] Special Forces Unconventional Warfare. Training Circular №18-01 Headquarters Department of the Army. Washington, DC, 30 November 2010. P. 1.

[18] *Mason E., Rampton R.* U.S. declares Venezuela a national security threat, sanctions top officials // Reuters. 09.03.2015. URL: www.reuters.com/article/us-usa-venezuela-idUSKBN0M51NS20150309 (accessed 09.01.2016).

[19] Colombia, U.S. sign deal on use of bases // CNN.Com. 30.10.2009. URL: edition.cnn.com/2009/WORLD/americas/10/30/us.colombia.bases/index.html (accessed 09.01.2016).

вмешательства правоохранительных органов с целью предотвращения преступлений, раскрытия ранее совершенных преступлений и определения потенциальных преступников и их жертв[20]. PP находит практическое воплощение в деятельности правоохранительных органов США, Китая и ряда других стран, включая и направление антитеррористической деятельности.

Видимо, целесообразно учитывать и варианты скрытого воздействия на террористические организации с целью их взаимной аннигиляции на основе данных прогнозной аналитики. Разумеется, при этом надо учитывать, что прогностическое оружие в руках реакционного государства станет еще более опасным средством информационно-психологического воздействия на население чем, если бы оно использовалось террористической организацией.

Страны БРИКС наращивают свои усилия в области анализа больших данных и прогнозной аналитики, видимо, учитываются и возможности развития прогностического оружия.

В 2016 г. *Alibaba Group* запускает облачную платформу больших данных с намерением содействовать всестороннему развитию и доступности новых технологий по всему Китаю[21]. В России Центром исследования легитимности и политического протеста запущена программа, которая получила название «Демон Лапласа» — в честь одноименного персонажа математического эксперимента начала XIX века. Система начинает мониторинг и анализ экстремистских групп, а также предлагает решения по выявлению в социальных сетях вербовщиков террористов[22].

***

Прогностическое оружие в растущей мере будет оказывать воздействие на стратегическую коммуникацию в условиях международной напряженности. Оно дает новые возможности для нейтрализации государства-агрессора или деятельности асоциальных групп, но и представляет серьезные риски для демократического общества со стороны реакционных внутренних и внешних сил. Представляется целесообразным формирование в России межведомственной междисциплинарной рабочей группы по изучению различных аспектов развития и применения прогностического оружия. Целесообразна координация усилий на этом

---

[20] Walter L. Perry, Brian McInnis, Carter C. Price, Susan Smith, John S. Hollywood. Predictive Policing: Forecasting Crime for Law Enforcement. Research Brief. October 14, 2013 // RAND Corporation. URL: www.rand.org/pubs/research_reports/RR233.html (accessed 09.04.2016).

[21] *Gilchrist. A.* Alibaba launches big data cloud platform in China // Betanews. URL: betanews.com/2016/01/25/alibaba-launches-big-data-cloud-platform-in-china/ (accessed 09.01.2016); 2016 Chinese Internet trends: cloud computing, big data infrastructure nature even more prominent // International SOS. URL: sos.dianlake.com/2016021723595.html (accessed 09.01.2016).

[22] «Демон Лапласа» 2.0: В России начали отслеживать акции протеста через интернет // PR portal. URL: prportal.com.ua/Fakty/demon-laplasa-20-v-rossii-nachali-otslezhivat-akcii-protesta-cherez-internet; «Демон Лапласа»: поиск вербовщиков в соцсетях // ТАСС. 07.12.2015. URL: tass.ru/proisshestviya/2501424 (accessed 09.01.2016).

направлении и в рамках БРИКС. Спектр существующих и перспективных угроз применения прогностического оружия намного шире проанализированных в настоящем статье, и он постоянно растет. При этом важным (хотя и не единственным) средством защиты от асоциального воздействия прогностического оружия на общественное сознание служит моральное и физическое здоровье нации, полноценное использование творческого потенциала людей, искоренение социальной несправедливости, развитие взаимовыгодных добрососедских отношений между государствами.

Ксения Олеговна ПЕРВУШИНА,
Аспирант
Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции и факторы милитаризации стран Ближнего Востока, способствующие возникновению гонки вооружений в регионе. Проанализированы абсолютные показатели военных расходов региона, а так же статистические данные оборонно-промышленных комплексов (ОПК) отдельных арабских страх. Содержится анализ экспертных западных и российских исследований по проблеме наращивания военного потенциала ближневосточными государствами. Автором предложен прогноз развития ситуации на Ближнем Востоке в условиях региональной гонки вооружений.

Ключевые слова: гонка вооружений, милитаризация, военные расходы, Ближний Восток, оружие массового поражения.

PERVUSHINA Ksenya Olegovna,
Post-graduate student,
The Ural Federal University (URFU), Yekaterinburg

THE ARMS RACE IN THE MIDDLE EAST AS A DESTABILIZATION FACTOR OF THE REGIONAL SPACE

Abstract: The article discusses the militarization tendencies and factors in the Middle East promoted to the regional arms race emergence. The author analyses the absolute data of regional military expenditures as well as the military-industrial complex statistics of the certain Arabic countries. The article contains the analysis of Russian and Western expert researches concerning the military buildup problem among Middle Eastern countries. The author forecasts the Middle East developments in the context of regional arms race.

Keywords: arms race, militarization, military expenditures, the Middle East, mass destructive weapon.

Одной из наиболее тревожных тенденций современной мировой политики является возрастающая милитаризация стран и регионов Азии и Африки. Список наиболее милитаризированных государств в 2015 г., по оценкам Боннского международного центра по проблемам конверсии

(BICC), представлен преимущественно странами Азии. Рейтинг возглавляет Израиль, за ним следуют Сингапур, Армения, Иордания, Южная Корея, Россия, Кипр, Азербайджан, Кувейт и Греция[1]. Очевидно, что военно-политическая сфера остается важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности. Военная сила по-прежнему служит фактором сдерживания и защиты от внешней агрессии, ее реальный потенциал определяет весомость и масштабы воздействия на кризисные ситуации, она используется в качестве противодействия невоенным и нетрадиционным угрозам национальной и международной безопасности. В связи с этим существует необходимость рассмотрения тенденции усиления и трансформации силовой компоненты обеспечения национальной безопасности на Ближнем Востоке в условиях обострения соперничества региональных экономических и военно-политических центров за расширение сфер влияния и контроль над сырьевыми ресурсами.

По сути, в начале XXI в. мир охватила новая гонка вооружений, имеющая качественно новый характер по сравнению с периодом холодной войны и чреватая весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, сам факт наличия гонки вооружений необязательно предвещает начало военного конфликта и скорее свидетельствует о стремлении государств быть готовыми к отражению современных угроз. Рост военных расходов большинства стран в абсолютных показателях определяется самим ростом их экономик и обновлением устаревших образцов военной техники. Более того, сегодня наличие мобилизационных армий свидетельствует скорее о «догоняющей» модели экономического развития, проблемном состоянии НИОКР и низком военно-техническом потенциале. Действительно, тревожным сигналом может служить тенденция увеличения военных затрат за счет сокращения социальных расходов и инвестиций в экономику.

Регионом с высоким уровнем милитаризации по-прежнему остается Ближний Восток, что обусловлено рядом факторов, а именно неразрешенным палестино-израильским конфликтом; «арабской весной», которая привела к тектоническим сдвигам в политическом ландшафте региона; доминирующей ролью армии в политической жизни большинства государств; вооруженными конфликтами в Сирии и Йемене; растущим противостоянием по линии Иран – Израиль; борьбой за региональное лидерство между Саудовской Аравией, Ираном и Турцией; региональной угрозой в лице запрещенной в России ДАИШ. Очевидно, что конфликтный потенциал стран Ближнего Востока весьма высок.

[1] Global Militarization Index 2015 // Bonn International Center for Conversation. Publications. URL: http://gmi.bicc.de/index.php?page=gmi-publications (дата обращения: 01.03.2016).

Лидеры ближневосточных стран стремятся усилить военный потенциал страны в целях сохранения своих режимов в случае развития ситуации по негативному сценарию. Реализация этих устремлений осуществляется, как правило, через увеличение доли военных расходов, направляемых на модернизацию вооруженных сил и закупки вооружений и военной техники (ВиВТ). Наиболее наглядно это проявилось в нынешнем витке обострения обстановки в регионе.

В последнее десятилетие по объему заключаемых контрактов на поставку ВиВТ Ближний Восток занимает второе место в мире после Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), причем разрыв между ними постепенно сокращается. К примеру, за 2007-2014 гг. общая сумма контрактов по АТР составила порядка 157 млрд долл., тогда как по Ближнему Востоку – 105 млрд долл., из них объем заказов 2014 г. составил 22,5 млрд долл.[2] Ближний Восток сохраняет лидерство и по пакету вновь заключаемых контрактов на импорт продукции военного назначения (ПВН). В 2007-2014 гг. страны региона аккумулировали портфель заказов на импорт ПВН на сумму 225 млрд долл. (36% общемирового показателя), в том числе в 2014 г. – на 34 млрд долл. (32%). Это свидетельствует об устойчивой тенденции смещении «центра» тяжести мирового импорта вооружений из АТР на Ближний Восток[3].

Военные расходы стран Ближнего Востока в 2014 г. составили 196 млрд долл., что на 5,2% выше показателей 2013 г. Наиболее динамичный рост с 2005 г. демонстрируют Ирак (286 %), ОАЭ (135%), Бахрейн (126%), Саудовская Аравия и Кувейт (112%)[4]. Очевидно, что тенденция к увеличению военных расходов характерна преимущественно для нефтедобывающих стран, доходы которых возрастали за счет высоких цен на нефть в указанный период и оставались устойчивыми даже в период обвала цен на нефть в середине 2014 г.

Особенно заметное увеличение военной мощи демонстрирует Саудовская Аравия, что обусловлено ее союзническими отношениями с США, обновлением стратегии национальной безопасности, противостоянием Ирану и претензиями на региональное лидерство. За последнее десятилетие военный бюджет страны увеличился в 4 раза (80,7 млрд долл. в 2014 г.). Саудовское королевство направляет на военные нужды 25,9 % госбюджета (самый высокий в мире показатель), что составляет более 10% ВВП и на сегодняшний день по размерам военных

---

[2] Ежегодник ЦАМТО-2015 // Центр анализа мировой торговли оружием. URL: http://www.armstrade.org/includes/periodics/analytics/2015/0219/184927958/detail.shtml (дата обращения: 26.02.2016).

[3] Там же.

[4] SIPRI Military Expenditures Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (дата обращения: 20.02.2016).

расходов уступает лишь США, Китаю и России[5]. Страна также является вторым после Индии мировым импортером оружия (7% глобального импорта вооружений) и главным реципиентом военных поставок на Ближний Восток (25%), активно сотрудничая в этой сфере с Великобританией (30% военных закупок Саудовской Аравии), США (46%) и Испанией (5,9%)[6].

Аналогичные тенденции характерны и для других арабских стран Персидского залива. Так, за последнее десятилетие военные расходы ОАЭ увеличились более чем в 3 раза (22 млрд долл.) и сравнялись с военным бюджетом Турции. На военные нужды страна расходует четвертую часть госбюджета, а по импорту вооружений занимает 4-е место в мире (4% глобального импорта вооружений) и 2-е на Ближнем Востоке (20% военных поставок в регион)[7]. Не менее внушительное увеличение военных расходов имеет место в Омане, Катаре и Кувейте.

Военная интервенция коалицией арабских государств в Йемен в 2015 г. способствовала увеличению импорта вооружений государств, инициировавших эту военную кампанию, – Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта. Так, катарский импорт вооружений возрос на 279% в 2006-2015 гг. и включал первые крупные контракты на поставку вооружений, которые значительно увеличили военный потенциал страны. В отличие от Катара, импорт вооружений Египта, в прошлом самого военизированного государства на Ближнем Востоке, рос поступательно, достигнув 37%. На военные нужды страна направляет лишь 1,6% ВВП[8]. Данные показатели отражают экономические возможности и регионально-политические амбиции указанных государств.

Гражданская война в Сирии послужила катализатором усиления военного потенциала целого ряда ближневосточных стран, где в борьбе за региональную гегемонию столкнулись интересы Турции и Ирана. Тегеран уже сформулировал тезис о том, что «борьба за Сирию – это борьба за Иран». В этом ключе иранские консерваторы разработали концепцию «цепи сопротивления» в составе Ливана, Сирии, Ирака и Йемена. По мнению Тегерана, каждая из указанных стран – это передний край обороны Ирана от враждебных действий его региональных оппонентов – Саудовской Аравии, Катара, Турции и Израиля.

Иранская армия является самой крупной по числу военнослужащих на Ближнем Востоке и достигает, по данным доклада Международного института стратегических исследований, порядка 523 тыс. человек.

[5] Ibid.
[6] Trends in International Arms Transfers, 2015 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=508 (дата обращения: 01.03.2016).
[7] Ibid.
[8] Ibid.

Численность регулярных войск составляет 350 тыс. человек, 125 тыс. – Корпус стражей исламской революции, в подчинении которого находятся нерегулярные силы сопротивления «Басидж», 18 тыс. – ВМФ, 30 тыс. – ВВС. Экономические возможности страны позволяют Тегерану тратить на оборону порядка 15% госбюджета, что составляет не более 2,5% ВВП. Одним из преимуществ военной обороны Ирана является довольно высокая степень обеспечения национальной кибербезопасности[9].

Сегодня на вооружении Ирана имеются легкие скоростные морские суда, мини-субмарины, противокорабельные ракеты, «умные» мины, легкое управляемое вооружение, беспилотники и т.п. Одним из основных и наиболее опасных компонентов оборонного комплекса страны являются баллистические ракеты малой и средней дальности, способные поразить любые цели на Ближнем Востоке, включая военные базы США. Множество имеющихся сегодня в распоряжении Ирана современных вооружений приобретено в последние годы у России и Китая, но информация о них остается скудной и противоречивой. Хотя эксперты затрудняются обрисовать четкую картину военной мощи Ирана, они сходятся во мнении, что она достаточна для дискредитации идеи о бесспорном превосходстве сил НАТО в Персидском заливе над Ираном в случае открытого военного противостояния[10].

Тенденция к усилению военного могущества наблюдается и в Турции, которая, будучи членом НАТО, входит в десятку самых мощных военных держав мира, занимая 7-е место среди мировых импортеров оружия (3% глобального импорта вооружений) и 3-е – на Ближнем Востоке (16% военных поставок в регион)[11]. За последнее десятилетие страна более чем вдвое увеличила военные затраты (22,6 млрд долл.), сократив при этом их долю в общих расходах госбюджета более чем на треть (5,8% в 2014 г.). Устойчиво снижается и удельный вес расходов на оборону в ВВП (3,4% в 2003 г., 2,2% в 2014 г.). Весьма показательно и сокращение численности армии почти в 2 раза (410 тыс. человек в 2014 г.), что обусловлено ускоренной модернизацией военно-промышленного комплекса страны[12]. Турция не скрывает своей заинтересованности в усилении своего ядерного потенциала. На территории страны расположены базы НАТО, которые оснащены ядерными вооружениями.

Особенностью масштабного реформирования оборонной отрасли Турции является ставка на развитие военного сотрудничества с США, Южной Кореей и Израилем. Анкара планирует создавать международные

[9] The Military Balance 2016. The Annual assessment of global military capabilities and defence economics. London: The International Institute for Strategic Studies, 2016.
[10] Маначинский А. Я. Военный потенциал Ирана. М., 2015.
[11] Trends in International Arms Transfers, 2015 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=508 (дата обращения: 01.03.2016)
[12] The Secretary General's Annual Report 2015. Brussels: The North Atlantic Treaty Organization, 2015.

альянсы, прежде всего в авиастроении, и активно продвигать совместную продукцию за рубеж. Стратегическое сотрудничество Турции с США в рамках НАТО предусматривает меры по унификации вооружений, организации ПВО и обмену разведданными по ситуации в Сирии, Ираке и Афганистане. Израиль поставляет в Турцию прежде всего беспилотные летательные аппараты, однако взаимоотношения двух стран серьезно осложняют разногласия по палестинскому вопросу[13].

Особый случай милитаризации представляет Израиль. Находясь в окружении враждебных режимов, стремящихся заполучить любыми способами оружие массового поражения, Тель-Авив вынужден совершенствовать национальный военно-промышленный комплекс, уровень боевой и морально-психологической подготовки израильских военнослужащих. Продукция израильской военной промышленности пользуется спросом на мировом рынке благодаря своему высокому качеству, что в немалой степени результатом взвешенных политических решений руководства страны. Военно-промышленный комплекс Израиля не только обеспечивает значительную часть потребностей ЦАХАЛа в вооружении, оборудовании и снаряжении, но и экспортирует свою продукцию в Южную и Центральную Америку, Южную Африку, Восточную Азию[14].

Армия обороны Израиля – ЦАХАЛ – насчитывает 176,5 тыс. человек, а в случае войны может пополниться за счет 465 тыс. резервистов, что позволяет ей входить в двадцатку сильнейших армий мира[15]. В 2015 г. оборонные расходы Тель-Авива составили порядка 15 млрд долл. На военные нужды страна тратит немалую часть бюджета (более 13%) и ВВП (5,2%), что приводит к сокращению финансирования жизненно важных социальных программ. Сегодня Израиль занимает 11-ю строчку в Мировом индексе военной мощи и первую – в рейтинге самых милитаризованных стран мира[16].

Конфликтный потенциал Ближнего Востока усиливается действием ядерного фактора. У некоторых региональных игроков имеется возможность получить ядерное оружие, ситуация осложняется тем, что многие из них готовы к открытому противостоянию. В Вашингтоне не

[13] Кольцов А. В. Модернизация военно-промышленного комплекса Турции // Восточная аналитика. 2011. № 2.

[14] Вооруженные силы Израиля // 200 stran.ru. URL: http://www.200stran.ru/war_country78.html (дата обращения: 01.03.2016).

[15] The Military Balance 2016. The Annual assessment of global military capabilities and defence economics. London: The International Institute for Strategic Studies, 2016.

[16] GFP list of World Military Strengths 2015 // Global Firepower Official Website. URL: http://www.globalfirepower.com/countries-comparison.asp (дата обращения: 22.02.2016); Global Militarization Index 2015 // Bonn International Center for Conversation. Publications. URL: http://gmi.bicc.de/index.php?page=gmi-publications (дата обращения: 01.03.2016).

принято поднимать ядерную проблематику в отношениях с Тель-Авивом, Анкарой и Исламабадом, союзниками Белого Дома.

Угроза применения Израилем ядерного оружия подталкивает многие ближневосточные страны к наращиванию своих вооружений и провоцирует в регионе эффект ядерного «домино». Развитие ядерной сферы стало национальным приоритетом Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Алжира. Намерение развивать атомную энергетику выражали или выражают Сирия, Ирак, Иордания, Ливан, Кувейт, Бахрейн, Йемен, Ливия, Тунис и Марокко. Даже если все вышеуказанные арабские страны в настоящий момент намерены развивать именно «мирный атом», появление в перспективе у Ирана ядерного оружия может спровоцировать работы над ним у целого ряда стран; это будет означать, что вероятность применения ОМУ в конфликтах между ними значительно повыситься[17].

Меры ООН, направленные на снижение конфликтности в регионе, в частности эмбарго на поставку различных видов вооружений конфликтующим сторонам, как правило, не имеют ожидаемого эффекта. В 2015 г. полное или частичное эмбарго ООН на поставки вооружений действовали в отношении Аль-Каиды, движения Талибан, ДАИШ, Ирака, Ирана, Ливана, Ливии, Йемена, что, однако, не снизило военно-политической напряженности в регионе. Как следует из докладов комитетов ООН по санкциям, эмбарго на поставки оружия не способно остановить военный конфликт, который продолжается либо за счет перетекания оружия от одной противоборствующей стороны к другой, либо за счет нелегальных его закупок через третьи страны или других контрабандных способов поступления. Согласно докладу Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), эмбарго более или менее результативно только примерно в 25% случаев[18].

Таким образом, страны Ближнего Востока продолжат вооружаться высокими темпами. Тенденции развития ситуации на региональном рынке обычных вооружений свидетельствуют о набирающем обороты процессе милитаризации, который усиливает международную напряженность и чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира. Текущее состояние международных отношений и мировой политики позволяет предположить, что военная сила будет еще долгое время оставаться важной составляющей внешней политики ближневосточных государств и одним из главных факторов дестабилизации регионального пространства.

[17] Сатановский Е. Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями / Е. Я. Сатановский. М., 2012.

[18] SIPRI Arms Embargoes Database 2015 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://www.sipri.org/databases/embargoes (дата обращения: 01.03.2016).

Ирина Александровна ПЕТРОВА,
Старший научный сотрудник
Института США и Канады РАН

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПРО НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация: За более чем шестидеся**тилетнюю историю существования** противоракетной обороны представления о ее организации строительства и функционирования неоднократно претерпевали изменения в рамках стратегических концепций обеих стран. Этот процесс продолжается и поныне. События конца первого десятилетия XXI в., где, среди **прочих,** особо важным можно считать решение Лиссабонского саммита стран НАТО 2009 г. по развертыванию средств ПРО в соответствии с программой «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕПАП), меняют традиционный взгляд на методы обеспечения европейской безопасности, да и в мире в целом. Приверженность европейских стран американскому видению ПРО вызвала негативную реакцию российской стороны и последующее охлаждение сотрудничества в области ПРО между Россией и НАТО.

В докладе анализируются современные подходы к обеспечению стратегической стабильности американской и российской сторонами, доказывается возрастание взаимосвязи стратегических наступательных вооружений и стратегических оборонительных вооружений, рассматривается влияние создаваемой США глобальной системы ПРО на режим стратегической стабильности и делается ряд выводов о потенциальных исках для поддержания режима стратегической стабильности.

Ключевые слова: Стратегическая стабильность, глобальная американская ПРО, стратегическое сдерживание, военно-стратегический баланс, Стратегия национальной безопасности.

PETROVA Irina Alexandrovna,
Senior research fellow of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

THE ROLE OF THE BALLISTIC MISSILE DEFENSE IN STRATEGIC STABILITY REGIME IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract: Over the decades the concepts of Ballistic Missile Defense development and operation within the US and Russia military strategies have repeatedly

changed. This process continues up to this day. The commitment of European countries to the US missile defense approach, announced at the NATO Summit in Lisbon in 2009, has caused a negative reaction of the Russian side.

The report analyzes current US and Russia approaches to the strategic stability, demonstrates the increasing interconnection between strategic offensive and defensive arms, examines the impact of the US global missile defense system over the strategic stability and provides with some conclusions on potential risks for its maintenance.

Keywords: Strategic stability, the global US missile defense, the strategic deterrence, the strategic military balance, the National Security Strategy.

1. Современное понимание стратегической стабильности

Процесс изменения мирового порядка, начавшийся в конце прошлого столетия в связи с распадом СССР и окончанием холодной войны, коренным образом поменял систему международных отношений, оставив на мировой арене сначала один центр силы, а затем, приняв полицентричный облик.

Биполярная система международных отношений, существовавшая в двадцатом веке, кодифицировала отношения двух сверхдержав – США и СССР, выработав своеобразные «правила игры» между двумя мировыми центрами силы. В первую очередь, это коснулось военной сферы. На пике гонки вооружений пришло осознание того, что победителей в случае гипотетического ядерного конфликта между двумя сверхдержавами не будет. Это привело к пониманию необходимости выработки механизма соперничества. Он воплотился в появлении модели взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ). Стержнем этой модели была система двусторонних договоров по ограничению стратегических наступательных и оборонительных вооружений (ОСВ, СНВ, по ПРО) для сохранения паритета сторон в ядерных потенциалах и поддержания состояния взаимного ядерного сдерживания. К этой модели также можно отнести многосторонние договора для обеспечения режима нераспространения ядерного оружия. С определенной долей уверенности можно утверждать, что этот режим укреплял позиции СССР и США в качестве основных центров мирового порядка.

По мнению российских военно-политических экспертов, «модель ВГУ включает целый ряд важных характеристик, отличающих ее от ядерного сдерживания как такового»[1]. Среди перечня этих характеристик особо выделяется следующая: «Только США и Россия обладают так

[1] О качественной трансформации российско-американских отношений в стратегической области. РСМД, ИСКРАН. М.: Спецкнига, 2013. С. 5.

называемым противосиловым ядерным потенциалом, то есть способностью в короткий срок поразить высокозащищенные военные цели, а также центры боевого и политического управления. У других ядерных государств имеется лишь противоценностный потенциал, то есть способность поражать крупные города и промышленные объекты»[2].

Как представляется, именно эта характеристика модели ВГУ, отвечавшая реалиям того времени, в перспективе обрекала к узкому трактованною стратегической стабильности и инерционной приверженности к оценке военной мощи страны, поставив во главу угла ее ядерный потенциал.

Однако события, произошедшие в конце XX и начале XXI вв., убедительно доказали, что во время военных конфликтов, приведших к разрушению промышленности, смене политического и военного руководства, цели войны достигаются без помощи ядерного оружия.

В такого рода конфликтах военное превосходство обеспечивалось наличием обычных вооружений, созданных с помощью новых технологий: использование спутниковой разведывательной группировки (операция «Буря в пустыне»), высокоточного оружия (Косовский конфликт) и так далее. Надо отдать должное увеличивающейся роли кибернетического оружия (атака на Бушерскую АЭС в Иране), применение компьютерных технологий в разведывательных целях (например, незаконный сбор данных о частной жизни ключевых политических фигур). Ведущую роль в создании такого рода технологий играют США.

Таким образом, баланс сил в современном мире становится зависимым от большого числа факторов. Новые факторы силы оказывают влияние на значимость ядерного оружия в современной системе стратегической стабильности. Сложившаяся ситуация требует выработки комплексного подхода к ее обеспечению.

Широкое понимание современного смысла обеспечения стратегической стабильности нашло отражение в действующей редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. В частности, в статье 36 этой стратегии указывается, что «В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на

[2] О качественной трансформации российско-американских отношений в стратегической области. РСМД, ИСКРАН. М.: Спецкнига, 2013.

предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности»[3].

Косвенным доказательством отношения к изменениям в американской оценке военной мощи в современном мире является реорганизация Стратегического командования США (Стратком), первоначально объединявшим стратегические ядерные силы ВВС и ВМС. Ныне «в его структуру входят Командование силами быстрого глобального удара (включая ядерные и неядерные вооружения), Командование средствами разведки и наблюдения, Космическое командование, Командование интегрированными средствами противоракетной обороны, Командование кибернетическими средствами борьбы (возглавляет директор Агентства национальной безопасности) и др.»[4].

Но в ходе встреч в рамках двусторонней консультативной комиссии по новому Договору СНВ в 2011-2012 гг. выявилось неготовность американской стороны ставить на повестку переговоров вопросы, выходящие за рамки сокращений ядерного оружия. Представляется, что приверженность к «узкому» обсуждению вопросов стратегической стабильности говорит о нежелании американской стороны обсуждать с российской стороной те вопросы, которые затрагивают типы вооружений, в которых США имеют очевидное превосходство. Непринятие американской стороной «широкого понимания стратегической стабильности, за которое вполне аргументировано ратует российская сторона, скорее всего станет непреодолимым препятствием для ведения конструктивного диалога о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических ядерных вооружений России и США.

2. Возрастание взаимосвязи стратегических наступательных вооружений и стратегических оборонительных вооружений

Взаимосвязь стратегических наступательных вооружений и стратегических оборонительных вооружений была официально признана как объективная данность еще в мае 1972 года, когда СССР и США в одном «пакете» подписали, а затем и ратифицировали ЩСВ-1 и Договор по ПРО. И все последующие советско-американские и российско-американские договоры, вплоть до Договора СНВ-2 1993 года, базировались на признании того факта, что ограничение и сокращение стратегических наступательных вооружений возможно только при условии наложения ограничений на стратегическую противоракетную оборону. Лишь в этом случае сохраняется

[3] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". [Электронный ресурс]: http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.

[4] О качественной трансформации российско-американских отношений в стратегической области. РСМД, ИСКРАН. М.: Спецкнига, 2013. С. 5.

стратегическая стабильность во взаимоотношениях ядерных сверхдержав. Дисбаланс же в уравнении СНВ-ПРО ведет к нарушению этой стабильности.

Выход США из Договора по ПРО в 2002 году создал риски для стратегической стабильности. Но воплощаться эти риски в реальные угрозы для СЯС России стали позднее, когда создаваемая американцами национальная ПРО обрела характер глобальной системы. Игнорировать эту трансформацию американской ПРО российское военно-политическое руководство не могло, что отразилось на подходах российской делегации на переговорах с американцами новому Договору о СНВ, который был заключен в Праге в апреле 2010 г.

Ратификация Договора Конгрессом США прошла в ожесточенной борьбе между демократами и республиканцами, именно в части подтверждения взаимосвязи между стратегическими оборонительными и стратегическими наступательными вооружениями. На итоговом голосовании Договор был ратифицирован, но в угоду оппозиционному мнению была принята резолюция Сената, в которой еще раз подтверждалось, что новый Договор о СНВ не накладывает ограничений на развитие программ национальной ПРО. Кроме того, было также увеличено финансирование программ Агентства по ПРО на 100 млн долл. на 2011 финансовый год, которое в конечном итоге составило 8,5 млрд долл.[5]

Россия ратифицировала новый Договор о СНВ после того, как это сделали США. Федеральный закон РФ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» был подписан президентом РФ 28.01.2011 г.[6]

При этом Соединенным Штатам был дан четкий сигнал, что Россия и впредь будет ориентироваться на «широкое» понимание стратегической стабильности при выполнении своих обязательств по Договору о СНВ.

3. Влияние создаваемой США глобальной системы ПРО на стратегическую стабильность

«Стратегия национальной безопасности США», вышедшая в свет в феврале 2015 г., постулирует не только защиту собственных национальных интересов США за счет сильного и устойчивого лидерства, но также и ведущую роль США в решении глобальных проблем, в том числе и в сфере безопасности. Эта позиция закрепляется утверждением о том, «в мире остается огромное множество вызовов, для противодействия которым необходимо непрестанное американское лидерство», а способом

[5] Historical Funding for MDA FY85-15*. [Электронный ресурс]: http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf

[6] Этому Федеральному закону был присвоен № 1-ФЗ. Он опубликован в Российской газете» 1 февраля 2011 г.

воплощения этого лидерства - утверждение, гласящее, что «мы должны четко осознавать, … что Соединенные Штаты обладают уникальной возможностью мобилизовать мировое сообщество…»[7]. Стратегическая стабильность упоминается в этом документе всего дважды – в разделе, посвященном предотвращению распространению ОМУ, а также в разделе об укреплении стратегического партнерства со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Что касается содержания аналогичного российского документа, то в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации вопросам стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству посвящен целый раздел. В нем, среди прочего, упоминается, что «В целях обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Российская Федерация предпринимает все необходимые усилия по поддержанию на наименее затратном уровне потенциала сдерживания в области стратегических наступательных вооружений. Определяющим фактором в отношениях с НАТО остается неприемлемость для Российской Федерации наращивания военной активности альянса и приближения его военной инфраструктуры к российским границам, создания системы противоракетной обороны, попыток наделения блока глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права»[8].

Как представляется, это утверждение свидетельствует о том, что Россия в условиях дисбаланса с США по обычным вооружениям и развертывания ими глобальной системы ПРО делает ставку на «ассиметричный ответ», основу которого составляет поддержание паритета с Соединенными Штатами в области стратегических ядерных вооружений.

Исторический опыт показывает, что стратегия «ассиметричного ответа» была не раз применена для обеспечения как регионального, так и глобального военного баланса, когда превосходство одной стороны в силах общего назначения компенсировалось усилением другой стороной «ядерного» фактора силы. Примерами этому может служить, во-первых, размещение в разгар «холодной войны» американских ракет средней и меньшей дальности в Европе в качестве более «дешевого» варианта восстановления силового баланса между НАТО и ОВД[9]. Во-вторых, Основные положения военной доктрины России, принятые в октябре 1993 г., сформулировали новое отношение нашей страны к применению ядерного оружия: в условиях резкого ослабления боевой мощи Вооруженных Сил,

[7] Стратегия национальной безопасности. Белый Дом. Вашингтон, февраль 2015. [Электронный ресурс]: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3dObFXvb5.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". [Электронный ресурс]: http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.

[9] Вместо развёртывания 10 дивизий сил общего назначения на территории стран-участниц НАТО.

доставшихся России после распада СССР, упор в обеспечении национальной безопасности был сделан на превентивное применение ядерного оружия в случае агрессии против России.

Приобретающая глобальный характер создаваемая Соединенными Штатами ПРО в связи с развертыванием ее региональных компонентов в Европе и Азиатско-Тихоокеанским регионе, с вовлечением в этот процесс союзников США по НАТО в Юго-Восточной Азии ведет к эскалации напряженности во всем мире.

Причем, вероятность снижения этой напряжённости стремится к нулю, во-первых, в связи с заявлениями официального Вашингтона об отсутствии намерений в пересмотре своих планов развёртывания позиционных районов ПРО в Румынии и Польше несмотря на снижение уровня иранских угроз благодаря достигнутым успехам в переговорном процессе по ядерной программе Ирана[10]. Во-вторых, произошло наращивание американского военного присутствия в АТР: весной 2014 года было подписано соглашение США с Филиппинами о размещении на их территории американских баз ВМФ и ВВС с дислокацией военного контингента; в том же году был создан региональный Тихоокеанский центр по интеграции воздушной и ракетной обороны[11] под эгидой Объединённого командования вооружённых сил США в зоне Тихого океана и ВВС США; планами по усилению тихоокеанской группировки ВМФ США предусмотрено к 2020 г. иметь в ее составе 48 кораблей с БИУС «Иджис», на которых будет размещено до 400 противоракет типа SM-3, а также возможно размещение на территории Японии комплексов ПРО типа «ИджисАшор» и противоракетной системы ТХААД в Южной Корее[12].

Такое положение дел вызывает негативную реакцию среди государств, чьи интересы национальной безопасности затрагивает расширение американской ПРО. В первую очередь, это Россия и Китай.

Китай, как и Россия, негативно относящийся к действиям США по созданию системы глобальной ПРО, считает их не соответствующими уровню угроз для США. Прежде всего обеспокоенность Китая вызывает «прозрачность» его территории для мощного радара AN/TPY-2, размещенного в Японии, и южнокорейских РЛС, а также радара системы раннего предупреждения типа PAVE PAWS, дислоцированного на Тайване. Этот радар был поставлен на боевое дежурство в 2012 г. и пока не подключен в системе американской ПРО, но этот вариант нельзя исключить. Также администрация Буша-мл. выдвигала инициативу по

[10] Именно возможность создания Ираном ядерного оружия вкупе с его ракетной программой выдвигались ранее США как необходимость создания ЕвроПРО.

[11] Ballistic Missile Defense in the Asia-Pacific Region: Cooperation and Opposition. Congressional Research Service. April 3, 2015. P. 14.

[12] Там же.

продаже Тайваню противоракетных комплексов «Пэтриот», которая была поддержана администрацией Обамы. Усиление обороны регионального противника не может не сказаться на ослаблении сдерживания Китаем Тайваня. К тому же США и Япония ведут совместную отработку перспективной противоракеты SM-3 Block 2A и уже провели интеграцию управления и контроля своих систем ПРО. Опасения Китая вызывает возможность применения этих систем против него. И если эти опасения перерастут в угрозы национальной безопасности, Китай предпримет меры по укреплению безопасности страны отнюдь не только невоенным способом.

Таким образом, можно утверждать, что планы по развертыванию глобальной ПРО США несут неоправданные риски для поддержания стратегической стабильности. Как представляется, на возрастание этих рисков будут влиять не только техническое совершенствование неядерных вооружений, космических средств и кибернетического оружия, но и, как следствие, повышение международной напряженности, вызванное нежеланием США предпринимать практические шаги в направлении укрепления доверия и поддержания диалога по насущным проблемам международной безопасности.

4. Основные выводы

1. Современные механизмы поддержания стратегической стабильности должны основываться на учете значимости широкого спектра факторов, влияющих на военно-стратегический баланс. Недопущение милитаризации космоса, сдерживание развития кибернетического оружия, а также неядерных стратегических систем должны стать предметом международного договорного процесса.
2. Приверженность США к «узкому» пониманию стратегической стабильности, присущего периоду противостояния США/НАТО и СССР/ОВД, свидетельствует о их нежелании делать предметом переговоров по ограничению вооружений те их типы, в которых США имеют очевидное превосходство.
3. В своем стремлении обеспечить глобальное лидерство Соединенные Штаты Америки практически перестали уделять внимание интересам безопасности России, а также тех стран, которые не имеют с ними союзнических отношений, что приводит к эскалации международной напряжённости как в Европе, так и в АТР.
4. Перспективы сокращения стратегических наступательных вооружений России и США напрямую зависят от создания условий равной безопасности, которые допускают существование такой системы национальной противоракетной обороны, которая не подвергала бы риску

способность каждой из сторон осуществлять надежное ядерное сдерживание.

Мария Федоровна ПЕТРУШЕНКО,
Аспирант
Санкт-Петербургского государственного университета

ПОТЕНЦИАЛ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ВЛИЯНИЕ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация: В статье раскрываются теоретические положения концепции «мягкой силы» и анализируется российский подход к пониманию и реализации концепции. Проводится сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» ведущих стран мира и выявляются ключевые проблемы российской практики. Отмечается, что основополагающей проблемой российской «мягкой силы» является ее недостаточный потенциал и предполагается, что его «наращивание» может базироваться на решении проблем «мягкой безопасности».

Ключевые слова: мягкая сила, мягкая безопасность, Россия, Россотрудничество, внешняя политика, публичная дипломатия.

PETRUSHENKO Maria F.,
Ph.D. student
Department of international relations,
Saint-Petersburg University

RUSSIAN SOFT POWER POTENTIAL WITHIN POWER GAMES IN A GLOBAL POLICY

Abstract: Article analyzes theoretical aspects of soft power concept and its understanding and use by Russian Federation. Soft power instruments of leading countries are compared and key problems of Russian soft power practice are identified. It is noted that the fundamental problem of Russian soft power is a lack of soft power potential and considered that its building could be based on soft security problems solving.

Keywords: soft power, soft security, Russia, Rossotrudnichestvo, foreign policy, public diplomacy.

«Мягкая сила»: теоретические аспекты и российская практика

Современная система международных отношений, ключевыми характеристиками которой являются нарастающие многополярность и многоакторность, демонстрирует трансформацию понятия «силы» в мировой политике. Силовое воздействие, характерное для биполярной

эпохи, утрачивает свою эффективность, и хотя силовые методы по-прежнему применяются, потенциал «мягкой силы» приобретает всё большую актуальность.

Предложенная американским политологом Джозефом Наем концепция «мягкой силы» означает способность государства достигать желаемый результат за счет привлекательности культуры, политических ценностей и внешней политики, исключая, соответственно, методы принуждения: экономическое воздействие и военное вмешательство[1].

Потенциал или ресурсы/активы «мягкой» силы по Джозефу Наю – это всё то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия[2]. К примеру, основой потенциала несилового воздействия США Дж. Най называет привлекательность американской культуры и образа жизни. Преимуществом Европейской мягкой силы Дж. Най считает ориентацию на сотрудничество при решении международных вопросов с привлечением международных институтов и акцент на невоенном решении конфликтов. В случае с Японией потенциал «мягкой силы» обусловлен успешным опытом модернизации страны, достижением экономического уровня сопоставимого с европейским и американским показателями[3].

Сегодня ведущие страны мира активно включают в свои внешнеполитические стратегии компонент «мягкой силы». Согласно рейтингу международной консалтинговой компании Portland The Soft Power 30 пятью лидерами по объемам активов «мягкой силы» стали Великобритания, Германия, США, Франция и Канада. Тридцатое место в рейтинге занял Китай. Россия не вошла в тридцать лидеров, однако попытка встроить технологию «мягкой силы» имеет место во внешнеполитическом курсе государства.

Концепция внешней политики России 2013 г. определяет мягкую силу как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»[4]. Трактовка государством «мягкой силы» очевидно несколько сужает смысл изначального понятия, исключая роль самого потенциала и его вытекающей привлекательности. В экспертном сообществе существует мнение, и пример России тому подтверждение, что часто интерпретации идей Дж. Ная ограничены понятием любого несилового воздействия, при этом идея естественной привлекательности в них не фигурирует.

---

[1] *Joseph S.Nye.* Soft power: The Means to Success in World Politics // New York: Public Affaires, 2004.
[2] *Трибрат В.* Мягкая безопасность по Джозефу Наю. URL: http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm
[3] Там же.
[4] Концепция внешней политики Российской Федерации 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf /0/6D84DDEDEDBF7DA644257B1600 51BF7F

Усилия государства по использованию инструмента «мягкой силы» сконцентрированы в поле потенциала русского языка, культуры, образования и науки и таргетированы на «русский мир». Это отражено в целях основных институтов, призванных формировать позитивный образ России за рубежом: фонда «Русский мир», Фонда публичной дипломатии А.М. Горчакова и Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Механизмы работы с потенциалом официально «делают ставку» на ресурс гражданского общества, что соответствует логике изначальной концепции «мягкой силы», однако по ряду оценок российская общественная дипломатия пока малоэффективна, что вызывает серьезные трудности в достижении поставленных целей. Например, по мнению заведующего сектором теории политики ИМЭМО РАН Э.Г. Соловьева «негосударственные организации в основном занимаются эксплуатацией остаточного советского потенциала либо вообще пытаются продвигать доморощенную версию нового российского “либерального империализма”, в целом не слишком убедительную в широком международном контексте»[5]. Джозеф Най в своей последней статье, посвященной анализу политики «мягкой силы» Президента РФ Владимира Путина, указывает также и на опрометчивое сокращение государством роли гражданского общества во внешней политике страны. В контрпример Най приводит успешный опыт независимой от правительства Великобритании работы BBC и уровень открытости гражданского общества США, который позволяет Америке сохранять свою привлекательность даже в случае не самых удачных внешнеполитических действий правительства.

Среди институтов российской «мягкой силы» ключевая роль в формировании позитивного имиджа России за рубежом сегодня отведена созданному в 2008 г. агентству Россотрудничество. Ряд направлений деятельности агентства кроме упомянутых культурно-образовательных программ и укрепления позиций русского языка включает в себя также содействие международному развитию и такие механизмы «аккумуляции» потенциала «мягкой силы», как развитие общественной дипломатии и международных связей российских субъектов.

За первые пять лет существования Россотрудничества в его работе было выявлено не мало проблем. К 2012 г. на тот момент глава Россотрудничества К.И. Косачев заявил о том, что кроме недостаточной системности в работе института и его сообщении с государственным

[5] *Соловьев Э.Г.* Человеческая безопасность и мягкая сила во внешней политике РФ/Публикации факультета политологии МГУ им. Ломоносова. URL: http://polit.msu.ru/vestnik/4_2010/

уровнем, недостаточным оказалось и финансирование Россотрудничества[6]. Причиной дефицита бюджета на выполнение органом своих прямых функций стала большая доля затрат на его содержание. Уже в 2013 г. Указом президента бюджет Агентства был увеличен в 4,5 раза с 2 до 9,5 млрд руб. На сегодняшний день Россотрудничество представлено в 80 странах мира 93 представительствами[7]. Уместно предположить, что приумножающиеся усилия государства по развитию Россотрудничества концентрируют внимание на инструментах «мягкой силы», на «эффекте присутствия».

Между тем бюджеты на реализацию «мягкой силы» первой пятерки стран-лидеров существенно превосходят российские цифры. Так по данным 2015 г., бюджет USAID составил практически 23 млрд долл. США, бюджет Британского совета – 1 млрд долл., немецкого Института имени Гёте – более 303 млн долл., испанского Института Сервантеса – 152 млн долл.[8]

«Мягкая сила» ведущих стран мира: инструменты и особенности

Анализ политики «мягкой силы» ведущих стран мира за 2009-2013 гг.[9] демонстрирует широкий спектр используемых инструментов в реализации рассматриваемой технологии. Так, например Великобритания в своей «мягкой силе» использует потенциал шести ключевых ведомств: Министерство иностранных дел и по делам Содружества, Министерство международного развития, Департамент торговли и инвестиций, Министерство культуры, СМИ и спорта, Британский совет, Телерадиовещательная корпорация BBC. Кроме сформированной нормативно-правовой базы и широкой системы финансирования, сильной стороной британской «мягкой силы» является также высокая степень внутренней координации внешнеполитического «мягкого» аппарата. Мягкая сила Германии отличается децентрализованной системой при широчайшем наборе институтов влияния, как внутренних (фонды политических партий, действующих по различным направлениям политики «мягкой силы»), так и представленных за рубежом. Стоит отметить, что «размах» мягкой силы Германии прямо пропорционален экономике государства. Среди приоритетов в политике мягкой силы Китая – обеспечение собственной «культурной безопасности» от распространения «мягкой силы» иных субъектов. Система взаимодействия между

[6] *Косачев К.И.* Россотрудничество. Первые итоги./Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Публикации. URL:http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=27

[7] Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2012 г. URL: http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/otchet_2012.pdf

[8] Там же.

[9] *Ларионова М.В.* «Мягкая сила» ― ресурс внешней политики. URL: https://www.hse.ru/en/sci/publications/128207289.html

ключевыми ведомствами и институтами централизованная и исключает негосударственных акторов из процесса выработки и принятия решений. Однако при этом конкурентными преимуществами политики «мягкой силы» Китая являются инвестиционный и экономический потенциал и прагматичный подход (роль мягкой силы фокусируется на ее ресурсах). Ряд приоритетов политики мягкой силы США отличается от списков большинства других акторов расширенным гуманитарным значением. Среди таковых: сокращение бедности, обеспечение индивидуальных гражданских и экономических прав, интеграция развивающихся стран в открытую и справедливую международную экономическую систему и другие. Ключевым проводником американской политики мягкой силы является вышеупомянутое Агентство по международному развитию США, которое делит сферы ответственности с Госдепартаментом. Очевидными конкурентными преимуществами США являются совокупная экономическая, политическая и военная? мощь страны, длительность присутствия в странах-объектах «мягкой силы», большой объем финансирования и широкий охват программ содействия международному сотрудничеству, а также активное вовлечение неправительственных организаций.

Выводя «среднюю» по ведущим политикам «мягкой силы» стоит начать с того, что главным конкурентным преимуществом в борьбе за влияние является сам потенциал «мягкой силы» – чаще уровень социально-экономического, культурного и технического развития государства. Наиболее эффективна «мягкая сила», когда в процесс вовлечены негосударственные акторы, присутствует долгосрочная стратегия реализации технологии, а также активно ведется содействие международному развитию. К примеру, как упоминалось выше, спектр направлений работы USAID включает в себя ряд социально-ориентированных международных программ. Также, как отмечает М.М. Лебедева, не менее важен и учет поведения других акторов «мягкой силы» в конкретном регионе присутствия[10].

Заключение: «мягкая сила» и «мягкая безопасность»

Очевидно, что на данном этапе своего развития российская политика «мягкой силы» значительно уступает по различным критериям успехам ряда государств. Две наиболее яркие проблемы, выделяемые экспертным сообществом и представителями аппарата «мягкой силы» – недостаточное финансирование и слабая роль публичной дипломатии. Встает вопрос о том, какая из проблем в обозримой перспективе преодолимее. Очевидно, что

[10] *Лебедева М.М.* «Мягкая сила» в отношении стран Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета.2014. № 2.

вопрос финансирования потенциально проще поддается решению, однако насколько увеличенные финансовые вложения могут способствовать достижению главной цели политики «мягкой силы» – привлекательности государства? Уместно предположить, что «эффект присутствия», который преумножается за счет финансовых потоков, в меньшей степени способен повлиять на результат, чем структуры гражданского общества, работа которых способна раскрывать и транслировать имеющийся социально-культурный потенциал.

Вместе с тем, возвращаясь от инструментов «мягкой силы» к вопросу о её активах, стоит предположить, что в борьбе за влияние на мировой арене первоочередной задачей государства должна стать политика обеспечения прежде всего «мягкой» безопасности. Концепт «мягких» (то есть негосударствоцентричных) форм безопасности состоит в убеждении в том, что безопасность лежит в основе нашего индивидуального и коллективного существования»[11]. «Мягкая» безопасность делает акцент не столько на военно-политических (как в традиционной жесткой системе), сколько на общеполитических, социальных, экологических, экономических, этнических, религиозных и других аспектах международного сотрудничества[12], крайне актуальных в условиях глобализации.

Предполагается, что недостаточно разработанная в России концепция «мягкой безопасности» является релевантной теоретической площадкой для конструирования механизмов наращивания потенциала российской «мягкой силы».

[11] *Макарычев А.С.* Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион // URL:http://net-conf.org/articles_text_2.htm

[12] *Маркушина Н.Ю.* Вопросы мягкой безопасности в контексте «Северного измерения» // URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=16382300

Ирина Львовна ПРОХОРЕНКО,
Ведущий научный сотрудник,
Института мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Аннотация: Появление и развитие многообразного феномена так называемого нового регионализма в мировой политике способны изменить сложившиеся представления о содержании и динамике интеграционных процессов в современном мире, формировании международно-политических регионов как относительно замкнутых транснациональных политических пространств, правилах мировой торговли и глобального нормативного регулирования. В конечном счете новые форматы межрегионального и трансрегионального сотрудничества, а также транснациональных торгово-инвестиционных партнерств могут стать фактором трансформации современного миропорядка, меняя в перспективе поведение и организационную идентичность государств-участников. Использование пространственно-организационного подхода в анализе нового регионализма оказывается эффективным для выявления новых акторов и арен транснационального политического взаимодействия, изучения форм институционального закрепления такого взаимодействия, прогнозирования и составления альтернативных сценариев политических изменений.

Ключевые слова: регионализм, новый регионализм, региональная интеграция, зоны свободной торговли, транснациональные политические пространства, пространственно-организационный подход.

PROKHORENKO Irina L'vovna,
Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy
and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Ph.D. (Politics)

NEW REGIONALISM AS A FACTOR OF THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL ORDER FORMATION: THE POTENTIAL OF THE SPATIAL ORGANIZATIONAL APPROACH

Abstract: This article was prepared with financial support provided by the Russian Humanitarian Science Foundation research grant No 14-07-00050a "Formation of institutes and principles of supranational governance in world politics: concepts and practice". The research was conducted at the Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS.

Emergence and development of the diverse phenomenon of so called new regionalism in world politics are capable to revise existing views on содержании and dynamics of integration processes in the modern world, формировании of international political regions as относительно замкнутых transnational political spaces, правилах of world trade and global normative regulation. Finally new formats of interregional and transregional cooperation, and also of transnational trade and investment partnerships may come to be one of the factors of modern international order transformation, changing behaviour and organizational identity of the states-members in the future. Using of spatial organizational approach in analysis of new regionalism proves to be effective for revealing new actors and new fields of transnational political interaction, studying of institutional consolidation of such interaction, forecasting and preparing alternative scenarios of political changes.

Keywords: regionalism, new regionalism, regional integration, free trade zones, transnational political spaces, spatial organizational approach.

В последние два-три десятилетия, в основном с окончанием холодной войны не только увеличилось число различных структур регионального сотрудничества, но и изменился качественным образом формат их деятельности, а также их политическая значимость в мировой политике.

Появились различные формы феномена, который политологи называют обобщающим термином «регионализм». В поисках новых адекватных научных терминов и понятий и в стремлении преодолеть избыточный «евроцентризм» (или «европоцентризм») ученые-международники и те, кто занимается сравнительными исследованиями интеграционных процессов, стали все чаще употреблять «регионализм» с уточняющими прилагательными, существительными и частицами: «новый» и «старый»; регионализм различных генераций; экономический, монетарный и культурный; меж-, транс- и интеррегионализм; «чистый» и смешанный (гибридный), «закрытый» и «открытый»; регионализм высокого и низкого уровней; формальный (институционально оформившийся) и неформальный; «мягкий»; военно-политический и т.д. Научный интерес стали представлять формальный и неформальный разновидности регионализма, интеграционные проекты и процессы за пределами Европы, в первую очередь, в развивающихся странах, а значит, незападные по своей

сути. Возник сравнительный регионализм как новое предметное поле исследований.

Рассматривая многоаспектный и разнообразный феномен регионализма и динамику процессов регионализации, эксперты выделяют вторую половину 1980-х – начало 1990-х годов в качестве рубежа, разделяющего регионализм «новый» и «старый» (в терминологии Ф.Сёдербаумах[1]), «открытый» и «закрытый» (как их называет М. Дойдж[2]), «новый» и «экономический» (по определению М. Тело[3]). Понятно, что «новый» регионализм фактически противопоставляется модели региональной интеграции, которую выстроило Европейское экономическое сообщество в 1950-е – первой половине 1980-х годов. Этот опыт стремились перенять политические элиты в Северной и Южной Америке, Юго-Восточной Азии и Африке, реализуя проекты трансграничного, субрегионального и регионального интеграционного межгосударственного взаимодействия и допуская при этом некую нормативность этой европейской модели, в известном смысле подражая ей.

Ключевое значение для науки о международных отношениях получил поиск ответов на вопросы, каким образом складывающиеся новые структуры транснационального сотрудничества в состоянии повлиять на трансформацию международного порядка, а в конечном счете, – и на изменение модели глобального регулирования, какие перемены могут произойти в правилах поведения государств в очевидно меняющейся международной иерархии, а также в принципах и структуре коллективного (группового) лидерства.

В связи с этим менялись и взгляды на регион. От традиционного его определения как географического (территориального) или геополитического пространства исследователи сделали шаг к пониманию международного региона как сознательно конструируемого различными государственными и негосударственными политическими акторами транснационального политического пространства. Действительно, появилась такая политическая реальность, которая не концептуализируется в прежних категориях, но требует осмысления. Происходят полные внутренней энергии разноуровневые политические процессы, возникли не просто новые субъекты интеграционных процессов и становления миропорядка – меняется сама динамика интеграции и дезинтеграции в современном мире. Новой научной категорией, способной объяснить

[1] См.: *Söderbaum F*. Introduction: Theories of New regionalism. – Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Eds.: Söderbaum F., Shaw T.M. Basingstoke: Palgrave, 2003. P. 1-21; Idem. Rethinking Regions and Regionalism. – *Georgetown Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 14. No 2. P. 9-18.

[2] См.: *Doidge M*. The European Union and Interregionalism: Patterns of Engagement. Farnham: Ashgate, 2011.

[3] См.: *Teló M*. Introduction: Globalization, New Regionalism and the Role of the European Union. – European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era / Ed. by M. Telò. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 1-18.

интеграционную динамику и те перемены, которые происходят, в частности, в Европейском союзе и в государствах-членах ЕС, является категория «политического пространство».

Использование данной научной категории позволяет рассматривать политический процесс как разноуровневое многомерное явление, соответствующее сложности современного мироустройства, выявить особенности, форму и структуру политических взаимосвязей, которые складываются, становятся прочными и в большинстве своем приобретают институциональную форму в процессе политической коммуникации между различными субъектами и акторами по поводу власти.

Политическое пространство представляет собой многомерную организующую конфигурацию политической жизни во взаимосвязи со временем, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными субъектами и акторами в процессе приобретения, организации и осуществления власти и управления в ходе политической коммуникации. Подобная институциональная опора политического пространства дополняется опорой символической – это может быть пространство бытования и конкуренции политических символов, идеологий, политических и/или ценностных предпочтений, а также идентичности. В ходе формирования политических пространств складываются политические сообщества – коллективные субъекты различного уровня (локального, регионального, национального, макрорегионального, глобального), которые в целом разделяют общие базовые ориентиры и установки, имеют сходные интересы, придерживаются сложившихся или установленных правил и норм[4].

Критерий пространственной насыщенности отношений внутри территории и в ее внешних связях, а также институционализация этих отношений подводят к определению транснационального политического пространства как сложившейся формы (модели) устойчивых транснациональных связей, в рамках которой негосударственные акторы взаимодействуют поверх национальных границ; на основе общих интересов и ценностей упорядочивается совокупность принципов, норм и правил, направляющих поведение участников политического процесса. Последнее открывает перспективы создания общих политических институтов и формирования системы многоуровневого управления, предполагающей в том или ином виде транс- и/или наднациональное регулирование.

Международно-политический регион сознательно конструируется, прежде всего, усилиями политических элит, обретая в ходе этого процесса

[4] *Прохоренко И.Л.* Испания в Европейском союзе: взаимовлияние национального и транснационального политических пространств // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.п.н. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 4-5.

свою политическую субъектность, агрегируя и артикулируя транснациональные интересы и формируя собственную макрополитическую идентичность. Зачастую внимание экспертов в основном к политико-институциональным аспектам деятельности проектов регионального интеграционного сотрудничества заслоняют долгий, сложный, разноуровневый нелинейный процесс строительства международно-политического региона с участием в том числе негосударственных акторов и с использованием неформальных институтов и практик и форм сетевого неиерархического взаимодействия.

Новым феноменом в мировой политике становится межрегионализм, который как раз и связан с очередным этапом развития интеграционных процессов в Европе и усилением роли Европейского союза как глобального игрока после распада биполярной системы. Научный интерес к межрегионализму проявляют не только исследователи региональной интеграции. Теоретики международных отношений изучают его с точки зрения сотрудничества и конкуренции на различных уровнях – глобальном, региональном, субрегиональном – и в различных форматах – двустороннем и многостороннем. Для ученых-международников анализ межрегионализм предполагает исследование проблем трансформации природы национального государства в условиях глобализации и регионализации, регулируемости и управляемости в мировой политике, формирования многоуровневой системы глобального управления.

Под межрегионализмом понимают оформленное институционально экономическое, политическое и социальное взаимодействие между региональными интеграционными объединениями, которые представляют собой международно-политические регионы. Примером такого рода сотрудничества можно считать, например, институализированное взаимодействие между Европейским союзом и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (***АСЕАН***). Различая, но не противопоставляя межрегионализм и трансрегионализм, некоторые исследователи предлагают считать последний одной из форм межрегионального сотрудничества, выделяя при этом гибридные формы межрегионализма, в частности, взаимодействие между региональным интеграционным объединением с группой государств дисперсного и не оформленного организационно региона[5]. Считается, что межрегионализм обладает несколько важными функциями: баланса сил, институционального строительства, рационализации процесса принятия решений на глобальных многосторонних форумах, формирования повестки дня и конструирования

[5] См.: *Doidge M.* Op. cit. P. 113; The European Union and the Global South / Eds.: Söderbaum F., Stålgren P. Boulder: Lynne Rienner, 2010. P. 1-11.

коллективной идентичности[6]. Формируя новые транснациональные политические пространства и режимы международного регулирования, межрегиональные и трансрегиональные соглашения меняют конфигурацию современного международного порядка.

Планируемое Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между Европейским союзом и США, потенциал экономики которых составляет почти половину мирового ВВП и более трети оборота мировой торговли, а также завершение в октябре 2015 г. переговоров об образовании Транстихоокеанского партнерства с участием 12 стран (Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили и Японии), на которых в совокупности приходится около 40% мирового ВВП и примерно треть оборота мировой торговли, представляют собой принципиально новые формы формального регионального сотрудничества.

Такого рода сотрудничество не основано на территориальном соседстве. В рамках зон свободной торговли большое значение имеют экономические взаимность и обоюдная выгода, однако региональное торговое и инвестиционное взаимодействие происходит в том числе по линии Север – Юг (глобальный Север – глобальный Юг), а значит, подобное сотрудничество является изначально асимметричным, а следовательно, неравноправным и имеющим иерархическую структуру.

Вхождение стран глобального Юга в Транстихоокеанское партнерство означает приобретение них некого символического капитала, подобно тому как в истории европейской интеграции момент присоединения новых членов из числа менее развитых в социально-экономическом отношении государств (бывших авторитарных режимов Южной Европы, бывших социалистических республик Центральной и Восточной Европы) имел для них не просто политическое и экономическое, но и символическое значение.

Причины именно политического и символического свойства имеют не меньшее значение для государств-участников, представляющих глобальный Север, нежели экономические. Речь идет о стремлении США усилить собственные позиции в противовес Китаю как влиятельному региональному и глобальному игроку и инициатору создания альтернативного проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства в тихоокеанском регионе на базе «АСЕАН плюс Шесть» (т.е. страны АСЕАН, Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония). Подобные веские причины считались важными в свое время и

[6] Rüland J. ASEAN and the European Union: A Bumpy Interregional Relationship. – *ZEI. Discussion Pape.r* C 95. Bonn, 2001.

европейскими элитами «старых» стран-участниц ЕЭС/ЕС, когда те принимали решения о расширении Сообщества/Союза.

В то же время можно предположить, что нормы и ценности, которые претендующие на доминирование в будущих транснациональных партнерствах Соединенные Штаты стремятся прямо или косвенно, достаточно мягко или жестко, быстро или постепенно распространить и укоренить в процессе обучения среди остальных участников, могут вызывать как одобрение, так и неприятие. Тем более что процесс формирования новой предпринимательской и производственной культуры (речь идет о транснациональных партнерствах в сфере торговли и инвестиций), новых организационной солидарности и региональной идентичности естественным образом органичен определенными социокультурными различиями и является конфликтным по своей сути, а значит – нелинейным. Образ же лидера как локомотива регионального сотрудничества и как доминирующей нормативной силы не всегда является однозначно позитивным, особенно среди неправительственных, негосударственных акторов.

Помимо этого создаваемые транснациональные пространства несут в себе потенциальную вероятность перемен в процессах региональной и субрегиональной интеграции в Европе, Азии, Северной и Южной Америке.

Наконец, прагматичное участие латиноамериканских и азиатских стран одновременно в нескольких форматах регионального сотрудничества несет в себе как перспективы нового этапа регионализации в плане расширения транснациональных пространств, так и риски изменчивости и неустойчивости для каждого из них. Ведь предполагается, что таким пространствам сотрудничества следует иметь достаточно автономный характер.

В итоге встают не просто ключевые, а сущностные вопросы о региональной интеграции как форме развития глобализации, о появлении новых или смещении центров мирового развития в процессе глобализации, о прочности тренда «вестернизации» в глобализирующемся мире, о возможности в итоге сосуществования западных и незападных моделей регионального сотрудничества и региональной интеграции, а значит, – и об альтернативных моделях макрорегионального регулирования в конкурентной борьбе за глобальное лидерство. Эти и другие вопросы и допустимые ответы на них напрямую затрагивают интересы России как инициатора и по сути дела локомотива и ядра интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также как возможного полноправного участника формирующихся на наших глазах и меняющих свои внешние границы Большой Европы и Восточной Азии.

Дарья Эдуардовна РУДЕНКОВА,
младший научный сотрудникМ
Института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

РОЛЬ ЕС В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ В ПЕРЕГОВОРАХ О ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ В ТОРГОВЛЕ И ИНВЕСТИЦИЯХ

Аннотация: Европейский союз является одной из крупнейших экономик мира, что вполне объясняет притязания интеграционного формирования на не менее значимую роль в мировой политике. Об этом свидетельствует как создание Европейской внешнеполитической службы, так и участие ЕС в переговорах с США о создании крупнейшей зоны свободной торговли. Вместе с тем, на этом пути ЕС сталкивается с серьезными трудностями, причиной которых являются скорее внутренние факторы, чем внешние. Противоречие кроется в том, что, с одной стороны, ЕС действительно обладает необходимым потенциалом, чтобы занять свое место в процессе глобального управления. С другой стороны, анализ переговоров по ТТИП наглядно демонстрирует, что отсутствие единой консолидированной позиции среди стран-участниц негативно сказывается на способности ЕС действовать в качестве глобального актора. Сложности, с которыми единая Европа столкнулась входе переговоров по ТТИП, показывают, что она стала заложницей кризиса легитимности и отсутствия отработанной и регулируемой системы представительства интересов, которая могла бы одновременно обеспечивать прозрачность политического процесса и поддержку общественности, что существенно усилило бы позиции ЕС на международной арене. Сегодня статус ЕС как актора глобального хозяйственного управления потерпел существенный урон из-за кризиса еврозоны. Поэтому Европе приходится умерить свой аппетит, отказаться от лишних амбиций на глобальной уровне и сосредоточиться на решении насущных проблем.

Ключевые слова: Европейский союз, Трансатлантическое партнерство в торговле и инвестициях, ТТИП, глобальное управление.

RUDENKOVA Daria,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

EUROPEAN UNION ROLE IN GLOBAL GOVERNANCE THROUGH NEGOTIATIONS ON TRANSATLANTIC TRADE AND INVESTMENT PARTNERSHIP

Abstract: The European Union is one of the world's largest economies, therefore, its claims for the same role in world politics are just and expected. Another evidence for it is the creation of a European External Action Service and participation in the negotiations with the United States on Transatlantic Trade and Investment Partnership in order to create the largest free trade zone. At the same time, the EU faces serious difficulties caused by both internal and external factors. The main contradiction lies in the fact that, on the one hand, the EU really possesses necessary potential to take its place in the global governance. On the other hand, analysis of the negotiations on the TTIP demonstrates that the lack of a single and consolidated position among the member states has a negative impact on the EU's ability to act as a global actor. The difficulties with which the united Europe meets during negotiations on TTIP, show that it is suffering from the crisis of legitimacy, lack of transparency and lobbying regulation. Today the EU's status as a global actor in the economic governance is in decline due to the eurozone crisis. So, Europe has to temper its appetite and give up ambitions on a global level in order to concentrate on more pressing matters.

Keywords: European Union, Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP, global governance.

Европейский союз (ЕС) формировался в первую очередь как организация экономической интеграции, в то время как вопросы проведения общей внешней политики заняли свое место в повестке дня значительно позже. Этим объясняется разница во влиянии ЕС на мировую экономику, в которой единая Европа заслуженно занимает одно из лидирующих мест, и мировую политику, где успехи интеграционного объединения остаются весьма скромными.

До недавнего времени политика ЕС в отношении ведущих мировых держав существовала в формате саммитов на высшем уровне. Однако со вступлением в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. ситуация качественно изменилась, поскольку создание Европейской внешнеполитической службы (ЕВС) – одно из нововведений Лиссабонского договора – явно обозначило намерение ЕС занять свое место в мировой

политике. Будучи второй самой крупной экономикой мира, Евросоюз пытается продвигать свои стандарты, ценности, нормы и механизмы, участвуя в глобальном управлении. На этом пути ЕС сталкивается с различного рода вызовами как внутренними, так и внешними. Анализ переговоров между ЕС и США о заключении Трансатлантического партнерства в торговле и инвестициях (ТТИП) наглядно показывает противоречия и сложности для ЕС в своем утверждении в качестве актора глобального управления.

Для Европы США являются важнейшим политическим и экономическим партнером, а трансатлантические отношения по своему объему и интенсивности остаются крупнейшими в мире, что частично объясняется общим культурно-историческим прошлым[1]. Видный отечественный ученый М.Г. Носов следующим образом оценивает обороты торговли между США и ЕС: «Экономические отношения между США и ЕС остаются одной из основ Атлантического союза. В 2013 г. импорт ЕС из США составил 196 млрд евро, экспорт ЕС в США достиг 288,2 млрд евро. Без учета торговли внутри ЕС крупнейшим импортером Евросоюза является Китай, но по общему объему торговли США остаются крупнейшим торговым партнером Евросоюза – 14,2% от объема торговли. Крупнейшим экспортером США в 2012 г. была Канада, на которую пришлось 18,9% американского экспорта, крупнейшим импортером был Китай – 19% импорта, но ЕС оставался крупнейшим торговым партнером США – 16,9% американской торговли»[2].

Идея создания ТТИП не является новой – на протяжении последних двадцати лет она латентно обсуждалась в рамках саммитов ЕС-США. Однако непосредственные переговоры о заключении ТТИП начались в 2013 г., когда Рабочая группа высокого уровня в рамках Трансатлантического экономического совета опубликовала специальный доклад, посвященный поиску путей расширения трансатлантического экономического сотрудничества, что представляется для ЕС одним из способов утверждения в роли актора глобального управления. По нормам ГАТТ, ТТИП относится к типу соглашений «высокого стандарта», так как оно охватывает все аспекты торговли между сторонами, отменяет тарифные ограничения и все виды экономической дискриминации. Подписание данного соглашения приведет не только к взаимному признанию норм Европы и Америки, но позволит обоим игрокам задавать тон и устанавливать собственные международные стандарты, что само по себе преследует геополитические

[1] European Union External Action. A Unique Partnership. [Electronic resource]. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/2014_eu_us_leaflet.pdf.

[2] Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. С. 379.

цели противостояния угрозе доминирования стран Азии, в частности Китая[3].

Вместе США и ЕС представляют более 60% мирового ВВП, 33% мирового рынка товаров и 42% рынка услуг. Создание зоны свободной торговли между двумя крупнейшими после Китая участниками мировой экономики, безусловно, было бы серьезной политической заявкой на дальнейшее формирование экономического порядка и в будущем могло бы стать моделью для оформления других торговых договоренностей между третьими участниками. По своему характеру, ТТИП более амбициозен, чем любое другое торговое соглашений.

Для Евросоюза подписание ТТИП – попытка сместить акценты в американской внешней торговле, в которой наметилось явное сближение с Азиатско-Тихоокеанским регионом[4]. В отличие от ЕС, США находятся в более выгодном положении, поскольку создание зоны свободной торговли с Евросоюзом не является для них единственно возможным вариантом: параллельные переговоры по заключению Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП) продвинулись гораздо дальше – 5 октября 2015 г. стороны достигли компромисса по предварительному варианту соглашения, который, в случае ратификации, поставит единый европейский рынок в крайне невыгодное положение и сделает неустойчивыми позиции ЕС в глобальном управлении. Для США подписание торговых соглашений с ЕС и со странами Тихоокеанского региона предоставляет беспрецедентные возможности для укрепления собственного экономического и политического доминирования.

Участие в переговорах по ТТИП не дается легко европейской стороне. Несмотря на потенциальные выгоды, разработка и обсуждение соглашения стали причиной серьезных разногласий внутри ЕС. Европейские группы интересов раскололись на два лагеря сторонников и противников ТТИП, чего нельзя сказать о США, где лоббисты занимают достаточно консолидированную позицию по этому вопросу, которую они доносят до своего правительства по регулируемым каналам системы представительства интересов. В ЕС, напротив, ситуация усугубляется нехваткой прозрачности в процессе переговоров, что подрывает легитимность переговоров в глазах активистов и правозащитников[5]. Европейская комиссия, находясь под давлением общественности, была вынуждена сделать общедоступным

[3] Hamilton, D. S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the transatlantic relationship for a changing world // D.S. Hamilton. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2014. 170 p.

[4] Messerlin, P. The TPP and the EU policy in East Asia (China Mainland excluded) / P. Messerlin [Electronic resource]. – Mode of access: http://ecipe.org/publications/tpp-and-eu-policy-east-asia-china-mainland-excluded/

[5] European Parliament. TTIP ‘fresh start’ means more clarity, debate, and realism, Malmström tells MEPs (2012) [Electronic resource]. Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/content/20141201IPR81714/html/TTIP-%E2%80%9Cfresh-start%E2%80%9D-means-more-clarity-debate-and-realism-Malmstr%C3%B6m-tells-MEPs

переговорный мандат по ТТИП и организовать ряд открытых консультаций с группами интересов. Таким образом, пока США пытаются всячески стимулировать процесс переговоров, ЕС продолжают раздирать внутренние противоречия, и в спешке он не может найти адекватные каналы для консолидации общественного мнения. Нет согласия и между институтами ЕС: Европейский парламент, наделенный по Лиссабонскому договору полномочием отклонять международные соглашения, в которых участвует ЕС, грозит им воспользоваться, как это уже имело место в случае с Торговым соглашением по борьбе с контрафактной продукцией (*Anti-Counterfeiting Trade Agreement – ACTA*).

Сложности, с которыми единая Европа столкнулась входе переговоров по ТТИП, показывают, что она стала заложницей кризиса легитимности и отсутствия отработанной и регулируемой системы представительства интересов, которая могла бы одновременно обеспечивать прозрачность политического процесса и поддержку общественности, что существенно усилило бы позиции ЕС на международной арене. Сегодня статус ЕС как актора глобального хозяйственного управления потерпел существенный урон из-за кризиса еврозоны. Поэтому Европе приходится умерить свой аппетит, отказаться от лишних амбиций на глобальной уровне и сосредоточиться на более насущных вопросах. Перспективы подписания ТТИП в полном объеме весьма сомнительны, несмотря на относительно успешный, по разным оценкам, 12-й раунд переговоров, прошедший в феврале 2016 г. и объявленное обеими сторонами намерение подписать соглашение по истечении текущего года[6], то есть до окончания срока президентских полномочий Барака Обамы, поскольку формирование новой Администрации с высокой долей вероятности затормозит переговорный процесс и потребует пересмотра уже достигнутых договоренностей.

Скорее всего, будет оформлено «смешанное соглашение» (*mixed agreement*), и для его вступления в силу потребуется консенсусная ратификация национальными парламентами стран-участниц ЕС. Поспешность, с которой ЕС ведет переговоры, вызвана ранее достигнутым соглашением по Транс-тихоокеанскому партнерству между США и другими участниками, большинство из которых представляют страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Это заставляет Евросоюз задуматься об издержках затягивания переговорного процесса и одновременно идти на существенные уступки, порой, в ущерб собственным интересам, но взамен на перспективу утвердиться в качестве участника глобального управления. Вместе с тем, ЕС следовало бы умерить свои амбиции на международной арене и

[6] Bercero, I. G. Statement by EU chief negotiator. TTIP round 12. [Electronic resource] / Bercero I. G. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/february/tradoc_154325.pdf

приложить больше усилий на решение внутренних конфликтов групп интересов.

Галина Михайловна СИДОРОВА,
Заведующая кафедрой
теории и истории международных отношений
Московского Государственного лингвистического университета

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДР КОНГО КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: В статье автор анализирует причины конфликтов в ДР Конго и возможные пути их предупреждения. В этой связи исследование направлено на выявление факторов, питающих конфликты, прослеживание их динамики, возникновение новых угроз стабильному миру в регионе, а также определение механизмов для урегулирования очагов напряженности. Закончилась гражданская война (1998-2003 гг.), проведены первые в истории демократические выборы, избран легитимный президент и создана вертикаль власти. Однако жизнь с трудом входит в нормальное русло. Властям страны предстоит преодолеть еще много трудностей. На востоке не стихают военные конфликты, гибнут люди, от голода и болезней умирают дети.

Ключевые слова: конфликт, власть, военно-политические проблемы, вооруженные группировки, этнические и социальные противоречия, вооруженная оппозиция, соглашение о мире.

SIDOROVA Galina,
Moscow State Linguistic University,
Head of Department theory and history of international relations

ARMED CONFLICTS IN THE DR CONGO AS A THREAT TO REGIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

Abstract: The author analyzes the causes of the conflicts in the DR Congo and the possible ways of their prevention and settling. The central for the research is a study of the factors that lead to conflicts, of the conflicts dynamics, and of the new threats to stable peace in the region, as well as defining of the mechanisms for resuming tension. However, though life in the country is coming back to normal, the consequences of the civil war of 1998-2003 are still felt. In the Eastern provinces, armed conflicts with human losses continue, hunger and diseases are still causing death among children.

Keywords: conflict, power, military and political problems, militants, ethnic and social contradictions, armed opposition, peace agreement.

Прошло более 50 лет с тех пор, как многие страны Африканского континента обрели независимость. В летопись африканской истории вписаны имена национальных героев, ставших гордостью народов Африки. Среди них – Патрис Лумумба, Кваме Нкрума, Секу Туре, Мариан Нгуаби, Нельсон Мандела и другие. Они предприняли попытки вывести свои страны «на рельсы» демократического развития, улучшить жизнь своих народов. Тем не менее, многие из них остаются за чертой бедности. Несмотря на позитивные изменения, произошедшие за полувековую историю, многие африканские страны не знают мира и продолжают жить в крайней нищете.

ДР Конго находится в их числе. Ее не случайно называют «Африкой в Африке». Теоретики склонны утверждать, что конголезский конфликт потерян во времени. Причем он носит эндемичный и хронический характер, поскольку начался еще в 1996 г. и продолжается по сей день. На начальной стадии оппозиция во главе с партизаном Л.-Д. Кабилой воевала против режима Мобуту С.С. Когда диктатор был свергнут, простояв у руля власти 32 года, противостояние трансформировалось в борьбу конголезских тутси – баньямуленге против президента Л.-Д. Кабилы. В мае 1997 г. после успешных боев с правительственными войсками отряды оппозиционного «Альянса демократических сил за освобождение Конго/Заира» вошли в Киншасу. Л.-Д.Кабила провозгласил себя главой государства, которому были возвращены название, флаг, гимн и другие атрибуты символики первых лет независимости. Этой удаче во многом способствовали финансовая помощь США, а также военная поддержка Уганды и Руанды. Кабила, по сути, действовал так же, как и его свергнутый предшественник. Он установил контроль над государственными ресурсами, исключавший какую-либо прозрачность и наличие отчетности. Практически отсутствовал государственный контроль, концессии раздавались без ограничения, коррупция перекочевала в стан победителей.

Гражданская война в Конго переросла в интернациональный конфликт (1997-2003). В него были втянуты практически все приграничные государства, которые имели определенный интерес. Прежде всего, он сводился к нелегальной эксплуатации природных ресурсов страны. Новый виток войны, охвативший Конго, начался с гибелью Л.-Д. Кабилы 16 января 2001 г., приходом к власти его сына, Ж.Кабилы, и созданием оппозиционного объединения «Национальный конгресс в защиту народа».

Наивысшей точки накала ситуация достигла после проведения первых в стране общенациональных выборов после подсчета голосов. В ночь с 20 на 21 августа 2006 г. в Киншасе произошли столкновения между военизированной охраной политического оппонента президента Ж.-П.Бембы и национальной гвардией Ж. Кабилы с применением тяжелого оружия. Соперники вели перекрестный огонь на протяжении двух

последующих дней. Разрядить обстановку и направить ее в мирное русло удалось благодаря дипломатическим усилиям, а также патрулированию с земли и воздуха силами ооновской Миссии и военного контингента Евросоюза. В последующие годы, вплоть до настоящего времени, военно-политическая обстановка на востоке ДР Конго и в районе Великих озер оставалась напряженной.

Таким образом, более 20 лет ДР Конго не может выйти из порочного круга военных действий на востоке страны. Проблема мира и безопасности по-прежнему остается там одной из ключевых проблем. Она обсуждается уже длительное время на региональном и международном уровне с целью поиска оптимистического сценария, но пока остается «гипотетической», поскольку попытки поставить точку в огневых столкновениях боевиков незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ) оказываются бессильными. По данным доклада Всемирного индекса мира, который публикуется Институтом экономики и мира, ДР Конго находится на третьем месте среди десяти наиболее взрывоопасных стран Африканского континента, к которым относятся Сомали, Судан, ДРК, ЦАР, Ливия, Нигерия, Чад, Зимбабве, Бурунди и Эфиопия. В качестве одного из аргументов классификации фигурирует наличие числа НВФ, продолжающих боевые действия на востоке страны. ДР Конго не без оснований попала в этот список.

Действия боевиков НВФ представляют реальную угрозу безопасности в регионе и международной безопасности в целом, поскольку в военные действия втягивается большое число акторов, как видимых, очевидных, так и невидимых, которые снабжают боевиков оружием и поддерживают очаги конфликтов для прикрытия своих интересов.

В восточных провинциях ДР Конго, в первую очередь Северном и Южном Киву, Восточной и Катанге, действуют многочисленные НВФ. По оценкам МООНСДРК, в 2015 г. их численность колебалась в пределах от 30 до 50 объединений. Точную цифру трудно назвать, поскольку многие из них не отличаются устойчивостью. Состав, руководство, численность и зона действия группировок нестабильны. Они подвержены стремительному распаду, как же как и внезапному появлению. На смену распавшимся НВФ приходят новые объединения, которые, в свою очередь, могут дробиться или сливаться с другими формированиями. Такой процесс наблюдается в ДР Конго уже на протяжении длительного периода. Причем названия НВФ, как правило, броские, имеющие патриотические или революционные оттенки, но не имеющие ничего общего с их содержанием. Основная их цель – нажива, грабеж или передел сфер влияния над полезными ископаемыми. Выступая перед дипломатическим корпусом в Киншасе по случаю Международного дня мира в сентябре 2012 г., замминистра иностранных дел ДР Конго Тунда Касенде подчеркнул, что «деятельность

бандитских армий на территории Конго влечет за собой тяжелые последствия и в результате может разбалансировать всю социальную структуру. Разрушается школьная инфраструктура, нарушается экосистема, страдает флора и фауна. Война подпитывает феномен браконьерства и незаконную вырубку ценных пород деревьев. Подвергаются варварскому уничтожению редкие виды животных – слоны, белые носороги и окапи в национальных парках Вирунга, Гарамба и Эпулу. К этому добавляется мрачная картина сексуального насилия. Боевики не щадят ни инвалидов, ни детей. Беспредел царит в расхищении природных богатств. Незаконный промысел стал источником обогащения военных преступников, мафиозных торговцев и их заказчиков»[1].

Большое скопление НВФ в восточных регионах страны объясняется прежде всего нелегальной добычей полезных ископаемых, востребованных современной промышленностью, и их продажей западным кампаниям. Это редкоземельные металлы, а также золото, алмазы – практически вся таблица Менделеева. Следует отметить, что в новом тысячелетии возросла роль редкоземельных металлов в электронной промышленности, которые используются, в частности, для производства мобильных телефонов и аккумуляторных батарей для компьютеров. «Новое» стратегическое сырье, включая литий, торий, вольфрам, ниобий и многие другие химические элементы, наряду с классическими металлами (медь, золото, уран), сосредоточено в основном в восточных районах страны. Именно там, в зонах добычи полезных ископаемых, население особенно подвержено террористическим актам со стороны людей в военной форме, которые за бесценок нелегальным путем сбывают дорогостоящее сырье, используя труд детей и подростков, лоббируя интересы Нью-Йорка, Лондона, Тель-Авива, Йоханнесбурга и других индустриально развитых мировых центров. По всей видимости, прибыльные конголезские минералы перевешивают на чаше весов здравый смысл у заинтересованных лиц, игнорирующих многочисленные жертвы и гуманитарные кризисы.

Охвативший страну хаос в последние 20 лет, рост межплеменных противоречий, попытки лидеров отдельных регионов объявить о своей самостоятельности ведут к эскалации насилия, жертвами которого становятся, в первую очередь, мирные граждане. Боевики разных мастей грабят, насилуют и убивают местных жителей, устанавливая свою власть с оружием в руках. Тысячи женщин и детей становятся жертвами сексуального насилия. Все это провоцирует гуманитарные катастрофы. По данным Управления ООН по гуманитарным вопросам в ДРК, число беженцев и перемещенных лиц на востоке страны составляет более двух

[1] Le rapport du Ministre adjoint des relations Internationales de la RDC S.E.M. Tunda ya Kasende. Le Potentiel. Kinshasa. 22.09.2012. P. 2.

миллионов человек. С приходом на конголезскую территорию «чужих» народов возникают межэтнические трения и конфликты на религиозной почве. Все это становятся дополнительным препятствием на пути к устойчивому миру в ДР Конго, продолжающей балансировать на грани войны и мира.

Помимо внутренних причин гуманитарного кризиса ситуацию осложняют беженцы из ЦАР, где в марте 2013 г. был совершен государственный переворот, в результате которого вооруженное мусульманское формирование «Селека» свергла президента Франсуа Бозизе и привела к власти своего лидера Мишеля Джотодиа. В начале 2014 г. под давлением международного сообщества мусульманский лидер был вынужден подать в отставку. Его сменила Катрин Самба-Панза – представитель христианского большинства. В связи с этим усилилось противостояние между мусульманами и христианами и привело к массовому исходу населения.

«Болезнь» Конго осложняется также и тем, что помимо собственных конфликтов на его территорию из сопредельных стран перенесены другие конфликты, которые наслоились на исторически нерешенные вопросы со времен колониализма. Чаще всего споры возникают с соседними Руандой, Угандой и Бурунди. Это и пограничные конфликты (поскольку границы четко не обозначены, а местами и вовсе отсутствуют), вопросы, связанные с репатриацией руандийских хуту, скрывающихся на территории ДР Конго со времен геноцида в Руанде 1993 г. племена мбороро из Бурунди, «блуждающие» на конголезско-бурундийской границе и дестабилизирующие обстановку в регионе, и многие другие.

Ситуация осложняется также и тем, что конфликты стали приобретать оттенок «гибридных войн», в которых нет явных противодействующих сторон, даты начала и окончания противодействия размыты, а момент победы может отсутствовать. «В гибридных войнах противники применяют любые доступные средства – от архаичных до самых современных, опирающиеся на новейшие информационно-коммуникационные технологии, – и не ограничивают себя этическими, моральными, правовыми или религиозными нормами»[2].

В условиях гибридных войн осложняется и положение в социальной сфере, невыплатой денежного пособия военнослужащим национальной армии, что влечет за собой рост преступности как в столице, так и в ее провинциях. Дополняют драматичную картину вспышки различных опасных заболеваний, таких как малярия, смертоносная лихорадка Эбола

[2] Цыганков П.А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность / Под ред. П.А.Цыганкова. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015. С.18.

(по названию реки в Конго), холера, «букет» других известных и неизвестных науке тропических заболеваний.

Развязывание бесконечных войн и вооруженных конфликтов во все времена наталкивалось на противодействие со стороны миролюбивых сил и их инициативы по урегулированию вооруженных инцидентов. По словам К.Долгова, еще «в древних памятниках явно ощущается противоположная тенденция: призывы к устроению и упрочению мира и мирной жизни к уважению свободы, самобытности, образа жизни, верований и идеалов народов»[3]. Оперативное кризисное реагирование международных организаций, и прежде всего ООН, всегда было важным компонентом в защите населения в горячих точках планеты. Особую актуальность оно приобрело в связи с событиями в Ливии, Мали, Кот д'Ивуаре, Судане, ДР Конго, Сирии, а теперь в этом нуждается и Украина. По статистике Департамента операций по поддержанию мира (ОПМ) ООН на апрель 2014 г., в 17 миссиях, дислоцированных в различных точках планеты, участвовали миротворцы из 103 стран общей численностью 97 729 человек, 11 929 из которых – полицейские, 1864 – военные эксперты и 83 936 – военнослужащие[4]. Директивными документами ОПМ являются Устав ООН, в частности положения главы VI (Мирное разрешение споров) и VII (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии)[5], указания генсекретаря ООН, резолюции СБ ООН и другие. Важный документ был разработан экспертами ООН в 2008 г. (скорректирован в 2010 г.) под названием «Операции по поддержанию мира ООН. Принципы и направления деятельности». В нем подробно излагается проблематика ОПМ[6]. Главным приоритетом ОПМ помимо прочих услуг, оказываемых национальным правительствам, остается защита гражданского населения.

В связи со стремительным ухудшением ситуации в ряде африканских стран поменялась и концепция кризисного реагирования миротворческих организаций. Как справедливо отмечает Г.М.Гатилов в своей статье, посвященной данной проблематике, «миротворческая деятельность заметно эволюционировала от традиционных операций по восстановлению и поддержанию мира в сторону многокомпонентных, многофункциональных и довольно затратных миссий»[7]. Эти операции, как правило, снабжаются

---

[3] Долгов К. Современный войны и вооруженные конфликты: истоки, причины и пути решения // Международная жизнь. М. 2016. № 2. С. 41-50.

[4] Tshimanga Joseph Albert. Les Casques bleus: Qui sont-ils? Que font-ils? // Echos de la MONUSCO. Kinshasa. Volume IV-N 34 mai 2013. P. 4-6.

[5] Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Департамент общественной информации ООН. DRI/511 Reprint – 06-63167 – December 2006. С. 24-33.

[6] Opération de maintien de paix des Nations Unies. Principes et Orientations. UN. New York. 2010. 208 p.

[7] Гатилов Г.М. Опыт кризисного реагирования, или кого обязано защищать международное сообщество? // Международная жизнь. № 10. 2012. С. 48-58.

«усиленными» мандатами, позволяющими использовать боевую технику и другие силовые возможности для поддержки местных армий.

Наряду с ООН важную роль в процессах устойчивого развития и в становлении демократических институтов на Африканском континенте играет Европейский Союз (ЕС). В своем арсенале ЕС имеет обширный инструментарий традиционных средств, включая техническую и финансовую помощь развивающимся странам Африки, экономическое сотрудничество и торговые отношения, гуманитарную помощь, социальную и экологическую политику, а также дипломатию, включая политический диалог и посредничество. Кроме того, ЕС применяет новые средства, такие как сбор информации и мониторинг международных договоров в целях прогнозирования потенциальных конфликтов.

Стратегия развития ЕС сконцентрирована на помощи слаборазвитым странам Африки. Причем ЕС по-новому сочетает торговлю и помощь в новых «соглашениях об экономическом партнерстве»[8]. Идея заключается в том, чтобы помочь африканским странам интегрировать в мировые экономические и другие структуры, содействовать развитию институционного потенциала в рамках демократического управления. Помощь ЕС оказывается также в совершенствовании их инфраструктуры, развитии производственного потенциала и повышении эффективности государственного управления его институтов. При наличии такой поддержки многие страны Африки могут использовать возможности торговли, а также обеспечить увеличение притока инвестиций для расширения своей экономической базы. Это имеет ключевое значение для интеграции стран в глобальную экономику и достижения устойчивого роста и развития.

В урегулировании обстановки в центральном регионе Африканского континента принимают активное участие региональные политические и экономические организации. Среди них: Африканский Союз, Международная конференция по миру, безопасности, демократии и устойчивому развитию в районе Великих озер, Сообщество развития юга Африки, Экономическое сообщество стран Центральной Африки и другие. Тем не менее, несмотря на их усилия, каких-либо реальных сдвигов в этом регионе Африки не происходит. По мнению аналитиков, главная причина военно-политических конфликтов состоит в их искусственном поддержании, а иногда и разжигании теми, кто заинтересован в незаконной эксплуатации природных ресурсов страны. На фоне массовой коррумпированности и отсутствия дееспособных государственных органов власти идет жесткая конкуренция между западными, а теперь и восточными партнерами ДР Конго.

[8] См. подробно: Сидорова Г.М. Роль Европейского союза в разрешении кризисных ситуаций в Африке // Международные аспекты конфликтных ситуаций в Африке (Выпуск № 15). М., ИАфр РАН, 2009.

Юрий Владимирович СИНЧУК,
Профессор
Института международных отношений
и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

РОССИЯ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Аннотация. В статье дан анализ текущих событий и перспектив развития современной политической обстановки, которые определяются качественным совершенствованием средств, форм и способов противостояний между государствами; увеличением их пространственного размаха и тяжести последствий; распространением на новые сферы. Крайне важно осуществлять политику по обеспечению национальной безопасности так, чтобы существенно поднять геополитический статус Российского государства.

Ключевые слова: политика, политическая обстановка, геополитический статус, национальная безопасность.

SINCHUK Yuriy Vladimirovich,
Professor of political science department
Institute of International Relations and Social-political Studies
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Moscow State Linguistic University»

RUSSIA IN THE GLOBAL POLITICAL PROCESS: THE CHALLENGES AND THREATS

Abstact: In the article the current state of affairs and the perspectives of the modern political situation development are analyzed, which are determined by the qualitative perfection of means, forms and methods of confrontation between countries; the enhancement of their spatial scope and weight of consequences; the distribution to new spheres. It is of great significance to implement national security policy in order to raise considerably geopolitical status of Russian Federation.

Key words: politics, political situation, geopolitical status, national security.

Современная политическая обстановка характеризуется динамичными и глубокими переменами, комплексом острых противоречий исторического,

политического, экономического и социального характера. В современном мире сложилась новая система мира.

Для нынешней России сверхактуальным является определение её места и роли в мировом сообществе. В поиске места в новом мироустройстве общество и государство конструируют новые институты, образы и символы России. В результате меняются традиционные национальные, государственные ценности и традиции, возникают новые источники формирования вызовов и угроз. В новейшей политике доминирует сила духа над военной и экономической мощью, что способствует преодолению традиционного географического и экономического детерминизма за счет расширения базисных факторов, определяющих поведение государств в международных отношениях.

Начало XXI в. для России – это эпоха новых тенденций и явлений существенных, радикальных изменений глобальных политических, экономических, социокультурных процессов. В условиях поиска места России в мировом сообществе на современном этапе развития государства становится важным фактором реализация государственной стратегии.

Отношения России с США и НАТО являются ключевыми в военной безопасности Европы и России. В мире немало сил готовых столкнуть США с России, которая, по мнению американского политического мира, проиграла холодную войну, но при этом США отнеслись к ней великодушно. В свою очередь Российская Федерация, в представлении американской администрации, по отношению к США повела политику неблагодарную, нелогичную и неприемлемую. США были возмущены политикой России на Балканах, российской реакцией на грузинскую агрессию и убийства российских миротворцев. Основной задачей США было показать России, кто в доме хозяин и Вашингтон это показал всему миру (Балканы – ситуация в Косово).

Для России военная опасность остается, так как внешнеполитическая обстановка последних лет не даёт оснований полагать, что эра разрешения межгосударственных противоречий путем вооруженной борьбы уже ушла в прошлое, но тем не менее её направленность изменилась. США и страны НАТО изощренными способами поддерживают напряжённость военно-политических отношений с Россией, но при этом ставят избирательные цели – продолжать ослабление обороноспособности РФ, не допускать Россию в военные союзы, воспретить доступ к новым военным технологиям, закрыть для нее рынки вооружения[1], ограничить влияние России на страны ближнего зарубежья[2].

---

[1] *Нартов Н.А.* Геополитика. Учебник для вузов / Под. Ред. Проф. В.И. Староверова. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ – ДАНА, Единство, 2004. С. 182.

[2] *Евстафьев Д.Г.* Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. М.: РИСИ, 1997. С. 152.

Особую опасность для России представляет дальнейшее, значительное, планово продолжающее продвижение, приближение военной инфраструктуры США и НАТО к границам Российской Федерации. В проекте новой Стратегической концепции альянса наряду с признанием «пределов ресурсам и ответственности» блока предполагается существенно расширить сферы его деятельности. Речь идет о ПРО, экологии, экономике и энергетических ресурсах, борьбе с терроризмом, пиратством и киберпреступностью. Современные вызовы и угрозы становятся все более опасными для России, имеющей самые протяженные в мире сухопутные и морские границы со странами, как Востока, так и Запада, а также объединяющей в своем составе субъекты федерации с многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Неоспоримую опасность для России, как и для всего мирового сообщества представляют международный терроризм и организованная преступность, воинствующий сепаратизм и межэтнические противоречия, незаконный оборот оружия, наркотиков и другие негативные явления. Международные террористы продолжают совершать акты насилия и убийства мирных граждан, делают попытки спровоцировать хаос и дестабилизировать обстановку в различных регионах мира, в том числе и в России, при этом ориентируются на массовость жертв и ожесточенность терактов с целью запугивания и поддержания населения в состоянии страха[3].

Серьезную угрозу национальной безопасности России на современном этапе представляют психологические операции стратегического и оперативного масштаба, проводимые силами и средствами вооруженных сил стран НАТО – на всей территории России и в Западном регионе; США и Японии – на территории Дальневосточного военного округа; Китая – в Восточном регионе. Наполеон высоко оценивал возможности средств идеологического воздействия, говоря, что «три враждебные газеты опаснее 100 тыс. вражеского войска». Осуществляется жёсткое морально-психологическое давление на население страны, возрастают масштабы и эффективность информационно-психологического воздействия, расширяется спектр объектов воздействия с целью подрыва морального духа и деморализации населения.

Духовный, моральный, нравственный, идейный и мировоззренческий кризис, переживаемый в современных условиях государством, – это реальная опасность будущему России, её государственности, положению в

[3] См. например: *Синчук Ю.В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305-314; *Синчук Ю.В.* Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. Выпуск 25 (631). С. 201-221; *Синчук Ю.В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность 2012. № 3(19). С. 60-66; *Синчук Ю.В., Синчук И.Ю.* К вопросу о безопасности российского государства // Вестник МГОУ.2012. № 5. С. 141-147; *Синчук Ю.В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2014. Февраль. № 1. С. 69-78.

мире и роли в мировой цивилизации. Россия на современном этапе не имеет общенациональной идеи, скрепляющей общество. Идеология является существенным фактором, оказывающим принципиальное влияние на укрепление морально-психологического состояния нации. Она обеспечивает своим содержанием преемственность исторического опыта, сочетание реальностей настоящего и перспектив будущего в развитии нации, определяет конкретный путь, который либо выводит общество на уровень гармоничного, динамичного развития, позволяя преодолеть наиболее острые внутренние противоречия на базе гражданского согласия, либо ведет страну в тупик, к конфликту, к деградации[4].

Проблема укрепления государственной политики России в мировой системе носит комплексный характер. Вопросы укрепления России затрагивают все стороны жизни российского общества и государства. Задачей современной России является предупредить и сдержать внешнюю агрессию, обезопасить страну от любых форм военно-политического давления и защитить общество, государство и личность.

Для России назрела потребность в новых подходах для осуществления курса в области внешней политики и национальной безопасности, потребность перехода к безопасному развитию мира, формирующему тип безопасной личности, гражданского общества, правового государства, его властей и политики. Создание новой системы координат анализа международных процессов позволит оформить геополитический подход, опирающийся на пространственный фактор как критерий выявления коренных национальных ценностей и достояний.

Россия обладает ракетно-ядерным потенциалом, сопоставимым с ядерной мощью США. Этот фактор сдерживания агрессора не только обеспечивает военную безопасность государства, но и во многом определяет роль страны в решении международных проблем. Россия самостоятельно, на основе, коренных, долгосрочных национально-государственных интересов, полагаясь, прежде всего, на собственные силы, в состоянии обеспечить себе место в мировой политической системе.

Большое значение в деле политической интеграции России с Европой имеют растущие между ними экономические связи. Европейский союз является главным торговым партнером России. На его долю приходится 32% экспорта и 35% импорта России, Западная Европа импортирует более 40% энергоносителей из России. Западные инвесторы имеют хорошую перспективу участвовать в совместной разработке богатств Сибири и Дальнего Востока.

---

[4] *Зеленков М.Ю.* Система морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил как фактор военной безопасности государства: Монография. М.: ВАГШ, 2001. С. 121.

Развитие всесторонних связей с Европой как стратегическим партнером не означает, что отношения России с Западом будут бесконфликтными. Столкновения интересов неизбежны. Но они должны рассматриваться не как часть несовместимого противоборства, а как средство достижения Россией достойного ее места в системе европейских государств. Именно таким способом, а не путем конфронтации и наращивания военной силы Российская Федерация может обрести великое будущее.

Декларируемое новой американской администрацией стремление к перезагрузке российско-американских отношений – безусловный повод для осторожного оптимизма. Анализируя глобальный характер внешней политики России, необходимо учитывать её многоцивилизационный характер. У России имеется огромный опыт внешнеполитической активности практически в любой части земного шара. Для России важно договориться об общих, одинаковых и понятных для всех правилах игры. Россия хотела бы действовать как партнер на международной арене, но партнерские отношения могут быть только двусторонними с взаимным признанием – не сфер влияния, но зон ответственности. Российская Федерация пытается убедить партнеров в необходимости принятия соответствующих договоренностей и решений, но пока далеко не все к этому готовы. Россия, со своей стороны, готова искать компромиссы на самых различных направлениях международных отношений. Так Россия и США подписали новый договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению СНВ. В ходе переговоров, к сожалению, России пришлось принять одностороннее заявление об ограничении применения договора в том случае, если США будут развивать свою противоракетную оборону до уровня, составляющего реальную угрозу стратегической безопасности Российской Федерации[5].

Серьёзную опасность для российского общества представляет «западнизация» в форме «культурного империализма». Это слово взято из французских исследований, и, в частности, было определено таким образом в 1982 г. Жаком Лонгом. В настоящее время Россия, к сожалению, утрачивает свои христианские корни и становится частью некой иной общности, какую для удобства пока называют евроатлантической. Запад захватывает большие территории теперь уже тем, что подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни. Культурный империализм убеждает, что один набор ценностей лучше другого. Между тем, самым унизительным видом поражения является культурное поражение. Это единственное поражение, которое никогда нельзя забыть, потому что вину

[5] *Димлевич Н.* Россия: геополитические вызовы и угрозы XXI века. http://www.truenet.info/ekstremizm/rossiya-geopoliticheskie-vyzovy-i-ugrozy-xxi-veka.html (дата обращения: 26.03.2016).

за него нельзя возложить на невезение или варварство врага. Оно влечет за собой не только признание собственной слабости, но и унижение из-за необходимости спасать себя, учась у победителя, которому приходится подражать, ненавидя его[6]. Американский ученый С. Хантингтон, проводя анализ ста сравнительных исследований ценностей различных стран, заключил, что «западные ценности имеют самый низкий статус во всем остальном мире»[7].

Поиск путей поддержания и постоянного наращивания политической мощи Российской Федерации в новой системе мира, с учетом совершенствования государственной политики России, способной адекватно реагировать на существующие опасности XXI в. при рациональных затратах на национальную оборону[8], противостоять вызовам и угрозам.

Исключительным богатством, достоянием России является российский народ, талантливый, обладающий высоким духовным потенциалом, терпеливый, неприхотливый, трудолюбивый, свободный от властных амбиций. Вдохновленный общенациональной идеей, этот народ способен на великие социальные свершения.

Следовательно, Россия обладает объективными условиями занять достойное место в мировой цивилизации. В общественной жизни возможность превращается в действительность через деятельность людей, активность человеческого фактора.

Таким образом, Россия самостоятельно, на основе, коренных, долгосрочных национально-государственных интересов, полагаясь, прежде всего, на собственные силы, в состоянии обеспечить себе место в мировой системе.

Внешняя политика России на Востоке складывается из двух направлений: отношения с ближайшими соседями по Содружеству Независимых Государств (СНГ) и отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Но при этом Российская Федерация по своим глубинным корням европейская страна и является частью европейской культуры. Как отмечал философ В. Соловьев, Россия все действительно великое сумела создать лишь при «тесном внешнем и внутреннем общении с Европой, а, не утверждаясь в своем национальном эгоизме и обособляясь от прочего христианского мира»[9].

---

[6] *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. 2000. № 3. С. 231-233.

[7] *Хантингтон С.* The clash of civilization's // Foreigen affair's. 2009. V. 72. №3. С. 29.

[8] *Поздняков А.И.* Информационная безопасность страны и вооруженных сил: сущность, структура, актуальные проблемы обеспечения // Национальная безопасность: актуальные проблемы. Рук. авт. кол, отв. ред. Шаваев А.Х. М.: ВАГШ ВС РФ, 1999. С. 29-33.

[9] *Гулин В.П.* Безопасность России в условиях нового миропорядка. http://geopolitika. narod.ru (дата обращения: 22.03.2016).

Большое значение в деле политической интеграции России с Европой имеют растущие между ними экономические связи. Европейский союз является главным торговым партнером России. На его долю приходится 32% экспорта и 35% импорта России, Западная Европа импортирует более 40% энергоносителей из России. Западные инвесторы имеют хорошую перспективу участвовать в совместной разработке богатств Сибири и Дальнего Востока.

Развитие всесторонних связей с Европой как стратегическим партнером не означает, что отношения России с Западом будут бесконфликтными. Столкновения интересов неизбежны. Но они должны рассматриваться не как часть несовместимого противоборства, а как средство достижения Россией достойного ее места в системе европейских государств. Именно таким способом, а не путем конфронтации и наращивания военной силы Российская Федерация может обрести великое будущее.

С получением статуса полноправного европейского участника системы принятия решений, для России открываются новые возможности политики сближения со славянскими странами и, прежде всего, с Украиной и Белоруссией, отношения с которой в последнее время осложнили известные обстоятельства, восстановления ее влияния в государствах Восточной Европы [2].

Нужна настойчивая постоянная деятельность России по превращению НАТО из организации угрожающей безопасности в организацию, укрепляющую европейскую безопасность. В условиях, когда соотношение экономических и военных потенциалов России и НАТО далеко не в пользу России, у неё нет иной рациональной европейской политики, иного способа взаимоотношений с НАТО, кроме действия с позиций диалектического закона единства и взаимоисключения противоположностей.

Таким образом, современная политическая ситуация в моровом политическом процессе для России нестабильна. Изменившееся геополитическое положение обусловливает новые вызовы, опасности и угрозы безопасности Российской Федерации.

Литература:

1. Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов / Под. ред. проф. В.И.Староверова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ – ДАНА, Единство, 2004.
2. Евстафьев Д.Г. Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. М.: РИСИ, 1997.
3. Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1.

4. Синчук Ю.В. Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. Выпуск 25 (631).
5. Синчук Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность 2012. № 3(19).
6. Синчук Ю.В., Синчук И.Ю. К вопросу о безопасности российского государства // Вестник МГОУ.2012. № 5.
7. Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2014. Февраль. № 1.
8. Зеленков М.Ю. Система морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил как фактор военной безопасности государства: Монография. М.: ВАГШ, 2001.
9. Димлевич Н. Россия: геополитические вызовы и угрозы XXI века. http://www.truenet.info/ekstremizm/rossiya-geopoliticheskie-vyzovy-i-ugrozy-xxi-veka.html (дата обращения: 26.03.2016).
10. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. 2000. № 3. С. 231-233.
11. Хантингтон С. The clash of civilization's // Foreigen affair's. 2009. V. 72. № 3. С. 29.
12. Поздняков А.И. Информационная безопасность страны и вооруженных сил: сущность, структура, актуальные проблемы обеспечения // Национальная безопасность: актуальные проблемы. Рук. авт. кол, отв. ред. Шаваев А.Х. М.: ВАГШ ВС РФ, 1999. С. 29-33.
13. Гулин В.П. Безопасность России в условиях нового миропорядка. http://geopolitika. narod.ru (дата обращения: 22.03.2016).

Максим Алексеевич СОКОЛОВ,
Главный специалист
Дирекции международных отношений ВГТРК

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: НОВАЯ ИБЕРО-АМЕРИКА КАК НЕГАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Аннотация: Территория бывшего Советского Союза подвергается переустройству в интересах части западных политико-экономических кругов, цель которых – нарушить естественное стремление к евразийской интеграции. Их методы взяты из истории государств иберо-американского мира, которые некогда, обладая потенциалом мировых лидеров, стали объектом эксплуатации со стороны государств протестантской культуры. Слабые места традиционных обществ рассматриваются в докладе. Исторические уроки могут быть полезны для осмысления актуальных кризисов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Россия, Украина, Иберо-Америка, евразийская интеграция, традиционное общество, суверенитет.

SOKOLOV Maxim A.,
Principal Specialist,
RTR Foreign Affairs department

FORMER SOVIET REPUBLICS' TRANSFORMATION: A NEW IBERO-AMERICA AS A DESTRUCTIVE SCENARIO

Abstract: Former Soviet republics has been objects of transformation in the interests of some politico-economic groups. The latter target to harm natural trend to Eurasian integration. Politics and techniques were taken from the history of Ibero-American states with traditional societies. These countries had a potential to become world leaders, but were turned into the victims of exploitation, conducted by the states of protestant culture. Vulnerable spots of traditional societies are canvassed in this article. Historic lessons can be useful for those, who analyze today's crises in former Soviet republics.

Keywords: Russia, Ukraine, Ibero-America, Eurasian integration, traditional society, sovereignty.

Авторам представляется, что территорию Российской империи и Советского Союза русофобские круги англосаксонской цивилизации видят неосвоенным пространством, которое можно разделить и подчинить себе

экономически, культурно и политически. Моделью для потенциальной трансформации можно считать ибероамериканский мир: две метрополии, некогда традиционалистские католические монархии, и две-три группы бывших колоний, которые и доныне сталкиваются с вмешательством в свои внутренние дела со стороны западных держав. Варианты различны: военная интервенция (Панама), экономическое (Венесуэла), культурное и религиозное (Бразилия) или комбинированное (Бразилия, Чили) вмешательства. Прежние метрополии, придя в упадок, в XX веке тоже были объектами зарубежного вмешательства (Испания 1930-ых). С большими оговорками, к иберо-американскому ареалу примыкают идейно такие государства, как Италия и Румыния (принадлежность к романской семье народов).

Россия в своей истории стояла на пороге трансформационной катастрофы не раз. В Смутное время польская шляхта вдохновлялась идеей «конкистадорства» на Востоке: манили богатства Русского царства и только что присоединённой им Сибири. Большие шансы пойти по пути Латинской Америки, по мнению авторов, имел декабристский проект. Он был чреват распадом единого, но недостаточно скреплённого цивилизационного пространства России на государства, поделённые между помещичьими элитами. Оба раза вмешательство Польши означало не просто потерю земель исторической Руси, всероссийской житницы и опоры внешней торговли – возник бы альтернативный геополитический центр Восточной Европы. А были ещё и Наполеон, и Гитлер.

Сегодня усилия России на пути евразийской экономической интеграции столкнулись с деструктивным вмешательством со стороны чуждых для региона акторов: США, ряда структур Евросоюза, Великобритании и ФРГ. Чешский геополитик О. Крейчи отмечает позицию З.Бжезинского: современная Германия является носителем американских взглядов на интеграцию [в Центральной и Восточной Европе][1]. В свою очередь, связи элит ЕС с Америкой препятствуют выработке Берлином и Брюсселем прагматически сбалансированного курса на восточноевропейском направлении. «Западные партнёры …выбрали вариант расширения НАТО на Восток, приближения к российским границам контролируемого ими геополитического пространства. Именно в этом заключается корень тех системных проблем, от которых сегодня страдают отношения России с США и Европейским союзом», отмечает министр иностранных дел России С.В. Лавров[2]. Игры ЕС с Россией в «изоляцию» перед лицом террористов Ближнего Востока уже ведут к

[1] *Крейчи О.* Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы. Москва-Прага: «Научная книга». С. 312.

[2] *Лавров С.В.* Историческая перспектива внешней политики России //Россия в глобальной политике 2016. № 2. http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017

трагедиям беженцев и терактов. Глухота Запада к доводам разума, которые приводила Москва, чреваты проблемами в других регионах (украинский кризис).

Он стал иллюстрацией «иберо-американизации» постсоветского пространства: геополитической трансформации и скрытой колонизации через деградацию и разделение народов, в интересах зарубежных акторов; при этом риски прямого контроля со стороны фактических хозяев минимизированы. Каковы самые явные черты процесса?

Первое. *Религиозный фактор.* Вспомним опыт «Иберо-Америки». Агрессивная политика культурного, и не только, геноцида в первые века колонизации Западного полушария – где видная роль принадлежала католической церкви – разрушила самобытные индейские цивилизации. До сих пор индейские народы, лишённые национальной культуры, языка, мировоззрения, собственных элит, испытывают негативное влияние прошлого. И наоборот, сопротивлявшиеся миссионерам-католикам страны сохранились и даже преуспели. Примеры: Япония или Эфиопия, в колониальную эпоху так и не покорённые Западом.

Католический традиционализм в его крайних деструктивных формах, с точки зрения автора, до сих пор является тормозом на пути развития государств и обществ. Как представляется, миссионерское наследие в Иберо-Америке до сих пор даёт очень сложный и противоречивый эффект, заслуживающий отдельного научного исследования. Но поверхностный взгляд позволяет считать, что радикальный католический традиционализм – в отличие от прогрессивного православного традиционализма, сохранявшего культуры и этносы Сибири – способствовал не только разрушению национальных культур, но и закреплению архаичных социальных моделей аграрного общества; и отсюда, создавал уязвимости для западных идеологических центров, претендующих на контроль за духовным и идеологическим развитием целых народов. Характерно, что на Западе Украины долгие годы влиятельной силой был консервативный Ватикан в лице униатских и, собственно, католических общин. Греко-католический религиозный лидер А. Шептицкий, по свидетельству украинского историка М. Бердник, 40 лет вёл двуличную антироссийскую политику. Он не просто занимался шпионажем или сотрудничал с Германией и Австро-Венгрией: Шептицкий подготовил целую политическую программу под названием «О мерах по отторжению Русской Украины от России»[3]. Деструктивная линия наследников Лойолы и Шептицкого напомнила о себе устами представителей грекокатолического духовенства, раскритиковавших историческую встречу Патриарха Всея Руси Кирилла и понтифика Франциска на Кубе в феврале 2016 г., встречу,

[3] *Бердник М.* Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма. М., «Алгоритм». С. 32-46.

направленную на развитие сотрудничества и взаимоуважения между христианами Востока и Запада.

Второе. *Экономическая составляющая.* Веками страны Иберо-Америки не могли вырваться из состояния стран аграрных в мир индустриальных экономик – такое место им отвели англосаксонские экономические центры планеты. Вместо борьбы с общим внешним врагом шли гражданские и междоусобные войны в интересах третьих стран (Катастрофа Парагвая 1870 г.). Закрепление аграрной модели – будь то страны католические или православные – предопределяет уязвимость традиционных обществ перед лицом государств, где торжествовали индустриальное общество с его передовыми технологиями, агрессивный национализм и, как правило, протестантизм. Бывшие колонии Испании и Португалии стали объектом экономической экспансии и агрессии со стороны Великобритании и США. Великобритания и Франция противились выходу России в Крым и Причерноморье, оспаривали возвращение Польши в её естественные этнические границы. Когда в Европе рушилось османское иго, Германия и Австро-Венгрия посчитали Балканы и весь запад Российской империи зоной своего влияния.

Вспомним в этой связи одну из геополитических концепций Германской и Австро-Венгерской империй: на стыке XIX-XX вв. немецкий политолог Фридрих Науман раздвигал границы контролируемой Германией «Центральной Европы» (Mitteleuropa) до Онеги, Москвы, Днепра и Дона. Стержнем германского влияния он считал именно экономическую интеграцию. На неё бы опиралось сотрудничество военное. А уже эти ярусы будут влиять на управление и международную политику, призваны строить политические формы интеграции в виде сверхгосударства: союза или конфедерации[4].

Идеи Наумана, несомненно, повлияли на формирование сегодняшнего Европейского Союза. В нём ФРГ играет роль экономического директора, что стало ясно из уроков греческого кризиса или конфликта с венгерским правительством, ведомым консерватором-евроскептиком В. Орбаном. Бизнес ФРГ и США скупает наиболее ценные активы Восточной Европы, а периферию периферии – вроде Украины – превращает в аграрно-сырьевые экономические придатки ЕС. Не случайно «именно Германия, по мнению Бжезинского, является носителем американских взглядов на интеграцию, поэтому США должны особенно тесно сотрудничать с Германией при продвижении расширения Европы в восточном направлении», отмечает чешский геополитик О. Крейчи[5]. «Американо-германское сотрудничество и совместное лидерство в этом вопросе совершенно необходимы», пишет

[4] *Крейчи О.* Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы. Москва-Прага: «Научная книга». С. 110-114.
[5] Там же. С. 312.

З.Бжезинский. Что же Украина, которую упорно тянут в орбиту ЕС? «Демократическая Украина не стала бы антироссийской, но она неизбежно стала бы оказывать сильное давление с целью возрождения демократии в России. При реальной демократии на Украине все больше и больше россиян стали бы рассматривать режим Путина как анахронизм», писал в ноябре 2004 г. З.Бжезинский[6]. Только существование независимой Украины «помогает трансформировать Россию», отмечает Бжезинский. «Без Украины Россия перестаёт быть евразийской империей»[7]. В переводе с риторически-русофобского языка это означает: линия Москвы на евразийскую экономическую интеграцию «грозит» США и ЕС сохранением экономического конкурента, общего индустриального общества на Украине, в Российской Федерации и Белоруссии; и переходом разделённого границами «одного народа», как назвал всех нас В.В. Путин[8], к экономическому росту, социальному процветанию и интеграции политической. Вот почему аграрная Украина, идущая по «иберо-американскому» пути, идеально вписывается в планы противников России на международной арене. Под предлогом «евроинтеграции» Вашингтон и Брюссель подталкивают республики бывшего СССР к фактической и негласной потере суверенитета. По мысли сторонников экспансионистского и идеалистического подхода ко внешней политике США и ЕС, визитной карточкой которых выступает З.Бжезинский, Россия, получившая враждебный вооружённый режим в Киеве, становится уязвимой перед лицом военно-политического и экономического шантажа. Особая опасность – в непредсказуемости и ненадёжности киевских политиков, парламентариев и активистов, многие из которых просто психологически недотягивают до занимаемых ими постов. Уничтожение «евроинтеграторами» промышленности спровоцировало на Украине прекаризацию, толкает общество на пути экстремизма[9]. Каковы же инструменты «иберо-американского» курса, который вернее назвать скатыванием в пропасть? Проведём также исторические параллели между двумя регионами.

Это *повышение роли армии и аппарата политической охранки*, вооружённого полуофициальными «эскадронами смерти». На Украине силовые структуры пропитываются идеологически ориентированными кадрами из числа украинских нацистов и неофашистов. ЦРУ и ВС США направляют, реформируют и обучают «силовиков». Такая отравленная национализмом армия может сделать ставку на реванш. Десятки лет

[6] *Бжезинский З.* Imperial Russia, Vassal Ukraine // The Wall Street Journal, 1.12.2004, http://www.wsj.com/articles/SB110186090398787481

[7] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Москва: Международные отношения, 1998. С. 62, 63.

[8] http://vz.ru/news/2015/3/18/735143.html

[9] *Соколов М.А.* Прекариат и майдан: евроинтеграция и постсоветское пространство // Дипломатическая служба. 2015. № 4.

тлеющий конфликт на протяжённейших разделительных линиях будет отвлекать драгоценные ресурсы России, взаимно ослаблять экономику, тормозить евразийскую интеграцию, что абсолютно недопустимо в условиях многополярного мира. Примечательно: как уверяют киевские социологи «Центра Разумкова», больше половины опрошенных ими в конце 2015 г. украинцев доверяют церкви и армии, а также хотят вступления Украины в НАТО[10].

Примечательно, что в Латинской Америке крайне силён *каудильизм* – система единоличного, с опорой на военную силу, правления в политических целях. Представляется, что в противовес восстанию на Донбассе, в Киеве может материализоваться диктатор, консервирующий статус-кво, при котором Россия ограничена экономическими санкциями и беднеет из-за роста расходов на оборону и безопасность.

Это *культура насилия и язык ненависти* в СМИ и социальных сетях. Она закрепляется расползанием боевого оружия в условиях военного конфликта, ростом бандитизма и преступности, и потенциальным разрешением гражданского оружия. Примечательно: сейчас резко выросло применение боевого оружия полицией, а раскрываемость преступлений упала. Слухи о жестоком обращении с пленёнными боевиками-националистами дают оправдание массированному применению пыток и незаконных арестов, что отражено в докладе российского политолога М.Григорьева[1112]. Показательно, среди пыток используется пытка утоплением – «waterboarding», явно принесённая из подвалов Сайгона или тюрьмы Абу-Грейб. Русофобствующие журналисты свободно курсируют между Киевом и Москвой, превратив Украину в плацдарм для изощрённой информационной агрессии против России. Критически расширяются рамки дозволенного прессинга на всякого носителя независимого мнения, отличного от установок киевских «элит». Имели место громкие политические убийства.

Взяты из итальянского фашизма и прошлого Иберо-Америки *расправы с неугодными и коллективное давление экстремистов на органы власти*: практика публичного унижения личности, избиений, травли, а также культура доносительства. Убийства неугодных носят демонстративный характер и остаются безнаказанными: так было в случае Одесской трагедии или расправы с публицистом и историком О. Бузиной. Вспомним, что в Румынии 1930-х годов фашистская прогерманская организация «Железная гвардия», объединявшая преимущественно молодых реформистов,

[10] http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/08/150804_ru_s_dif_sociology_trust_rate

[11] «Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение. Второй доклад». М.: Фонд исследования проблем демократии, 2015.
https://oprf.ru/files/2015dok/grigoriev_doklad_ukraina_russian16032015.pdf

[12] http://rusvesna.su/news/1457043802

буквально рубила топорами «отступников». Расправлялась и с представителями власти, любыми интеллектуалами и политиками, от правоцентристов до анархокоммунистов. «Гвардия» юношей-убийц сделала идолами[13]. Кровавый иррационализм не помешал румынским фашистам потом входить в правительство, а профашистским интеллектуалам – стать в либеральной Европе гуманистами и авторитетами. Украинские бандеровцы взяли на вооружение фашистский способ расправ. А Бухарест, имея давний территориальный спор с Москвой, послал армию в 1941 г. помочь гитлеровцам в войне с Советской Россией. Они вместе дошли до Сталинграда, оккупировали Крым.

Ф*альшивая обёртка демократичности власти и свободы прессы*: после переворота 2014 г. ведущие украинские СМИ транслируют только провластное мнение. Независимые журналисты работают на Украине в условиях крайних ограничений, в 2014 г. дошло до убийств корреспондентов СМИ РФ. Российские фильмы и телеканалы – вплоть до экзотически-нишевых, о кулинарии или индийском кино – запрещены. Подобно Бразилии 1960-х годов, в парламенте кристаллизуются «блок власти» и бессильная «партия оппозиции». Крым и Донбасс больше не компенсируют на выборах натиск нацистов и экстремистов. В условиях отсутствия плюрализма мнений в республике умы украинцев становятся политическим трофеем Запада в «игре с нулевой суммой».

Наконец, *религиозные факторы риска* на Украине в гражданскую войну вовлечены религиозные и псевдорелигиозные организации, кризис подпитывается фанатизмом униатских священников и активистов, псевдоправославных и протестантских сектантов. Примечательно, что секты ориентированы на урбанизированные русскоязычные территории Украины. С одной стороны, по теории российского историка А.М. Хазанова, сравнивавшего колониальное правление Португалии в Африке и систему апартеида ЮАР, протестантское влияние резко повышает градус расизма у правящей общественной группы[14]. С другой, католическая церковь сыграла трагическую роль в фашистской Португалии. «Социальной базой фашистского режима, просуществовавшего 48 лет, был союз монополистической буржуазии и латифундистов с мелкими сельскими собственниками». Католическая церковь служила идеологическими «подпорками этому нерасторжимому блоку, связанному с архаической аграрной структурой»[15].

---

[13] *Ленель-Лавастин А.* Забытый фашизм. Ионеско, Элиаде, Чоран. М.: «Прогресс-Традиция», 2007. http://coollib.com/b/177020/read#t16

[14] *Хазанов А.М.* Особенности британского и португальского колониализма // Обозреватель-Observer. 2007. № 5. http://observer.materik.ru/observer/N4_2007/121_126.pdf

15 *Хазанов А.М.* Португальская колониальная империя. 1415-1974. М.: «Вече», 2014. http://www.e-reading.by/chapter.php/1033673/34/Hazanov_-_Portugalskaya_kolonialnaya_imperiya._1415-1974.html

Каковы могут быть исторические уроки? Бразилия и Чили, где армия пришла к власти, на десятилетия исключили Москву из региональной политики. «Силовики» разгромили городскую герилью и официальную оппозицию[16]. Далёкая от России Латинская Америка слабо влияла на существование СССР или России, а вот постсоветское пространство – зона жизненно важных интересов России, где нет места государству, являющемуся «альтернативной Россией», «Антироссией». Румыния показала, что фашистская партия может быть удалена из власти, а вот идеология из режима – лишь при жёсткой реорганизации режима с полным переформатированием силового аппарата. Португалия показала, что аграрно-сырьевая структура экономики может не только полвека обогащать фашистов; или что страна может выжить на присылаемые гастарбайтерами из Западной Европы деньги, но и то, что режим может выдержать 10-15 лет колониальной войны в Африке. Вовлечённость Португалии в НАТО не позволяло перейти к статусу нейтральной страны даже после военного переворота, покончившего с фашизмом и колониальной войной.

Важно вести экономическое укрепление России. Через «совместную работу с Китаем, Индией, Ираном, партнерами по ШОС и странами АСЕАН. Она позволит выстроить систему коллективной безопасности, создать панъевразийскую транспортную и энергетическую инфраструктуру и обеспечить создание критически важного для будущего России четырехмиллиардного быстрорастущего евразийского рынка»[17]. Но эту работу необходимо дополнить деструкцией силового хребта националистического режима, который способен превратиться на десятилетия в «санитарный кордон» против России.

[16] *Шульговский А.Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. М.: «Наука», 1979. С. 479-491.
[17] http://www.kommersant.ru/doc/2890146

Эдуард Геннадьевич СОЛОВЬЕВ,
Заведующий сектором
Института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова
Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – СНОВА ПОВОРОТ К РЕАЛИЗМУ?

Аннотация: Безоговорочное доминирование либеральной парадигмы в мировой политике постепенно подходит к концу. Данный процесс ускоряется из-за завершения «однополярного момента» в мировой политике. Полицентричный миропорядок находится на этапе формирования. Мир вступает в турбулентную эпоху, в рамках которой вероятно усиление политического реализма как интеллектуальной доминанты при принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, чем в последние десятилетия, международной среде.

Ключевые слова: однополярный миропорядок, пост-однополярный миропорядок, полицентричный миропорядок, геополитика, либерализм, реализм.

SOLOVYEV Eduard Gennad'evich,
Ph.D. (Political Sciences) Head of Section,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL RELATIONS – ON THE EVE OF REALIST TURN AGAIN?

Abstract: Unconditional dominance of the liberal paradigm in a global scale is gradually coming to an end. This process is accelerated due to the end of the "unipolar moment" in world politics. Asymmetrical polycentric world order is at the stage of formation. The world is entering to a turbulent era, when about inevitable strengthening of political realism as an intellectual dominant in a much more uncertain then at recent decades international environment.

Keywords: unipolar world order, polycentric world order, geopolitics, realism, liberalism.

В 1990 г. Ф.Фукуяма принес в мир «благую весть» о конце истории, в связи с тем, что победа либеральной демократии знаменует собой окончание «исторических» конфликтов между государствами. В этот период произошли действительно тектонические изменения в системе международных отношений – классическая биполярность стала фактом прошлого, подошла к концу (в интерпретации западных исследователей – закончилась безоговорочной победой Запада) холодная война. Распад Советского Союза стал восприниматься многими политиками и исследователями не только как рубеж окончания идеологических конфликтов, но и как логический конец геополитики (от несовершенного баланса сил периода нового времени через биполярность эпохи холодной войны к консолидированному, стабильному и управляемому однополярному миру («новому мировому порядку»)). Место геополитики и политического реализма, озабоченного соотношением сил, проблемами безопасности и структурными факторами мировой политики, заняли либеральные нормы и институты, проблемы экономического развития. Представление о конце истории и начале эры безоговорочного доминирования либерализма в мировой политике стимулировало размышления западных аналитиков в русле возможности преодоления основного парадокса международных отношений – их анархичной природы.

Как отмечал в своей книге «Мировой порядок» Г.Киссинджер[1], миропорядок включает в себя, по меньшей мере, два основных компонента – наличествующий баланс сил и признание его легитимности (равно как и легитимности лидерства ведущих мировых держав). После окончания холодной войны США доминировали в военном, экономическом, научно-техническом, информационном, идеологическом и т.д. плане. В 1990 г. на США приходилось более 20% мирового ВВП, а на развитые страны – 60,5%. Альтернативы западному доминированию просто не существовало. И потому в рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и сто и двести лет назад со времен Великих географических открытий, пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.)[2] В этом смысле система международных отношений по-прежнему

[1] *Kissinger H.* World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. New York, Penguin Press, 2014.

[2] См. об этом: *Buzan B.* From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.

являла собой на рубеже XX-XXI вв. картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежала исключительно странам Запада. В этот период получили широкое распространение многочисленные концепции так называемого «наступательного» либерализма, предполагавшие возможность активного (в том числе с помощью применения силы ведущими демократическими державами) насаждения демократических институтов и ценностей, смены режимов как главного условия обеспечения мира и всеобщей безопасности – исходя из постулата о том, что демократии способны обеспечить good governance, т.е. эффективное правление и к тому же «демократии не воюют друг с другом». Либерализм как идеология и либеральная теория международных отношений оказались на пике влияния к рубежу XX-XXI вв.[3]

Приверженцы либерально-идеалистических взглядов поныне продолжают утверждать, что анархичность международных отношений постепенно преодолевается, взаимозависимость стран растет, рыночная экономика в условиях демократии выступает фактором обеспечения всеобщей безопасности и мира. При этом продолжаются дискуссии внутри либеральной парадигмы относительно того, должно ли распространение демократии, либеральных ценностей и «свободного рынка» осуществляться во всем мире «в силу примера», через то, что Джозеф Най называет «мягкой силой» (т.е. способность формировать предпочтения других государств через такие нематериальные ресурсы, как институты, культура и идеи), а также через экономическую взаимозависимость и ее миротворческий эффект. Или же вполне инструментальным является принуждение (санкционное и даже вооруженное) к трансформации идентичности (конструктивисты) и внедрению соответствующих институтов и ценностей (собственно сторонники либеральных подходов).

В понимании либералов-институционалистов глобализация и все более плотные сети транснационального обмена информацией и коммуникации приводят к усилению спроса на международные организации и новые формы регулирования. Международные институты и режимы необходимы для того, чтобы решать все более сложные дилеммы коллективного действия, которые появляются в глобализированном мире. Поскольку крупные государства расширяют диапазон своих интересов и все сильнее интегрируются в мировую экономику и мировое сообщество, они, несомненно, ценят привлекательность функциональных преимуществ, которые предлагают им международные режимы и институты, и вынуждены придерживаться более скоординированных линий поведения,

[3] См. об этом: *Ikenberry J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011.

нежели это имело место в предшествующие эпохи. Либеральный мировой порядок достаточно прочен и способен абсорбировать новые страны. С некоторыми из них довольно сложно иметь дело из-за их масштабов. Китай, например, является «слишком большим, чтобы его игнорировать, слишком репрессивным, чтобы с ним обниматься, трудным для того, чтобы оказывать на него влияние, и очень, очень гордым»[4]. Но как отмечал Дж.Айкенберри, по мере развития таких быстрорастущих стран, как Китай, у них появляется необходимость защищать все больше «активов», что постепенно приводит к большей интеграции в существующий глобальный либеральный мировой порядок и купирует тенденции к развитию ревизионистской политики.

С точки зрения сторонников либеральных подходов, попытки изменить мировой порядок будут ограниченными и упорядоченными. Развязывание крупномасштабной войны между ведущими державами исключено, поскольку такое столкновение слишком разрушительно и не может служить эффективным средством изменения системы международных отношений. А международные институты и организации создают эффект «колеи» с рутинизацией процедур, интернализацией правил, обеспечивая тем самым сопротивление любым значимым изменениям. Таким образом факторы стабилизации сложившегося к концу XX в. мироустройства активно используются теми, кто нацелен на сохранение статус-кво, и создают проблемы потенциальным ревизионистам. Совокупность всех этих факторов ограничивает возможности «переучредить» сложившуюся систему и является препятствием для попыток изменения однополярного мира, сложившегося после окончания холодной войны.

На протяжении столетий война была самым надежным инструментом выявления соотношения сил между конкурирующими государствами. Более того, с точки зрения ряда специалистов международников, мировая война не только позволяет найти новый баланс между ресурсами различных центров силы в рамках системы международных отношений и их статусом, но и, как отмечали Р.Гилпин, Р.Швеллер и др., служит драйвером кардинальных перемен в мировой политике – может быстро привести к появлению новой державы (держав), прояснить отношения между центрами силы и до основания разрушить старую институциональную систему международных отношений, расчистив новому гегемону (или концерту лидирующих держав) путь для установления новых правил игры в мировой политике. Возможность войны за мировое господство, к счастью, действительно практически исключена в ядерную эпоху из инструментария мировой политики. Таким образом, радикальные, сжатые по времени

[4] *Albright M.* Madam Secretary. N.Y., 2003. P. 546.

изменения действительно невозможны. Но вот что касается жизнеспособности существующей системы, то тут все не так однозначно как представляется сторонникам однополярного миропорядка. Эрозия Pax Americana зашла достаточно далеко, чтобы представленная точка зрения казалась убедительной.

«Нелиберальный» (в смысле illiberal) тренд начал формироваться еще в рамках казалось бы торжествующей униполярности. Достаточно упомянуть сложности, с которыми неизменно сталкивались целый ряд инициированных ранее странами Запада институтов и режимов – от запрета ядерных испытаний до ратификации договора о Международном уголовном суде. Не говоря уже о драматическом ослаблении значимости и дееспособности таких универсальных международных организаций, как ООН. Вместо либерального институционализма либеральный миропорядок явно тяготел к облегченной версии «либерального империализма», вместо «кооперативной» и, тем более, всеобщей безопасности в рамках таких военно-политических союзов, как НАТО, явно демонстрировал тенденцию формирования безопасности «корпоративной» - узкого круга избранных стран-союзников, доминирующих в системе международных отношений.

Однако ситуация в мире стала заметно изменяться быстрее, чем кто-либо из провозвестников «американского века» мог предположить после окончания холодной войны. Первые тенденции изменений стали заметны в 2000-х годов, но особенно явно они проявились в период глобального финансово-экономического кризиса 2008-2011 гг. и после его окончания. К 2015 г. стало очевидно, что история «возвращается», происходит постепенная эрозия западного доминирования, сдвиг «богатства и влияния» на Восток. Достаточно отметить, что доля США и развитых стран сократилась к 2014 г. до 16% и 42%[5]. И таким образом глобальный баланс сил изменяется буквально на наших глазах (см. таблицу 1, где за основу сопоставления взят докризисный 2006 г.).

[5] Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. М., Идея-Пресс, 2015, С.428-431.

Таблица 1

Экономические показатели крупнейших экономик мира в 2006 и 2014 гг.

		ВВП по среднегодовому курсу национальной валюты к доллару 2014 г., млрд. долл.	ВВП по среднегодовому курсу национальной валюты к доллару 2006 г., млрд. долл.	ВВП в ценах и по ППС 2014 г., млрд. долл.	ВВП в ценах и по ППС 2006 г., млрд. долл.
	1	2	3	4	5
1	США	17419	13202	17419	13202
2	КНР	10360	2626	18031	10048
3	Япония	4602	4366	4631	4131
4	Германия	3853	2897	3690	2616
5	Великобритания	2942	2395	2525	2112
6	Франция	2829	2248	2572	2039
7	Бразилия	2346	1068	3264	1708
8	Италия	2144	1851	2132	1795
9	Индия	2067	911	7393	4247
10	Россия	1861	985	3745	1705
11	Канада	1787	1269	1567	1140
12	Австралия	1454	898	1031	728
13	Ю. Корея	1410	888	1732	1152
14	Испания	1404	1224	1567	1243
15	Мексика	1283	840	2125	1202

Источник: Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. М., Идея-Пресс, 2015; Таблицы мирового развития // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. М., Наука, 2007.

Кроме того, на фоне крайне унилатералистской и явно опирающейся на жесткую силу политики администрации Дж.Буша-мл., развязанных США «войн по выбору» (вторжений в Афганистан и особенно в Ирак) либеральный максимализм стал понемногу утрачивать позиции. Прокламированное Вашингтоном ничем неограниченное право на

вмешательство в дела других государств ослабило доверие к американской политике. «Необязательные» и дестабилизирующие по своим последствиям вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию подорвали веру в их силу и главное в способность к эффективному глобальному лидерству. Военное превосходство оказалось иллюзорным, поскольку выяснилось, что с помощью военной силы (точнее – исключительно с опорой на военную мощь) невозможно разрешать проблемы современного мира. Ну а финансовый кризис радикально подорвал представление о том, что США обладают безусловной компетентностью и непререкаемым авторитетом в финансово-экономических вопросах. Таким образом, произошла и делегитимизация американоцентричного однополярного мира на фоне объективного роста тенденций полицентричности.

Принципиальная новизна формирующегося полицентричного миропорядка не только в его асимметрии (США по-прежнему остаются выдающейся по всем параметрам мощи – военным, экономических, культурным и т.д. – и по их сочетанию государством), но и в наборе претендентов на лидерство в формирующейся системе. Впервые за последние столетия в их числе нет европейских стран, что символизирует конец европоцентристского мира. В глобальном соотношении экономических и политических сил все более весомым становится присутствие Китая и Индии (16,6% и 6,8% мирового ВВП по паритету покупательной способности соответственно)[6]. В военном плане Россия ускоренными темпами восстанавливает, а Китай и Индия наращивают свои возможности. В ходе перегруппировки сил на международной арене целый ряд государств, среди которых Китай, Индия, Россия, Иран и др. оспаривают политические результаты холодной войны и правила игры однополярного мира. Каждая из этих стран преследует собственные цели, но объективно, даже не желая того, они расшатывают основы однополярного мироустройства, создавая альтернативные институты (в том числе финансовые) и утверждая нормы поведения полицентричного мира, в том числе путем частичной реанимации Вестфальских принципов (например, акцентируя принципы невмешательства во внутренние дела и национального суверенитета).

В международных отношениях нормативное закрепление определенного порядка, режимов, норм или правил поведения субъектов по-прежнему является отражением фактического соотношения сил сторон. Под силой понимается совокупная мощь отдельных субъектов международных отношений – экономическая, демографическая, информационная, культурная, военная и способность ее применить против

[6] Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. М., Идея-Пресс, 2015, С.428-431.

своих оппонентов. Изменение баланса сил в глобальном или региональном масштабе с неизбежностью влечет за собой попытки пересмотра норм и правил поведения на мировой арене. В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее – «мощь» государств или «бумага» как некий набор кодексов и правил поведения, – решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой. Очередная попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе и сделать ее гораздо более предсказуемой и управляемой явно не увенчалась успехом. Единственным регионом мира, где либеральный мировой порядок с соответствующим набором норм и ценностей утвердился в полной мере стала объединенная (в рамках ЕС) Европа.

Возвращение к политическому реализму однако отнюдь не означает зацикленности на проблемах безопасности, понимаемых исключительно в терминах сопоставления военных потенциалов. Есть вопросы, связанные с необходимостью преодоления ограничений реализма как инструмента анализа. С точки зрения реализма, в международных отношениях нормативное закрепление определенного порядка, режимов, норм или правил поведения субъектов по-прежнему является отражением фактического соотношения сил сторон и легитимности их действий. По большому счету, с точки зрения реалистов, именно победа США и стран Запада в «холодной войне» и силовое доминирование США в мире, готовых выполнять роль «глобального полицейского», а отнюдь не либеральные принципы, обеспечивали легитимность и устойчивость однополярному миропорядку. Однополярная система международных отношений далека от демократичного принципа «делай как я» и скорее ориентирована на совсем нелиберальное кредо по принципу – «делай как я сказал». Однако проблема выявления «баланса сил» и обеспечения легитимности действий лидирующих мировых акторов многократно усложняется в рамках полицентричной системы. И по сей день остается интеллектуальным вызовом для самых разных школ реализма (offensive realism, defensive realism, generalist realism и т.д.). Особенно в условиях, когда продолжаются споры о том, насколько в рамках реалистских интерпретации международных отношений возможно учесть и анализировать иные факторы, формирующие современную международную среду – в их числе значимость наднациональных институтов, транснациональных акторов, международных режимов, роль «мягкой силы», внимание не только к соперничеству, но и к сотрудничеству субъектов мировой политики при формировании глобального баланса сил.

«Реальная политика» определяется соотношением между материальными возможностями, между «жесткой силой», с одной стороны, и легитимностью, влиянием и способностью достигать желаемых

результатов, с другой. С этой точки зрения, при любых разговорах о новом более плюралистичном мироустройстве речь не идет о простом возвращении ведущих держав к политике с позиций силы. Точнее говоря, сила в новой системе координат глобализированного и информационно насыщенного мира является гораздо более дисперсной, нежели ранее, категорией. В последние годы целый ряд исследователей акцентирует внимание на относительном уменьшении роли военной силы и выдвижении на первый план экономических, идеологических и культурных параметров оценки мощи и потенциала государств на мировой арене. Это не означает, что использование жесткой, военной силы уходит в прошлое (как раз наоборот – возможна активизация ее применения в практической политике целым рядом стран и в самых широких географических ареалах). Однако упор на военную мощь перестает быть единственным основанием власти и влияния в современном мире. Как наглядно продемонстрировал пример США с их колоссальной, явно избыточной военной мощью, в обозримой перспективе будет лишь нарастать эффект «бессилия силы» – невозможности решения региональных или глобальных проблем при опоре только на традиционную жесткую силу. Экономическая мощь уже в наше время значит не меньше, а возможно и больше, чем военная сила. В перспективе все более существенную роль в том числе при возникновении конфликтных ситуаций будут играть факторы «мягкой силы»[7].

В условиях турбулентности, неизбежно возникающей в силу сопротивления прежних безоговорочных лидеров мировой системы, в контексте неопределенности, размытости господствующих в мировой политике норм и правил (международное право находится в состоянии трансформации; в его рамках продвигаются новые нормы и утверждаются новые правила (ограниченного суверенитета, мотивируемого гуманитарными принципами интервенционизма и т.д.); при этом из любых правил всегда есть исключения для лидирующей сверхдержавы и ее союзников) и прогрессирующей эрозии господствующих с конца XX века в мировой политике норм и правил, ***представляется вероятным и практически неизбежным усиление различных направлений реализма как интеллектуальной доминанты при принятии решений в***

[7] См. об этом: *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004; *Nye J.* Power in the Global Information Age. From Realism to Globalization. L., N.Y., 2004. Хорошей иллюстрацией к сказанному выглядит сопоставление эффекта от более 100 млрд долл. российских дотаций украинской экономики в контексте скидок от стоимости энергоносителей и 5 млрд долл., потраченных США на наращивание потенциала мягкой силы, формирование местных политической и интеллектуальной элит, способных осуществить трансформацию украинской национальной идентичности из «нероссийской», сформировавшейся еще в советский период, в «антироссийскую» и фактически «переучредить» украинскую государственность на основе идеи борьбы с имперским прошлым.

динамичной и неопределенной международной среде и как метода анализа международных процессов[8].

[8] О дебатах на эту тему см.: *Уолфорт У.* Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. Июль-август. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvraschenie-realnoi-politiki-17636; *Snyder J.* Power and Progress: International Politics in Transition. N.Y.: Routledge, 2012.

Игорь Валерьевич СТАРОДУБ,
Старший научный сотрудник
Военной академии Генерального штаба ВС России

ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ КАК ФАКТОР ЕЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: Статья посвящена проблеме становления российского военного образования Особое внимание автор уделяет проблеме международного военного сотрудничества через подготовку иностранных военнослужащих. Подготовка иностранных военнослужащих – один из факторов обеспечения военной безопасности России.

Ключевые слова: военное образование, безопасность, военное сотрудничество, военнослужащие, Россия.

TRAINING OF THE FOREIGN MILITARY PERSONNEL IN RUSSIA AS THE FACTOR OF ITS MILITARY SAFETY (HISTORICAL AND POLITOLOGICAL ASPECT)

STARODUB Igor Valeryevich,
Senior research associate
Military academy of the General Staff of AF of Russia

Abstract: Article is dedicated the problem of formation of Russian military education. Special attention is paid to the problem of international military cooperation through the training of foreign military personnel. Training foreign military personnel is one of the factors ensuring the military security of Russia.

Keywords: military education, security, military cooperation, military personnel, Russia.

Профессиональная подготовка иностранных военных кадров времен Императорской России началась во второй половине XIX в. и осуществлялась по двум направлениям: обучение иностранцев в России и работа русских преподавателей и инструкторов за рубежом. Рассмотрим несколько примеров такого сотрудничества.

Поражение Китая от Англии во второй «опиумной» войне (1856-1860), необходимость реформирования и перевооружения его войск вынудило правительство Поднебесной искать помощи извне.

Русско-английское противоборство на Дальнем Востоке потребовало от царского правительства проведения новой политики по поиску союзников в регионе. Россия, заинтересованная в ослаблении позиций западных держав у своих восточных границ, пыталась использовать в своих геополитических интересах сложившееся в Китае положение и предложила помощь в реорганизации его армии.

В ноябре 1860 г. китайская сторона обратилась к Русскому правительству за помощью и уже в 1860-1861 гг., а позднее и в 1896 г. русские офицеры-инструкторы готовили китайских военнослужащих, ставших впоследствии ядром зарождающихся Вооруженных Сил Китая.

В период с 1875 по 1878 гг. балканские народы вели ожесточенную национально-освободительную борьбу против турецкого ига. Россия проводила ряд дипломатических, политических и военных мер по поддержке братских славянских народов и освобождению Балкан от влияния Османской империи.

В связи с жесткими противоречиями и глубоким конфликтом интересов назрела острая необходимость в строительстве новых союзных армий способных самостоятельно, без военной помощи России противостоять агрессивным планам Турции и ее западных союзников.

На начальном этапе 1875-1878 гг. кроме добровольческих отрядов в Вооруженные Силы Сербии и Болгарии из России в качестве советников и инструкторов были направлены русские офицеры. Так, герой взятия Ташкента и покорения Средней Азии русский генерал М.Г.Черняев встал во главе сербской армии, а к августу 1876 г. в рядах сербской и болгарской армий насчитывалось до 650 русских офицеров различных рангов и специальностей.

Впоследствии, для формирования офицерского корпуса союзных армий лучшие болгарские и сербские солдаты, отобранные по ходатайству русских советников, направлялись в русские юнкерские военные училища, а лучшие из офицеров - в военные академии.

Одним из первых болгар, направленных на обучение в Россию, был вольноопределяющийся Георгий Вазов, который в 1880 г. с отличием окончил полный курс Одесского пехотного училища.

Свои твердые пророссийские политические убеждения Георгий Вазов сформировал обучаясь в военных учебных заведениях России и закрепил за время своей службы в Русской Армии тесно общаясь с русскими генералами и офицерами, профессорско-преподавательским составом и сокурсниками.

Другой пример. Стремление Франции возродить свою армию после поражения во франко-прусской войне 1870-1871 гг., а также совпадение интересов в обеспечении военной безопасности от общего

геополитического противника в лице Кайзеровской Германии, толкнуло Россию и Францию к тесному военно-техническому сотрудничеству.

В соответствии с подписанной в 1893 г. между Францией и Россией Военной конвенцией начались контакты по взаимному обмену и подготовке офицеров – специалистов. Помощь, оказанная Францией в обучении пилотов и авиаспециалистов для авиационных и воздухоплавательных подразделений повлияла на развитие русской военной авиации[1].

В дореволюционное время в Императорской России профессиональная подготовка иностранных военнослужащих носила эпизодический и бессистемный характер, отличалась практической направленностью и узкой специализацией. Часто диктовалась уже сложившейся политической обстановкой и исключала профилактический эффект. Обучение зарубежных военных кадров дружественных Вооруженных Сил проводилось в «пожарном режиме», исправляя многолетние политические просчеты и отсутствие дальновидности в международной политике.

В целом подготовка иностранных военных специалистов во времена Императорской России характеризуется зарождением скорее теоретических основ профессиональной подготовки иностранцев.

Свои примеры влияния политической ситуации на уровень взаимоотношений в области подготовки иностранных военных кадров дает Советский период отечественной истории.

13 марта 1921 г. народное правительство Монголии обратилось к советской стране за помощью в борьбе с белым генералом бароном Унгерном. В ноябре того же года между Монголией и СССР был подписан Договор о взаимном признании и установлении принципа наибольшего благоприятствовании в области военных, политических и экономических взаимоотношений. На основании этого Договора в Москве была организована подготовка первых монгольских пехотных офицеров[2].

В последующем, как известно, первым государством, признавшим РСФСР стала Монголия. А в грозном июне 1941 г. Монголия первая заявила о своей поддержке Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией. Такая позиция монгольского правительства стала возможной, в том числе, и в результате тесного военно-технического сотрудничества, которое проявлялось и в обучении монгольских офицеров в советских военных школах, училищах и академиях[3].

Данный пример показывает, как взаимосвязаны между собой политическая ситуация и военно-техническое сотрудничество в целом, и

---

[1] Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (1951-2001 гг.). Военно-исторический очерк М., 2001. С 20.

[2] Военно-юридический журнал. 2008. № 10. С. 29.

[3] Плотников Г.К. Монгольская народная армия. М., 1971.

подготовка иностранных военных кадров в частности. Видно, что в начале политическая ситуация и общность интересов в области военной безопасности подтолкнуло стороны к юридическому закреплению двусторонних отношений в области обороны. В последующем, непосредственно подготовка монгольских военных кадров привела к дальнейшему расширению военно-технического сотрудничества вплоть до создания первого в истории СССР военно-политического союза.

Взаимосвязь развития сотрудничества в области подготовки иностранных военных кадров и последующего признания независимости государства, как политического акта можно проследить и в дальнейшем.

В 1930-е годы обложенная ограничениями Версальского мира Германия смогла организовать подготовку своих военных специалистов только в непризнанной на тот момент Советской России. СССР не обладал субъектностью международного права, и как следствие, не поддержал санкции против Германии введенные странами – победителями, государствами Антанты. На основании подписанного между Германией и Советской Россией 16 апреля 1922 г. Рапальского договора Вермахт получил право осуществлять подготовку своего летного состава, офицеров танковых и химических войск на территории СССР[4].

Начиная с 1919 г., афганские военнослужащие проходили подготовку в созданной в Кабуле авиационной школе[5]. В 1922 г. подготовка восьми афганских военнослужащих была организована на специальных курсах связи в Ташкенте. С середины 1920-х годов афганских военных пилотов и наземно- технический персонал готовили в СССР.

В мае 1924 г. советскими специалистами создана Центральная военно-политическая школа в Китае. К 1926 г. в ней было подготовлено около 6 тыс. военных специалистов.

После 1937 года советское правительство направило в Китай боевую технику, военных советников и инструкторов. Впоследствии, начиная с 1949 года, СССР создал в Китае 6 летно-технических школ.

С октября 1936 г. в связи с резким ухудшением внутриполитической обстановки в Испании советское правительство организовало подготовку военных кадров для Испанской Республики[6].

Обучение испанских военнослужащих явилось началом создания Специального факультета Академии Генерального штаба РККА. Первого структурного подразделения в системе военного образования непосредственно предназначенного для подготовки иностранных военных кадров.

В 1939 г. по приказу Народного комиссара обороны СССР № 0125 от 9 августа 1939 г. при академии организована Особая группа, первыми

[4] Военно-юридический журнал. 2008. № 10. С. 30.
[5] См.: Русский курьер. 2004. 8 июля.
[6] Самарин А. Борьба за Мадрид. М., 1940.

слушателями которой были запланированы 9 испанских военнослужащих со сроком обучения 1 год 10 месяцев. Однако 26 сентября 1939 г. состоялся приказ начальника академии № 0177 о зачислении на обучение лишь 6 испанских слушателей.

Их выпуск состоялся летом 1941 г. Приказом по академии дата 1 октября 1939 г. объявлена днём основания Специального факультета Военной академии Генерального штаба.

Организация обучения испанских военных кадров в ВУЗах СССР является актом поддержки советским правительством Республиканской Испании в ее борьбе с контрреволюционными силами, возглавляемые Франко. Подготовка испанских военных стоит в одном ряду с участием советских добровольцев в коммунистических интернациональных бригадах, принимавших непосредственное участие в вооруженной борьбе испанских коммунистов.

В ходе Великой Отечественной войны в военных учебных заведениях СССР прошли подготовку военнослужащие Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии и Ирана[7]. В этот период в г.Оранки Горьковской области обучались военнопленные австрийцы, немцы, румыны и хорваты[8]. Крушение колониальной системы, раздел Европы на два непримиримых идеологических лагеря определили на десятилетия условия политического противостояния. Кому и у кого учиться военному делу на долгие годы определила холодная война.

Политика нашего государства на различных уровнях определяла поддержку социалистических режимов по всему миру, которая выражалась, в том числе, в оказании помощи в военно-технической сфере и подготовке военных кадров. В период 1945-1950 гг. на обучение в вузы МО СССР было принято более 3500 военнослужащих Албании, Болгарии, Венгрии, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии. Подготовка военнослужащих из этих стран характеризовалась как поддержка лояльных к Советскому Союзу политических режимов.

Создание центральных органов военного управления, специальных отделений и факультетов в вузах, разработка программ обучения показывает, что подготовка иностранных военнослужащих стала носить централизованный и системный характер.

Некоторые из выпускников советских военных училищ и академий впоследствии заняли крупные государственные и военные посты в своих странах, что во многом определяло направление политического курса их

---

[7] Златев М.И. Военная подготовка болгарских политэмигрантов и их служба в советских Вооруженных Силах (1923-1945 гг.). Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М, 1989; Златев М.И. Военная подготовка болгарских политэмигрантов и их служба в советских Вооруженных Силах (1923-1945 гг.). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М, 1989. С 9; Мацуленко В.А Боевое содружество. М., 1974.

[8] Галицкий В.П. Гитлеровцы против Гитлера//Военно-исторический журнал 1995. № 1. С. 18-24.

правительств. Наиболее известные из них – Хосни Мубарак (Египет), Войцех Ярузельский (Польша), Хафез Ассад (Сирия) генерал армии Амаду Амани ТУРЕ (Мали) ставшие президентами своих государств.

Политические и экономические перемены, произошедшие в стране и на международной арене в начале 1990-х годов (роспуск Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, развал социалистического лагеря и распад СССР) привели к разрушению всей системы военного сотрудничества, в том числе и в области подготовки военных кадров для иностранных государств.

В первую очередь Федеральное министерство обороны ФРГ проявило интерес в подготовке своих военнослужащих в Военной академии Генерального штаба. Этот вуз, не имеющий себе равного в мире, готовит руководящий состав оперативных, оперативно-стратегических и стратегических органов управления для Вооруженных Сил Российской Федерации и национальных вооруженных сил на командные, штабные и другие должности, а также для работы в органах государственной власти и управления национальных государств в области обороны и обеспечения военной безопасности. Получить образование в этой академии и овладеть знаниями российской военной науки весьма престижно для высшего командного состава западной военной школы. Всего за период сотрудничества с 1994 по 2016 гг. в этой академии было подготовлено четверо германских военнослужащих.

В 1996-1997 гг. интерес к обучению в Академии проявили еще несколько стран (Дания, Швеция, Греция и Финляндия), с которыми были подписаны контракты в этот период. Ряд выпускников специального факультета академии стали военными атташе своих государств в России. Это военнослужащие Бельгии, Швеции, Финляндии, Германии, Сербии, Франции, Южной Кореи, Монголии. В качестве акта поддержки двух новых государств в военных вузах России в 2012 г. были подготовлены и первые офицеры Вооруженных Сил Абхазии и Южной Осетии в том числе в Военной академии Генерального штаба прошли обучение заместители министров обороны самопровозглашенных республик.

Свое негативное влияние на сохранение международных военно-технических связей оказал фактор перехода обучения на коммерческую основу, в результате чего резко сократилось количество государств, поддерживающих военное сотрудничество с Россией в области подготовки национальных военных кадров.

Серьезные просчеты, допущенные после развала Советского Союза в военно-политической составляющей военной безопасности страны, были обусловлены недооценкой роли, места и предназначения органов международного военного сотрудничества и системы военного образования страны.

В качестве вывода следует отметить, что процесс становления российского военного образования идет сложно и неоднозначно и проблема развития международного военного сотрудничества через подготовку иностранных военнослужащих приобретает особое значение. Уровень международного военного сотрудничества как один из основных факторов обеспечения военной безопасности России напрямую зависит от политики в области подготовки иностранных военнослужащих.

Виталий Валерьевич СТЕГАЙЛО,
Магистр
Дипломатической академии МИД России

БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНСКОГО СПГ КАК ФАКТОРА ВЛИЯНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ВЕКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Сегодня политические и бизнес элиты России пронизывает страх перед появлением на энергетическом рынке Европы американского сжиженного газа. Повышение предложения может спровоцировать падение цен на газ и повлечь за собой большие финансовые потери у российских газовых компаний.

Ключевые слова: сжиженный природный газ, США, регазификационный терминал, ЕС, Россия, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (TTIP).

STEGAYLO Vitaly Valeryevich,
Master
Diplomatic academy MFA of Russia

FUTURE OF THE AMERICAN LNG AS INFLUENCE FACTOR ON EUROPEAN VECTOR OF THE INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: Today the political and business elite of Russia permeates the fear appearance on the European energy market is the US liquefied natural gas. The increase in supply could trigger a fall in gas prices and entail large financial losses for the Russian gas companies.

Keywords: Liquefied natural gas, US, regasification terminal, EU, Russia, The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP).

Вплоть до 2007-2008 гг. на фоне истощения собственных запасов газа США и ожидавшегося быстрого роста потребностей в импорте СПГ было построено 12 приемных СПГ-терминалов общей мощностью почти 200 млрд $м^3$ в год. «Сланцевая революция» привела к 30% увеличению внутреннего производства газа, резкому падению его импорта из Канады и полному пересмотру стратегий тех многочисленных компаний, которые в ожидании растущего импорта СПГ построили регазификационные терминалы.

За счет измененния экономического вектора терминалы приема импорта, регазификационные заводы и хранилища оказались не

задействованы, и сейчас идет как техническая, так и юридическая переориентировка их на экспорт. Несколько лет назад американская энергетическая компания Cheniere Energy Inc. начала строить инфраструктуру на побережье Мексиканского залива для импорта СПГ и сейчас, уже модернизировав свой терминал в Sabine Pass (Мексиканский залив) собирается отправить свой первый танкер с СПГ в Европу в ближайшие месяцы.

В США базовым для регулирования экспорта СПГ является Закон о природном газе 1938 г. (The Natural Gas Act), в соответствии с которым для получения экспортной лицензии необходимо наличие следующих разрешений:

- Федеральной комиссии США по энергетическому регулированию (FERC[1]), которая занимается выдачей разрешений на строительство и эксплуатацию СПГ-сооружений.

- Министерства энергетики США[2] (Управление минеральных энергетических ресурсов) (DOE/FE), которая выдает разрешение на экспорт для двух групп стран:

- страны, входящие в зону свободной торговли (FTA) (Австралия, Бахрейн, Чили, Коста-Рика, Доминикана, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Израиль, Иордания, Марокко, Канада, Мексика, Оман, Перу, Сингапур, Южная Корея, Панама, Колумбия) – всего 20.

- страны, не входящие в зону свободной торговли (non-FTA).

- Береговой охраны США (USCG), Службы охраны рыбных ресурсов США (the Fisheries Service), Агентства по охране окружающей среды (EPA) и др.

Разрешений менее высокого уровня, но не менее важных, у таких организаций как Береговая охрана США, Служба охраны рыбных ресурсов США; разрешения на загрязнение воды (Clean Water permit) и воздуха (Clean Air permit) и другие разрешений менее высокого уровня, но не менее важных, у таких организаций как Береговая охрана США, Служба охраны рыбных ресурсов США; разрешения на загрязнение воды (Clean Water permit) и воздуха (Clean Air permit) и другие[3].

Несмотря на то, что министерство формально не имеет права отказать в выдаче экспортной лицензии, если нет убедительных доказательств наличия угрозы общественным интересам, получить такое разрешение для стран non-FTA намного сложнее: могут потребоваться публичные слушания, если заинтересованные группы будут утверждать, что экспорт может повредить их

[1] Federal Energy Regulatory Commission. Order Authoring Exportation of Liquefied Natural Gas. http://www.ferc.gov

[2] U.S. Department of Energy. Office of Fossil Energy. Order NO. 3324 Conditionally granting long-term multi-contract authorization to export liquefied natural gas by vessel from the lake Charles terminal to non-free trade agreement nations. http://energy.gov/sites/prod/files/2013/08/f2/ord3324.pdf

[3] Примечание. При этом необходимо уложиться в общее время, отведенное на получение окончательного разрешения заниматься данным видом деятельности.

интересам.

По состоянию на конец зимы 2013 г. в Северной Америке к строительству заявлено 20 экспортных терминалов суммарной мощностью около 370 млрд $м^3$ газа (300 млрд $м^3$ – в США, еще 70 – в Канаде). В США в Управлении минеральных энергетических ресурсов на рассмотрении находится 18 заявок на получение лицензии на экспорт газа в страны non-FTA – некоторые из них в рамках одного терминала.

Наиболее амбициозные планы в области развития своей СПГ-индустрии озвучены Северной Америкой. На сегодняшний день в регионе к строительству заявлено 20 экспортных СПГ-терминалов суммарной мощностью около 270 млн т (220 – в США, еще 50 – в Канаде). Объем уже законтрактованного газа в рамках подписанных 20 соглашений составляет 60 млн т в год, из которых 44 млн т американского и 16 – канадского газа.

Одобренные к экспорту (как известно, в США для начала экспорта необходимо получить специальную экспортную лицензию) объемы североамериканского газа сегодня составляют 27 млн т в год из США. Первое разрешение на экспорт СПГ в страны, не имеющие соглашения о свободной торговле с США, было выдано в мае 2011 года терминалу Sabine Pass, спустя два года (до принятия Администрацией США окончательного решения о начале или запрете на широкомасштабный экспорт американского газа) Департаментом энергетики США было выдано разрешение терминалу Freeport LNG. Объемы одобренного к экспорту североамериканского СПГ составляют 25% сегодняшней мировой торговли СПГ. Если же все рассматриваемые сегодня проекты СПГ-терминалов будут реализованы и загружены на 100%, то предложение СПГ США и Канады превысит объемы нынешней мировой торговли. Поэтому логично будет предположить, что в США из заявленных 220 млн т мощностей рынком до 2030 г. может быть востребовано только порядка 80-100 млн т, остальные мощности скорее являются спекулятивными.

Изначально экспорт газа был направлен в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, где Япония, Южная Корея и Китай – основные потребители сжижженного природного газа. Такая стратегия была вызвана несколькими двумя основными факторами:

1) Авария на АЭС “Фукусима” нанесла большой удар по энергетической безопасности Японии, так как вышел один из основных источников электроэнергии в стране, и нишу огромного спроса энергоресурсов занял СПГ из США.

2) Бурное развитие последние несколько лет экономик Южной Кореи и Китая вызвало также вызвало большой спрос в поставках энергоресурсов из-за границы.

Однако последние несколько лет американский СПГ сдает свои позиции на рынке АТР. Этому способствует опять же несколько факторов:

1) Замедление темпов развития китайской экономики существенно

снизил рост спроса на энергоресурсы в стране. Совсем недавно российский «Газпром» и китайская CNPC в 2015 г. начали строительство огромного трубопровода «Сила Сибири», который будет поставлять в Китай 38 млрд куб. м в год[4]. Параллельно с этим в Китае с помощью новейших технологий активно идет разработка собственных месторождений сланцевой сконцентрированы в провинциях Северо-Восточного Китая и в крупном промышленном центре Фушунь (восточная часть страны, менее 200 км до границы с Северной Кореей). По прогнозам ИНЭИ РАН к 2030 г. суммарная добыча нефти прогнозируется на уровне 176-190 млн т; добыча нефти сланцевых плеев на уровне 4-15 млн т.

2) Япония ведет политику максимального энергосбережения и частично переходит на альтернативные источники энергии.

3) Третьим фактором является главный конкурент США в сфере поставок сжиженого газа в АТР – Австралия. По данным МЭА, технически извлекаемые запасы нефти из сланцев Австралии составляют 1,64 млрд т нефти[5], поэтому австралийский сжиженный природный (сланцевый) газ только выходит на рынок.

Европейский рынок остается чуть ли не последним, на котором Соединенные Штаты смогут быть в списке лидеров в экспорте сжиженного газа. Однако основные терминалы для импорта СПГ и регазицикационные заводы расположены в Западной Европе, а в Восточной только в Свиноуйсьце (Польша) и в Клайпеде (Литва).

Уже в январе 2016 г. литовская Litgas заявила, что не будет покупать американский СПГ у Cheniere[6] из-за его плохого качества. Более того, “предавшая” своего заокеанского союзника Litgas все-таки продолжает закупать сжиженный природный газ уже у Норвегии, а именно был закуплен 21 груз СПГ, что эквивалентно 1,9 млрд куб. м газа, который будет доставлен в Литву в течение трех лет. Норвежский СПГ уже занял 50% рынка Литвы и места там американскому сжиженному газу в том объеме, который был бы экономически рентабелен для американских компаний, нет. Снижать зависимость от российского газа – это не означает увеличивать ее от других поставщиков, хотя это все равно приходится делать, так как Литва не обладает достаточным уровне развитости технологий по повышению энергоэффективности. Данная прибалтийская страна является лишь наглядным примером периодически возникающих проблем с поставками СПГ в Европу.

Ценообразование природного газа в большинстве своем привязано к цене на нефть, поэтому резкое падение цен на нефть влечет за собой их падение на природный газ, в том числе и на сжиженный, добыча и поставка

[4] Газпром. Проект “Сила Сибири”. http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/ykv/

[5] International Energy Agency, World Energy Outlook 2010, Paris 2010. http://www.iea.org

[6] Литва не будет покупать сжиженный газ у США // Rubaltic.ru. Аналитический портал о Балтийской регионе. 2016.13 января.

которого обходится очень дорого американским компаниям. Только политика масштабных поставок может сделать экспорт американского СПГ в Европу экономически выгодным, но выше описанные порты в Польше и Литве крайне малы для приема необходимых объемов газа. Постоянная конкуренция с российским "Газпромом" (Северный поток и Северный поток-2) заставляет американские компании снижать цену на газ, путем снижения качества самого газа, но особо это не изменяет ситуацию, и Соединенные штаты начинают проигрывать и на европейском рынке природного газа. Однако в то же время эксперты из международного рейтингового агентства Fitch уверено придерживаются точки зрения, что поставки сжиженного газа будет выгодны для американских компаний до тех пор пока стоимость данного газа на Henry Hub будет стоить меньше, чем в Европе (европейцы платят 115% от стоимость газа на самом Henry Hub плюс тариф на сжижение в размере 3,5 долл. за миллион британских тепловых единиц (BTU[7])). Однако надо не забывать, что сжиженный газ торгуется на спотовом рынке (рынке мгновенных продаж, а не законтрактованных в будущем), что при увеличении продаж СПГ и активизации акторов на данном рынке ведет к отходу от исходной системы фьючерсных (контрактов на поставку в будущем по фиксированной цене) контрактов. Так как последние являются «привязанными» к ценам на нефть, то изменение предпочтений европейцев в сторону спотового рынка, на котором цена на газ также будет падать за счет увеличения объема продаж, что привлечет еще больше страны Европейского союза, сделает сотрудничество с Газпромом менее интересным, так как привязка цены газа к нефти, несмотря на ее сегодняшнюю низкую цену, всегда представляло опасность и создавало ситуации, в которой управляли только Газпром и складывающиеся «обстоятельства». Данная схема является одной из немногих «карт», которые могут «разыграть» Соединенные Штаты на газовом рынке Европы.

В общем перспективы у американского СПГ крайне нерадужные и рассчитывать на мощную "газовую поддержку" из-за океана Европейскому союзу не стоит. На этом фоне набирает обороты новый проект западноевропейских стран с участием их главных союзников (Балканские страны, не входящие в ЕС, Турция, Грузия и Азербайджан) – "Южный газовый коридор" (Southern Gas Corridor), который станет еще одной попыткой западноевропейских стран избавится от зависимости от российского газа.

Тем не менее американская Cheniere – лидер по производству СПГ в Северной Америке – изо всех сил борется за свое место на газовом рынке Европы. На самом большом заводе в США по сжижению газа, Sabine Pass, после запуска второй линии (всего их шесть) по сжижению газа в Старый Свет отправится

[7] Комментарий. Британская тепловая (термическая) единица (British thermal unit, BTU) – это количество тепла необходимое для поднятия температуры 1 фунта (0,45 кг) воды на 1 градус по Фаренгейту (-17,2 градуса по Цельсию).

второй танкер уже в августе этого года, а третью и четвертую линию запустят в 2017 г. в апреле и августе соответственно. Одним из инструментов такой отчаянной борьбы является создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (TTIP). Основным принципом данного экономического сотрудничества является «Buy American» (Покупай американское). Суть схемы заключается в том, что Вашингтон заставляет Брюссель отдавать предпочтение американской продукции, в том числе природному газу, при правительственных закупках. При «неповиновении» США грозит создать препятствия для экспорта автомобилей из Европейского союза в США, отказаться пойти на уступки в вопросе создания национальных торговых судов, занимающимися разрешением торговых и инвестиционных споров, вместо частных арбитражных судов. Более того, Соединенные Штаты предупреждают ЕС о больших разногласиях в вопросе европейского принципа пищевой продукции, который в том, что продукты могут быть допущены до продажи только в том случае, если они не наносят вред здоровью людей и окружающей среде. Однако Вашингтон не учел мнение Гринписа, который выступает резко против американской модели, которая, по его мнению, может привести к распространению в Европе генетически модифицированных продуктов и растений.

В любом случае сегодня Европейский союз со всех сторон окружен огромным количеством политических, экономических и социальных проблем, существует масса внутренних и внешних угроз национальной безопасности ЕС: миграция, экономические проблемы, террористическая угроза, разные векторы внешней политики и т.д. При этом каждое государство обладает ограниченным количеством экономических ресурсов (это не только деньги, но и развитость индустрий, технологии и единство мнений бизнеса и власти) и политических ресурсов (принятие и одобрение обществом внутренней и внешней политики правительства, а также единство в целях и амбициях правительственных кругов), и от того как распределит Европейский союз данные ресурсы и решению каких проблем отдаст предпочтение зависит ситуация с поставками природного газа из разных регионов, да и вообще со всей энергетической безопасностью в целом.

Литература:

1) Federal Energy Regulatory Commission. Order Authoring Exportation of Liquefied Natural Gas. http://www.ferc.gov

2) U.S. Department of Energy. Office of Fossil Energy. ORDER NO. 3324 Conditionally Granting Long-Term Multi-Contract Authorization To Export Liquefied Natural Gas By Vessel From The Lake Charles Terminal To Non-Free Trade Agreement Nations. http://www.energy.gov/sites/prod/files/2013/08/f2/ord3324.pdf

3) Газпром. Проект “Сила Сибири”. http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/ykv/
4) International Energy Agency, World Energy Outlook 2010. Paris 2010. http://www.iea.org
5) Литва не будет покупать сжиженный газ у США // Rubaltic.ru. Аналитический портал о Балтийской регионе. 2016. 13 января. http://www.rubaltic.ru/news/13012016-litva-szhizhennyy-gaz/

Наталия Владиславовна СТЕПАНОВА,
Младший научный сотрудник,
Института США и Канады РАН

СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В XXI ВЕКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические аспекты стратегии сдерживания – основы внешнеполитической доктрины Соединенных Штатов Америки в годы холодной войны, которая и в настоящее время продолжает сохранять свою актуальность. Особенности данной стратегии в условиях трансформации системы международных отношений рассматриваются на примерах отношений США с Россией и другими странами.

Ключевые слова: внешняя политика США, система международных отношений, сдерживание, стратегия национальной безопасности, российско-американские отношения.

STEPANOVA Nataliya Vladislavovna,
Junior Research Fellow,
Institute for the US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences

STRATEGY OF CONTAINMENT IN THE US FOREIGN POLICY IN THE XXI CENTURY

Abstract: The article analyses theoretical aspects of the containment strategy being the foundation of the US foreign policy doctrine during the Cold war and proving its relevance at present. It observes basic principles of containment in the context of the international relations system transformation illustrated by the US policy towards Russia and other counties.

Keywords: US foreign policy, international relations system, containment, national security strategy, Russia-US relations.

Понятие сдерживания (англ. containment) в международных отношениях традиционно связывается с начальным этапом холодной войны и «длинной телеграммой» советника американского посольства в СССР Джорджа Кеннана. В документе, направленном в адрес государственного секретаря США, дипломат изложил основные принципы внешнеполитической доктрины Соединенных Штатов в отношении

Советского Союза, эффективность которой была доказана спустя 40 лет – после распада одного из полюсов глобального противостояния. В настоящее время, особенно в контексте событий, происходящих на Украине и в Сирии, многие эксперты заговорили о кризисе уже в российско-американских отношениях, новой холодной войне и использовании стратегии сдерживания в качестве инструмента американской внешней политики. В рамках настоящего доклада предполагается выявить основные особенности стратегии сдерживания, которые сохраняют свою актуальность в формирующемся полицентричном мире, а также привести примеры внешнеполитических действий американского руководства, соответствующих такой стратегии.

Изменения в мировой политической системе, произошедшие за последние два десятилетия: глобализация, научно-техническая и информационная революция с одной стороны способствовали распространению демократии, а с другой значительно снизили способность государств контролировать процессы, происходящие на его территории. 11 сентября 2001 г. выступило стимулирующим фактором для выработки новой внешнеполитической стратегии США, во главу угла которой встала борьба с терроризмом. Однако террористические организации существенным образом отличаются от государственных образований, а стратегия сдерживания предполагает взаимодействие с соперниками, разделяющими общие риски. Таким образом, первой особенностью стратегии сдерживания является ее применение исключительно в отношении государств[1], что существенно снижает ее эффективность в настоящее время, когда негосударственные акторы порой обладают большей властью, чем государственные образования.

Вторая особенность политики сдерживания, которая сохранила свою актуальность и после окончания холодной войны, заключается в способности поддержания баланса и возможности избегать резких действий, в том числе военного характера, при осуществлении внешнеполитической доктрины. Это, в частности, выражается в концепции «умной силы», положенной в основу обеспечения стратегии национальной безопасности при администрации Барака Обамы. Использование всех доступных средств, включая дипломатические и экономические, зачастую позволяет либо избежать военных конфликтов, либо ограничить их локальным уровнем.

Еще одной особенностью стратегии сдерживания является преемственность курса, проводимого во внешней политике. Несмотря на то, какая партия находится у власти, конечные цели и фундаментальные основы внешнеполитического курса

[1] Gaddis J. L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. New York: Oxford University Press, 2005. P. 384

США остаются неизмененными. Более того, постоянно ведется работа над поддержанием институтов демократии, препятствующих проведению контрпродуктивных односторонних действий. Безусловно, сравнивая политику администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, можно выделить целый ряд отличий, однако направленность на поддержание американского глобального лидерства присуща как одной, так и другой администрации.

Тем не менее, лидерство невозможно без прочных союзнических отношений, основанных на доверии и взаимном уважении. Как и в годы холодной войны, Соединенные Штаты делают огромный упор на укрепление отношений с европейскими государствами-членами организации Североатлантического договора, а также в рамках двусторонних отношений с Японией, Южной Кореей, Австралией, Израилем и др. С помощью союзников США удается как продвигать собственные национальные интересы, так и разделять с ними ответственность и риски международной безопасности. Ярчайшим примером в данном контексте является политика «лидерства из-за спины» (leading from behind), характеризующая действия Соединенных Штатов касательно проведения операции в Ливии в 2011 г., когда средства для поддержания мирового порядка быль весьма ограничены[2].

Еще одним принципом стратегии сдерживания, сохраняющим свою актуальность в XXI в., является утверждение о том, что проводимая политика никоим образом не должна ставить под угрозу национальные интересы и американские ценности, на защиту которых она направлена.

Ключевой принцип баланса сил и стратегии сдерживания – невмешательство в отношения других стран, с целью сохранения своих ресурсов и исчерпания ресурсов противников – претерпел серьезные изменения в начале XXI в. Обязательства по поддержанию мирового порядка, которые Соединенные Штаты берут на себя, чаще всего не позволяют оставаться вне конфликта, а геополитическое положение государства (вдали от основных очагов международной напряженности), которое раньше существенно снижало угрозы национальной безопасности, в настоящее время не является ключевым преимуществом в связи с ростом транснациональных угроз. Однако Соединенные Штаты успешно сочетают различные средства американской мощи, включая дипломатию, экономические инструменты и разведку, для поддержания глобального лидерства.

В данном контексте необходимо рассмотреть политику США в отношении России в связи с последними событиями на Украине. Противоречия российско-американских отношений были заложены еще в 1990-е годы, когда после распада СССР Соединенные Штаты начали

[2] Lizza R. The consequentialist. How the Arab Spring remade Obama’s foreign policy // The New Yorker. 02.05.2011 // http://www.newyorker.com/magazine/2011/05/02/the-consequentialist

проводить политику расширения НАТО на восток, что и заложило определенный уровень недоверия российского руководства в адрес американского. По этому поводу до сих пор ведутся споры: насколько продуманной была политика расширения НАТО, действительно ли Соединенные Штаты чувствовали угрозу со стороны слабой России, или это явилось олицетворением гегемонистских устремлений США. Джордж Кеннан крайне отрицательно воспринял данный политический шаг, заявив, что он приведет к новой холодной войне[3].

Однако в 2000-е годы, когда Россия вновь обрела внешнеполитическую самостоятельность и намерение отстаивать национальные интересы в пределах своей сферы влияния, Соединенные Штаты восприняли этот факт, как попытки российского руководства возродить СССР в том или ином виде. Окончательно позиция США по этому вопросу сформировалась после обострения политического кризиса на Украине, присоединения Крыма к России и самопровозглашения Донецкой и Луганской народных республик. США и их союзники ввели против России и отдельных её граждан экономические и визовые санкции, направленные на оказание давления на политическое руководство страны. В доктринальных документах США такая стратегия также нашла свое отражение. В стратегии национальной безопасности 2015 г. говорится, что Соединенные Штаты будут продолжать сдерживать агрессию России путем санкций и других мер, «противопоставляя лживой пропаганде Москвы правду без прикрас». США будут «сохранять бдительность в отношении стратегического потенциала России, а также оказывать долгосрочную поддержку американским союзникам и партнерам в противостоянии давлению, оказываемому со стороны РФ»[4]. При этом Соединенные Штаты готовы к диалогу с Россией, о чем свидетельствует недавний визит Джона Керри в Москву, в ходе которого еще раз подчеркнулась необходимость сотрудничества двух государств по вопросам, представляющим взаимный интерес, включая борьбу с международным терроризмом, создание условий для политического процесса в Сирии и выполнение Минских соглашений, которое, как заверяет американское руководство, приведет к отмене антироссийских санкций.

Определенные элементы сдерживания проявляются и во внешней политике США в отношении Китая. Связано это, прежде всего, с тем, что с начала XXI в. экономическая мощь Китая стала активно преобразовываться в военную. При этом между двумя государствами отсутствует согласие по целому ряду стратегически важных вопросов международной политики. Такая политика проявляется в нескольких направлениях: военно-

[3] Champion M. Don't Blame NATO Expansion for Russian Aggression // Bloomberg View. 11.04.2014 // http://www.bloombergview.com/articles/2014-04-11/don-t-blame-nato-expansion-for-russian-aggression
[4] National Security Strategy. The White House, 2015. P. 25.

дипломатическом, военном и экономическом. Во-первых, это поддержка внешнеполитического курса таких стран Азиатско-Тихоокеанского региона, как Япония, Южная Корея, Филиппины, Малайзия и Вьетнам, имеющего открыто антикитайскую направленность. В частности, Соединенные Штаты выступают на стороне этих государств в территориальных спорах с Китаем касательно островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Речь идет также об оказании прямой военной помощи Тайваню, Японии, Южной Корее, Австралии и Филиппинам и наличии на территории этих государств внушительной американской военной инфраструктуры. Со всеми вышеупомянутыми странами США проводят регулярные военные учения, на которых нередко отрабатываются недружественные по отношению к Китаю сценарии военных действий. Недавно было предложено создать военно-морской альянс между США, Японией, Австралией и Индией. Нельзя упускать из виду и то, что «разворот США в Азию» имеет и чисто военное измерение. Так к 2020 г. Вашингтон планирует разместить в АТР 60% своего военно-морского и военно-воздушного потенциала[5]. Региону отводится ключевая роль и в плане размещения сил ядерного сдерживания: там развернуты 8 из 14 ПЛАРБ типа «Огайо»/«Трайдент», до 90% средств американского ПРО, а также высокоточные средства нанесения «быстрого глобального удара»[6]. С экономической точки зрения, США крайне негативно отреагировали на создание в регионе китайских и прокитайских финансовых структур, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и планирующаяся Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли. В то же время под эгидой Вашингтона была создана экономическая интеграционная структура под названием «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП), в которую вошли 12 стран: США, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Чили, Перу, Япония, Канада и Мексика. По мнению ряда экспертов, одной из целей создания ТТП является обеспечение неограниченного доступа американских монополий и товаров к рынкам стран АТР. Помимо этого США активно продвигают тему китайской угрозы в киберпространстве и в космосе (что связано с якобы имеющим место наращиванием противоспутниковых возможностей Китая). Пока же приходится констатировать, что политика сдерживания, применяемая Вашингтоном в отношении КНР, носит, в основном, региональный характер. Вызвана она, прежде всего тем, что Китай, наращивая свою экономическую и военную мощь, пытается продемонстрировать другим

[5] Remarks As Prepared for Delivery by National Security Advisor Susan E. Rice at Georgetown University, Gaston Hall. Washington, D.C. 20.11.2013 “America’s Future in Asia” // https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/21/remarks-prepared-delivery-national-security-advisor-susan-e-rice

[6] Арбатов А. Большой стратегический треугольник // Независимое военное обозрение. 2012. 2 ноября. http://nvo.ng.ru/concepts/2012-11-02/1_triangle.html

странам АТР, что в ближайшем будущем американское присутствие в регионе в его нынешнем виде, призванное, как заявляется, обеспечить безопасность и стабильность, станет нецелесообразным ввиду того, что азиатские страны, под руководством Китая, смогут справиться с этой задачей сами. С точки зрения США, это воспринимается как планы выдворения Америки из региона. Ввиду неприемлемости такого сценария для Вашингтона, он стремится убедить страны АТР и всего мира в незаменимости своей роли и несгибаемости своей позиции по ряду ключевых вопросов.

В случае с Ираном, политика сдерживания, проводимая США реализуется, в основном, в форме оказания давления на международные институты, а также поддержки союзников США, одновременно соперничающих с Ираном, таких как Израиль и монархии Персидского залива. Во многом под давлением США против Ирана были приняты санкции ООН, кроме того, сильнейшее экономическое давление на ИРИ оказал Евросоюз. Санкции должны были побудить Иран отказаться от осуществления собственной ядерной программы, однако нанесли значительный ущерб экономике страны в целом, в том числе и отраслям, никак не связанным с обогащением урана. Израиль и страны Персидского залива постоянно напоминают США об исходящей от Ирана угрозе и считают Америку гарантом своей безопасности. Однако события последних лет показали, что достигнуть урегулирования на Ближнем Востоке без участия Ирана невозможно, так как несмотря на международное давление, ему удалось сохранить значительное влияние в Ливане, Сирии и Ираке, а кроме того, он активно противостоит группировке ИГИЛ. По этой и ряду других причин в июле 2015 г. были заключены соглашение, по условиям которого санкции с ИРИ были частично сняты. Однако США отнюдь не собираются полностью отказываться от экономического и военного аспектов сдерживания Ирана. Так, ограничения для американских компаний и физических лиц в отношении взаимодействия с Ираном остаются в силе, а согласно заявлению министра обороны США Эштона Картера, существенную часть военного бюджета страны на 2017 финансовый год придется потратить на борьбу с «пагубным влиянием» Ирана на союзников Вашингтона в Персидском заливе[7].

Таким образом, Соединенные Штаты Америки продолжают использовать стратегию сдерживания в качестве одного из ведущих компонентов внешнеполитического курса. Данная политика направлена на поддержание глобального лидерства США в то время, когда ресурсы государства в этой сфере стали более ограниченными, а угрозы

[7] Литовкин В. Пентагон угрожает бюджетом // Независимое военное обозрение. 2016. 4 марта // http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-03-04/14_pentagon.html

национальной безопасности гораздо более диверсифицированными и многогранными. Комплексное использование различных средств американской мощи в полной мере соответствует современной политике США, направленной не на обеспечение собственного доминирования, а на создание условий, при которых доминирование других акторов международных отношений будет невозможным.

Список литературы:

1. Gaddis J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. New York: Oxford University Press, 2005.
2. «Длинная телеграмма» Кеннана. The Charge in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State // http://nsarchive.gwu.edu/coldwar/documents/episode-1/kennan.htm
3. Brzezinski Z., Scowcroft B., Murphy R.W. Differentiated Containment: U.S. Policy Toward Iran and Iraq (Council of Foreign Relations). Council on Foreign Relations Press. January 1, 1997.
4. Shapiro I. Containment: Rebuilding a Strategy against Global Terror. Princeton University Press. February 17, 2008.
5. Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В. Состояние и перспективы российско-американских отношений. Эл. научный журнал «Россия и Америка в XXI веке», №2, 2014 // http://rusus.ru/?act=read&id=406

Олег Владимирович СТОЛЕТОВ,
Старший преподаватель
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН»

Аннотация: В статье исследуются политические аспекты формирования полицентричного мира на современном этапе, рассматриваются представления о новой полицентричности в международно-политических дискурсах России, США и Европейского союза, анализируется ситуация обострения глобальной геополитической, геоэкономической и информационной конкуренции между этими международно-политическими акторами. Автор приходит к выводу, что политика конкуренции ключевых акторов мировой политики, реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики, способным оказывать существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность.

Ключевые слова: Полицентричный мир, «гибридные войны», глобальная турбулентность, стратегия, дискурс.

STOLETOV Oleg Vladimirovich,
Associate Professor
Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University

THE FORMATION OF A POLYCENTRIC WORLD IN THE CONTEXT OF «HYBRID WARS»

Abstract: The article explores the political aspects of the formation of a polycentric world at the present stage, considers the visions of a new polycentricity in political discourse of Russia, the USA and the European Union. The study analyzes the situation of escalation of global geopolitical, geo-economic and informational competition between these international actors. The author comes to the conclusion that competition policy of key international actors realizing itself in the strategies of «hybrid warfare» and counter-strategies becomes a long-term factor of world political dynamics. This factor significantly effects on the transformation of the world order, strengthening its polycentricity.

Keywords: Polycentric world, «hybrid wars», global turbulence, strategy, discourse.

Формирование полицентричного мира происходит на фоне разворачивающихся дискуссий о конкретном оформлении будущего миропорядка. В данном исследовании представляется перспективным рассмотреть политические проблемы формирования полицентричности в контексте актуальных мирополитических трендов, а также проанализировать представления относительно становления новой полицентричности на уровне международно-политических дискурсов ключевых международно-политических акторов.

Становление полицентичности на современном этапе реализует себя в условиях качественных изменений глобальной геополитической и геоэкономической ситуации. Многоаспектное взаимовлияние глобализации и регионализации способствует формированию интеграционных и квазиинтеграционных систем, характеризующихся специфическим институциональным и дипломатическим дизайном, представленным новыми экономическими международными организациями и соглашениями (Евразийский экономический союз, Транс-Тихоокеанское партнерство, «Экономический пояс Шелкового пути»), а также неформальными межгосударственными объединениями (БРИКС, G-20, группа «Друзья Сирии»), усиливает влияние на мировую политику со стороны не- и антисистемных негосударственных акторов.

Ряд отечественных исследователей, характеризуя специфику становящейся полицентричности мира, обращает внимание, что сегодняшние центры силы не равновелики[1]. Асимметрия и многомерность новой полицентричности вызваны тем, что, во-первых, наряду с ведущими центрами влияния появляются претенденты на лидерство, второстепенные, а также маргинальные центры силы, во-вторых, эти центры имеют различное общественное устройство, которое, кроме того, во многих аспектах еще не устоялось, и, в-третьих, в современном мире существенно расширяется спектр инструментов, посредством которых центры силы способны воздействовать друг на друга.

Иллюстрируя представленный выше тезис, американский исследователь А. Ачария сравнивает современный мир с кинотеатром-мультиплексом, в котором в нескольких залах в одно и то же время идут разные фильмы – с разными сюжетами и актерами[2]. В рамках данного процесса происходит расширение количества влиятельных международно-политических участников, характеризующихся асимметрией возможностей.

[1] *Арбатов А.Г.* Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 4. С. 16-31.
[2] *Acharya A.* From the Unipolar Moment to a Multiplex World // YaleGlobal Online, 03.07.2014. http://yaleglobal.yale.edu/content/unipolar-moment-multiplex-world

В этих условиях две основные составляющие международных отношений и мировой политики, а именно сотрудничество и конкуренция, проявляют себя все более многообразно и многомерно, охватывают сферы военного, экономического, научного, технологического, гуманитарного взаимодействия.

Значимым трендом, влияющим на динамику формирования полицентричного мира, является существенное политическое размежевание между Россией и США, а также их союзниками по НАТО и Евросоюзу. Наиболее рельефную форму это размежевание приняло после произошедшего на Украине зимой 2014 г. государственного переворота. В Стратегии национальной безопасности США 2015 г. утверждается внешнеполитическая линия, предполагающая сдерживание России[3].

Рассмотрим представления о новой полицентричности на уровне международно-политических дискурсов России, США и Европейского союза. Выбор указанных международных акторов обусловлен тем, что именно Россия, с одной стороны, и США и их западные союзники, объединенные в НАТО и ЕС, с другой стороны, в настоящее время оказались на острие политических дискуссий о настоящем и будущем миропорядка.

Россия рассматривает формирование полицентричного мира как движение в сторону демократизации международно-политических решений на глобальном уровне. Становление демократического миропорядка связывается с получением более равноправного доступа развивающихся, ответственных государств к преимуществам глобализации и развитием механизмов, способных защитить участников международного сообщества от ее негативных последствий[4]. Современный этап трансформации миропорядка понимается российским политическим руководством как переходный период, в рамках которого возникают ранее неизвестные коллизии и риски, но одновременно формируются новые основания для сотрудничества центров силы, полицентричный мир рассматривается как перспектива. Важно отметить, что Россия в национальных и международных официальных документах постепенно уходит от термина «многополярность», заменяя его концептом «полицентричность». Эта же тенденция характерна и для научной составляющей российского международно-политического дискурса. В фундаментальной монографии «Россия в полицентричном мире», изданной под редакцией А.А.Дынкина и Н.И. Иванова, указывается, что понятие «многополярность» некорректно,

[3] National Security Strategy // The White House, 2015. February. https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf

[4] *Богатуров А.Д., Фененко А.В.* Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. № 11. http://mgimo.ru/files/73144/bced5e078c6344ffdc589685a4edb1ff.pdf

так как сама по себе полярность предполагает исключительно противостояние полюсов и собственно их бинарную оппозицию[5].

Выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2015 г. В.В. Путин заявил, что современный мир скорее следует считать бесполярным, так как власть в нем чрезвычайно рассеяна. Данный тезис предполагает ссылку на концепцию Р.Хааса, согласно которой основной чертой XXI столетии станет бесполярность, то есть мирополитическая ситуация, при которой оказывать различное, но существенное влияние на положение дел в мире будут десятки акторов[6]. Таким образом, оказывается, что формирование новой полицентричности в российской интерпретации вполне может быть сопряжено с ситуацией бесполярного мира.

Для американского международно-политического дискурса использование концепта «полицентричный мир», не характерно. Это понятие не встречается ни в американской Стратегии национальной безопасности 2015 г., ни в Послании Б. Обамы Конгрессу США 2016 г.[7] Формирующийся мир определяется Соединенными Штатами как мир изменений, связанный с усилением «восходящих держав», создающий угрозы США и их союзникам. Новый мир, с американской точки зрения, – это, в первую очередь, мир турбулентности и конфликтов. Соединенные Штаты делают акцент не столько на формирующейся полицентричности мира, сколько на своей особой роли как мирового лидера в новых условиях[8].

Европейские исследователи в последние годы начали рассматривать Европейский союз как центр глобального влияния. Ими отмечалось, что центрами силы будущего мира станут не отдельные государства, но межгосударственные объединения и указывалось на то, что Евросоюз является наиболее успешным примером регионализма. Сегодня, когда происходит обострение международной напряженности, европейскими аналитиками признается, что ЕС плохо подготовлен к тому, чтобы эффективно справляться с турбулентностью. Об этом, в частности, говорит неспособность Евросоюза решить внутренние социально-экономические проблемы, а также урегулировать конфликты на своих границах. При этом европейские эксперты стремятся позиционировать будущее полицентричного мира через призму взаимодействия крупнейших мировых экономик. Например, в прогностическом докладе межинституциональной

---

[5] Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. 580 с.

[6] *Хаас Р.* Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 34-47.

[7] Remarks of President Barack Obama – State of the Union Address As Delivered. https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-union-address

[8] Choices for America in a turbulent world // RAND Corporation, 2015. http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1114/RAND_RR1114.pdf

группы Европейского Союза European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS) «Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead?» в «большую тройку» ведущих экономик будущего мира включены США, Евросоюз и Китай[9].

Современное мировое политическое пространство осмысливается многими ведущими российскими и зарубежными политологами как пространство глобальной геополитической, геоэкономической, а также информационной конкуренции между ведущими международно-политическими акторами, приобретающей все более острую форму. Наиболее конфликтной формой проявления этой конкуренции сегодня выступают так называемые «гибридные войны».

Вокруг понятия «гибридная война» в современной международно-политической науке протекают весьма оживленные споры. Одни исследователи считают, что в рамках данного концепта нашел свое определение качественно новый феномен мировой политики. Другие полагают, что гибридный характер в той или иной степени был присущ войнам на протяжении всей истории международно-политических конфликтов. Согласно исследованиям американских военных теоретиков, «гибридная война» – современная версия войны как вооруженной борьбы. Комбинированный характер «гибридных войн» обусловлен тем, что классическое военное насилие в них сочетается с иррегулярными формами противостояния, в частности, террористической деятельностью, кибернетическими атаками, экономическими и дипломатическими санкциями, информационными диверсиями, другими составляющими деструктивного воздействия. Возможность противостояния в современных конфликтах в физическом, информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном пространствах также способствовала появлению термина, адекватно отражающего пространственную многомерность современной войны[10].

Гибридизации современной войны способствует ряд объективных факторов, к числу которых относятся международно-правовой запрет на ведение агрессивных войн, наличие ядерного оружия у великих держав, размывание государственного суверенитета, расширение нелегального рынка оружия, рост числа экстремистских террористических организаций, а также кризис традиционной модели мирового лидерства и присущих ей форм мирорегулирования[11].

---

[9] Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead? // European Strategy and Policy Analysis System. 2015. http://europa.eu/espas/pdf/espas-report-2015.pdf

[10] «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2015. 384 с.

[11] *Костин А.И.* Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: Сравнительно-политологический метод // Политическая наука. 2015. № 4. С. 40-59.

«Гибридные войны», как правило, ведет своеобразный симбиотический субъект. Наряду с негосударственными участниками, он включает в себя государства, действующие либо напрямую (посредством давления), либо в качестве открытых или тайных спонсоров[12]. Негосударственными участниками и проводниками «гибридных войн» могут быть средства массовой информации, террористические организации, вооруженные экстремистские группировки, радикальная политическая оппозиция, повстанческие военизированные структуры. В «гибридной войне» могут быть задействованы финансово-экономические организации, участвующие в политике экономических санкций, специальные службы, олигархические группы, националистические и псевдорелигиозные структуры. Формирование сложной конфигурации акторов и участников «гибридной войны» позволяет рассматривать данный феномен как непрямую и необъявленную войну без явного субъекта (единого центра контроля). Ведение «гибридной войны» позволяет государствам избегать ответственности, так как данная форма противостояния осуществляется вне существующих норм и правил, выработанных государствами и для государств. Объединение этих составляющих позволяет эффективно подрывать стабильность внутри того или иного государства, противостоять попыткам данного государства проводить самостоятельный внешнеполитический курс. В некоторых случаях «гибридные войны» могут провоцировать вооруженные конфликты внутри государств, в их пограничных зонах, либо создавать предпосылки для их развязывания в будущем.

В «гибридных войнах» происходит сопряжение международного и внутригосударственного давления на политическое руководство государств, сопровождающееся разрушением единого гуманитарного пространства стран за счет мобилизации деструктивного потенциала субнациональных идентичностей. Актуализация стратегий «гибридных войн» создает существенный риск для подрыва суверенитета государств.

Представляется возможным выделить два наиболее важных аспекта этого риска. Во-первых, формирование сложной конфигурации участников «гибридных войн» создает значительные сложности для выработки эффективных контрстратегий. Как результат, государство, стремящееся обеспечить свой суверенитет, вынуждено увеличивать и дифференцировать расходы на национальную оборону и безопасность в различных ее сегментах в условиях неопределенности вероятного главного удара. Во-вторых, «гибридная война», будучи стратегией, нацеленной на ослабление потенциала международно-политического влияния контрагента, его воли

[12] *Deep A.* Hybrid War: Old Concept, New Techniques // Journal Article, 02.03.2015. smallwarsjournal.com/printpdf/22276

осуществлять политическую власть на собственной территории, существенно повышает требования к качеству внутренней политики. Социально-экономический спад в сочетании с расколом национальной элиты и дезорганизацией ключевых государственных институтов способен создать ситуацию невозможности эффективного использования конвенциональной силы для урегулирования обострившихся противоречий и обеспечения политической стабильности в самом государстве и на его границах.

В настоящее время геополитическая и геоэкономическая значимость ключевых регионов мира, в первую очередь Евразии и Северной Африки, способствует их превращению в пространство, где мирополитическая конфронтационность все чаще достигает уровня «гибридной войны». В этих условиях в современной мировой политике реализуются контрстратегии, противодействующие войнам нового типа[13].

Американские политики и военные обвиняют в ведении «гибридных войн» Россию, Китай, Иран, КНДР, радикальные исламистские организации, действующие на Ближнем Востоке и в Африке («Талибан», «Аль-Каида», «Исламское государство»), а также транснациональные преступные организации, подпитываемые мигрантами из слаборазвитых регионов, в частности, из Центральной Америки[14]. Американскими военными теоретиками формулируется идея о необходимости реализации глобальной стратегии сдерживания акторов, ведущих «гибридные войны».

«Фабрики мысли» Европейского союза сегодня активно анализируют феномен «гибридных угроз». В обвинениях в отношении России и других незападных государств в ведении «гибридных войн» эксперты и политики Евросоюза более осторожны. Встречаются публикации, в которых указывается на то, что «гибридная» тактика в истории применялась в том числе и самими Соединенными Штатами. В частности, это относится к периоду противостояния Советскому Союзу в Афганистане в 1980-е годы[15]. На официальном уровне политики ЕС не склонны обвинять Россию в «гибридной войне», однако на уровне ведущих средств массовой информации крупнейших европейских стран, в частности, Германии, такого рода обвинения регулярно имеют место[16].

---

[13] *Чихарев И.А., Столетов О.В.* К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 26-43.

[14]Win in a Complex World 2020-2040, 31.10.2014. https://info.publicintelligence.net/USArmy-WinComplexWorld.pdf

[15] *Popescu N.* Hybrid tactics: neither new nor only Russian. 2015. http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_4_hybrid_warfare.pdf

[16] The Hybrid War: Russia's Propaganda Campaign Against Germany // Spiegel Online International, 05.02.2016. http://www.spiegel.de/international/europe/putin-wages-hybrid-war-on-germany-and-west-a-1075483.html

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г., говорится о том, что США и их союзники стремятся сохранить свое доминирование в мировых делах и потому противодействуют проведению Россией самостоятельной внутренней и внешней политики. В документе утверждается, что проводимая Соединенными Штатами политика сдерживания предусматривает оказание политического, экономического, военного и информационного давления на Россию[17]. Указанный тезис объясняется рядом обстоятельств, в которых оказалась современная Россия. В первую очередь, существенное снижение безопасности России произошло в результате политического кризиса на Украине и наступивших за ним последствий. Неурегулированность внутриполитической ситуации на Украине на фоне обострения конфликтности в российско-украинских отношениях послужила поводом для усиления политического и экономического давления США и их союзников на Россию, активизации военной деятельности блока НАТО вблизи российских границ. Фактически продолжающиеся, хотя и с меньшей интенсивностью, боевые действия на территории Донбасса создают условия для дестабилизации ситуации на российско-украинской границе. В целях недопущения полномасштабной эскалации данного конфликта Россия выступает в поддержку минского переговорного процесса.

Происходящее параллельно перманентное возрастание угроз со стороны радикальных исламистских группировок, в первую очередь, «Исламского государства», «Джибхат ан-Нусра» и «Аль-Каиды», распространяющих свое влияние не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Евразии, а также в Северной Африке, подтолкнуло Россию в сентябре 2015 г. к началу антитеррористической операции в Сирии. Благодаря усилиям российской дипломатии России и США удалось достичь соглашения о перемирии в этой стране, предусматривающего введение режима прекращения огня с 27 февраля 2016 г. Данное соглашение было поддержано резолюцией Совета Безопасности ООН[18].

Политическая конкуренция международных акторов, все чаще реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики и оказывает существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность. Актуализация этих стратегий объективно способствует росту прагматизма в мировой политике, при этом существенно повышает международно-политические риски. В этих условиях объективно возрастает потребность в формировании нового

[17] Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 №683. http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html

[18]Security Council Endorses Syria Cessation of Hostilities Accord, Unanimously Adopting Resolution 2268. http://www.un.org/press/en/2016/sc12261.doc.htm

качества глобального лидерства, способного вырабатывать коллективные подходы и реализовывать мероприятия, дающие своевременные и эффективные ответы на наиболее значительные опасности и угрозы.

Иван Викторович СУРМА,
Профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, Дипломатическая академия МИД РФ, к.э.н.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ ЗА РЕАЛЬНОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ КИБЕРДЖИХАДА

Аннотация: В статье показано, что, ИГИЛ (запрещенная в России организация), используя исламизм, международный экстремизм и терроризм в качестве политических инструментов, в современных геополитических условиях фактически стало одним из проявлений глобализации и уже затрагивает интересы всех стран и народов, диссбалансирует как внутреннюю политику в отдельных странах, так и внешнюю международную обстановку и активно вовлекается в геополитическое противоборство. Автор рассматривает эволюцию и особенности киберджихада.

Ключевые слова: Кибертерроризм, социальные сети, интернет-пространство, киберджихад, ИГИЛ, троллинг, кибервойны, геополитика.

SURMA Ivan V.
Professor, Ph.D.,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

VIRTUAL WARS FOR REAL GEOPOLITICAL SPACE: THE EVOLUTION OF CYBER-JIHAD

Annotation: The article shows that, ISIS (the organization banned in Russia), using Islamism, international extremism and terrorism as political tools, in fact has become one of the manifestations of globalization in modern geopolitical conditions and already affects the interests of all countries and peoples, disbalances both domestic policy in individual countries, and the external international situation and is actively involved in geopolitical confrontation. The author considers evolution and features of cyber-jihad.

Keywords: Cyber-terrorism, social networks, Internet space, cyber-jihad, ISIS, trolling, cyberwars, geopolitics.

Британский журнал The Economist описывает киберпространство как «пятую область войны, после земли, моря, воздуха и космоса»[1]. Традиционно под «кибервойной» понимается *информационное противостояние в киберпространстве, в том числе компьютерное противостояние в Интернете, одна из разновидностей информационной войны*. Однако в последние годы в СМИ и экспертном сообществе все чаще говорится о Киберджихаде. Впервые термин «Киберджихад» появился в начале 2000-х годов, в ходе палестино-израильского противостояния, когда Израиль был вынужден отражать одну за другой атаки палестинских хакеров на сайты государственных и коммерческих организаций[2]. Под термином «киберджихад» тогда понимали несанкционированное проникновение исламистских хакеров в электронные системы «противника» с злонамеренной целью нанести этим системам ущерб и нарушить управляемость. В данной статье понятие «киберджихад» будет использоваться в расширенном смысле, как любое проявление активности джихадистов в Интернете, поскольку все виды этой активности направлены на достижение конечной цели – установления всемирного халифата.

Понятие военного джихада (вооруженной борьбы за распространение ислама) стало основным значением слова для немусульман и получило название «священная война». По мнению историка ислама Даниэля Пайпса «целью джихада является не столько распространение исламской веры, сколько расширение сферы влияния суверенной мусульманской власти. Таким образом, джихад по своей натуре беззастенчиво агрессивен, а его конечная цель состоит в том, чтобы добиться господства мусульман над всем миром». Он же указывает, что всегда джихад проявлялся в виде территориальной экспансии»[3].

Как считает исполнительный директор Института международной политики по борьбе с терроризмом доктор Боаз Ганор, радикальные исламисты делят мир на две части «мир войны» и «мир ислама». Их целью является всемирная террористическая война против тех, кто не исповедует их ценности – глобальный джихад[4].

Предельным воплощением идеи глобального джихада в современном мире стало «Исламское государство Ирака и Сирии/Леванта» (ИГИЛ), запрещенная в России организация, которое, по сути, является военизированным религиозным сетевым квазигосударством и имеет все признаки устойчивой государственности: постоянно контролируемые земли

---

[1] «Cyberwar: War in the Fifth Domain» Economist, Июль 1, 2010// http://www.economist.com/node/16481504?story_id=16481504&source=features_box1

[2] Борисов С., Израиль и электронный джихад // http://www.pravda.ru/world/02-08-2001/803616-0/

[3] Пайпс Даниэль, Что такое джихад? // http://ru.danielpipes.org/2832/chto-takoe-dzhihad // Daniel Pipes, What is Jihad? // http://www.danielpipes.org/990/what-is-jihad

[4] *Ганор Б.* Угроза глобального джихада и международных криминальных сетей // Глобальный терроризм и международная преступность // Материалы 4-го Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Герцлия: Институт международной политики по борьбе с терроризмом, 2008. С. 53.

и население, механизмы управления и принуждения, армию, устойчивую политическую систему, в основе которой стоит исламский экстремизм и террористическая деятельность. Помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ или подконтрольные ему группировки также участвуют в боевых действиях в Ливане, Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, ведут террористическую деятельность в других странах. Общая площадь контролируемой ИГИЛ территории по состоянию на 2014 г. оценивалась в 40-90 тыс. км², а численность проживающего на ней населения, преимущественно состоящего из суннитов, – в 8 млн человек[5].

В статье ставитсязадача проанализировать, чем объясняется такая впечатляющая экспансия ИГИЛ, ее сила и успехи в распространении собственной идеологии не только в мусульманских, но и в европейских странах и в России.

Успех ИГИЛ стоит на «трех китах» – глобализации, радикальном исламе и Интернете, причем эти факторы только в своем единстве смогли произвести такой разрушительный эффект. В условиях глобализации, вдохновляемые исламским фундаментализмом и используя современные телекоммуникационные технологии, воины нового джихада смогли одержать такие впечатляющие победы над мировой цивилизацией.

Глобализация разрушает национальный суверенитет государств, в результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для группы государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов. В политике глобализация заключается в ослаблении национальных государств и способствует изменению и сокращению их суверенитета. Наблюдается процесс трансформации национальных государств в постсовременные. С одной стороны, это происходит из-за того, что современные государства делегируют всё больше полномочий влиятельным международным организациям, таким как Организация Объединённых Наций, Всемирная торговая организация, Европейский союз, НАТО, МВФ и Мировой Банк. С другой стороны, за счёт сокращения государственного вмешательства в экономику и снижения налогов увеличивается политическое влияние предпринимателей (особенно акционеров и владельцев крупных транснациональных корпораций). Из-за более лёгкой миграции людей и свободного перемещения капиталов за границу также уменьшается власть государств по отношению к своим гражданам. Мир становится и более открытым, и более уязвимым.

Также обращается внимание на то, что глобализация, характеризующаяся либерализацией торговых потоков и потоков капитала, усиливает международную конкуренцию. Чтобы выиграть конкурентную

[5] Тарасов Станислав. Ближний Восток: диагностика будущего года // Regnum. 27.12.2014.

борьбу, представители бизнеса начинают требовать от своих государств упрощения трудового законодательства, утверждая, что слишком жесткое трудовое законодательство не отвечает требованиям глобализации, для которой нужен гибкий рынок труда. Это приводит к «гонке на дно», то есть к тому, что права трудящихся в развитых странах становятся менее защищенными. В развитых странах наблюдается тенденция превращения ранее гарантированных трудовых отношений в негарантированные и незащищенные, что включает такие виды занятости как подрядная работа, трудовой контракт на ограниченный срок, занятость на неполное рабочее время при малых или вообще отсутствующих социальных гарантиях, мнимо самостоятельный труд, работа по вызову и т. д. Все это вызывает социальную фрустрацию в когда-то благополучных странах Запада, и провоцирует некоторые слои населения (в основном, молодежь) на поиск иной социальной и личностной реализации, которую они находят, в том числе, в рядах бойцов ИГИЛ.

По данным американских спецслужб, опубликованным в октябре 2014 г., каждый месяц к организации присоединялось не менее 1000 иностранных добровольцев, помимо мобилизации населения в Ираке и Сирии, а общее число иностранцев достигало не менее 16 тыс.[6] На стороне организации в Сирии и Ираке действуют добровольцы из 80 стран мира, в том числе Франции, США, Канады, Марокко, Германии, России.

Согласно оценкам аналитического центра Soufan Group, обнародованным в декабре 2015 г., в Ираке и Сирии на стороне группировки воюют наёмники из 86 стран численностью 27-31 тыс. человек, притом, что в июне 2014 г. ряды группировки насчитывали порядка 12 тыс. иностранных боевиков. Специалисты центра отмечают, что усилия по сдерживанию роста численности зарубежных сторонников группировки имеют лишь ограниченный успех. Кроме того, они утверждают, что «абсолютное большинство исламистов отправляются в Ирак и Сирию для непосредственного участия в боевых действия, а не для того, чтобы пройти подготовку, а затем вернуться на родину для совершения терактов», хотя приблизительно 2 700 экстремистов вернулись в свои страны[7].

ИГИЛ, используя исламизм, международный экстремизм и терроризм как политический инструмент, в современных геополитических условиях фактически стало одним из проявлений глобализации и уже затрагивает интересы всех стран и народов, дисбалансирует как внутреннюю политику

[6] Более тысячи иностранцев пополняют ряды ИГ в Сирии ежемесячно// http://vesti.az/news/224002 (дата обращения 12.04.2016).

[7] Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ//http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144 (дата обращения 21.04.2016).

в отдельных странах, так и внешнюю международную обстановку и активно вовлекается в геополитическое противоборство.

В настоящее время во всех существующих концепциях становления радикального ислама и его взглядов на политику, а также на общественное устройство и социальную справедливость, лежит идея таухида: идеализация раннего мусульманского общества и объяснение несправедливости современных обществ отходом от идеалов раннего ислама; подчеркивание необходимости возвращения к истокам для построения справедливого общества в современных условиях; указание на джихад (в основном джихад слова, но допускалось и обращение к джихаду меча) как на способ построения справедливого государства.

Подробный анализ представлений, содержащихся в работах как суннитских, так и шиитских религиозных мыслителей XX в. позволил конкретизировать мысль о том, что характерной чертой исламского фундаментализма новейшего времени является переориентация с проблем религиозной этики на социально-политические проблемы[8]. Фактически, после краха мировой социалистической системы и утраты коммунистической идеей своей привлекательности, исламский фундаментализм стал, чуть ли не единственной глобальной идеологией, которая ставили коллективные интересы выше личного благополучия. Преследуя свои специфические цели построения всемирного халифата, эта идеология, предлагала борьбу за социальную справедливость, утверждала ценность самопожертвования ради достижения идеала, приветствовала бескорыстное стремление к истине и поощряла готовность сражаться с оружием в руках за эти принципы. Это вызвало мощный пассионарный всплеск, согласно теории пассионарности Л.Н. Гумилева, а так же теории асабии арабского философа и историка XIV в. Ибн Халдуна, что в данном случае особенно интересно, так как строилась эта теория на материале исламского общества.

На теорию политических циклов Ибн Халдуна до сих пор опираются многие современные исследователи общественных процессов[9]. Эта теория была разработана для условий Магриба, где жили «люди Пустыни» и «люди Города»: для «людей Пустыни» характерны малые политические образования (род, племя), «люди Города» организованы в государства и империи. Теория основана на том, что человек не может жить вне группы. Следующий постулат заключается в том, что различные группы имеют различные способности для совместных действий. Здесь Ибн Халдун вводит ключевое понятие свое теории – асабия, т.е. характеристика общества, связанная со способностью группы самоорганизовываться, жертвовать индивидуальными преимуществами ради общего блага. Асабия

[8] http://constitutions.ru/?p=6148&page=2 (дата обращения 21.04.2016).
[9] В частности П. В. Турчин использовал теорию асабии в своих работах по Клиодинамике.

«дает способность защищать себя, оказывать сопротивление и предъявлять свои требования». Сильная асабия дает группе преимущество над другими группами. У людей Пустыни в силу естественных причин (борьба за выживание) асабия выше, чем у людей Города[10]. Жизнь «людей Пустыни» с ее постоянной борьбой за выживание и, следовательно, потребностью в сотрудничестве создает условия для роста асабии. «Городское» общество контролирует множество людей и, в том числе, рабочую силу, производящую помимо продукта, необходимого для выживания общества, еще и предметы роскоши. Рост тяги к роскоши разрушает асабию и делает «людей Города» уязвимыми. Племена «Пустыни» с высокой асабией побеждают цивилизованных «горожан» с низкой асабией.

Вся эта теория удивительным образом накладывается на процессы, происходящие сейчас в глобальном социуме при его столкновении с носителями идей исламского фундаментализма, ведущими «джихад» за мировое господство. В этой связи актуальной становится проблема идентичности в современном мире. Стоит согласиться с М.А.Кукарцевой, которая утверждает, что сегодня «ведётся дискуссия о проблеме фундаментального критерия персональной идентичности: психологическая или физическая преемственность в конституции человека, транслируемая сквозь века»[11].

«Племена Пустыни» – это те же многочисленные ячейки различных исламистских террористических группировок, начиная от структур Талибана и Аль-Каиды и кончая многочисленными «армиями», входящими в «Исламское государство». В организационном плане они представляют собой горизонтальные сетевые структуры, в отличие от цивилизации «людей города», которые существуют в рамках несетевых, жёстких вертикальных структур с чётким управлением, которые раньше были единственным инструментом, позволяющим координировать и быстро управлять ресурсами, необходимыми для решения масштабных государственных задач.

Ключевое отличие сегодняшней ситуации заключается в том, что благодаря цифровым технологиям сетевые структуры впервые «способны в одно и то же время быть гибкими и адаптивными благодаря своей способности децентрализованных действий сети автономных ячеек, и при этом оставаться способными координировать всю эту децентрализованную активность в соответствии с общей целью принимаемых решений». Как показала практика, сетевое общество – это гиперсоциальное общество, а не общество изоляции. Наоборот, благодаря интернет-коммуникациям, возросла социальная активность, а активные интернет-пользователи также

[10] Бухарин С.Н., Малков С.Ю., Эволюция элиты. М.: Академический проект; Гаудеамус. 2014. 284 с.
[11] Кукарцева М.А. Идентичность. Энциклопедия эпистемологии и философии науки, М.: «Канон+», 2009, с.265-266.

являются и социально активными в реальной жизни, Интернет только помогает им ещё больше общаться в «реале». Однако в отличие от коллективизма иерархических режимов прошлого, нынешняя «гиперсоциальность» – это, в терминологии М. Кастельса, «сетевой индивидуализм». То есть система, когда частный индивид сам выбирает, к какой именно сетевой структуре, насколько и в какой форме он готов присоединиться. Сегодня сетевые структуры противостоят классическому суверенному национальному государству (соответственно – и правоохранительным органам) с двух направлений – как «снизу» в виде различных формальных и неформальных сообществ и неправительственных организаций, так и «сверху» – в виде «надгосударственных» сетевых структур[12].

В исследовании Марка Сейджмана «Сетевые структуры терроризма»[13] даются исчерпывающие характеристики фундаменталистских сетевых групп. Автор на основе анализа судебных процессов над исламистами в различных странах (США, Франция, ФРГ, Египет, Индонезия, Марокко, Канада), на основе информации в СМИ (Информационная служба иностранного вещания Великобритании, Франции, ФРГ, Испании, Турции, Нидерландов и арабских стран) и на основе подтвержденных данных из Интернета, сделал выводы о количественном и качественном составе участников салфитских экстремистских организаций и о динамике и характере их видоизменений.

Мировой салафитский сетевой джихад является «диаспорным феноменом». Эти диаспоры сформированы из мусульман-иммигрантов второго или даже третьего поколения и из беженцев последних лет, прибывших в Европу в основном из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Значительная часть беженцев (арабы мусульмане), включившихся в «сетевой джихад», происходит из религиозных благополучных семей среднего класса. Они имеют хорошее образование, владеют 3-4 языками и хорошими навыками пользования компьютером. Они скучают по дому, одиноки, изолированы от окружающего общества, поэтому они в поисках друзей, а не с религиозной целью, посещают мечети и другие места скопления мусульман.

Представители второго и третьего поколения иммигрантов, примкнувшие к экстремистам, это дети иммигрантов, переселившихся в западные страны по экономическим соображениям. Эти молодые

[12] Структуры национального государства на разных уровнях все чаще включены в различные горизонтальные сетевые сообщества – начиная от региональных объединений типа ЕС, G-8, большей или меньшей интеграции в разнообразные другие международные структуры и заканчивая процессами децентрализации в форме отдания все большей самостоятельности региональным и муниципальным властям.

[13] Understanding Terror Networks by Marc Sageman, 1 January 2008 // https://www.dialup4less.com/~gerald.atkinson/Terrorist%20Networks.pdf (дата обращения 23.04.2016).

мусульмане чувствуют свою изоляцию от европейского общества вплоть до дискриминации, очень часто имеют проблемы с законом (небольшие правонарушения, связанные с кражами или с наркотиками). Они объединяются в группы друзей, выросших вместе, и принимают религию, чтобы уйти от проблем. Их личный опыт очень часто находит себе подтверждение в фундаменталистской идеологии, где распространена идея самопожертвования на благо товарища и целей салафизма.

Но кроме «диаспорного» джихада в последние годы все большее распространение получает так называемая «белая армия джихада[14]».

Далее Марк Сейджман рассматривает признаки, по которым можно идентифицировать принадлежность человека к джихадистской сети, способы распространения салафитских взглядов и факторы роста сети.

Среди признаков принадлежности (помимо внешнего вида, прозелетизма, изменения привычного поведения) автор указывает на такой момент, как «много времени проводят в Интернете», проявляя специфический интерес к информации о террористической деятельности (скачивание информации). Говоря об экспансии фундаменталистской идеологии, Марк Сейджман подчеркивает роль Интернета, который является благоприятной средой для распространения новых интерпретаций ислама и с помощью которого салафитские сообщения обходят традиционных имамов. Распространяется селективная аудио версия ислама. Влияние Интернета в среде джихадистов обусловлено следующими факторами:

- вебсайты являются как бы виртуальными мечетями;

- виртуальные сетевые группы возникают по всему миру в хаотичном порядке и могут действовать изолированно;

- Интернет-технологии привлекают в виртуальные исламистские сети молодежь, а так же тех, кто интересуется вэб-программированием;

- Интернет не накладывает гендерных ограничений: женщины, ранее являвшиеся невидимой инфраструктурой джихада, теперь могут полноценно участвовать в виртуальных исламистских группах.

Интернет является оптимальным сетевым инструментом для джихадистов так как:

[14] В ноябре 2005 г. на одном из экстремистских сайтов было помещено обращение организации, называющей себя "Всемирный исламский медиа-фронт". В нем объявлялось о создании новой, "белой" армии джихада. "Новые солдаты "Аль-Каиды" рождены в Европе от европейских и христианских родителей. Они употребляют алкоголь и едят свинину, но "Аль-Каида" принимает их, поскольку они приняли ислам тайно, восприняли философию "Аль-Каиды" и готовы использовать оружие. Они ходят по улицам Европы и Америки, занимаясь подготовкой к новым атакам". С тех пор "новых мусульман", вставших на путь террора, арестовывали в США, Великобритании, Франции, Нидерландах, Германии, Австралии, Бельгии, Испании, Швейцарии и Индии. А на Филиппинах новообращенные составляют костяк террористической группы "Группа Раджи Сулеймана". URL: http://www.utro.ru/articles/2006/09/13/583076.shtml (дата обращения 21.04.2016).

- дает возможность анонимного размещения информации и получения инструкций;

- формирует мировую виртуальную площадку для распространителей целей, стратегии, тактики и в целом идеологии и привлечении потребителей этой идеологии (доморощенных добровольцев);

- допускает бесконфликтное сосуществование многочисленных соперничающих джихадистских вебсайтов, что снижает внутреннюю деградацию исламистов; потребители сами выбирают предпочитаемые вебсайты и соцсети;

- для киберджихада нет необходимости в реальных руководителях или в боевой подготовке в военном лагере, он обходится виртуальным командованием и виртуальным контролем над киберджихадом, быстро эволюционируя в сторону «Джихада без руководителей», что является переворотом пирамидной структуры руководства, когда террористическую деятельность контролируют не «руководители», а участники сети.

Если подвести некоторый суммирующий итог, то можно сделать вывод, выделив восемь различных, хотя и иногда частично совпадающих, способов использования сети Интернет джихадистами. Это – психологическая война; реклама и пропаганда; сбор данных; сбор средств; вербовка и мобилизация; создание сетей; распределение информации; планирование и координация.

Попробуем проследить, как развивалось «проникновение» джихадистов в мировую компьютерную сеть. Очевидно, что формы, методы и масштабы этого проникновения менялись одновременно с изменениями самой мировой сети. Первые проявления киберджихада были отмечены еще во время советской кампании в Афганистане в 70-х-80-х годах прошлого века. Тогда в сети появились первые домашние страницы и личные сайты, пропагандирующие идеи фундаментализма в исламе.

Следующий этап развития сетевого джихада был связан с первой и второй Чеченскими войнами в Российской Федерации. Тогда началась настоящая информационная война, был создан специализированный ресурс – сайт «Кавказ центр» (главный сервер сайта находится в Калифорнии), направленный на пропаганду борьбы за "независимость Ичкерии", обличение российской агрессии, на психологическую обработку населения путем демонстрации кровавых видео убийств и терактов. Имелся еще целый ряд Интернет-ресурсов, созданных исключительно с пропагандистскими целями, например, «Чеченская Республика онлайн» и «Правительство Чеченской Республики в изгнании» были рассчитаны на формирование положительного имиджа Ичкерии в глазах мирового сообщества. Тогда же были зафиксированы случаи вербовки боевиков в Интернете (на сайте «Чеченский джихад» активно вербовались боевики для ведения боевых действий не только в Чечне, но также в Афганистане и Индонезии, помимо

этого публиковались «инструкции по подготовке к джихаду у себя на родине») и организации кибератак (чеченский сайт, озаглавленный «Элитные силы мусульманских хакеров» со стартовой надписью «Киберджихад, вход только для мусульман»).

В конце 2001 г. террористическая группа полевого командира Хаттаба пыталась взломать компьютерные сети крупнейших европейских банков. Сам факт компьютерной атаки, план которой, судя по всему, разрабатывали высококлассные программисты, говорил о том, что террористы не ограничиваются военными действиями, а уже вовсю переходят к использованию высоких технологий[15].

По заявлению 1-го заместителя начальника Генштаба Вооруженных сил РФ генерал-полковника Валерия Манилова, сделанного им 26 января 2000 г., в Интернете тогда существовало уже более ста незаконных сайтов, «выступающих на стороне бандитских формирований так называемой Чеченской Республики Ичкерия»[16].

Начавшаяся в 2001 г. военная кампания США в Афганистане сопровождалась массированной информационной атакой американских пропагандистов. Их мишенью стали телевидение, печатные издания и средства массовой информации в Интернете. Но, как и на любой войне, в информационных сражениях есть две противоборствующие стороны. И если традиционные СМИ (ТВ, радио и печать) в большинстве своем выступали на стороне американцев, то Интернет, где практически не действовало никакое законодательство, превратилось в настоящее поле боя.

Помимо уже освоенных методов пропаганды и психологической войны, созданный в 2003 г. «Всемирный исламский медиафронт» только за первые три года своего существования разместил в Интернете около 500 инструкций по созданию взрывчатых веществ с рекомендациями о том, как необходимо устраивать засады, и т.д.

Быстро совершенствовались методы кибератак исламистов и росла их интенсивность. Такие группировки как «Ансар аль-Джихад ли-ль-Джихад аль-Иликтруни», «Муназамат Фурсан аль-джихад аль-Иликтруни», «Маджмуат аль-Джихад аль-Иликтруни», «Инхийар ад-Дулар», «Хакбой» и т.д стали с середины 2000-х годов специализироваться на электронном джихаде. Большинство этих организаций имело свои интернет-сайты, через которые они привлекали добровольцев для проведений электронных акций. Например, на сайте «Маджмуат аль-Джихад аль-Иликтруни» содержались рекомендации о механизме подготовки кибернападения: «загрузите программу, используемую для электронной атаки, затем подтвердите; в

[15] Электронные письма Хаттаба. Чеченские хакеры пытались ограбить европейские банки // http://www.compromat.ru/page_12248.htm (дата обращения 21.04.2016).

[16] В Интернете действуют сайты исламских террористов // http://www.compromat.ru/page_11209.htm (дата обращения 21.04.2016).

случае, если появится предупреждение о вирусе, не волнуйтесь, быстро нажмите программу для начала атаки, выйдите из программы, запустив ее один раз, не торопитесь добиться быстрых успехов; если у вас высокоскоростной Интернет, запустите программу несколько раз; нападение на сайты требует совместных усилий участников, отсутствие определенного времени проведения акции может окончиться неудачей, рассчитайте время, нападение должно проводиться как минимум два часа и т.д.»[17].

После уничтожения Усамы бен Ладена в 2011 г. «Аль-Каида» призвала к активизации не только автономных акций и действий террористов-одиночек, но и к активизации джихадистов в соцсетях. Со стороны террористов тогда начали предприниматься попытки вторгнуться в Facebooku в Twitter» и со временем эта активность только увеличивалась.

Несмотря на то, что еще «Аль-Каида» и «Талибан» активно использовали интернет-пространство до возникновения ИГИЛ, только эта группировка стала первой террористической организацией полностью поставившее виртуальное пространство себе на службу.

В отличие от Аль-Каиды, использующей интернет в основном как средство связи (почта, мессенджеры, закрытые форумы), ИГИЛ работает с Интернетом, как с глобальной коммуникационной средой. В этом уникальность ИГИЛ как образования, которое ведет войну сразу в нескольких измерениях – реальном и виртуальном, используя самые передовые технологии для насаждения самых диких и варварских идей на разных территориях. Все отмечают беспрецедентный уровень информационной работы штабов ИГИЛ. Они осваивают практически все возможные коммуникационные каналы, используют профессиональное оборудование для съемок и монтажа, а также осуществляют пост-продакшн своих материалов. Они выкладывают промо-ролики, интервью с командирами и главарями, эффектно поставленные казни, сцены из жизни «Халифата» многое другое.

Используя Интернет и социальные сети, они лишают свою пропаганду центра, ядра, образуя многомерные сети, которые весьма непросто закрыть или заблокировать[18].

Многие специалисты называют ИГИЛ первой террористической организацией всерьез занявшейся маркетингом и продвижением в Интернете. Еще ноябре 2006 г. ИГИЛ была создана специальная структура Al-Furqan Institute, которая занималась производством CD, DVD, плакатов, брошюр, веб-материалов. В 2013 г. к ней добавились еще две структуры: I'tisaam Media Foundation и Hayat Media Center. Последняя ориентирована на

[17] Ничетайло Д.А., Джихад в информационном пространстве (киберджихад)// http://www.iimes.ru/?p=5553 (дата обращения 21.04.2016).
[18] http://eurasianinfoleague.com/topic.php?id=32243 (дата обращения 21.04.2016).

западную аудиторию и производит материалы на английском, немецком, русском и французском языках. В июле 2014 г. ИГИЛ начало издавать на нескольких языках – включая английский – онлайновый журнал Dabiq. ИГИЛ обзавелась Интернет-магазином базирующийся в Индонезии. Там можно заказать себе модные футболки, худи, бейсболки и другую одежду и аксессуары с символикой «Исламского государства».

Поскольку доступа к классическим СМИ организация не имеет, то наибольшую медиаактивность она развивает в Интернете, точнее в социальных медиа, занимаясь там успешным СММ (продвижением в социальных сетях), пропагандой и рекламой.

Особенно ярко возможности ИГИЛ в Интернете проявились на фоне сирийского кризиса. Именно эта организация одной из первых создала административные структуры со штатом блогеров для ведения целенаправленной работы в Интернете, привлечения новых рекрутов и распространения идеологии терроризма. Более 80% соответствующих материалов, которые сегодня распространяются в Интернете, относятся к деятельности террористических групп, находящихся на территории Ирака и Сирии.

Как показывают результаты мониторинга СМИ и признаний пострадавших, опубликованные в прессе, в большинстве случаев пропаганда радикальных идей и вербовка происходит преимущественно в популярных социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Twitter, Youtube. Сегодня можно констатировать, что именно при помощи социальных сетей боевикам ИГИЛ удалось завербовать граждан практически из ста стран мира. Выходцы из бывших республик СССР составляют почти шестую часть иностранцев в террористической группировке – 4700 человек из 30 тыс. наемников.

Активное использование ИГИЛ киберпространства в Европе показало следующую картину:

- 84% – молодых людей пришли в ряды террористической организаций посредством сети Интернет;
- 47% – обратили внимание на материалы (видео, текст), размещенные онлайн;
- 41% – присягнули на верность ИГИЛ онлайн;
- 19% – пользовались онлайн-инструкциями при подготовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств и бомб)[19].

В апреле 2014 г. в Google Play появилось специальное приложение для устройств на платформе Android – The Dawn of Glad Tidings. Приложение позволяло всем сторонникам ИГИЛ следить за актуальными новостями джихада и автоматически расшаривать их в Twitter. В июне

[19] Королев А. Киберпространство и информационный терроризм // http://vpoanalytics.com/2016/02/15/kiberprostranstvo-i-informacionnyj-terrorizm/ (дата обращения 20.04.2016).

Google удалила приложение из магазина, однако, появление нового подобного приложения – лишь вопрос времени.

ИГИЛ активно внедряется в существующие социальные сети. Сначала это были Twitter, Facebook, YouTube, Instagram. За несколько лет ИГИЛ обзавелась там большим числом сторонников. С помощью социальных сетей решалось сразу несколько задач – презентация организации среди радикально настроенных мусульман, вербовка сторонников и бойцов, сбор средств, запугивание политических и военных противников. Десятки тысяч твитов, фотографии и видео расправ над противниками ИГИЛ, где перемешиваются реальные и постановочные фото, оказывали деморализующее действие на солдат иракской армии в ходе военных действий.

Крупные социальные сети только в этом году обратили пристальное внимание на деятельность ИГИЛ. Группы и аккаунты их сторонников стали закрывать, однако ИГИЛ довольно быстро и изобретательно отреагировала на это. Во-первых, она стала перемещать активность в новые социальные сети, популярные в странах, где живут их сторонники. Среди таких социальных сетей оказались «ВКонтакте» и «Одноклассники» – главные социальные сети в России и странах Средней Азии. Найти группы, в той или иной степени, поддерживающие ИГИЛ в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», не составляет труда, хотя администрация соцсетей занимается удалением подобных групп. Хотя пресс-секретарь «Вконтакте» Георгий Лобушкин заявлял, что «ВКонтакте» блокирует все известные сообщества ИГИЛ, призывающие к террористической деятельности.

Другим ответом на попытку ограничить активность ИГИЛ в сети стал поиск альтернативных технологии, таких как мессенджер FireChat и социальная сеть Diaspora:

- FireChat – это мессенджер который дает возможность общения без доступа к интернету.

- Diaspora – распределённая децентрализованная социальная сеть, созданная по принципу P2P. Децентрализованная структура сети означает, что она не находится исключительно в одном месте и не контролируется только одной организацией. Любой желающий может использовать движок Diaspora, чтобы открыть свой «сервер» и объединить его с остальной частью социальной сети[20].

Использование Интернета вообще и социальных сетей в частности террористическими и экстремистскими организациями выходит на новый уровень и приобретает системный характер. Социальные сети и сервисы микроблогов, предоставляющие возможность свободно размещать информацию, становятся одним из наиболее эффективных средств влияния

[20] Бевза Д. Интернет вместо пулемета // http://www.gazeta.ru/tech/2014/09/15_a_6214677.shtml (дата обращения 22.04.2016).

на массы людей при планировании и непосредственном осуществлении террористических и экстремистских актов[21][22].

Литература:

1. «Cyberwar: War in the Fifth Domain» Economist, July 1, 2010 // http://www.economist.com/node/16481504?story_id=16481504&source=features_box1
2. Борисов С., Израиль и электронный джихад // http://www.pravda.ru/world/02-08-2001/803616-0/
3. Бевза Д., Интернет вместо пулемета // http://www.gazeta.ru/tech/2014/09/15_a_6214677.shtml (дата обращения 22.04.2016).
4. Черемных Константин, Восканян Маринэ. Анонимная война // http://izborsk-club.ru/content/articles/1468/ (дата обращения 21.04.2016).
5. Сети и терроризм. Аналитический доклад SarTRACCC/ http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/sundiev%2825-07-13%29.htm (дата обращения 22.04.2016).
6. Пайпс Даниэль, Что такое джихад? // http://ru.danielpipes.org/2832/chto-takoe-dzhihad // Daniel Pipes, What is Jihad? // http://www.danielpipes.org/990/what-is-jihad
7. *Ганор Б.* Угроза глобального джихада и международных криминальных сетей // Глобальный терроризм и международная преступность: Материалы 4-го Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Герцлия: Институт международной политики по борьбе с терроризмом, 2008.
8. Тарасов Станислав. Ближний Восток: диагностика будущего года. // Regnum, 27.12.2014.
9. Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ//http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144 (дата обращения 21.04.2016).
10. Политический ислам. Эволюция и основные концепции идеологов/ Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: http://constitutions.ru/?p=6148&page=2 (дата обращения 21.04.2016).
11. Бухарин С.Н., Малков С.Ю., Эволюция элиты. М.: Академический проект; Гаудеамус. 2014. 284 с.
12. Understanding Terror Networks by Marc Sageman, 1 January 2008 // https://www.dialup4less.com/~gerald.atkinson/Terrorist%20Networks.pdf (дата обращения 23.04.2016).

[21] Черемных Константин, Восканян Маринэ. Анонимная война // http://izborsk-club.ru/content/articles/1468/ (дата обращения 21.04.2016).

[22] http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/sundiev%2825-07-13%29.htm (дата обращения 22.04.2016).

13. Новые смертники затерялись в европейской толпе/ http://www.utro.ru/articles/2006/09/13/583076.shtml (дата обращения 21.04.2016).
14. Электронные письма Хаттаба. Чеченские хакеры пытались ограбить европейские банки // http://www.compromat.ru/page_12248.htm (дата обращения 21.04.2016).
15. В Интернете действуют сайты исламских террористов // http://www.compromat.ru/page_11209.htm (дата обращения 21.04.2016)
16. Ничетайло Д.А., Джихад в информационном пространстве (киберджихад)// http://www.iimes.ru/?p=5553 (дата обращения 21.04.2016).
17. Web джихад ДАИШ. URL: http://eurasianinfoleague.com/topic.php?id=32243 (дата обращения 21.04.2016).
18. Королев А., Киберпространство и информационный терроризм// http://vpoanalytics.com/2016/02/15/kiberprostranstvo-i-informacionnyj-terrorizm/ (дата обращения 20.04.2016)
19. Кукарцева М.А. Идентичность. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон +», с. 265-266.

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ,
Научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

ФРАНЦИЯ В МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКАХ ЕВРОПЫ В 2012-2015 ГОДАХ

Аннотация: В статье анализируется роль Франции в миграционных потоках беженцев в ЕС. Рассматривая маршруты мигрантов, автор показывает, что беженцы используют Францию, но лишь как транзитную страну, а не как место для проживания. Рассмотрены причины такого восприятия Франции и восприятие миграционного вопроса французами.

Ключевые слова: Франция, миграционный кризис, ЕС, беженцы

TIMOFEYEV Pavel,
PhD in Political science, research fellow in the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO)

FRANCE IN THE MIGRATION STREAMS IN EUROPE IN 2012-2015

Abstract: The article studies France's role in migration streams of refugees towards EU. The author investigates migrant's itineraries showing refugees use France as transit point, not as place to live. The article concerns the reasons for such a perception of France by the migrants and opinions of migration issue by the French themselves.

Keywords: France, migration crisis, EU, refugees.

Миграционный кризис, который с 2015 г. переживает Евросоюз, является крупнейшим в истории Старого света со времён Второй мировой войны. Беженцы из африканских и азиатских стран стремятся попасть в ЕС, чтобы начать там жизнь «с чистого листа». Изучая миграционные маршруты в ЕС, невозможно обойти вниманием Францию. Эта страна не просто является крупнейшей в рамках Евросоюза. Расположение Франции – на перекрёстке торгово-экономических путей Старого света, между Атлантикой и Средиземноморьем, рядом с другими ведущими странами ЕС (Германия, Великобритания, Италия, Испания) – превращают её в один из узловых пунктов в маршрутах беженцев. Будучи одной из стран-

основателей ЕС, которая продолжает играть значимую роль в Союзе, Франция проводит активную внешнюю политику в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Всё это вызывает необходимость в понимании того, какую роль Франция сегодня играет в миграционных потоках в Евросоюз, чем это вызвано, и как она способна в дальнейшем влиять на них.

В 2012 г. во Франции впервые за три десятка лет к власти пришла Социалистическая партия, а её первый секретарь Ф. Олланд возглавил страну. Это повлекло за собой пересмотр разных политик, в том числе и миграционной. Если предыдущий лидер страны – правоцентрист Н. Саркози – не скрывал своего недоверия к мигрантам, то социалисты заняли более сочувственную к мигрантам позицию. В свете президентских выборов 2017 г. миграционная проблематика остаётся актуальной во Франции.

В основе миграционного кризиса лежит ухудшение социально-экономической обстановки в Средиземноморье и в пограничных с ним регионах, произошедшее в 2011-2015 гг. Часть ответственности за это лежит и на самой Франции. В 2010-2011 гг. Париж поддержал арабские революции, вспыхнувшие в Тунисе и в Египте. В том же году именно Франция стала инициатором интервенции в Ливию, по итогам которой власть М. Каддафи была свергнута, а страна погрузилась в хаос гражданской войны. Наконец, поддержка, оказанная Парижем оппозиционерам в Сирии, действия, направленные на дискредитацию президента Б.Асада (вплоть до готовности в 2013 г. начать новую вооружённую интервенцию), способствовали радикализации гражданской войны в стране и привели к массовому исходу сирийцев, ливийцев и граждан других арабских стран Средиземноморья в Европу.

Наплыв мигрантов стал полной неожиданностью для Евросоюза. По данным пограничного агентства ЕС (Фронтекс) с 2011 по 2015 гг. число нелегальных переходов границ ЕС выросло почти в 13 раз (с 141 030 до 1 822 260 случаев)[1]. За 2015 г. в страны ЕС прибыло свыше 1 млн человек[2]. Мигрантами, бегущими в ЕС от гражданской войны, насилия, голода и нищеты, за 2011-2015 гг. был апробирован целый ряд маршрутов в ЕС. Ключевыми из них являются два: *восточно-средиземноморский* (Ближний Восток – Турция – Греция/Болгария/Кипр), где поток в 2015 г. достиг 885 тыс. чел. и *западно-балканский* (Греция/Болгария – Македония – Сербия – Венгрия/Хорватия), частично дублирующий и дополняющий первый, по которому в ЕС в 2015 г. въехало 764 тыс. чел. Третий по нагрузке – *центрально-средиземноморский маршрут* (Ливия – Италия/Мальта), по которому в 2015 г. берегов ЕС достигли почти 154 тыс. чел. На прочие маршруты в ЕС – албано-греческий, западно-средиземноморский (Магриб –

[1] Данные рассчитаны автором на основе информации Frontex. URL: http://frontex.europa.eu/

[2] Malgré l'accord UE-Turquie, la méfiance règne// Le Temps, 18.03.2016. URL: http://www.letemps.ch/monde/2016/03/18/malgre-accord-ue-turquie-mefiance-regne

Испания), восточно-европейский (Украина/Молдавия – Румыния/Словакия/Польша) и Западноафриканский (Африка – Канарские острова – Испания) – в 2015 г. пришлось «лишь» 82 933 нелегальных переходов границы ЕС (менее 5%)[3].

Основным контингентов среди мигрантов на основном – восточно-средиземноморском – маршруте в 2015 г. стали сирийцы – 46%[4]. Естественно, бегущие от гражданской войны люди в первую очередь направились в соседние с Сирией страны: в Ливан (1,1 млн), Иорданию (626 тыс.), Ирак (244 тыс.) и Египет (133 тыс.). 1,7 млн. сирийцев выбрали Турцию, а 217 тыс. чел. Европу[5]. Тем не менее, в Турции находятся не только сирийцы, но и граждане других стран. По данным на март 2016 г., 2,7 млн, находившиеся в Турции, вероятно, попытаются пробраться в Европу вслед за теми, кто уже сделал это[6]. Очевидно, что здесь речь идёт далеко не самых обездоленных мигрантах, так как на «вояж» в Европу требуются средства. По данным французских СМИ, в 2014 гг. стоимость нелегального транзита группы мигрантов через Турцию в ЕС составляла по суше в кузове грузовика в 800 евро, по морю в 1600-3200 евро (в зависимости от класса судна), по воздуху в 9 тыс. евро. В 2015 г. расценки поднялись: сухопутный путь стал оцениваться в 1800 евро (рост цен после кораблекрушений на море), по морю – в 3000 евро[7]. Дороговизна маршрута и риски погибнуть не останавливаются мигрантов, стремящихся попасть в экономически благополучные страны Северной Европы (Германия, Швеция, Великобритания, Бельгия), прежде всего, в ФРГ. Система квот, введённая Евросоюзом в 2015 г. для более-менее равномерного распределения мигрантов по странам Союза, представляется авральным и вынужденным временным решением проблемы.

Франция, взявшая по итогам коллективных решений, обязательство приютить у себя в течение двух лет 24 000 беженцев из 120 000 (то есть, 20%), выступает в глазах мигрантов не столько реципиентом, сколько транзитёром на пути в Северную Европу. По данным опроса, проведённого ООН 8 декабря 2015 г., среди беженцев, прибывших в Грецию, лишь 0,8%

---

[3] Источник: подсчитано автором по данным Фронтекса: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2015.pdf; http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/migratory-routes-map/

[4] Frontex. FRAN Quarterly. Quarter 4. October-December 2015. Warsaw, 2016. URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/FRAN_Q4_2015.pdf P.7

[5] 2015 Situation Report on International Migration: Migration, Displacement and Development in a Changing Arab Region. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/sit_rep_en.pdf P.18

[6] Malgré l'accord UE-Turquie, la méfiance règne// Le Temps, 18.03.2016. URL: http://www.letemps.ch/monde/2016/03/18/malgre-accord-ue-turquie-mefiance-regne

[7] Itinéraires, coûts, risques: un passeur de migrants raconte son trafic// France24, 20.11.2014. URL: http://observers.france24.com/fr/20141120-est-jamais-perdants-passeur-devoile-trafic-migrants-syrie-l%E2%80%99europe; Migrants: La route des Balkans, nouveau chemin vers l'Ouest// 20 minutes, 18.08.2015. URL: http://www.20minutes.fr/monde/1667751-20150818-migrants-route-balkans-nouveau-chemin-vers-ouest

из них желали бы попасть во Францию, тогда как половина опрошенных предсказуемо выбрали Германию[8]. Из 315 тыс. сирийцев, подавших прошения об убежище в ЕС (1/3) в 2015 г., лишь 5 тыс. чел. (1,5%) подали прошения в адрес Франции, тогда как 100 000 просьб были направлены в Германию, 65 000 – в Венгрию, 40 000 – в Швецию[9]. В силу известной удалённости Франции от южного берега Средиземноморья, мигранты попадают в неё из других стран ЕС – Испании, Италии, Германии или Бельгии, в основном с тем чтобы двигаться дальше в Великобританию (в этом случае они едут в лагерь беженцев в Кале или Гранд-Сент[10]) либо в Германию и Швецию.

Очевидно, что мигранты, направляющиеся в ЕС с риском для жизни, делают это вовсе не ради обустройства во Франции. Почему же Франция непопулярна в ЕС среди беженцев? Этот факт в какой-то степени даже задевает французов, гордящихся тем, что именно их страна подарила миру Декларацию прав человека. Но на это есть ряд причин. Во-первых, в Германии и Швеции уже существуют общины сирийцев, которые облегчают новоприбывшим соотечественникам адаптацию в новом обществе, поиск жилья и работы. Несмотря на то, что Париж управлял Сирией в 1920-1946 гг., никаких более-менее крупных сирийских общин во Франции нет. Во-вторых, сегодня Франция - страна высокой (10%), тогда как в соседней Германии найти работу гораздо легче. На французском рынке труда устраиваются лишь 57% иммигрантов активного возраста (и для сравнения: 65% коренных французов), на уровне относительной бедности живет 30% иммигрантов (и 13% коренных французов). В-третьих, снова о себе напомнила пресловутая французская бюрократия: до последнего времени во Франции наблюдался долгий бюрократический процесс оформления документов. Беженцы не имели права работать во Франции, пока изучалось их досье; при этом срок ожидания убежища составлял сначала до 2 лет, затем до 9 месяцев, тогда как в других странах беженцы могли получить нужные документы гораздо быстрее. Наконец, в-четвёртых, во Франции обнаружилась нехватка свободного жилья для мигрантов (лишь треть беженцев получали в 2015 г. жильё через официальные каналы, тогда как остальные были вынуждены прибегнуть к сквоттерству – занимать пустующие строения). Так, по словам 26-летнего сирийского беженца «Франция хороша для посещения, но не для работы», а его 38-летний соотечественник заявил СМИ, что перед поездкой во

[8] *Baumard, Maryline*. La France a accepté 27 % de réfugiés de plus en 2015// Le Monde, 12.01.2016. URL: http://www.lemonde.fr/immigration-et-diversite/article/2016/01/12/la-france-a-accepte-27-de-refugies-de-plus-en-2015_4845698_1654200.html

[9] *Monin, Jacques*. Migrants syriens: "La France, non merci"// Franceinfo, 11.02.2016. URL: http://www.franceinfo.fr/actu/monde/article/migrants-syriens-la-france-non-merci-765925

[10] *Mouillard, Sylvain*. La France pas très attirante pour les réfugiés// Liberation, 04.01.2016. URL: http://www.liberation.fr/france/2016/01/04/la-france-pas-tres-attirante-pour-les-refugies_1424314

Францию ему пообещали сделать 3 вещи – быстро оформить нужные бумаги, забрать с собой семью и дать право пребывания на 10 лет[11]. Как пишет немецкая журналистка В. фон Дершау, в Германии мигрантов привлекает возможность быстро обрести жилищные условия и материальные блага (жильё, медицинская помощь, питание, мобильные телефоны, через которые они по интернету «рекламируют» Германию соотечественникам[12]) – то, чего Франция пока не может предоставить. Для исправления ситуации французское руководство запустило в июле 2015 г. реформу процедуры по изучению просьбы об убежище, которая позволила сократить рассмотрение заявок до 3 месяцев[13].

***

Миграционный кризис продемонстрировал целый ряд слабых мест в работе сегодняшнего ЕС – незащищённость внешних границ, отсутствие единого подхода к миграционному вопросу, слабости Шенгена – подтолкнув страны Союза к решению указанных проблем. К настоящему времени создан фонд по оказанию гуманитарной помощи странам ЕС, затронутых наплывом мигрантов, начаты переговоры с африканскими странами по улучшению их внутренней ситуации. По итогам саммита 17-18 марта 2016 г. ЕС и Турция подписали заявление, призванное сделать официальным процесс подачи заявок на убежище в ЕС от беженцев, находящихся в Турции. Эти договорённости одобрила в том числе и Франция.

Несмотря на то что французы весьма доброжелательно отнеслись к приёму беженцев, сочувствуя их положению, почти половина из них (51%) ещё до терактов в Париже 13 ноября 2015 г. заявили, что 24 тыс. беженцев, подлежащих размещению во Франции, это «достаточно»[14]. После терактов 13 ноября, а затем новогодних инцидентов в немецком Кёльне число противников приёма новых мигрантов среди французов выросло до 61%[15]. Стоит отметить, что число легальных мигрантов, прибывших на

[11] Crise des migrants: Pourquoi les réfugiés boudent la France// 20 minutes, 21.09.2015. URL: http://www.20minutes.fr/monde/1691635-20150921-crise-migrants-pourquoi-refugies-boudent-france

[12] *Monin, Jacques*. La France boudée par les réfugiés syriens// France inter, 12.02.2016. URL: http://www.franceinter.fr/emission-lenquete-la-france-boudee-par-les-refugies-syriens

[13] *Monin, Jacques*. Migrants syriens: "La France, non merci"// Franceinfo, 11.02.2016. URL: http://www.franceinfo.fr/actu/monde/article/migrants-syriens-la-france-non-merci-765925

[14] Sondage réalisé par ODOXA pour le Parisien. 6 septembre 2015// ODOXA. URL: http://www.odoxa.fr/wp-content/uploads/2015/09/Odoxa-pour-le-Parisien-Aujourdhui-en-France-Les-Fran%C3%A7ais-et-la-crise-pdf;
Sondage: Les Français toujours aussi frileux sur l'accueil des migrants// 20 minutes, 14.09.2015. URL: http://www.20minutes.fr/monde/1685623-20150914-sondage-francais-toujours-aussi-frileux-accueil-migrants

[15] Sondage. Les Français opposés à l'accueil des migrants// Ouest-france, 05.03.2016. URL: http://www.ouest-france.fr/monde/migrants/sondage-dimanche-ouest-france-les-francais-opposes-laccueil-des-migrants-4075823

проживание во Францию, составляет пока лишь несколько сотен человек (около 300 в марте 2016 г.)[16].

Будучи в основном страной-транзитёром для беженцев, стремящихся попасть в ЕС, Франция, скорее всего, сможет «переварить» свою долю квотированных мигрантов без ущерба для экономики. В то же время такие вопросы, как перспективы урегулирования миграционного кризиса и судьба шенгенских соглашений, займут значимое место в президентской и парламентской кампании 2017 г. Правящая Социалистическая партия уже получила от оппонентов немалую порцию критики за миграционную политику. Её конкуренты справа – «Республиканцы» и Национальный фронт – требуют от неё восстановить контроль над внешними границами страны, определить потолок числа потенциальных мигрантов и лимиты социальной помощи для них, упростить процедуру высылки[17]. Миграционный вопрос продолжает быть актуальным для Франции и ЕС в целом. Тем самым, президентские выборы во Франции в 2017 году, вслед за которыми состоятся и парламентские выборы в ФРГ, покажут дальнейшее развитие миграционной политики ЕС и тот вклад, который Франция будет способна внести в неё с обновлённым или новым руководством.

[16] La France a accueilli près de 300 réfugiés «relocalisés», sur les 30 000 promis// Le Monde, 07.03.2016. URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2016/03/07/la-france-a-accueilli-pres-de-300-refugies-relocalises-sur-les-30-000-promis_4877640_3214.html

[17] Les Républicains: 5 propositions pour endiguer le "chaos migratoire"// BFM TV, 18.01.2016. URL: http://www.bfmtv.com/politique/les-republicains-5-propositions-pour-endiguer-le-chaos-migratoire-944383.html; Naufrage en Méditerranée: pour sauver des vies, il faut une politique ferme. Communiqué de presse de Nicolas Bay, Secrétaire général du Front National. 21.04.2016 / Site officiel du Front National. URL: http://www.frontnational.com/2016/04/naufrage-en-mediterranee-pour-sauver-des-vies-il-faut-une-politique-ferme/

Михаил Петрович ТОРШИН,
Профессор
Дипломатической академии МИД России

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: В статье рассматривается феномен общественной дипломатии. Особое внимание в статье уделяется деятельности общественной дипломатии в современном мире, которая осуществляется США, КНР и европейскими государствами.

Ключевые слова: общественная дипломатия, США, Китай, государство, внешняя политика, эксперт.

TORSHIN Mikhail Petrovich,
Professor
Diplomatic academy MFA of Russia

PUBLIC DIPLOMACY AT THE PRESENT STAGE

Abstract: The article discusses the phenomenon of public diplomacy. Special attention is paid to activities of public diplomacy in the modern world, which is the United States, China and European countries.

Keywords: public diplomacy, USA, China, state, foreign policy, expert.

Общественная дипломатия – объединение усилий государства и гражданского общества в продвижении интересов страны на международной арене и в развитии гуманитарного сотрудничества является мощным ресурсом как для внешней, так и для внутренней политики России.

В последние годы в политологии использовались три общепринятых термина: «народная дипломатия», «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия». Термин «народная дипломатия» привычен для отечественного дискурса, но не представляется оптимальным в силу своей идеологизированности и не в полной мере отражает дух современной природы международных общественных связей. Исторический термин «народная дипломатия» восходит к 1950-м годам, когда советская пропаганда противопоставляла «дипломатию правительств» «дипломатии народов».

Термин «публичная дипломатия» также не в полной мере соответствует сути вопроса так как в переводах термина «общественная дипломатия» на европейские языки скорее всего, будет употребляется тот

же латинский корень – «publico». Привычное русскому языку понятие «общественный» в public входит составной частью.

В силу этих соображений наиболее подходящим можно считать термин «общественная дипломатия» как дипломатия гражданского общества. Гражданское общество в дипломатии не антипод государства, но автономный от него субъект действия[1].

В качестве участников общественной дипломатии выступают: неправительственные организации; общественные, национальные, парламентские, религиозные объединения, политические партии, местные органы самоуправления, а также другие юридические и физические лица. В роли субъекта общественной дипломатии может выступать и государство, когда оно выступает во взаимодействии с общественными организациями.

Общественная дипломатия использует, как правило, негосударственные формы и методы неформального общения и действия на различных уровнях и в рамках непрерывно разрастающейся сети НПО – сообществ. К методам общественной дипломатии относятся: пикеты, митинги, марши, собрания, резолюции, воззвания, частные беседы, дискуссии.

Необходимо отметить, что в России общественная дипломатия развивается с большим опозданием, а на Западе она уже давно стала активным и влиятельным субъектом мировой политики. Причем роль ее на международной арене неуклонно растёт и сегодня общественная дипломатия начинает охватывать весь мир.

Нельзя не учитывать то, что в глобализирующемся мире резко возрастает соперничество и конкуренция не только в сфере геополитики и геоэкономики, не только в борьбе за энергетические и иные ресурсы, но и за имидж страны, за положительное ее восприятие за рубежом. Это новое явление на Западе получило название «национальный бренд». Нет сомнения в том, что сегодня любая страна нуждается в доверии, в уважении не только со стороны правительств и народов, но и со стороны инвесторов, покупателей, доноров, средств массовой информации, туристов и т.д. То государство, у которого «национальный бренд» выше, получает немалые преимущества в политике, экономике, торговле и других сферах жизнедеятельности.

С момента формирования обозначились два различных кардинально противоположных подхода к общественной дипломатии на Западе и в России. На Западе этот термин появился намного раньше, чем у нас. Общественная дипломатия зародилась там как инструмент информационно-психологической войны против СССР, стран социализма, национально-демократических режимов. В ее основу были положены подрывные

[1] Современная общественная дипломатия: Российское измерение. М., 2011. С. 11.

действия, разложение правящих элит, общественного строя изнутри, разжигание конфликтов, использование человеческих слабостей и пороков, манипулирование низменными чувствами, разрушение духовных, культурных и цивилизационных ценностей. Такой общественная дипломатия Запада остается и сегодня. У них мягкая сила выступает в качестве средства «гуманитарной интервенции», оружия «мягкого массового информационно-психологического поражения».

Поэтому в последние годы в США, Швеции, Франции, Канаде, КНР и других стран активизировалась деятельность общественной дипломатии, созданы новые или расширены существующие службы, занимающиеся улучшением имиджа.

Так, американской общественной дипломатии, после террористических атак 2001 г., стали мишенью страны Африки и Ближнего Востока. До этого момента данный регион не являлся приоритетом дипломатии США. С 2002 г. США мобилизовали огромные ресурсы, создали порядка 350 новых программ в области образования, культуры и информации для продвижения идей демократии. Все эти программы были объединены в масштабный проект под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке».

За первое десятилетие XXI в. произошло значительное увеличение числа арабского населения, в основном молодежи до 25 лет, которое прошло обучение в США, и у себя на родине в рамках американских правительственных программ. Если в 1998г. Госдепартамент принял к участию в программах в области развития демократии 3 300, то в 2008г. – 148700 граждан. Это были мужчины и женщины, члены демократических организаций, лидеры неправительственных организаций из Египта, Иордании, Марокко, Йемена, Туниса, Алжира, Бахрейна и др. Во многих этих государствах прокатилась волна протестов против правящих режимов.

За эти же годы правительство США создало в Северной Африке и Ближнем Востоке порядка десяти новых радиостанций и телеканалов, вещающих на страны этого региона. Многие эксперты в США отмечают, что программа под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» создала «сеть арабских защитников демократии и активистов, кто приветствует помощь со стороны американской демократии и продвигает позитивный образ демократии США среди местного населения».

К концу первого десятилетия XXI в. в США внешней политикой занимались 15 тыс. общественных организаций. Некоторые из них имели бюджет больше, чем российское министерство иностранных дел. На их основе созданы глобальные сетевые системы влияния в мире.

В 2005 г. в США была введена должность заместителя государственного секретаря США, ответственного за общественную

дипломатию. Главной задачей которого стало улучшение имиджа США за рубежом. В настоящее время общее руководство деятельностью по созданию позитивного восприятия политики США осуществляет Бюро глобальных коммуникаций Белого дома. В свою очередь группа по вопросам политики Совета национальной безопасности США координирует работу и этого Бюро, и отдела общественной дипломатии госдепартамента и Пентагона по вопросам проводимой Белым домом политики[2].

Неправительственные организации США во все большей мере воздействуют на политические процессы в мире. Их подрывные действия, как известно, привели к дестабилизации обстановки во многих странах и приходу к власти проамериканских режимов. «Цветные революции» на Балканах, на постсоветском пространстве, в том числе и на Украине, в ряде арабских стран финансировались иностранными, в основном американскими общественными объединениями.

Интересно, по нашему мнению, развивается общественная дипломатия в Китае. Эволюция современной китайской общественной дипломатии делится на три этапа.

Первый этап – это период перед политической реформой и открытостью 1978 г. Второй этап – это время между началом реформ и открытости китайского общества, а также окончанием холодной войны. Третий этап – после событий на площади Тяньаньмэнь (1989) и так называемой теорией «китайской угрозы».

С начала XXI в. в КНР стало работать международное радио на более чем 40 языках. Почти в 200 странах могут слушать Китай. Стали работать два телеканала покрывающие 98% территории Земли.

Основным направлением деятельности общественной дипломатии КНР является: распространение китайской культуры, изложение китайской истории и разъяснение китайских ценностей. За 10 лет Китай учредил в 126 странах мира 475 институтов Конфуция. Главным направлением в их деятельности является разъяснение миру свою внешнюю политику нового типа с большими и маленькими государствами. Что касается создания положительного «национального бренда» то появились новые пункты: «дипломатия большой панды», «дипломатия высокоскоростной железной дороги», «дипломатия первой леди Пэн Лиюань» и т.д.

Китайская общественная дипломатия стремится создать более благоприятную международную обстановку и возможности для модернизации страны, проявляя китайскую мудрость и философию Конфуция внести существенный вклад в дело защиты мира и стабильности на планете.

---

[2] Шершнев И.Л. Общественная дипломатия. Методологическое пособие. М. Издательство РОО «Информационная цивилизация – XXI век», 2008. С. 13-14.

В отличие от Западной, американской, общественная дипломатия в России рассматривается исключительно в позитивном плане, как человеческий ресурс, инструмент подлинного народовластия прямого действия, как инновационная социальная технология, призванная содействовать обеспечению мира, безопасности и высокого качества жизни людей, сохранению окружающей среды. Она является формой ответа на становление нового мирового порядка, на вызовы развитию России. Общественная дипломатия в нашем понимании созидает словом, использует силу влияния и убеждения, искусство ведения переговоров, диалога и дискуссии, взаимодействия. Особенностью отечественной общественной дипломатии является то, что она покоится на мессианском духе русского народа. Она несет в себе миссию духовную, выступает в роли хранительницы христианства, православия. Для человечества она выводит идею, что спастись можно только вместе, что мироустройство должно быть справедливым.

Что же имеется у России на этом фронте? Сколько у нас общественных институтов готовых взять на себя функции общественной дипломатии и действовать столь масштабно на международной арене, как наши оппоненты? По имеющейся информации в России в 2007 г. на поле общественной дипломатии работало около 50 организаций. Из них только 10-15 организаций имели реальный потенциал для реализации функций общественной дипломатии.

В России долго велась дискуссия и споры в правительственных и общественных кругах о том, должны ли власти оказывать поддержку в том числе финансовую, общественным объединениям? Только в начале XXI в. наметилось сближение в позициях общественных организаций и органов власти. В 2001 г. по инициативе МИД РФ состоялся Гражданский форум, целью которого было налаживание взаимодействия государственной власти и общественных организаций. В 2010 г. в Москве прошел форум «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества». Форум дал уникальную возможность поставить эти проблемы, обсудить и заявить о необходимости вывести российскую общественную дипломатию на новый уровень.

Идеи дискутировавшие на форуме, получили практическое выражение в ряде постановлений Правительства РФ, направленное на поддержку общественных организаций участвующих в общественной дипломатии.

В последние годы наблюдается положительная динамика развития общественной дипломатии, особенно НПО – дипломатии. Заметно расширяется диапазон целей, задач, содержания, форм и методов общественной дипломатии. Особое значение общественная дипломатия приобретает в конфликтных ситуациях, когда государство не в состоянии

решить проблемы, возникающие на национальной, этнической, религиозной почве. Она разрешает конфликты идентичности, восстанавливает идентификационную принадлежность к одной стране – России. В частности, речь идет об идентификации мусульман с Россией.

Общественная дипломатия держится на самом мощном ресурсе – на ресурсе человеческих отношений, связей и интересов, на доброй памяти, на общей истории, на понимании, доверии, чувствах. Этим она отличается от классической дипломатии, в основе которой лежат формальные межгосударственные отношения, нормы и предписания.

Сложившаяся непростая ситуация в России побуждает к тому, чтобы общественная дипломатия сегодня направила свои главные усилия во внутрь страны, потом на постсоветское зарубежье и дальше на другие страны.

В России создана серьезная база для более эффективной и целенаправленной деятельности общественной дипломатии.

В 2015 г. на Форуме народной дипломатии, проходившем в Москве в связи с празднованием 90-летия Россотрудничества отмечалось, что общественная (народная) дипломатия сегодня – это общение, совместная работа и взаимопомощь, новые проекты и творчество. Какие бы ни были политические, экономические реалии времени, человеческие отношения всегда найдут форму своего выражения.

Продолжается работа по расширению российских центров за рубежом. На сегодняшний день Россотрудничество и его центры ведут свою деятельность в 79 странах мира через 91 загранпредставительство. Это 61 российский центр науки и культуры, семь отделений РЦНК и 23 представительства в составе дипмиссий. В ближайшие 2-3 года будут открыты еще семь центров Россотрудничества. Ведется большая работа по превращению центров из «домов науки и культуры» в полноценные центры гуманитарного влияния[3].

Огромным ресурсом общественной дипломатии является ряд организаций созданных при участии государства: это внешнеполитическое направление в Общественной палате России, Валдайский форум, фонд «Русский мир», фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова, фонд святого всехвального апостола Андрея Первозванного, совет по военной и оборонной политике и др.

К эффективным инструментам общественной дипломатии необходимо причислить каналы вещания «Голоса России», агентства ИТАР-ТАСС и РИА «Новости», вновь созданные телеканалы «Мир», «Russia Today» с его арабоязычной версией «Русия аль-Яум» и др.

[3] Глебова Л.Н. Россотрудничеству ─ 90! // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 5.

Важными направлениями деятельности в общественной дипломатии за рубежом является создание центров и филиалов Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, прием на обучение в ВУЗы России студентов из зарубежных стран, культурный, межвузовский и научный обмен и т.д.

Нынешний мир меняется быстро – технологически, социально, экономически, психологически, культурно. Система международных отношений претерпевает многочисленные изменения, что, безусловно, требует новых подходов к организации государственного и общественного взаимодействия, включения иного механизма влияния на умы и настроения, иного способа распространения информации о России в мире, иных проводников политики «мягкой силы».

Следует отметить, что в официальных структурах власти заметно выросло понимание возросшей роли общественной дипломатии, общественных и неправительственных организаций для формирования и проведения эффективного и стабильного внешнеполитического курса страны. На сегодняшний день в России действуют по различным направлениям около 16 тыс. НПО. Государство на 2016 г. выделило 6,5 млрд руб. на их работу.

Принимается ряд практических мер для поддержания всей системы связанной с деятельностью общественной дипломатии, выделяются заметные средства для преподавания русского языка, организации в центрах науки и культуры за рубежом кружков и семинаров по интересам, проведения выставок, кинопросмотров, дискуссионных клубов и т.д.

Видимо настал период, когда для того чтобы общественная дипломатия стала более эффективной, успешной и «умной» необходимо разработать и создать правовой механизм в виде Федерального закона «Общественной дипломатии Российской Федерации». Назрела большая необходимость и в создании системы подготовки общественных дипломатов в высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации профессиональной переподготовки. Для решения этой задачи необходимо привлекать средства не только государства, но и бизнеса, средств совместных предприятий, пожертвований частных лиц.

Литература:

1. Современная общественная дипломатия: Российское измерение. М., 2011.
2. Шершнев И.Л. Общественная дипломатия: методологическое пособие. М.: Издательство РОО «Информационная цивилизация – XXI век», 2008. С. 13-14.
3. Глебова Л.Н. Россотрудничеству – 90! // Международная жизнь. 2015. № 12.

Константин Анатольевич ФЕОФАНОВ,
Профессор
Дипломатической академии МИД России

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАПАДНО-РОССИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация: На основе ключевых исторических событий исследуются достижения и проблемы Запада и России, детерминанты цивилизационного развития и противостояния. Особая роль отводится западным и российским цивилизационным и политическим процессам во время и после холодной войны.

Ключевые слова: цивилизационная теория, Запад, Россия, исключительность, мессианизм, противостояние, холодная война.

FEOFANOV Konstantin A.,
Doctor of Political Sciences, Professor, Chair of International Relations
Faculty of International Relations and International Law, Diplomatic academy
of the Russian Foreign Ministry

CIVILIZATIONAL BASIS OF THE WESTERN-RUSSIAN CONFRONTATION

Abstract: Achievements and problems of the West and Russia, determinants of civilizational development and confrontation are investigated on basis of the key historical events. A special role is given to the Western and Russian civilizational and political processes during and after the Cold War.

Keywords: civilizational theory, the West, Russia, exceptionalism, messianism, confrontation, Cold War.

В марте 2016 г. профессиональное сообщество политологов, дипломатов и историков отметило своеобразный юбилей – 70-летие знаменитой фултонской речи У.Черчилля, считающейся отправной точкой холодной войны (менее публичным симптоматичным событием стала «Длинная телеграмма» Дж.Кеннана, отправленная в Вашингтон из посольства США в Москве в феврале 1946 г.). Согласно более позднему признанию У.Черчилля, фултонское выступление имело главное значение в его жизни и карьере, так как в нём была обозначена перспектива борьбы Британского Содружества и Соединённых Штатов за освобождение «всего человечества» от экспорта советских ценностей и влияния: «Никто не знает,

что Советская Россия и её международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов этой войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии» [1]. Речь У.Черчилля стала резонансной вехой послевоенных международных отношений, символическим началом холодной войны, провозглашением новой идеологической доктрины и курса Запада на конфронтацию с СССР. Однако содержание знаменитой речи вовсе не было чем-то абсолютно новым или неожиданным. В ней лишь в несколько более явном, ставшем доступным широкой международной общественности виде, нашли отражение устремления многих поколений лондонских и вашингтонских политиков по достижению мирового господства, и была в очередной раз на протяжении многовековой истории Запада и России сформулирована необходимость их цивилизационного противостояния.

Предпосылки противостояния Запада и России начали формироваться задолго до XX в. – ещё во времена ранней Византии. Западные и восточные части Римской империи, сначала разделённые только географически, со временем начали отдаляться друг от друга в политико-управленческом и социокультурном плане. Впоследствии они стали важной цивилизационно-геополитической детерминантой Евразии, а потом и всего человечества, реализуясь в мирном и военном, геополитическом, дипломатическом и идеологическом соперничестве. К середине XIII в. цивилизационное противоборство реализовалось во вторжениях шведских и немецких рыцарей в русские северные земли, в которых они (в отличие от монгольских ханов) потерпели поражение. На протяжении столетий цивилизационное противостояние Запада и России не ограничивалось нападениями и сражениями, но затронуло уровень ценностей и идеологии, многократно упрочиваясь и утверждаясь в цивилизационном сознании, в одобрении и возвеличивании собственного образа жизни и действий, критике и принижении достижений и преимуществ других стран [2].

До завоевания в XIII в. почти всех русских земель, нескольких стран Европы и всей территории Азии вышедшей из Монгольской империи Золотой Ордой Русь ещё не уступала западным странам в социально-экономическом развитии, и ещё не было речи об уникальности и богоизбранности как суперцивилизационной идее. Несмотря на фатальное ослабление в результате двух с половиной столетий рабства, убийств и разрушений, Русь трагически-самопожертвенным, исторически-беспрецедентным образом препятствует дальнейшей монгольской экспансии на всю Евразию – культурную ойкумену человечества того времени. К XIV-XV вв. на Руси получают чёткое идеологическое оформление идеи богоизбранной, исключительной и спасительной роли

(сформулированы в 1523-24 гг. в письмах псковского монаха Филофея Василию III Ивановичу и дьяку Михаилу Мунехину). В отличие от более поздних западных цивилизационно-идеологических доктрин исключительности, филофеевская доктрина «Москва – третий Рим» была сформулирована значительно мягче и не призывала ни к какому противостоянию. Впрочем, по убедительному замечанию Н.Бердяева, и русский «мессианизм, [который]… мыслим лишь на религиозной почве, и обосновать [который] можно лишь мистически… не терпит сосуществования, он – единственный, всегда вселенский по своему притязанию… [он] никогда не отрицает и биологически не истребляет другие национальности, он их спасает, подчиняет своей вселенской идее» [3]. В сущности, распространение доктрины русской богоизбранной исключительности завершило длительную тенденцию диверсификации между католицизмом и православием – каждый из которых, в конце концов, осознал сам себя и свои преимущества.

Параллельно с российским цивилизационно-идеологическим самоосознаванием происходят аналогичные европейские, а несколько позже, и американские процессы осознания собственных преимуществ и исключительности. Европейская католическая церковь как активный субъект политико-экономических отношений сначала способствует успехам научно-технического развития и прогрессу капиталистических отношений. К концу средних веков рационализм и выгода как ключевые ценности капитализма приводят к ослаблению роли католической церкви и возникновению протестантизма, в значительно большей степени соответствующего потребностям буржуазии. В свою очередь, североевропейский, а потом и американский протестантизм приводят к возникновению правовых государств, права частной собственности и демократии как фундаментальных цивилизационных ценностей Запада, максимально соответствующих буржуазным экономическим интересам и получению прибыли. Не только «дух», но и «буква» «протестантской этики» в виде незыблемости прав человека и частной собственности порождают ещё более ускоренное, прорывное развитие и феномен модернизации как успешную надцивилизационную модель не только для Запада, но и остального мира, реализуемую незападными странами в той или иной разновидности догоняющего развития. Не только осознание собственных преимуществ, но даже противопоставление самих себя остальным неугодным субъектам международных отношений в терминах «добро-зло» постепенно становятся распространённой западной цивилизационной идеологемой. Ещё в первой половине XVII в. губернатор британских колоний в США Дж. Винтроп в книге «Город на холме» провозглашает «особое место» американцев, по сравнению с другими народами, «по политическому, национальному и религиозному духу», а

спустя два столетия в книге «Демократия в Америке» А. де Токвиль констатирует «особое место» США среди стран мира как «первой работающей представительной демократии» [4].

Преимущества техногенно-экономического развития на основе научно-рационального познания, в течение многих веков по праву служившие основой западной уникальности и исключительности, уже к первой половине XX в. превращаются в опасную противоположность, становятся для западной цивилизации и всего мира цивилизационным парадоксом и трагедией. В высшей степени прогрессивные научные открытия, поднявшие экономику и качество жизни населения Западной Европы и США на немыслимый уровень, в XX в. стали обрастать проблемными, непредсказуемыми и непредвиденными «побочными эффектами». Опьянённый «успехами» технико-экономического развития и колониальной экспансии, западный рациональный человек начинает вести себя как «земной царь», стремясь к достижению мирового господства, нарушая христианские заповеди, развязывая мировые войны и создавая многочисленные виды оружия массового уничтожения. Несмотря на то что идеология англосаксонской исключительности основана на использовании мировых ресурсов, создании хаоса в регионах мира, войну «чужими руками» и т.д., на протяжении многих столетий она господствует в политическом и массовом сознании цивилизационного Запада, к ценностному единству которого, без которого невозможно «эффективное предотвращение войны», в своей речи призывал У.Черчилль [5].

Особое место в актуализации цивилизационных детерминант холодной войны занимает Первая мировая война. К этому времени, не только на основе успехов технико-экономического развития, но и на ценностном фундаменте осознания собственной исключительности, экспансионистские устремления стран цивилизационного Запада особенно усиливаются. Подобно временам Золотой Орды, испытывая колоссальные потери от стран Четверного союза, именно Россия неоднократно спасает «союзников» и в конце концов обеспечивает победу Антанты. Последняя создала колоссальные предпосылки для британского и особенно американского политико-экономического процветания, но совсем не способствовала учёту интересов России в рамках нового мирового порядка. Экономически и социально ослабленная, Россия становится добычей экстремистски-настроенных политических авантюристов, совершивших в октябре 1917 г. насильственный антигосударственный переворот. Как и в XIV в., страна никак не могла не только «извлечь пользу» из своего жертвенного участия в победоносном англо-французском блоке, но впоследствии была поражена в правах в рамках переговорного процесса по формированию мировой послевоенной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Национальные интересы входящей в блок

победителей России были полностью проигнорированы и принесены в жертву другим союзникам-победителям. После Первой мировой войны одержавшими очередную «нашу победу» союзниками против России была инициирована некоторая предварительная версия холодной войны с характерной изоляцией и «железным занавесом». Ещё в 1919 г., задолго до фултонской речи У.Черчилля, о необходимости «железного занавеса вокруг большевизма» говорил французский премьер-министр Ж.Клемансо.

В годы Второй мировой войны жертвенно-спасительный для Евразии и всего человечества подвиг советского народа был осуществлён в ещё более грандиозных масштабах противостояния с Западом – по видам и количеству вооружений, численности противостоящих армий и потерь среди гражданского и военного населения. И для Второй мировой войны, и для Первой характерна главная и решающая, по сравнению с другими вовлечёнными и заинтересованными государствами, роль в разгроме агрессора. И в том, и в другом случае, «союзники» начинали действовать только после того, как исход войны был предопределён русскими (в 1917 г. и в 1944 г.), а до этого «экономили силы» и «выжидали, пока последний немец убьёт последнего русского». Именно Россия несла наибольшие, по сравнению с другими вовлечёнными и заинтересованными государствами, жертвы среди гражданского и военного населения и наибольшие разрушения экономики и инфраструктуры. Наконец, для России и СССР после Первой и Второй мировых войн была характерна наименьшая, по сравнению с другими странами-победителями, возможность созидательного социального, политического и экономического использования результатов победы. Особенно это справедливо для хозяйственной разрухи, большевистского террора и гражданского противостояния после Первой мировой войны. Но и после Второй мировой войны в течение долгого времени СССР был вынужден заниматься восстановлением экономики и уровня жизни, тогда как США и Великобритания, на основе максимального использования советской Великой победы, становились безусловными лидерами мировой капиталистической экономики. Подобное сходство исторических процессов переломных эпох обусловлено надисторическими, цивилизационными детерминантами. Именно цивилизационные факторы заставляют правителей и дипломатов, военачальников и в целом народы нескольких стран в совершенно различные времена действовать похожим образом, «неожиданно» получая аналогичные социально-исторические результаты.

По окончанию Второй мировой войны процессы, длительное время вызревавшие в недрах западно-российских и западно-советских противостояний, привели к масштабной и комплексной холодной войне. На фоне биполярной Ялтинско-Потсдамской системы, в условиях угрозы взаимного ядерного уничтожения, удерживавшей мир от «горячей» войны

великих держав, в отношениях Запада и СССР второй половины XX в. был в полной мере реализован императив цивилизационного противостояния, недоверия и враждебности. Он подчинил себе все уровни политики двух государств и их союзников, способствовал выстраиванию масштабных противоборствующих систем. Комплексное противостояние реализовывалось на всех возможных уровнях – в виде военно-политической конфронтации государств, групп государств и военно-политических блоков (гонка вооружений, военные базы и т.п.), действий по экономическому давлению (дискриминирующие экономические нормативные акты, блокады и эмбарго), и идеологического противостояния. В наиболее яркой, видимой форме цивилизационные детерминанты находили выражение в борьбе идеологий как систем для оценивания ценностей, реализумых через целенаправленно выстраиваемые и поддерживаемые тысячами профессиональных политиков, режиссёров и идеологов, искусственные реальности. Так, средствами массовой информации США СССР рассматривался как синоним всего отрицательного и как враг, а США – как сторонник и единственный защитник всего лучшего и прогрессивного. Аналогично, действия СССР на международной арене и жизнь советских граждан подавались советской пропагандой исключительно в позитивном свете, а действия США и Запада – исключительно в негативном. В действительности ангелами и демонами не были ни СССР, ни США, а любые действия и события были продиктованы национальными интересами сверхдержав и имели множество разнообразных полутонов и нюансов, малоизвестных гражданам обеих стран.

Заслуживают внимания положительные эффекты взаимного сдерживания и даже определённой степени стимулирования развития обеих стран в рамках биполярного противостояния периода холодной войны. На рубеже 1990-х годов, когда кризисные процессы СССР в экономической и идеологической сферах привели к прекращению его существания и самой биполярной системы, восторженное провозглашение цивилизационного единства с Западом без внимания к российской цивилизационной специфике привело к проблемам и ошибкам в дальнейшем развитии. Это был весьма непродолжительный период в российской истории, когда государственная идеология строилась на принципах либерализма, а государственное управление, характеризовавшееся нахождением у власти многих приверженцев либеральной идеологии, хотя и оставалась по своей сути авторитарным, частично (и как впоследствии выяснилось, с неизбежностью неудачно) заимствовало западные модели. Шараханье в сторону антикоммунизма и очередного усиленного заимствования западных ценностей в 1990-е годы обернулось ослаблением российских международных позиций, экономики и вооружённых сил, ошибками в осуществлении экономических и политических преобразований, высокой

социальной дифференциацией и демографическими потерями. С готовностью и лёгкостью, причём в многократно более проблемном варианте (поскольку западный капитализм вызревал столетиями и всё же сумел смягчить многие проблемы) Россия переняла все самые одиозные западные цивилизационные изъяны. В том числе такие, как никогда прежде не виданный в России по масштабам, культ материального благополучия и личного обогащения за счёт окружающих, коммерциализация медицины и образования, уничтожение нравственно-воспитательной функции образования, потребительство, индивидуализм, разрушение семьи, ценностей совести и личного достоинства. Причиной отказа от прозападного развития стало то, что Россия не является Западом в цивилизационном смысле, по глубинным основам ценностей и менталитета, и может развиваться только на основе собственной специфики и национальных интересов.

Победивший в холодной войне Запад, утративший в лице СССР значимый стимул для собственного развития и значимый ограничитель вседозволенности, также столкнулся со значительными проблемами. «Спусковым крючком» для запуска современным Западом ряда негативных процессов в международных отношениях стали события в США 11 сентября 2001 г. Права человека и неприкосновенность частной собственности, равенство перед законом, свобода и демократия как западные цивилизационные ценности на рубеже XX-XXI вв. претерпели особенные искажения. «Насильственная демократия», «глобальная слежка», бомбардировки незападных стран без санкций ООН и «оранжевые революции» стали современным вариантом средневекового верховенства «права силы», повсеместного заинтересованного навязывания западных интересов и ценностей. Преимущества и исключительность правового государства и модернизации были осознанно отвергнуты самим Западом, когда речь шла о других цивилизациях. Помимо нивелирования базовых ценностей и норм западной цивилизации, именно после прекращения биполярного «холодного» противостояния стали заметны «перекосы» в стремлении к отдельным «идолам» западного общества. Цивилизационная направленность на соблюдение прав и свобод человека, которых якобы «не может быть много», привела к их гипертрофированию и, как следствие, к ущемлению прав других людей, забвению общечеловеческих и религиозных заповедей. Однополые браки, суррогатное материнство, генная инженерия и др. феномены современного общественного развития, изначально ставшие возможными в русле реализации базовых ценностей западной цивилизации, уже получили неоднозначные оценки по всему миру, причём значительно менее одобрительные в незападных странах.

Именно Россия, на протяжении многовековой истории неоднократно противостоявшая неудачным попыткам западной экспансии, в современном

мире остаётся одной из немногих сил, продолжающих отстаивать право незападных стран и народов на собственное цивилизационное развитие. История западно-российских противостояний свидетельствуют об их фундаментальном, формирующим человечество, надисторическом характере. Комплексное «гибридное» противостояние Запада и России в международных отношениях будет продолжаться, опираясь на фундаментальные цивилизационные ценности и принимая новые формы.

Литература:

1. См.: Фултонская речь Черчилля [Электронный ресурс]. URL: http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php (дата обращения: 25.03.2016).
2. Детальное исследование цивилизационного противостояния Запада и России представлено в авторской «Цивилизационной теории». См.: Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. Екатеринбург: Издательские решения, 2016.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990.
4. См.: Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с франц. М.: Весь Мир, 2000.
5. Максимально эффективным предотвращением Третьей мировой войны У.Черчиллю представлялось полное уничтожение СССР, за которое он активно агитировал американских союзников. Впрочем, ещё в 1918 г. он призывал к разделению России на сферы влияния с перспективой дальнейшего распада. См.: Daily Mail: Черчилль хотел убедить США нанести ядерный удар по СССР [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/world/20141109/1032386748.html (дата обращения: 25.03.2016).

Елена Марковна ХАРИТОНОВА,
Младший научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова
Российской академии наук

ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация: Концепция «мягкой силы» американского политолога Дж. Ная привлекла большое внимание во многих странах мира. Как отмечают многие исследователи, в том числе и сам Дж. Най, одним из наиболее важных ресурсов и инструментов «мягкой силы» является образование. Опыт Великобритании в этом отношении представляет значительный интерес. В докладе рассмотрена роль образования в политике «мягкой силы» Великобритании, инструменты и механизмы, которые страна использует для привлечения студентов из-за рубежа, а также подходы британских экспертов и правительства к оценке оказываемого влияния. Перечислены ключевые программы в данной сфере, в том числе, стипендии для иностранных студентов, поддержка зарубежной деятельности университетов, коммуникационные кампании, развитие транснационального образования. Сделан вывод о взаимосвязи экономической стратегии и политики «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», Великобритания, образование, университеты, влияние.

KHARITONOVA Elena Markovna,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)

EDUCATION IN THE UNITED KINGDOM SOFT POWER POLICY

Abstract: The term ‘soft power’ coined by the American political scientist J. Nye Jr. attracted a lot of attention around the world. Many experts, including J. Nye himself, note that education is one of the most important soft power assets. The United Kingdom experience in promoting its education abroad is highly interesting. The author explores the role of education in the UK’s soft power policy, the instruments and mechanisms used to attract foreign students as well as the British experts approaches to evaluation and assessment of the achieved influence. Major

programs, including scholarships, marketing support to the universities activities abroad, transnational education and other are examined. The author comes to a conclusion about deep interrelation between the country's economic and 'soft power' strategies.

Keywords: soft power, United Kingdom, education, universities, influence.

Концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Дж. Наем, пользуется большой популярностью в разных странах мира, в том числе, и в России. Под «мягкой силой» автор подразумевает силу, основанную на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики, и противопоставляет ее «жесткой силе», базирующейся на принуждении или подкупе. Он считает, что в современном мире все большее значение играют не только военные и экономические возможности государства, но и «способность убедить других желать того же, чего хотите вы»[1].

В Великобритании концепция Дж. Ная привлекла большое внимание. Сегодня термин «мягкая сила» широко используется британскими политическими деятелями, употребляется в официальных документах правительства, парламента и в СМИ. Необходимость усиления британского влияния с помощью «мягкой силы» обозначена в качестве одного из приоритетов в Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности 2015 г.[2] Палата лордов Великобритании в парламентскую сессию 2013-2014 гг. создала Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны, который провел общественные слушания и подготовил доклад с рекомендациями правительству[3]. Страна лидирует в разнообразных рейтингах «мягкой силы» и брендов стран[4].

Как отмечают многие исследователи, в том числе и сам Дж. Най, одним из наиболее важных ресурсов и инструментов «мягкой силы» является образование[567]. Опыт Великобритании в этом отношении представляет значительный интерес и может быть использован при планировании деятельности в данной сфере в нашей стране.

---

[1]. *Nye J*. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: New York Public Affairs, 2004. 191 p.

[2] *HM Government*. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review. London, 2015. 96 p.

[3] Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. 105 p.

[4.] См. подр: *Харитонова Е.М.* Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48-58.

[5] См.: *Nye J.* Soft Power and Higher Education. 2004. EDUCAUSE. Available at: https://library.educause.edu/~/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf.

[6] См. также: *Торкунов А. В*. Образование как инструмент «Мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4(25). С. 85-93.

[7] См. также: *Лебедева М. М., Фор Ж*. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО. 2009. № 6. С. 200-205.

Университеты и школы играли огромную роль с точки зрения распространения идей, норм и ценностей за пределы границ национальных государств на протяжении многих веков. К концу XX – началу XX в., в условиях усиливающейся глобализации возникли принципиально новые тенденции, связанные с образованием и его ролью в экономике и международных отношениях. Появились такие термины и явления как «инновационная экономика» и «экономика знаний», новые формы обучения (в том числе, дистанционного, с помощью сети Интернет). С каждым годом все больше людей получает образование за рубежом. По данным ЮНЕСКО, в 2013 г. более 4,1 млн. студентов учились в других странах, по сравнению с 2 млн. в 2000 г.[8]

Несомненно, «мягкая сила», то есть опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и увеличения влияния страны в мире, играла существенную роль в британской внешнеполитической стратегии задолго до появления соответствующего термина. Так, Британский совет – один из ключевых институтов, играющий большую роль в продвижении британского образования за рубежом, был основан в 1934 г., а в 1938 г. открылись первые отделения этой организации за рубежом. В 1962 г. Великобритания и США занимали первое место по числу обучающихся в этих странах студентов из развивающихся государств (по 40 тыс. человек в каждой из стран). Около 5 тыс. британских учителей, в свою очередь, работали в развивающихся странах[9]. Наследие Британской империи, в частности, тот факт, что элиты в бывших колониях владели английским языком, играли важную роль в достижении таких показателей.

Великобритания занимает на рынке международного высшего образования второе место после США. Согласно отчету Палаты лордов, в 2013 г. в национальных образовательных учреждениях всех уровней обучалось 435 000 студентов из-за рубежа[10]. По данным Министерства департамента бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки с 2003 г. по 2013 г. британские университеты закончили около 2 млн. выпускников-иностранцев, подавляющее большинство из которых вернулось после завершения обучения к себе на родину. По оценкам ведомства, за следующие десять лет (т.е. с 2013 г. по 2023 г.) таких выпускников будет уже 3 млн[11].

---

[8] UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students. Available at: http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx.

[9] The Overseas Development Institute. British Aid-4. Technical Assistance. A factual survey of Britain's aid to overseas development through technical assistance. London, 1964. 200 p.

[10] Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence – Vol. 2. House of Lords, London, 2014. P. 679.

[11] *Mellors-Bourne R., Humfrey C, Kemp N., Woodfield S.* BIS research paper number 128. The Wider Benefits of International Higher Education in the UK. London, 2013. P. 15.

Соединенное Королевство считается лидером в сфере транснационального образования – то есть организации обучения с получением степеней британских вузов за рубежом. В 2014/2015 гг. по таким программам обучались 663 915 студентов, примерно половина из них – в Азии (почти 20% – в Малайзии и Сингапуре)[12].

Привлекая иностранных студентов, страна стремится приобщить их к своей культуре, продемонстрировать преимущества британского образа жизни и общественного устройства. Предполагается, что после возвращения домой выпускники британских учебных заведений будут позитивно настроены по отношению к Великобритании и будут влиять на мнение своих соотечественников, а также способствовать реализации благоприятной для Соединенного Королевства внешней политики. Например, правительственная стипендиальная программа Чивнинг предлагает будущим лидерам и тем, кто будет принимать решения и оказывать влияние в своих странах, возможность развиваться профессионально и строить долгосрочные отношения с Великобританией[13].

Стремление Великобритании к сохранению и усилению позиций на глобальном рынке образования связано не только с ролью этой сферы с точки зрения «мягкой силы», но и в целом с моделью «экономики знаний» и стратегией экономического развития. Так, в 2011 г. доходы страны от экспорта образования составили 17,5 млрд ф. ст.[14]] Помимо прямых доходов от экспорта британского образования, возникают многочисленные дополнительные преимущества как в области экономики, так и для увеличения «мягкой силы» страны. В 2013 г. по заказу министерства бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки были опрошены выпускники британских вузов, проживающие за пределами Европейского союза. По результатам интервью министерство подготовило обзор непрямых выгод от обучения иностранных студентов. Эффект от экспорта образовательных услуг очень широк: от деловых и культурных связей с сотнями тысяч перспективных и амбициозных выпускников и до влияния через образование иностранных граждан на идеи, модели и нормы, которые они в дальнейшем смогут внедрять в странах своего происхождения. Среди дополнительных преимуществ также упомянуты косвенные экономические выгоды (например то, что выпускники часто возвращаются в Великобританию в качестве туристов, покупают продукцию и услуги британских брендов и т.п.)[15].

---

[12] HEGlobal. What is TNE? // Available at: http://heglobal.international.ac.uk/about/what-is-tne.aspx.

[13] Официальный сайт стипендиальной программы Чивнинг: http://www.chevening.org

[14] The Department for Business, Innovation and Skills (BIS). International Education Strategy: global growth and prosperity. London, 2013. 87 p.

[15] См. подробнее: Об экономических выгодах от экспорта образования другой доклад Департамента бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки. The Department for Business, Innovation and Skills

Правительство и неправительственные организации используют ряд механизмов для развития и закрепления успехов в сфере международного образования. К ним относятся программы и мероприятия Британского совета – ключевой организации, отвечающей за распространение «мягкой силы» страны; стипендиальные программы; содействие реформированию образования в других странах; работа в рамках британских программ помощи развитию, а также комплексная деятельность по продвижению Великобритании за рубежом в рамках межведомственной программы *GREAT Britain*[16].

При продвижении британского образования за рубежом страна стремится подчеркнуть не только богатые традиции в этой области, но, в гораздо большей степени – современный и инновационный характер британских образовательных программ. Программы и мероприятия по продвижению британского образования Британского совета используют торговую марку *Education UK*, разработанную в 1999 г. Логотип *Education UK* призван подчеркнуть современность британского образования и включает знак *@*, использующийся в адресах электронной почты, а также рекламную фразу *Innovative. Individual. Inspirational* (инновационное, индивидуализированное, вдохновляющее). Под вывеской *Education UK* Британский совет проводит:

– презентации британских учебных заведений, семинары и мастер-классы для абитуриентов по написанию заявок на обучение;

– консультации для желающих получить британское образование в офисах Британского совета и онлайн;

– консультации по получению стипендий;

– выставки британского образования (по данным Британского совета в 2014-2015 гг. такие выставки посетили более 250 тыс. студентов[17]);

– веб-сайт EducationUK, предоставляющий информацию для потенциальных студентов, а также страницы Education UK в социальных сетях, канал StudyInTheUK на видеосервисе youtube, и ежемесячные информационные бюллетени для студентов и для агентств;

– тренинги для агентств, предоставляющих консалтинговые и посреднические услуги для желающих получить образование в Великобритании;

– услуги по маркетингу для британских учебных заведений в рамках программы *Services for International Education Marketing (SIEM*).

(BIS). Estimating the Value to the UK of Education Exports. BIS Research Paper Number 46. London, 2011. 117 p.

[16] Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. 105 p.

[17] *British Council.* Annual Report 2014–2015. Available at: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2014-2015.pdf.

Данная программа включает целый ряд как платных, так и бесплатных сервисов, в том числе ежемесячные брифинги о состоянии рынков и информация о потенциальных возможностях; маркетинговые исследования относительно перспектив экспорта образования в той или иной стране мире; услуги по продвижению и рекламе для образовательных учреждений на целевых рынках и т.п. Таким образом, Британский совет выступает в качестве проводника для образовательных учреждений Соединенного Королевства на рынки стран своего присутствия.

При всех преимуществах интернационализации британского образования, существует и ряд тенденций, которые вызывают определенное беспокойство экспертов и исследователей.

Согласно опубликованному в 2015 г. прогнозу Британского совета, доля Великобритании на глобальном рынке образования к 2025 г. может снизиться[18]. Организация экспортеров образования ExEdUK также предупреждает о риске потерять завоеванные Великобританией позиции на рынке образования, в том числе, с точки зрения распространения «мягкой силы»[19]. Однако очевидно, что обе данные организации также являются лоббистами и такие прогнозы могут служить в первую очередь для усиления собственных позиций и привлечения дополнительного внимания к сфере экспорта образования.

Другие соображения, связаны в том числе, с этическими вопросами – например, с тем, что привлекая наиболее талантливых студентов из бедных стран, Великобритания, таким образом, напротив, лишает эти страны собственного потенциала для развития. Опасения вызывают общая тенденция к «коммерциализации» образования (согласно статистике ОЭСР британские учебные заведения зависят от частных источников финансирования в большей степени, чем в среднем в ОЭСР[20]) и риск уменьшить образовательные возможности для самих британцев из-за чрезмерного внимания к иностранным студентам.

Тем не менее, в целом Великобритания смогла воспользоваться современной, и все более усиливающейся, тенденцией к интернационализации или глобализации образования; при этом экономика и «мягкая сила» оказываются тесно связанными на самых разных уровнях, а выпускники британских вузов рассматриваются экспертами и правительством как важный элемент «мягкой силы» страны.

[18] *British Council*. UK share of international students projected to fall. 10.12.2015. Available at: https://www.britishcouncil.org/organisation/press/uk-share-international-students-projected-fall.

[19] *ExEdUK*. Britain risks losing out to global competitors on soft power race. Press release. 13.02.14. Available at: http://exeduk.com/britain-risks-losing-out-to-global-competitors-on-soft-power-race.

[20] OECD. Education at a Glance 2015: OECD Indicators. United Kingdom. Paris: OECD Publishing, 2015. 11 p.

Вячеслав Григорьевич ЦИВАТЫЙ,
Ректор Дипломатической академии Украины
при МИД Украины

ГЛОБАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ XXI ВЕКА (ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы институциональной модели глобальной дипломатии в контексте достижений, задач и дилемм внешней политики и дипломатии государств мира в условиях полицентричного мира, их влияние на состояние межгосударственных отношений в условиях глобализированного мира, угроз и новых вызовов современности. В условиях полицентричного мира дипломатия в системе межгосударственных координат XXI в. приобретает статус глобальной дипломатии.

Глобальная история, современная глобалистика и глобальная дипломатия – все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему, которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности. Восточная Европа, в целом, и Украина, в частности, в глобализирующемся мире на сегодня вовлечены в процесс формирования полицентричной политико-дипломатической системы и становятся объектом глобальной дипломатии. Политико-дипломатическая система Восточной Европы в условиях новых вызовов и угроз в регионе, формирует новую особую модель межгосударственных отношений и глобальную эффективность многосторонних институтов.

Высокая изменчивость глобальных условий и взаимозависимость стран ООН требует повышенного внимания к исследованию, анализу и совместному решению возникающих проблем на современном этапе развития этой важной институции. ООН прошла нелёгкий путь становления, развития и совершенствования, с целью поиска оптимальной модели и форм межгосударственного, политико-дипломатического и институционального сотрудничества, адаптации её институтов и механизмов к современным реалиям полицентричного мира. Сегодня только откровенный диалог государств ООН на профессиональном и конструктивном уровне способен определить будущее этой институции.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, глобальная дипломатия, многосторонняя дипломатия, институционализация, полицентричность.

TSIVATYI Viacheslav,
Doctor of History, Associate Professor, Honored Worker of Education of Ukraine, Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine

GLOBAL DIPLOMACY IN THE CONDITIONS OF POLYCENTRIC WORLD: INSTITUTIONAL AND FOREIGN POLICY DIMENSION OF THE XXI CENTURY (SIGHT FROM UKRAINE)

Abstract. The article deals with current issues of the institutional model of global diplomacy in the context of achievements, problems and dilemmas of foreign policy and diplomacy of states of the world in the conditions of polycentric world, it impact on the state of international relations in a globalized world, the threats and of new challenges. In the context of a polycentric world diplomacy acquires the status of global diplomacy in the interstate system of coordinates of the XXI century.

The global history, modern globalism and global diplomacy - all these components are institutionalized in global diplomatic or political-diplomatic system that is constantly evolving in response to new challenges and threats of the modern world. The Eastern Europe, in general, and Ukraine, in particular, in a globalized world today are involved in the formation of a polycentric political and diplomatic system and become the object of global diplomacy. Political and diplomatic system of the Eastern Europe in the context of new challenges and threats in the region, creates a new special model of international relations and the global efficiency of multilateral institutions.

The high variability of the global environment and the interdependence of countries of the UN requires more attention to the research, analysis and shared tackling of emerging issues at the present stage of development of this important institution. The UN has passed a difficult way of formation, development and improvement, in order to find the optimal model and forms of interstate, political, diplomatic and institutional cooperation, adapting its institutions and mechanisms to the current realities of a polycentric world. At the time, only the frank dialogue of the countries of the UN on a professional and constructive level, is able to determine the future of this institution.

Keywords: foreign policy, diplomacy, global diplomacy, multilateral diplomacy, institutionalization, polycentric.

В современном глобализирующемся мире возрастает роль дипломатии и, соответственно, меняется оценка действенности её

инструментария. Дипломатия приобретает статус глобальной дипломатии. Эволюция международных и дипломатических систем в глобальном пространстве XXI в. существенно влияет на формы, методы и функции дипломатии в социуме. Глобальная история, современная глобалистика и глобальная дипломатия – все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему, которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности[1].

Поколение дипломатов XXI в. должно уметь не только выстраивать и отстаивать национальные интересы своего государства, но и обеспечивать отстаивание этих интересов на глобальных площадках в рамках складывающихся институциональных отношений наднационального характера или международных организаций (международных институций), как например – ООН. Дипломаты нового поколения обязаны уметь выявлять основные тренды глобального политического развития и прогнозировать развитие глобальной политико-дипломатической системы, а в отдельных случаях – проводить глобальную миротворческую и превентивную дипломатию в целях локализации либо нейтрализации межгосударственных конфликтов или политико-дипломатических кризисов в межгосударственных отношениях в условиях среды глобальной безопасности[2].

Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений и контрастов международной, региональной и национальной безопасности. Перед политической элитой и экспертным сообществом государств СНГ сегодня стоит задача прийти к единому пониманию содержания, целей и возможностей «мягкой силы» публичной дипломатии. На следующем этапе нужно будет выработать на основе этого общего понимания комплексную стратегию публичной дипломатии СНГ, адаптировать существующие и создать новые институты публичной дипломатии, а также системы оценки эффективности нового тренда XXI столетия. Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и её «мягкая сила» становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира и регулятором политико-дипломатических конфликтов.

---

1. *Циватый В.Г.* Социология дипломатии, дипломатические системы и институты дипломатии в условиях новых вызовов и угроз глобализации XXI века / В.Г. Циватый // Сборник научных материалов IX Международной научной конференции «Сорокинские чтения»: «Приоритетные направления развития социологии в XXI веке». – М.: Издательство Московского государственного университета, 2014. С. 799-802.
2. *Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С.* Теория и практика политической глобалистики / И.В.Ильин, О.Г. Леонова, А.С. Розанов. М.: Издательство Московского государственного университета, 2013.

В начале XXI в. усилилась роль и значение публичной дипломатии в глобализирующемся мире. В дипломатических ведомствах всё больше говорят и пишут о необходимости активизации общественной или публичной дипломатии. Приоритетным заданием должно стать эффективное использование ресурсов публичной дипломатии с целью повышения результативности внешнеполитической деятельности государства.

В условиях изменившейся за последние десятилетия геополитической картины мира под влиянием разноплановых глобальных процессов и проблем международной, региональной и национальной безопасности, тематика публичной дипломатии как важнейшего дополнительного инструмента достижения внешнеполитических целей государства обретает особую актуальность. В современном мире многократно возросло количество игроков-áкторов, участвующих в международном общении. В этих условиях публичная дипломатия становится важным внешнеполитическим ресурсом, одной из наиболее динамичных сфер мировой политики. Публичная дипломатия – это инструмент долгосрочного действия, создающий благоприятный климат для внешней политики, дипломатии и международной безопасности (конференционная дипломатия).

Система международных отношений XXI в. всё отчётливее приобретает черты полицентричности. Полицентричный мир и полицентричная система межгосударственных координат – это реалии и неизбежность сегодняшнего политико-дипломатического диалога. Полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, становится уникальным продуктом беспрецедентной стадии глобализации, которую она достигла к настоящему времени. Принципиальное отличие многополярности от «концертов» прошлого заключается в том, что, во-первых, мир прекращает быть не только европоцентричным, но и евроатлантичным[3]. Впервые в истории практически на всех континентах планеты появились или появляются державы с трансрегиональными амбициями. Во-вторых, степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, а также от различного рода инструментов «мягкой силы». В-третьих, во второй половине XX в. возник феномен современного международного права, фундаментом которого является Устав ООН. До сих пор он играет роль главного мерила легитимности действий государств на мировой арене, своего рода смирительной

3. *Ціватий В.Г., Громико О.А.* Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття (інституційний контекст) // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26-29.

рубашкой, сковывающей намерения тех, кто хотел бы действовать, не взирая на рамки общепринятых правил[4].

Пугать многополярностью под предлогом того, что это якобы возрождение баланса сил XIX века безосновательно по обозначенным выше причинам. Впрочем, если бы даже это и было так, предотвратить объективные процессы мирового развития невозможно. Необходимо стремиться скорректировать их, направить в максимально позитивное русло, но не делать вид, что их можно игнорировать. Ссылаться на то, что полицентричный мир намного сложнее для управления и менее предсказуемее, чем мир двухполюсный или, тем более, однополюсный, также не способствует решению проблемы. Закон развития человеческой миросистемы – усложнение механизмов управления и регулирования ею на всех уровня. Так было всегда, очевидно, будет и впредь.

Украина в глобализирующемся мире становится объектом глобальной дипломатии и субъектом полицентричной системы международных отношений. В целях эффективного урегулирования украинского кризиса активное участие принимает главный международный áктор глобальной дипломатии XXI в., главная международная институция, которой в 2015 г. исполнилось 70 лет – Организация Объединённых Наций (ООН). Украина, Россия и Европа продолжат переговорный процесс по урегулированию украинского кризиса, при поддержке ООН. Ведь на сегодня глобальная архитектура современного глобализированного мира представляет собой своего рода «пирамиду», на вершине которой находится ООН – главный инструмент поддержания мира и безопасности, деятельность которой дополняется сотрудничеством в рамках региональных организаций и на двусторонней основе.

На сегодня украинский кризис – это одна из самых серьёзных задача для безопасности всего мира с геополитической точки зрения. Эволюция глобальных процессов, несомненно, требует адаптации дипломатии к новым реалиям глобализированного мира.

В новых глобализированных условиях многосторонняя дипломатия, которая стала «сетевой», требует постоянного обновления форм и методов своей дипломатической деятельности, опирающихся на новый дипломатический инструментарий, гибкие формы участия государств в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач, и прежде всего – в контексте новой архитектоники европейского пространства безопасности и постсоветского пространства безопасности.

Многостороння дипломатия, или, в более узком смысле, конференционная дипломатия, стала основным инструментом поиска и

4. *Громыко А.А.* Становление нового мирового порядка // США – Канада. Экономика. Политика. Культура. 2002. № 11. С. 78-88.

согласования международных решений в глобальном, региональном, национальном и отраслевом масштабах. Именно она генерирует новые креативные подходы и концепции, принципы и нормы современного институционально-международного общения. В современных условиях возрастает роль и значение многосторонних институтов в предотвращении и разрешении конфликтных ситуаций. Глобальные трансформации международных институтов требуют новых аспектов управления и дипломатического инструментария регулирования, а национальное государство XXI в. должно формировать свой новый ресурс институтов глобальной дипломатии, отдавать приоритет «мягкой силе» как инструменту внешней политики государства[5].

В основу новой глобальной и региональной дипломатии, новой международной политической архитектуры должны быть положены принципы открытого общества. Открытое общество опирается на признание того, что истина в абсолютной инстанции нам не доступна (абсолютная истина). Поэтому мировое сообщество и отдельные государства современного полицентричного (многополюсного) мира должны научиться уважать разные интересы и точки зрения, найти средства и политико-дипломатический инструментарий, которые позволили бы всем людям жить в мире! Глобальное мышление – должно стать ключом к глобальной дипломатии, которая будет обеспечивать мир на всей планете. Глобальная дипломатия плавно перерастёт в новую форму современной дипломатии – планетарную дипломатию. Дипломатия и политико-дипломатический диалог государств решат все глобальные проблемы современного глобализированного мира.

В XXI в. интеграция – это один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. С одной стороны, этот тренд связан с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с другой – этот тренд связан с добровольным самоограничением свободы действий государств государством преференциального сотрудничества. На сегодня интеграция Украины в Европейский Союз – главный внешнеполитический приоритет. Она происходит на основе общих ценностей и прагматического подхода. Украина сделала свой геополитический выбор, подписав в Брюсселе Соглашение об Ассоциации с Европейским Союзом. И как следствие – Украина оказалась в центре мирового геополитического пространства. Кризисная ситуация в Украине, в случае если она не будет разрешена, может иметь значительные последствия для всего мира.

---

5. *Циватый В.Г.* Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др. Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. С. 269-280.

Мировое сообщество и главы внешнеполитических ведомств договорились продолжить дипломатические дебаты и поиск «точек соприкосновения» по вопросу Украины. Это значит, что в украинском вопросе глобальной дипломатии ставить точку ещё рано. Дебаты по вопросу украинского кризиса в ООН – это свидетельство остроты политико-дипломатического вопроса. Сегодня только откровенный диалог государств- членов ООН на профессиональном и конструктивном уровне способен определить будущее и эффективность работы этой международной институции.

Дилеммы внешней политики и дипломатии Украины, а также реакция на эту политику внешних факторов и международных институций, в том числе и Организации Объединённых Наций, остаётся на сегодня весьма острыми и открытыми. Смена украинских политических правящих элит, обострение отношений с Россией вследствие крымского кризиса, актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Украины. Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений. Не трудно заметить, что большая дипломатическая игра между Россией и Западом вокруг Украины сейчас проходит под знаком идеологии геополитической концепции «Большой Европы»[6].

Для России развитие ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес. В этой связи Россия сохраняет значительные возможности воздействия на выработку внешнеполитического курса Украины, при помощи использования различных механизмов и инструментов, дипломатического инструментария, при тесной координации своей политики и активизации сотрудничества с КНР и с партнёрами по СНГ и ЕС.

Следует отметить, что в начале XXI в. ведущим государствам мира удалось в значительной степени повысить свой авторитет и влияние национальной дипломатии на международной арене[7]. Для получения глобальных преимуществ, как в историческом прошлом, так и сегодня, большинство государств стремятся действовать мягкими, опосредованными дипломатическими методами[8].

Таким образом, можно отметить, что дипломатия и дипломатические службы государств мира в условиях глобализации, ключевым и

---

6. *Жильцов С.С.* Украина: 20 лет пути к независимости. М.: Восток-Запад, 2012.

7. См.: *Mowat Robert Balmain.* A History of European Diplomacy (1451-1789) / R.B. Mowat. London: Hamden-Connecticute, 1971; Paradiplomacy in action. The foreign relations of subnational actors. L., 1999; *Pigman Geoffrey Allen.* Contemporary Diplomacy. Washington, 2010.

8. См.: *Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н.* Эпистемиология и онтология истории // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2007. № 1. С. 24-35; *Кукарцева М.А.* Концепт и феномен толерантности: политико-дипломатическое измерение // Науковий вісник Дипломатичної академії України / За ред. В.Г. Ціватого. Випуск. 20. Ч. II. Серія «Політичні науки». К., 2013. С. 117-123.

координирующим звеном которых есть МИД, которое, как главный институциональный элемент дипломатической системы, имеет разветвлённую систему центральных, региональных и заграничных органов, непосредственно занимающихся развитием международного сотрудничества и защитой национальных интересов в отношениях с иностранными государствами в глобальном мире.

Дипломатия, глобальная и региональная дипломатия, как и другие социальные системы или подсистемы, виды деятельности, профессии, организации, явления и т.д., не существует вне социальных рамок, то есть вне конкретного специфического общества, функционирующего в рамках национального государства, и в большей степени в рамках международного, т.е. глобального сообщества. Современная дипломатия, в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутриполитической стабильности своих государств в дипломатических системах и институциональных, региональных и глобализационных координатах современного мира. Глобальные политические процессы и глобальная дипломатия XXI в. – это тренд современного глобализированного мира. Украина неотъемлемая часть этого мирового и европейского политического пространства, постсоветского политико-дипломатического пространства и планетарного пространства.

Руслан Насимович ШАНГАРАЕВ,
Научный сотрудник
Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России

УРОКИ ИСТОРИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ТУРЦИИ

Аннотация: Отношения между Россией и Турцией, исходя из исторических аспектов внешней политики двух стран и ретроспективы российско-турецких отношений на современном этапе, представляются гораздо более интересным измерением. Несмотря на кризис в двусторонних отношениях и меры экономического воздействия, принципиальные параметры и стратегические цели секционного сотрудничества России и Турции сохраняются.

Ключевые слова: Россия, Турция, национальная безопасность, стратегические интересы, кризис отношений, секционное сотрудничество, энергетическое сотрудничество.

SHANGARAEV Ruslan N.
Research Fellow
Diplomatic Academy, MFA Russia

LESSONS OF HISTORY IN RUSSIA-TURKEY RELATIONS

Abstract: Relations between Russia and Turkey based of the historical aspects of the foreign policy of the two countries and retrospectives of Russian-Turkish relations at the present stage, seem much more interesting dimension. Despite the crisis in the bilateral relations and the economic impact of the measures, the fundamental parameters and strategic objectives sectional cooperation between Russia and Turkey remain.

Keywords: Russia, Turkey, national security, strategic interests, relations crisis, sectional cooperation, energy cooperation.

В ноябре 2015 г. на территории Сирии российский самолет Су-24 был сбит турецким F-16 в километре от турецкой границы. Атакован был возвращающийся на базу бомбардировщик, который никак не мог угрожать Турции, атакован с расчетом на далеко идущие последствия. Этот момент стал своеобразной точкой бифуркации в российско-турецких отношениях и разделил сотрудничество двух государств на «до» и «после».

Однако, если посмотреть на исторические аспекты внешней политики Турции и ретроспективу российско-турецких отношений на современном этапе, можно вспомнить один интересный тезис: У страны нет вечных друзей и вечных врагов, а есть только национальные интересы. В исследовании предпринята попытка раскрыть данный тезис.

Характерной чертой дипломатии Османского периода, впоследствии полностью перенятой турецким государством, было умение лавировать между «великими державами» и даже само понятие «балансирования». В результате применения именно этого внешнеполитического принципа Турция оказалась после второй мировой войны третьим реципиентом американской помощи после Израиля и Египта. Из османской практики заимствованы также скептицизм и осторожность внешней политики, ее обеспокоенность состоянием в регионе.

Сохраняется также и «имперский» комплекс, сохранившийся после распада Османской Империи – туркам, включая политическую элиту, не нравится, когда их рассматривают как некую «страну второго сорта» и не считаются с ее мнением при разрешении противоречий в регионе. При этом они сами достаточно высокомерно относятся к арабским соседям, считая, что они «не умеют управлять государствами.

На протяжении десятилетий после отказа от «имперской внешней политики» традиционным остается и подозрительное отношение к России (даже не смотря на докризисное взаимовыгодное российско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество).

К базовым принципам Турции, помимо провалившейся политики «ноль проблем с соседями», можно отнести также «пантюркизм», «панисламизм» и «западничество».

«Западничество» подразумевает ориентацию на западную цивилизацию как наиболее развитую и богатую. Запад (в лице США и ЕС) был и остается для Турции образцом политического прогресса, экономического развития и военной мощи. Поэтому в широком смысле задача политических элит Турецкой Республики – «игра на стороне Запада».

В целом внешнеполитическая доктрина кемалистского периода может быть охарактеризована как политика осторожного прагматизма или как политика национальных интересов (в том понимании, которое присуще политической элите страны).

Пантюркизм, как второй глобальный проект, был более популярен среди националистов и послужил своеобразной единой почвой для сторонников республики. В самой Турции всегда четко разделяются «тюркизм» (türklük) и «пантюркизм» (türkcülük), причем первый термин понимался, как национальное единство всех жителей Турецкой Республики, а второй – как вмешательство Турции в дела тюрок, проживающих за рубежом.

Турция стала постепенно присоединяться к «чужим» глобальным проектам, если они соответствовали ее национальным интересам. Со временем в ее внешней политике наметилась и явная тенденция к тому, чтобы, по возможности, играть в таких проектах ведущую роль (например, в проектах политического объединения исламского мира).

Одним из интересных исторических аспектов внешней политики Турции можно выделить «панисламизм». Причем «…в центре общего мусульманского фронта против Запада должна была находиться Турция…».

С начала 1990-х годов во внешнеполитической мысли Турции стало формироваться интеллектуальное течение, получившее название «неоосманизм». Следует отметить, что само идеологическое течение под названием «неоосманизм» представляет собой влиятельную тенденцию в сфере идеологических предпочтений турецкой элиты (представители которой, включая даже главного идеолога, нынешнего премьер-министра Турции А.Давутоглу, на словах постоянно отрицают свои «неоосманские настроения»).

В целом, основные идеологии Турецкой Республики в последние два-три десятилетия все более переплетаются и «синтезируются». Зачастую трудно определить, где кончается кемализм и начинается неоосманизм или исламизм, что является отражением объективного процесса взаимопроникновения двух основных политических элит, выработки определенного компромисса между ними.

Политический ислам Турции в том виде, как он сформировался в последние 15-20 лет, несколько отклонялся от общего видения, выработанного турками на Западе. При анализе политического ислама Турции следует учитывать, что в большинстве случаев мы имеем дело не с мусульманством как таковым, а со специфической формой националистического политического курса, в той или иной степени повторяющей основные положения «тюрко-исламского синтеза».

По мнению турецкого профессора Багджи, у Турции есть три главных интереса в Сирии. Первый: не допустить образования курдского правительства в Северной Сирии. Второй: сдержать и контролировать группы радикальных исламистов. Третий: содействовать образованию нового правительства в Сирии, которое будет находиться под контролем Турции[1]. Иными словами, отношение Турции к сирийскому кризису, в основном, определяется этими тремя главенствующими национальными парадигмами и могло спровоцировать страну на недальновидные и необдуманные поступки в отношении России, последствия оказались для турецкой стороны значительными. Россия и Турция всегда находились по

[1] Шангараев Р., Ногмова А. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Обозреватель-Observer. 2016. № 3. С. 42-52.

разные стороны в сирийском конфликте, однако до того, как в ноябре прошлого года турецкий истребитель F-16 сбил российский самолет, им удавалось справляться с разногласиями.

Турция, обладая достаточно динамично развивающейся региональной и мировой экономикой, является ближайшим соседом России и более 20 лет была ее важным внешнеторговым, а значит и политическим партнером[2].

Турция была единственным членом Организации североатлантического договора (НАТО), отказавшейся ввести санкции после присоединения Крыма.

С 2002 по 2014 гг. товарооборот Турции с Россией увеличился почти в шесть раз. В общем товарообороте Турции со всеми странами мира Россия была на втором месте, уступая только Германии.

Сегодня даже Эрдоган, вероятно, согласится с тем, что решение сбить 25 ноября 2016 г. российский бомбардировщик нельзя назвать блестящей идеей[3].

Итогом акта агрессии по отношению к российскому самолету стало то, что двусторонние плодотворные и вполне дружественные российско-турецкие отношения, планомерно выстраиваемые более 20 лет, стали «разменной монетой» или «пешкой в большой шахматной игре» Запада и России[4].

Последствия кризиса в отношениях с Россией, которые пока выражаются в прямых расчетах стоимости аннулированных контрактов, еще предстоит экстраполировать на средне- и долгосрочную перспективу. Турция теряет российский рынок, который являлся для нее приоритетным по официально принятой долгосрочной экспортной стратегии страны.

В интересах Турции, для дальнего экономического развития и усиления своих позиций в регионе, продолжать сотрудничество с Россией. Однако атака на российский самолет демонстрирует, что для Турции приоритетнее другие аспекты сотрудничества, нежели экономические.

Изменения миропорядка могли бы открыть для России и Турции новые перспективы взаимовыгодного многоуровневого сотрудничества в различных сферах (энергетической, политической, торгово-экономической), но турбулентная система международных отношений, политические амбиции Турции, расстановка сил и активное вмешательство в двусторонние отношения США, которые, в свою очередь стремятся укрепить свое влияние в регионе путем ослабления региональных игроков, изменили устоявшиеся правила игры.

---

[2] Шангараев Р.Н. Влияние политикина торгово-экономические отношения России и Турции // Человеческий капитал. 2016. № 2 (86). С. 94-96.

[3] Путин рассчитывает на смену режима в Турции // Bloomberg, США http://inosmi.ru/politic/20160115/235070949.html

[4] Шангараев Р., Ногмова А. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Обозреватель-Observer. 2016. № 3. С. 42-52

Будучи членом военно-политического блока НАТО и, опираясь на поддержку США, Турция претендует на место регионального политического и экономического лидера[5]. Она все больше принимает самое деятельное участие в большинстве региональных политических и экономических организаций, активно вмешивается в дела ближневосточного, южно-кавказского, центрально-азиатского и североафриканского регионов, пытается усилить свою роль и за их пределами, что зачастую пересекается с национальными интересами России[6].

Однако на фоне усиления роли энергетического фактора в международной политике партнерство в топливно-энергетической сфере, безусловно, является ключевым направлением в российско-турецких отношениях на протяжении многих лет, и, несмотря на произошедшие события, остается таковой. Вполне объективно энергетическая составляющая двусторонних отношений остается в числе приоритетных значений для обеих сторон. Несмотря на кризис в двусторонних отношениях и меры экономического давления, «Голубой поток» не перестает работать, а турецкая сторона в четвертом квартале 2015 г. даже увеличила объемы закупок российского газа на 1 млрд. куб. м по сравнению с декабрем предыдущего года.

Во время прямой линии с гражданами страны, транслируемой 14 апреля, телеканалом «Россия 24» российский лидер отметил, что «Россия считает Турцию другом, а турецкий народ дружественным, с которым Москва будет выстраивать добрые добрососедские отношения. У нас есть проблемы с некоторыми политическими деятелями, поведение которых мы считаем неадекватным и соответствующим образом на это реагируем»

В целом современная внешнеполитическая концепция Турции может быть охарактеризована как политика турбулентного прагматизма или как политика национальных интересов, в том понимании, которое присуще руководству страны в определенный момент политической ситуации, когда внешнеполитические решения принимаются исходя из выгоды кратко и среднесрочного периода.

В заключение можно сказать, что мир очень изменился, страны несравнимо более сильно взаимосвязаны, чем сто лет назад. Проблема же согласования национальных и глобальных интересов актуальна как никогда. Необходимость, прежде всего для лидеров государств, тщательно взвешивать каждый шаг на международной арене, избегая скоропалительных решений авантюристического характера и принимать во внимание те потери, которые может вызвать втягивание страны в любой

[5] Бажанов Е.П., Жильцов С.С., Иванов О.П. // Современный мир и геополитика. М., 2015. С 76-80.
[6] Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 1 (300). С. 5-16.

кризис и противостояние. Однако необходимо понимать, что у каждого государства существуют национальные и стратегические интересы, которые, прежде всего, лидеры этих стран должны проводить и защищать, даже не смотря на дружественные отношения между ними.

Литература:

1. Aybek Gazete // http://aybekgazete.com/yazarlar/prof-dr-huseyin-bagci/suriyeye-mudahale-kararinda-akil-mi-vicdanmi-daha-agir-basiyor/61/)
2. Dış Ticaret İstatistikleri // URL:http://tuikapp.tuik.gov.tr
3. Бажанов Е.П., Жильцов С.С., Иванов О.П. // Современный мир и геополитика. М., 2015.
4. Белякова Н.С. Роль и место черноморского региона во внешней политике турецкой республики на современном этапе. Дис. на соиск. уч. ст. к. полит. наук. М., 2015.
5. Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 1 (300).
6. Иванов О.П., Минаев О.С. Энергетическая безопасность ЕС // Мир и политика. 2012. № 9 (72) // URL:https://mir-politika.ru/1318-energeticheskaya-bezopasnost-v-es.html
7. Миндагалиева А. Ш. Приграничный аспект экономического сотрудничества России и Казахстана // Дипломатическая служба. 2012. № 1.
8. Официальный сайт министерства иностранных дел Российской Федерации www.mid.ru
9. Официальный сайт министерства иностранных дел Турции // URL: www.mfa.gov.tr/
10. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации // URL: www.economy.gov.ru/
11. Официальный сайт президента Российской Федерации www.kremlin.ru
12. Путин назвал сдержанной реакцию России на действия турецких властей // газета.ru // URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2016/01/25/n_8165759.shtml
13. Путин рассчитывает на смену режима в Турции // Bloomberg, США http://inosmi.ru/politic/20160115/235070949.html
14. Шангараев Р., Ногмова А. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Обозреватель-Observer. 2016. № 3.
15. Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.Неймарк. М. КАНОН+ ОИ `Реабилитация, 2015. 448с.
16. Шангараев Р.Н. Влияние политики на торгово-экономические отношения России и Турции // Человеческий капитал. 2016. № 2 (86).

17. Шангараев Р.Н. Кластерные инициативы как основа модернизации промышленности России // Сегодня и завтра Российской экономики. 2011. № 43.
18. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. 2011. № 2.
19. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3.
20. Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. 2012. № 9-10 (1635).
21. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015 г.). Коллективная монография / Под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблис», 2015.
22. Мозлоев А.Т. Россия - Турция:к вопросу об обострении отношений // Человеческий капитал. 2016. № 2 (86).
23. Белякова Н. Черноморский регион во внешнеполитической стратегии Турецкой Республики // Дипломатическая служба. 2014. № 6.

Юрий Викторович ШЕВКО,
Президент научно-практического центра «Миротворец»
Василий Петрович РОЕНКО,
Магистрант
Дипломатической академии МИД России

РАЗВИТИЕ МИРОТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается молодежные аспекты становления кризисных ситуаций в различных регионах мира оказавших влияние на трансформацию международных отношений. Такие процессы поставили перед странами и мировым сообществом новые информационные задачи в рамках проведения миротворческой деятельности как главного средства решения проблем в области мирного урегулирования и предотвращения конфликтов.

Статья затрагивает вопросы подготовки обновленной версии доктрины информационной безопасности России, важность использования инструментария «мягкой силы» как ресурса и раскрывает понятие миротворческого потенциала молодежи в целях применения «мягкой силы» в условиях трансформации международных отношений.

Ключевые слова: доктрина информационной безопасности, «мягкая сила», миротворческий потенциал молодежи, цветные революции, трансформация международных отношений.

SHEVKO Yury Victorovich,
President of Scientific and Practical Center "Peacebuilder"
ROYENKO Vasiliy Petrovich,
Magister
International relations and international law
Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign affairs

DEVELOPMENT OF YOUTH PEACEBUILDING POTENTIAL FOR PURPOSES OF THE SOFT POWER USE IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Annotation: The article deals with some youth aspects of crisis formation in different regions that have had influence on the transformation of international rela-

tions. The processes have posed new information tasks for countries and the world community within a framework of peacebuilding as the main tool of solving problems in the field of peaceful settlement and conflict prevention.

The article touches upon the points of preparation of the renewed Russian Information Security Doctrine as well as the importance of soft power use as a resource and define the youth peacebuilding potential for purposes of soft power use in the context of transformation of international relations.

Keywords: Information security doctrine, “soft power”, peacebuilding potential of young people, “color revolutions”, transformation of international relations.

Опыт становления и развития современного кризиса в Сирии, на Балканах, ряде стран СНГ и Ближнего Востока («арабская весна») показывает, что перед странами, мировым сообществом **встают все новые информационные задачи** в рамках проведения миротворческой деятельности как главного средства решения проблем в области мирного урегулирования и предотвращения конфликтов.

В мае 2015 г. секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев, говоря о подготовке обновленной версии доктрины информационной безопасности, отметил: "Прежде всего, это связано с возникновением новых военных опасностей и угроз. Их проявления видны в событиях "арабской весны", в Сирии и Ираке, в ситуации на Украине и вокруг нее". Также это связано с тенденцией смещения военных угроз в информационное пространство[1].

В настоящее время проходит предварительное экспертное рассмотрение, предваряющее общественное обсуждение проекта новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации.

В этой связи, появляющиеся новые информационные задачи в миротворческой деятельности, обуславливают необходимость обращения особого внимания в доктрине на определение методов, средств и технологий активного привлечения молодых людей эффективно участвовать в решении проблем информационной деятельности в миротворческих процессах, действиях информационному противоборству, экстремизму и терроризму, информационному противодействию становления и развития кризисных ситуаций.

Наблюдается практическая необходимость оценки степени участия молодежи в решении информационных задач, оценки способности и готовности ею выполнять указанные функции. Такую оценку нами предлагается осуществлять с помощью определения **миротворческого потенциала (ресурса) молодежи**. Терминологически этот **потенциал мы**

[1] ТАСС: Политика. Патрушев: стратегия нацбезопасности РФ будет скорректирована ttp://tass.ru/politika/1950207

определяем как способность и готовность молодого человека обоснованно и эффективно применять инструменты «мягкой силы» в условиях трансформации международных отношений, новых вызовов и угроз.

Опыт современных международных отношений показывает, что не всегда можно добиться целей, опираясь лишь на военную и экономическую мощь. Во многих случаях желаемой цели можно достичь при помощи методов и инструментов «мягкой силы», основу которой составляет экономическая помощь, привлекательная политическая идеология, использование узнаваемых символов и знаков духовной и материальной культуры. При развитии миротворческого потенциала молодежи в условиях применения «мягкой силы» необходимо учесть, что она представляет собой искусство убеждения, использования нематериальных ресурсов культуры и политических идеалов для оказания влияния на людей, как в своей стране, так и в других странах.

В каждой стране формируется свое понимание «мягкой силы», что обусловлено политическими, экономическими, социальными и культурными различиями между странами мира. Так понятие «мягкой силы» в нашей стране определенно в Концепции Внешней политики Российской Федерации (2013). «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»[2].

О важности использования термина «мягкая сила» в своем выступлении президент России В.В. Путин в 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей РФ за рубежом подчеркнул: «Политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на её достижениях не только в материальной но и в духовной культуре и в интеллектуальной сфере»[3].

---

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. http://archive.mid.ru//BRP_4.NSF/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

[3] Совещание послов и постоянных представителей России. 9 июля 2012 года. http://kremlin.ru/transcripts/15902

В современных условиях особо важное значение приобретает для молодежи понимание Российской «мягкой силы», её инструментария. В настоящее время можно выделить следующие направления использования этой силы в нашей стране: расширение российского культурного присутствия за рубежом, укрепление позиции русского языка в мире, продвижение российских образовательных услуг, поддержка соотечественников и формирование объективного восприятия России с помощью публичной дипломатии.

При этом эффективной основой, как показывает практика, для решения этих задач, может обоснованно считаться совместная деятельность государственных и общественных организаций направленная на укрепление позиций и авторитета России на международной арене, путем развития публичной дипломатии, продвижение интеллектуального культурного научного и делового потенциала страны, проведение международных общественно-политических культурных акций популяризации русского языка и культуры. Правовой основой такого взаимодействия является Федеральный закон от 13.07.2015. N 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве»[4].

В этой связи большую пользу для развития миротворческого потенциала молодежи может оказать ознакомление с опытом продвижения российской «мягкой силы» такими организациями как: МИД РФ, Россотрудничество, Министерство культуры, Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова, неправительственными организациями «Российская ассоциация международного сотрудничества» и «Российский совет по международным делам».

Именно недостаточное внимание к молодежному фактору во многом способствовало становлению и развитию в Сирии и ряде других стран конфликтов, экстремистской и террористической деятельности, усложнило недопущение их мирного урегулирования. Так, молодые люди в этих странах практически бесконтрольно подвергались информационному экстремистскому влиянию, слабо могли ему противостоять, используя современные информационно-коммуникационные средства и технологии.

В настоящее время важным для развития миротворческого потенциала молодежи является изучение истории и результатов «цветных революций» от Сербии до наших дней, высказывания молодых людей о влиянии этих революций на их жизнедеятельность, анализ текстов их воспоминаний показывает важность рассмотрения молодежного фактора в происходящих международных трансформациях.

[4] Федеральный закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

Рассматривая исторический опыт участия молодых людей в «цветных революциях», считаем необходимым обратить особое внимание на развитие миротворческого потенциала молодого человека в рамках практического участия в деятельности молодежных движений, союзов, организаций.

С учетом результатов анализа исторического опыта воздействия на молодежь проводимых цветных революций, используемых современных технологий и инструментов «мягкой силы», на наш взгляд, целесообразно обоснованность использование миротворческого потенциала молодежи в рамках разработки следующих, представленных в доктрине, направлений развития и совершенствования системы информационной безопасности Российской Федерации: (1) совершенствования информационно-аналитического и научно-технического обеспечения функционирования системы информационной безопасности Российской Федерации; (2) повышения эффективности взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, организациями различных форм собственности и гражданами при решении задач в области информационной безопасности Российской Федерации».

В настоящее время, в целях научно-практического рассмотрения вопросов развития миротворческого потенциала молодежи, нами предлагается разработать и реализовать пилотный проект государственно-частного партнерства между Дипломатической академией МИД России, Центром патриотического воспитания МИД РФ, Всероссийской Общественной организацией ветеранов «Боевое Братство» и Научно-практическим центром «Миротворец». Данное партнерство представляет собой экспериментальную модель построения системы, в которой определяются методы средства и технологии активного привлечения молодежного потенциала для решения проблем информационной деятельности в миротворческих процессах, процессах информационного противоборства экстремизму и терроризму, информационному противодействию становлению и развитию кризисных ситуаций. В содержательном плане реализация проекта может быть осуществлена через регулярное проведение заседаний дискуссионного клуба «Вектор Политики» на базе Дипломатической Академии МИД России, проведение лагерных сборов и молодежных слетов с учетом необходимости гармонизации межконфессиональных и межнациональных взаимоотношений, поддержки развития возрождаемого Минобороной РФ движения «Юнармия» и через подготовку к формированию молодежного миротворческого корпуса «Миротворец».

Стороны партнерства, на наш взгляд, могут принять участие в проведении в ноябре 2016 г. международной научно-практической конференции на тему «Миротворческий потенциал молодежи в современном мире». В рамках этого мероприятия целесообразно

запланировать обсуждение таких вопросов как учёт молодежного фактора в информационном противоборстве и роли государственно-частного партнерства в целях использования миротворческого потенциала молодежи для решения проблем информационной деятельности в миротворческих процессах, в процессах информационного противоборства экстремизму и терроризму, информационному противодействию становлению и развитию кризисных ситуаций.

Результаты такой практической деятельности позволили бы выделить полезные для учета в доктрине средства, способствующие, развитию и использованию миротворческого потенциала молодежи в сфере обеспечении информационной безопасности России, как: создание сетевых сообществ на принципе «сетецентричной концепции»; применение политической медиаметрии; разработка и использование фрактальных средств и технологий.

В рамках определенного обоснования использовании этих средств в доктрине приведем наше содержательное их понимание в процессе их практического применения.

Создавая сетевые сообщества, на принципе «сетецентричной концепции», нами были использованы основные результаты опубликованной работы «Сетеценризм: геополитические и военно-политические аспекты современности», под общей редакцией проф. В.И.Анненкова[5]. Целесообразность этого подхода также подтверждена выводами из «сетецентричной концепции» для обеспечения военной безопасности США и их союзников по НАТО: «В обозримом будущем основные угрозы их национальным интересам будут исходить не только от регулярных армий, но и от террористических, криминальных, экстремистских и других преступных сообществ, способных объединяться в региональные или глобальные транснациональные сетевые структуры», «эти сетевые структуры рассматриваются политическим руководством США как особый тип оргоружия…». «Особенность оргоружия, основанного на сетецентрическом принципе, состоит в том, что такие сетевые структуры могут возникать спонтанно, носить временный характер, не иметь чёткой иерархической подчинённости, а, зачастую, и единого руководства. Главным обьединительным мотивом в такой сетецентрической организации являются мнения, установки и убеждения её членов и источники финансирования»[6].

[5] Анненков В.И., Баранов С.Н., Моисеев В.Ф., Хархалуп С.С. Сетеценризм: геополитические и военно-политические аспекты современности / Под общ. ред. проф. Анненкова В.И. М.: Русавиа, 2013.

[6] Анненков В.И., Баранов С.Н., Волохов В.И., Миронов С.И., Хархалуп С.С. Международная безопасность: геополитические и военно-политические аспекты современности / Под общ. ред. проф. В.И.Анненкова Учебник. М.: Русавиа, 2015. 512 с.

Сформированные нами молодежные группы, в рамках решения проблем информационной безопасности, объединяясь горизонтальными связями с другими структурами, продемонстрировали способность на определенное время становиться локальными, региональными и возможно глобальными сетевыми структурами, а после решения поставленной задачи, вновь возвращаться в малую группу или прекратить свое существование. Становится очевидным, что противостоять, выявлять и нейтрализовать подобные молодежные структуры достаточно сложно, поскольку даже лидерство в них может переходить от одного центра к другому. По достижению цели члены структуры превращаются в мирных, законопослушных граждан. Противник, как правило, не может идентифицировать, кем, откуда и зачем была проведена акция, поэтому и не способен нанести адекватные ответные действия или не допустить их повторения. Такова особенность живучести и эффективности целевого применения молодежью миротворческого потенциала, основанного на «сетецентрическом принципе».

В практической деятельности нами подтверждена актуальность применения метода политической медиаметрии, полезность которого показана экспертом по технологиям информационных войн сотрудником Центра оборонных исследований РИСИ Николайчук И.А. Говоря о специфики политической медиаметрии как метода исследований, связанных с обеспечением стратегического планирования национально-государственной безопасности России, он выделяет следующие возможности его применения: 1 - на объективной основе построение дерева целей и определения спектра сценариев развития двухсторонних или многосторонних отношений; 2 – выбор наиболее вероятного прогноза динамики этих отношений; 3 – вскрытие реальных стратегических планов той или иной страны (или организации, например НАТО) в отношении России[7].

В качестве научного подтверждения правильности рекомендации для использования в обсуждаемой доктрине выбранного нами метода политической медиаметрии, служит также монография И.А. Николайчука[8] В ней приводятся многочисленные результаты медиаметрических исследований, которые связаны с задачами выявления угроз, их парирования и реагирования на вызовы, влияющие на движение России к возрождению в качестве великой мировой державы. Он приводит контуры системности зарубежных СМИ и делает вывод, что даже на уровне основных стран Запада какой-то согласованной стратегической цели,

[7] См. в частности: Абаев Л.Ч. О некоторых аспектах аналитического обеспечения стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации // В сб.: Общество, власть и аналитика. МГТУ им Н.Э. Баумана. М., 2013. С. 35.

[8] Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. М.: РИСИ, 2015. 230 с.

потенциально роковой для исторического бытия российского государства, медийные машины зарубежных стран не придерживаются[9].

Трансформация международных отношений в XXI в. показывает, что для ослабления позиций России используются механизмы в так называемой конкурентной борьбе на международной арене. В связи с этим нам необходимо адекватно реагировать на эти вызовы, а главное работать системно, решать проблемы, которые содержат потенциальные риски для единства нашей страны и общества. Дальнейшее совершенствование и применение политической медиаметрии в системе вскрытия и противодействия угрозам национальной безопасности России, является эффективным инструментом для адекватных реакций на вызовы.

Использование фрактальных средств и технологий позволяет формировать миротворческое мировоззрение молодых людей, развивать методы, средства и технологий информационного противодействия становлению и развитию кризисных ситуаций.

Таким образом, наши предложения в рамках обсуждаемой доктрины сводятся к пониманию того, что необходимо обеспечить активное привлечение молодежного потенциала для решения проблем информационной деятельности в миротворческих процессах, информационного противоборства экстремизму и терроризму, информационному противодействию становления и развития кризисных ситуаций на основе государственно-частного партнерства, к показу ряда успешно проявивших себя в нашей практике средств в решении этих задач.

[9] Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. М.: РИСИ, 2015. 230 с.

Татьяна Владимировна ЩЕРБАКОВА,
Старший научный сотрудник института системных проектов
Московского городского педагогического университета

КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РФ

Аннотация: В статье представлен обзор электронных ресурсов Министерства иностранных дел РФ в социальных сетях с момента их появления до настоящего времени. Формы, характер, содержание коммуникации представителей МИД РФ и информации от лица министерства рассматриваются в контексте такого явления как публичная дипломатия. Главным каналом коммуникации МИД РФ в социальных сетях является сервис микроблогов «Твиттер», здесь сосредоточено большинство сообщений ведомства. Россия одна из девяти стран лидеров «Твиттер»-коммуникации. Коммуникация и присутствие в социальных сетях является элементом мягкой силы. В сообщениях МИД РФ в социальных сетях отражена повестка дня министерства, они часто становятся основой для медиа новостей, в том числе и громких и даже провокационных. Рассмотрена разница представления информации в разных социальных сетях, определена стратегия публичного общения. Контент анализ и компаративное исследование показали, что главным адресатом МИД РФ в социальных сетях являются: иностранные внешнеполитические ведомства, зарубежные СМИ, а также российская общественность, именно у данной группы сообщения аккаунтов МИД РФ находят больший отклик. Рассмотрен феномен перехода не только к адресной коммуникации с аудиторией, но и придания неформального характера сообщениям от официального источника, представление информация в формате: «личное мнение работника МИД» и другие коммуникационные подходы, применение которых было бы невозможно вне социальных сетей.

Ключевые слова: МИД РФ в социальных сетях, электронная дипломатия, политика официального представителя МИД РФ в социальных сетях, Твиттер-дипломатия, мягкая сила, публичная дипломатия.

SHCHERBAKOVA Taniana Vladimirovna
PhD, senior research associate of Institute of System Projects ,The State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University»

SOCIAL MEDIA ACTIVITIES: THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS EXPERIENCE

Abstract: The review of the Ministry of Foreign Affairs electronic resources on social networks is presented in article from the moment of their emergence to today. Forms, character, content of communication's policy of the Russian Foreign Ministry's Spokeswoman on social networks and information on behalf of the Ministry are considered as public diplomacy. The main communication channel of the Ministry of Foreign Affairs on social networks is Twitter (the microblogs service); the majority messages of department are concentrated here. Russia is one of nine leaders countries on Twitter communications. Communication and presence on social networks are the important soft power element. The Ministry of Foreign Affairs agenda is reflected in statements on social networks. Social networks statements often become the basis for breaking news. In article is looking for the content's different for each social network and for strategy of public communication. Connecting of content's analysis and comparative research the main addressee the Ministry of Foreign Affairs on social networks are foreign Ministries, international and foreign mass media, and also the Russian public opinion. The Ministry's of Foreign Affairs accounts are too popular special for this audience. Russian users of social networks get a bigger response. In article are presented the phenomenon of transformation from the official communication style to personal and also the technology of informal messages from the Russian Foreign Ministry's Spokeswoman, who represents forma information as "personal opinion" and other communication approaches which application would be impossible out ofsocial networks.

Key words: Ministry of Foreign Affairs on social networks, electronic diplomacy, communication's policy of the Russian Foreign Ministry's Spokeswoman on social networks, twitter diplomacy, soft power, public diplomacy.

Присутствие в социальных сетях стало не только неотъемлемой часть современной системы публичной дипломатии, но и самым массовым её каналом. Коммуникации в социальных сетях становятся объектом рассмотрения сразу двух ведущих направлений современной дипломатии: публичной и электронной, поэтому и рассматривать их следует с содержательной и технический позиций. Развитие социальных сетей

привело к появлению новых форм публичного обсуждения важнейших внешнеполитических событий и прямого двухстороннего общения представителей страны с международной общественностью, в том числе и с рядовыми пользователями социальных сетей. Выход в сети МИДа РФ традиционно связывают с выступление В.В.Путина на совещание послов и постоянных представителей России в 2012 г.[1] Первый аккаунт МИДа появился в феврале 2011 г. на сервисе микроблогов «Твиттер»[2] на английском языке, и практически сразу заработал русскоязычный аккаунт. Их содержание схоже. В сентябре 2014 г. Мария Захарова так охарактеризовала их содержание и коммуникационные задачи: «На 95% [страницы - Т.Щ.] идентичны, но небольшая разница в контенте есть: не всё интересует англоязычную аудиторию, и это различие перекрывается 5% публикаций. Задачей нашего Twitter было отсечь из официального сообщения все, что было понятно представителям СМИ, с которым мы привыкли общаться на официальном языке, но является лишним для обычного пользователя. Так мы даём суть каких-либо официальных заявлений, в которых прежде без перевода журналистов было сложно разобраться людям. Таким образом, мы стали ближе к аудитории и понятнее для неё»[3]. На сегодняшний день разница аккаунтов увеличилась, основной упор делается на заполнение русскоязычной страницы микроблога, здесь же есть английский вариант названия публикации. Формат сообщения таков: английское название – слеш – русское название – ссылка на официальный сайт, например: «Lavrov – Paolo Gentiloni meeting in Moscow/Встреча С.Лаврова и главы МИД Италии П.Джентилони https://t.co/cuTazPIDBH». Русскоязычная версия за пять лет существования накопила на 8,2 тыс. сообщений больше и на 892,5 тыс. больше читателей. Условия современной цифровой дипломатии требуют твиттер-присутствия внешнеполитического ведомства, успех МИДа признают и западные аналитики сетевой активности. Так, Илан Манор – исследователь Оксфордского университета по вопросам цифровой дипломатии, описывая технологии и процессы применения социальных медиа внешнеполитическими ведомствами, считает, что МИД РФ входит в семёрку самых влиятельных внешнеполитических структур современного

[1] Совещание послов и постоянных представителей России. Владимир Путин выступил на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации. Тема заседания – «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». 9.07.2012 // http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902 (Дата обращения: 26.03.2016).

[2] Официальные «Твиттер» аккаунты Министерства иностранных дел РФ на русском языке @MID_RF//https://twitter.com/MID_RF; на английском языке @MFA_Russia//https://twitter.com/MFA_Russia (Дата обращения: 26.03.2016).

[3] Панченко П. Как МИД РФ использует социальные сети в информационной войне. RB.Ru. 25.09.2014 // http://www.rb.ru/article/kak-mid-rf-ispolzuet-sotsialnye-seti-v-informatsionnoy-voyne/7387277.html (Дата обращения: 26.03.2016).

мира[4]. Однако И. Манор считает коммуникации МИДа в большей степени презентационными, нацеленными на представителей для внешнеполитических ведомств других стран и западных журналистов, а не на рядового пользователя, в качестве аргумента он приводит анализ активности посольств РФ в сети, которая значительно снижена[5].

В 2013 г. МИД принял решения о выходе в сеть «Фейсбук»[6], где есть возможность размещать более обширные посты, снабжая их фото, видео и ссылками. Аудитория данной странице составляет 334244 подписчика, что является неплохим показателем активности ведомства, для сравнения базовая страница Госдепартамента США на англ. языке действует с 2009 г. и имеет 1млн.465219 подписчиков, а страница для русскоязычной аудитории «США по-русски - U.S. Department of State», действующая с 2016 г., имеет 1718 подписчиков. На ФБ странице МИДа помимо ссылок на официальные заявления появляются ироничные посты, лишённые тяжеловесной дипломатической лексики, это быстро замечают журналисты и активные пользователи сети, что делает страницу каналом формирования повестки дня. Страница позволяет распространять материал, высказывать отношение к публикации (есть система «лайков»), а также комментировать посты и писать личные сообщения. Администратор страницы оставляет за собой право удалять комментарии, в которых используются нецензурная лексика, оскорбительные реплики по отношению к участникам дискуссии или администратору страницы, обсуждения, не связанные с темой дискуссии/поста, а также спам или рекламные объявления. Комментарии, нарушающие правила, удаляются со страницы. Однако более активным элементом коммуникации МИДа в «Фейсбуке» стал персональный аккаунт главы Департамента информации и печати МИД РФ Марии Захаровой, после назначения на пост директора в мае 2015 г. контент страницы резко изменился, здесь стали появляться ежедневные довольно большие посты, написанные в стиле журналистской заметки, снабжённые любительскими фото. Удачно выбранный формат ведения персональной страницы, а именно: чередование информации о личной жизни (украшении новогодней ёлки, выпавшем зубе ребёнка и т.д.), статьи-рассуждения на актуальные национальные, религиозные, социальные темы, фото-комментарии к рабочим моментам и личное мнение о профессиональных вопросах делает

[4] Manor I. Imagining Digital Diplomacy as Social Networks//http://digdipblog.com/imagining-digital-diplomacy-as-social-networks/ (Дата обращения: 26.03.2016).

[5] См.: Manor I. The State of Russian Digital Diplomacy06.09.2015 // http://digdipblog.com/2015/09/06/the-state-of-russian-digital-diplomacy (Дата обращения: 26.03.2016); The State of Russian Digital Diplomacy-Part 2 10.09.2015//http://digdipblog.com/2015/09/10/the-state-of-russian-digital-diplomacy-part-2/ (Дата обращения: 26.03.2016); The State of Russian Digital Diplomacy. Part 3. 20.09.2015 // http://digdipblog.com/2015/09/20/the-state-of-russian-digital-diplomacy-part-3/ (Дата обращения: 26.03.2016).

[6] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел РФ социальной сети Фейсбук // https://www.facebook.com/MIDRussia/timeline (Дата обращения: 26.03.2016).

аккаунт официального представителя очень популярным у журналистской и широкой внутрироссийской аудитории. Сейчас на страницу представителя МИД подписано более 124674 пользователя сети, каждый пост имеет многократные перепосты, лайки и комментарии, содержание публикаций регулярно становится объектом внимания отечественных и зарубежных СМИ. При том, что М. Захарова ни раз публично заявляла о персональном характере страницы[7], страница ФБ МИД часто перепечатывает материал официального представителя с хештегами #мнение и #opinion. Данный персональный аккаунт стал мощным каналом формирования новостей, общественного мнения, а также запуска сетевых активностей (флэш-моба в социальных сетей), так в результате анализа и мониторинга журналистов Би-Би-Си именно размещение Марией Захаровой фото силуэта самолёта на фоне российского триколора стало началом мощного мемориального движения в социальных сетях после объявления причины (террористического акта) крушения российского самолёта в Египте 30 октября[8], публикация фотоколлажа не только собрала более 29 тыс. просмотров[9], но и запустила массовую волну выражения скорби пользователями сети и многократных публикаций в СМИ.

Система присутствия МИДа в социальных сетях складывается из общеминистерских аккаунтов в Твиттере, Фейсбуке, Вконтакте, видеохостинге Ютьюб и Фликр, персональных аккаунтов руководства Министерства (их пять), аккаунтов департамента стран СНГ, пресс-центра, консульского департамента, историко-документального департамента, ситуационно-кризисного центра, официальных аккаунтов посольств и консульств, постпредств и представительств МИД РФ. Общей сложности – это 598 постоянно обновляющихся аккаунтов на языках стран присутствия[10]. На вопрос о регулировании контента такого количества аккаунтов, М. Захарова отвечает: «Что касается работы в социальных сетях, то, безусловно, у нас есть внутренние инструкции. В большей степени речь идет о технической стороне дела. Это даже не инструкция, а материалы в помощь для того, чтобы разобраться, как посольствам, например, открывать аккаунты, запускать свои страницы в той или иной социальной сети. <….> Можно сказать, что МИД был одним из первых российских госорганов, который системно начал работу в социальных сетях. Мы запустили

[7] РИА Новости: Захарова: мои записи в соцсетях – это не официальные заявления МИД РФ 22.08.2015//http://ria.ru/society/20150822/1201091961.html#ixzz440TUF2re /(Дата обращения: 26.03.2016).

[8] Russians demand revenge after Sinai plane bombing is confirmed // BBC 17.11.2015. http://www.bbc.com/news/blogs-trending-34846376 (Дата обращения: 14.05.2016).

[9] Публикация фотоколлажа. https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10208307521035348&set=a.4365446944032.176170.1523648416&type=3&theater собрала 29 тыс. откликов, 18тыс. репостов и более 500 комментариев (Дата обращения: 14.05.2016).

[10] Официальный сайт МИД РФ. Аккаунты в социальных сетях //http://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts (Дата обращения: 26.03.2016).

страницы в Твиттер, затем открыли аккаунты на видео-хостинге Ютьюб, в Фейсбук, у нас есть общеминистерский аккаунт во Фликре. Наши посольства работают в ряде других соцсетей, которые популярны в той или иной стране. Например, в Китае существуют свои социальные сети [Sina Weibo, Browse – Т.Щ.] и т.д. Поэтому мы, начав как ведомство эту работу и запустив первые аккаунты, разработали рекомендации, как нашим посольствам вести соответствующие социальные сети. Что касается поведения дипломатов, сотрудников Министерства и посольств в соцсетях, это точно такая же среда для работы и жизни дипломата, которой он окружён, находясь за рубежом. Поэтому и работать он должен достойно, с пониманием того, что он дипломат и представляет свою страну, он должен уважительно относиться к стране пребывания, её традициям и особенностям. Повторю, технологические или технические рекомендации существуют. Нужно понимать, что в МИД и в роспосольствах работают люди различных поколений: есть молодёжь, для которых это привычное дело и уже неотъемлемая часть их жизнь, а есть представители более старшего поколения, которые все-таки привыкли ориентироваться на традиционные СМИ и которые, кстати говоря, с удовольствием подключились к этой работе и даже открыли собственные аккаунты, выразив пожелания, чтобы мы их просветили, как это делать технически»[11].

Официальный аккаунт МИДа на видеохостинге «Ютуб» был зарегистрирован 25 июня 2012 г., на сегодня имеет 9 628 подписчиков, суммарный объем просмотров составляет 3 047 115[12], однако из-за потока негативных комментариев, возможность оставлять подписи к видео была закрыта, в остальных случаях техническим службам удаётся справляться с вопросами обеспечения безопасного и непрерывного вещания в соцсетях. Таким образом, за пять лет коммуникационной работы в сфере социальных медиа МИДу РФ удалось создать стройную структуру коммуникаций, в дальнейшем требуется разработать более гибкую систему наполнения контента и ответа на внешние информационные вызовы.

Литература:

1. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, 29.01 2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2039123?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU#12 (Дата обращения: 26.03.2016).

[11] Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, 29.01 2016. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2039123?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU#12 (Дата обращения: 26.03.2016).

[12] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел РФ видеохостинга Ютуб // http://www.youtube.com/user/midrftube (Дата обращения: 26.03.2016).

2. Совещание послов и постоянных представителей России. Владимир Путин выступил на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации. Тема заседания – «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». 9.07.2012 // http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902 (Дата обращения: 26.03.2016).
3. Панченко П. Как МИД РФ использует социальные сети в информационной войне. RB.Ru. 25.09.2014 // http://www.rb.ru/article/kak-mid-rf-ispolzuet-sotsialnye-seti-v-informatsionnoy-voyne/7387277.html (Дата обращения: 26.03.2016).
4. Официальный сайт МИД РФ//http://www.mid.ru/ru/
5. Официальный Твиттер-аккаунт Министерства иностранных дел РФ на русском языке @MID_RF//https://twitter.com/MID_RF;
6. Официальный Твиттер-аккаунт Министерства иностранных дел РФ на английском языке @MFA_Russia//https://twitter.com/MFA_Russia
7. Официальный аккаунт Министерства иностранных дел РФ видеохостинга Ютуб // http://www.youtube.com/user/midrftube
8. Официальный аккаунт Министерства иностранных дел РФ социальной сети Фейсбук // https://www.facebook.com/MIDRussia/timeline
9. Персональный аккаунт официального представителя МИД РФ Марии Зараховой //https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?fref=photo
10. РИА Новости: Захарова: мои записи в соцсетях – это не официальные заявления МИД РФ 22.08.2015 //http://ria.ru/society/20150822/1201091961.html#ixzz440TUF2re/ (Дата обращения: 26.03.2016).
11. Manor I. Imagining Digital Diplomacy as Social Networks //http://digdipblog.com/imagining-digital-diplomacy-as-social-networks/ (Дата обращения: 26.03.2016).
12. Manor I. The State of Russian Digital Diplomacy06.09.2015 // http://digdipblog.com/2015/09/06/the-state-of-russian-digital-diplomacy/ (Дата обращения: 26.03.2016).
13. Manor I. The State of Russian Digital Diplomacy-Part 2 10.09.2015 //http://digdipblog.com/2015/09/10/the-state-of-russian-digital-diplomacy-part-2/ (Дата обращения: 26.03.2016).
14. Manor I. The State of Russian Digital Diplomacy-Part 3. 20.09.2015 // http://digdipblog.com/2015/09/20/the-state-of-russian-digital-diplomacy-part-3/ (Дата обращения: 26.03.2016).
15. Russians demand revenge after Sinai plane bombing is confirmed // BBC 17.11.2015 // http://www.bbc.com/news/blogs-trending-34846376 (Дата обращения: 14.05.2016).

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОХАНТИ Арун, КАПУР Ниведита
РОСТ НЕТРАДИЦИОННЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ:
СЛУЧАЙ РОССИИ (ВЗГЛЯД ИНДИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ) 3
Владимир Иванович АНИКИН
К РЕФОРМЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИИ (САНКЦИИ, ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЛОГИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ) 22
Дарья Юрьевна БАЗАРКИНА
КОММУНИКАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 47
Екатерина Владимировна БОНДАРЕНКО
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕВРОРЕГИОНА С УЧАСТИЕМ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 57
Илья Станиславович БРОНСКИЙ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМИ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 67
Ричард ВЕЙС, Сергей Сергеевич КОСТЯЕВ
СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ США И РФ ПО ВОПРОСУ
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ПРИОРИТЕТЫ И ПРОБЛЕМЫ 77
Анна Григорьевна ВИНОГРАДОВА
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ В НЕКОТОРЫХ УКРАИНСКИХ СМИ
В ПЕРИОД ЕВРОМАЙДАНА 2013-2014 ГГ. 83
Владимир Иванович ВИНОКУРОВ
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАК СЛЕДСТВИЕ СИРИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО КРИЗИСОВ 95
Дмитрий Александрович ДАНИЛОВ
АРКТИКА: ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 102
ЖЕМУХОВА Мадина Алимовна
АСПЕКТЫ ОФШОРНОГО БИЗНЕСА – «БЕГСТВО» В ОФШОРЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С РЕЙДЕРСКИМИ ЗАХВАТАМИ
(конкретные примеры использования механизма BEPS на практике) 113
Александр Владимирович ЖИДЧЕНКО
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ 123
Дарья Александровна ЗВЯГИНА
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ 130
Олег Петрович ИВАНОВ
РОССИЯ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ КОНФЛИКТНОСТИ 138
Юлия Сергеевна ИЛЬИНА
КИБЕРАТАКИ КАК СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ ГРУЗИИ, УКРАИНЫ И СИРИИ 146
Лев Николаевич КЛЕПАЦКИЙ
О ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 153
Елена Михайловна КНЯЗЕВА
ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЕРРОРИСТАМИ 160
Марина Алексеевна КУКАРЦЕВА
ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ 168
Екатерина Олеговна ЛАБЕЦКАЯ
ТРАНСАРКТИКА. НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЕВРАЗИИ 177
Ли ШУАН
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 184

Петер ЛИНКЕ
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА АФГАНСКОЙ КАМПАНИИ
И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ В МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В США 191
Анастасия Александровна ЛОМОВА
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КИТАЯ В АФРИКЕ НА ПРИМЕРЕ ЮАР 198
Негош МАНОЙЛОВИЧ
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ - СЕРБСКИЙ ВЗГЛЯД..... 206
Анна Николаевна МАРИНОВИЧ
ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА 214
Евгений Михайлович МИНИН, Айжан Джанишевна КОЗУЕВА
КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СЕЦЕССИИ 222
Дарья Олеговна МОСОЛОВА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ
И ЮЖНОЙ КОРЕИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ..... 228
Наджиба Ильгар кызы МУСТАФАЕВА
РЕФОРМА ООН КАК ЗАЛОГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ 236
Павел Борисович ПАРШИН
«МЯГКАЯ СИЛА» В ЛАБИРИНТЕ МЕТАФОР
(КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ)..... 245
Евгений Николаевич ПАШЕНЦЕВ
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ 255
Ксения Олеговна ПЕРВУШИНА
ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК ФАКТОР
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА 263
Ирина Александровна ПЕТРОВА
ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПРО НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 270
Мария Федоровна ПЕТРУШЕНКО
ПОТЕНЦИАЛ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ
ЗА ВЛИЯНИЕ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 279
Ирина Львовна ПРОХОРЕНКО
НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ВОЗМОЖНОСТИ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА 285
Дарья Эдуардовна РУДЕНКОВА
РОЛЬ ЕС В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ
УЧАСТИЯ В ПЕРЕГОВОРАХ О ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ
ПАРТНЕРСТВЕ В ТОРГОВЛЕ И ИНВЕСТИЦИЯХ 292
Галина Михайловна СИДОРОВА
ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДР КОНГО КАК УГРОЗА
РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 298
Юрий Владимирович СИНЧУК
РОССИЯ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ 305
Максим Алексеевич СОКОЛОВ
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
НОВАЯ ИБЕРО-АМЕРИКА КАК НЕГАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ 313
Эдуард Геннадьевич СОЛОВЬЕВ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ –СНОВА ПОВОРОТ К РЕАЛИЗМУ?..... 321
Игорь Валерьевич СТАРОДУБ
ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ
КАК ФАКТОР ЕЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 331
Виталий Валерьевич СТЕГАЙЛО
БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНСКОГО СПГ КАК ФАКТОРА ВЛИЯНИЯ
НА ЕВРОПЕЙСКИХ ВЕКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 338

Наталия Владиславовна СТЕПАНОВА
СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В XXI ВЕКЕ 345
Олег Владимирович СТОЛЕТОВ
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» 352
Иван Викторович СУРМА
ВИРТУАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ ЗА РЕАЛЬНОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ КИБЕРДЖИХАДА 361
Павел Петрович ТИМОФЕЕВ
ФРАНЦИЯ В МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКАХ ЕВРОПЫ В 2012-2015 ГОДАХ 376
Михаил Петрович ТОРШИН
ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 382
Константин Анатольевич ФЕОФАНОВ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАПАДНО-РОССИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ 389
Елена Марковна ХАРИТОНОВА
ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ 397
Вячеслав Григорьевич ЦИВАТЫЙ
ГЛОБАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО
МИРА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ XXI ВЕКА (ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ)..... 403
Руслан Насимович ШАНГАРАЕВ
УРОКИ ИСТОРИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ТУРЦИИ 411
Юрий Викторович ШЕВКО, Василий Петрович РОЕНКО
РАЗВИТИЕ МИРОТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ
В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 418
Татьяна Владимировна ЩЕРБАКОВА
КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ОПЫТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РФ 426

Научное издание

УДК: 327.7
ББК: 66.4(2Рос)

Трансформация международных отношений в XXI веке / Отв. ред. М.В. Грановская, О.А. Тимакова – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 436 с.

Рецензенты:
Олег Петрович Иванов, д.п.н., профессор
Марина Алексеевна Кукарцева, д.ф.н., профессор

Ответственные редакторы:
Мария Викторовна Грановская, к.ф.н
Ольга Александровна Тимакова

Корректор:
П.Г. Кабанен

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Адрес: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2, строение 1